ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН

Сергей Тепляков

АЛТАЙ · СУДЬБА · ЭПОХА

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Уважаемый читатель!

Вышла в свет еще одна книга серии «Алтай. Судьба. Эпоха» – о Валерии Сергеевиче Золотухине, нашем великом земляке, актере театра и кино, народном артисте РСФСР.

Ему было отпущено судьбой всего 72 года, но именно о таких, как он, можно говорить: он прожил не один век. И не потому, что он как актер проживал на сцене и на экране судьбы других людей. Валерий Сергеевич успел так много, что удивляешься, как все это вместилось в одну, оказавшуюся, к сожалению, не такой уж длинной, жизнь. Сто ролей в фильмах, больше сорока ролей на сцене, больше двадцати книг прозы и дневников, десятки песен – мы не представляем себя без всего этого, а значит, и без Валерия Сергеевича Золотухина.

В раннем детстве он получил травму, три года пролежал на больничной койке, школьные годы провел на костылях. Люди и при меньших проблемах опускают руки. Но Валерия Сергеевича каждое испытание делало только сильнее.

Он мечтал быть актером, мечтал прославиться – и он прославился. Но, перефразируя слова Е. Евтушенко, в России поэт – больше, чем поэт, а актер – больше, чем актер. В.С. Золотухин вернулся на Алтай через строительство храма, десятилетняя история возрождения которого – пример того, как энергия и вера одного человека увлекают за собой десятки и сотни других людей и материализуются. Вначале была мысль, а теперь есть Храм. Нашего земляка привело к этому чувство сыновнего долга по отношению к малой родине, Быстрому Истоку, и настоящая Вера, которая и давала силы.

Его жизнь – пример молодым. Не бойтесь мечтать, как не боялся этого юный Валерий Золотухин. Он поставил перед собой цель – достичь славы. И сбылось даже больше, чем он мечтал. Но он поставил свою славу и себя самого на службу России, Алтаю, людям – а на это готовы лишь единицы.

Мне посчастливилось быть знакомым с Валерием Сергеевичем. За годы нашего общения он обращался ко мне много раз по огромному числу вопросов, но никогда, даже в самой малости, ничего не просил для себя. Он заботился только о других.

Мы будем осмысливать и осознавать все, что он для нас сделал. Будем смотреть его фильмы, слушать его песни, читать его книги, а теперь еще – эту книгу о нем.

Губернатор Алтайского края
А.Б. Карлин

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Управление Алтайского края
по культуре и архивному делу

АЛТАЙ
СУДЬБА
ЭПОХА

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН

Сергей Тепляков

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ББК 85.334.3(2Рос-Рус)6 16+
Т-345

Книга из серии
«Алтай. Судьба. Эпоха»
подготовлена в рамках
Губернаторского издательского проекта

Тепляков Сергей
Т-345 Валерий Золотухин / Сергей Тепляков; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу; Алт. краев. универс. науч. б-ка им В.Я. Шишкова. – Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2016. – 360 с. – (Алтай. Судьба. Эпоха).

ISBN 978-5-88449-341-4

Предлагаемая читателю книга посвящена жизни советского и российского актера, Народного артиста РСФСР Валерия Сергеевича Золотухина (1941–2013), который сыграл более ста ролей в кино, сорока ролей в театре. Руководил Театром на Таганке, Государственным молодежным театром Алтая.

Валерий Золотухин был человеком, который невероятно любил жизнь и свою малую родину – Алтайский край, село Быстрый Исток.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ББК 85.334.3(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-88449-341-4

© С.А. Тепляков, 2016
© Д.В. Марьин, 2016
© Ю.В. Раменская, 2016
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова», 2016

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

2016 год – год 75-летия известного русского актера, незаурядного писателя, уроженца Алтайского края Валерия Сергеевича Золотухина. Он был одним из тех наших великих земляков, которые внесли неоспоримый существенный вклад в развитие отечественной культуры. Особенно уважаем и любим на Алтае Валерий Золотухин был еще и за то, что, уехав однажды в столицу и добившись там признания и славы, он всегда поддерживал связь со своей малой родиной, а в последние 15 лет жизни многое сделал для Алтайского края: был художественным руководителем Молодежного театра Алтая и мастером курса в Алтайском государственном институте культуры, построил в родном селе православный храм, активно занимался общественной деятельностью.

Грани золотухинского таланта разнообразны. Как актер он хорошо известен публике. Его кинороли были яркими, запоминающимися, а такие, как красноармеец Трофимов («Пакет», 1965), участковый Серёжкин («Хозяин тайги», 1968), Бумбараш («Бумбараш», 1971), Моцарт («Маленькие трагедии», 1979) стали культовыми. Певческий дар актера Золотухина принес ему не меньшую славу: «Разговор со счастьем» (х/ф «Иван Васильевич меняет профессию», 1973), «Песня Остапа Бендера» (х/ф «12 стульев», 1971), «Ходят кони» (х/ф «Бумбараш», 1971), «Барыня-речка» (х/ф «Инженер Прончатов», 1972) – эти песни знает и любит вся страна. Ну а «народная» песня «Ой, мороз, мороз...» до ее исполнения Золотухиным в фильме «Хозяин тайги», как это ни странно сейчас звучит, была еще мало кому известна и благодаря голосу актера, его мастерству, вдохновению, шагнула в народ прямо с экранов кинозалов. В памяти знатоков и ценителей театра навсегда остались Водонос Вонг («Добрый человек из Сезуана»), Маленький монах («Жизнь Галилея»), Федор Кузькин («Живой»), Альцест («Мизантроп»), Григорий Отрепьев («Борис Годунов»), император Павел («Павел I») и другие роли В. Золотухина в спектаклях, поставленных выдающимися режиссерами Ю. Любимовым, А. Эфросом, Л. Хейфецем на сцене ведущих театров страны. При этом Золотухин-актер не боялся переступать грань академизма. Он постоянно был готов к эксперименту, поиску нового.

Немало сделал В. Золотухин и как писатель. В 1973 г. в журнале «Советский экран» напечатан его первый рассказ «Пой, Вовка...» – отрывок из повести «На Исток-речушку, к детству моему», целиком опубликованной в этом же

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

году журналом «Юность». В 1978 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел первый сборник прозы В. Золотухина, получивший премию издательства как лучшая в 1978 году книга молодого писателя. В успехе первого сборника Золотухина известный критик Юрий Щеглов увидел залог «будущего писательского развития Валерия Золотухина, издавшего сейчас первую книгу и, очевидно, крепко связавшего свою судьбу с литературой». Писатель, главный редактор журнала «Москва» Михаил Алексеев в своей рецензии на сборник заметил: «Валерий Золотухин – литератор и, кажется, всерьез и надолго». Подобная оценка была знаковой: именно М. Алексеев стал автором одной из первых рецензий на дебютный сборник В.М. Шукшина «Сельские жители», оказав этим поддержку начинающему писателю и будущему классику русской литературы. В.С. Золотухин был членом СП Москвы, членом редакционного совета журнала «Юность». Важно и то, что на протяжении 40-летней писательской деятельности Золотухин участвовал в литературном процессе на Алтае. В 1980-е его произведения печатались в журнале «Алтай», а в 1981 г. в «Алтайском книжном издательстве» вышел сборник прозы писателя. В юбилейном для Золотухина 2011 году журнал «Барнаул литературный» опубликовал его рассказ. Тогда же в рамках реализации проектов научно-консультативного совета по издательской политике при Губернаторе Алтайского края увидело свет первое собрание сочинений В.С. Золотухина в двух томах.

Перед вами, уважаемые читатели, первая литературная биография Валерия Сергеевича Золотухина. Первая попытка объять и представить в целостном виде в слове жизненный путь и творческую деятельность великого русского артиста и писателя. Это был сложный, противоречивый человек, ставивший перед собой и перед коллегами по цеху только высокие цели. Золотухин всегда стремился досконально, часто до натурализма, разобраться в себе и других, увидеть дно человеческой души. Его дневники, где зафиксированы все значительные моменты жизни, местами кажутся предельно откровенными, и, может быть, даже циничными. Увидеть за пеленой авторефлексии конкретные факты биографии и объективную оценку событий эпохи – задача непростая. Надеюсь, что автор данной книги смог сделать это!

Дмитрий Марьин

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ДОМ

Глава первая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1.

«Почему заходится сердце, когда я вспоминаю, как стоял я около родительского забора, около моих тополей, которые вымахали за эти почти сорок лет под небеса?» Валерий Золотухин записал это о своей родине, о селе Быстрый Исток.

Алтайский край – край земли, а Быстрый Исток в этом краю еще найти надо. От Бийска до села два часа на машине. В те времена, когда Валерий родился тут и рос, о машинах никто и не думал, до 60-х годов здесь не было дорог, в Барнаул добирались по реке, и Валерий Золотухин по реке отправился из села в свою большую новую жизнь.

Исток – это речка. Она начинается с озер и километров через двадцать впадает в Обь. Так что главная река для села – Обь, но называется село Быстрый Исток.

В былые годы жизнь на реке кипела. Быстрый Исток был большим портом с пассажирской и грузовой пристанями. Сюда рекой доставляли уголь для предгорных районов (Чарышский, Краснощековский, Солонешенский, Петропавловский), по улицам ходили речники в клешах, шутили, что «в СССР только три портовых города – Москва, Владивосток и Быстрый Исток!»

В Барнаул ходили два пассажирских парохода – БТ-62, в котором были каюты, и «Зюйд», пассажиры которого устраивались на палубе. (Золотухин пишет, что «Зюйд» приходил раз в неделю). 200 километров по реке они преодолевали за 12 часов – идти-то против течения. Именно на «Зюйде» Золотухин покинул село.

Из Барнаула пароход приходил в полночь. По выходным молодежь с танцев шла на пристань – себя показать, других посмотреть. В селах, где есть вокзал или пристань, прибытие поезда или парохода – отдельное событие, волнующее, необыкновенное. Ты смотришь на мир, и мир чужими глазами смотрит на тебя. В час ночи пароход, весь в огнях, с гудками и пыхтением отчаливал и уходил в Барнаул. Валерий Сергеевич рассказывал в одном из интервью о том впечатлении, которое производили на деревенских эти пароходы:

– Один, трехпалубный, я помню, назывался «Дрокин». Кто такой Дрокин, даже и сейчас не знаю. Но когда он проходил мимо, на нем играл джаз, буфет был, барышни городские. И вся ребятня сбегалась на берег...

(Елисей Петрович Дрокин – помощник механика на пароходе «Михаил» в барнаульском Затоне, потом – большевик, расстрелянный белыми летом 1918

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

года. Пароход «Е. Дрокин» – это тот самый БТ-26, ходивший по Оби до 60-х годов. Однако он имел две палубы, а то, что Золотухин помнил его трехпалубным, видимо, аберрация детской памяти).

От «портового города» в Быстром Истоке сейчас не осталось почти ничего. На месте речного вокзала, который казался огромным, – двухквартирный дом. На месте речной конторы – березки. Где была пристань, с которой уходили колесные пароходы до Барнаула, там теперь заросли – река ушла.

В 50-е на месте болота в центре села устроили сельский сад, он же парк отдыха, где на сваях соорудили танцплощадку, тут же получившую название «паром». Танцевали под гармошку вальс, танго, фокстрот. Танцевали, несмотря на донимавшее деревенское комарье. По обычаю девушки уходили с танцев первыми – вроде бы каждая сама по себе. «Так условилось, так сложилось само собой. Не ждут девки никого, разбредаются по сторонам. И тут уж варежку не разевай, догоняй свою, а то ведь и перехватить могут», – вспоминал Золотухин [4]. На месте танцплощадки сейчас мемориал погибшим в войне.

В годы юности Золотухина, наплясавшись на «пароме», шли «на са-шу» – это был быстроистокский Бродвей, мостовая, забитые в землю в 1920-х годах обтесанные дикие камни, которые телегами возили с гор. Произносить надо так, будто обе гласных – ударные: «сА-шА». Никто уже не помнит, откуда это слово, местные полагают только, что это покореженное от «шоссе». Кусок «сА-шИ» еще сохранился в селе на улице Красноармейской, недалеко от того дома, где жила семья Золотухиных после его возвращения из туберкулезного санатория в Чемале. Но без знатоков-старожилов вам «сА-шУ» не найти – просто не разглядеть в траве.

Уличного освещения, понятно, не было. Пацаны зимой ходили с «фонариками» из кружки или банки со вставленной свечой или фитильком. От ветра этот «фонарик» прятали в рукав, это был риск – можно было прожечь рукав и получить от родителей за порчу имущества.

2.

Золотухины – не коренные жители Быстрого Истока. Во Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года Золотухины не отмечены.

Отец, Сергей Илларионович Золотухин (1906-1987), родом из села Соловьиха нынешнего Петропавловского района. Мать, Матрена Федосеевна, в девичестве Шелепова

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

(1909-2002), из села Лютаево Солонешенского района. Где и как встретились Матрена Федосеевна и Сергей Илларионович, неизвестно, и даже в дневниках Валерия Золотухина нет отголосков этого. Однако встретились. У обоих к моменту встречи уже была биография: для Сергея Илларионовича это был уже третий брак, для Матрены Федосеевны – второй. У него от первого брака была дочь Катерина, от второго – сын Иван. У нее – дочь Тоня. Вместе они родили Владимира и Валерия. Так в семье стало пятеро детей.

– Отец ко второй жене привел дочку от первой жены, с той родил сына и к третьей жене (моей матери) привел дочь и сына. А у моей мамы от первого брака была дочь, а в общем браке нас стало пятеро. И это даже не обсуждалось. Отец был Хозяин. Они жили в деревне. Дети посещали своих матерей, но возвращались в отцовский дом. И не дай бог, если он заметит, что мама давала кому-то больше предпочтений. Мы все были родные и очень любили маму... – вспоминал Валерий Сергеевич [36].

Позже Валерий Сергеевич узнал, что у матери еще были дети – Нина и Лёня, умершие, видимо, совсем маленькими. Сама мать никогда ему о них не рассказывала.

Нетрудно заметить, что с детьми Валерий Сергеевич пошел по отцовской тропе, только под одной крышей не собрал. Да и то, как посмотреть, – заботой и вниманием были охвачены все, это и было его, Золотухина, понимание семьи.

«Отец совсем другой, чем мать. По всему другой, как плюс и минус, как раскаленная каменка и холодный ковш. Мать отцу едва до подмышки доставала, а он головой только в своей избе матку не задевал. Доху из двенадцати собак на себе таскал. Ее, разъязви ее, мать с крючка на крючок перевесить не могла. В одном сходились – петь любили, гулять им – хлебом не корми!» – написал Валерий Сергеевич о своих родителях в повести «Дребезги».

Брат Владимир в документальном фильме Сергея Кузнецова «Истоки» (2011) вспоминал:

– Мать пела хорошо, а отец вообще! Голосяка был – как у Шаляпина почти. Старинные пели песни. Мать звонким голосом, а отец таким, рабоче-крестьянским...

Песня была так важна для тех людей, что Сергей Илларионович говорил: «Если кто скажет, что я плохой председатель, я прощу ему, но если кто скажет, что я плохо пою...»

Жили они на улице Больничной (нынче – Героя Советского Союза Савельева), занимая часть казенного дома. Напротив, словно предсказывая Золотухину судьбу, была

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

амбулатория. Рядом – избушка, которую Золотухин-отец срубил, возвратясь с войны, – хоть и коллективизатор, а хотелось, видать, своего угла. Нынче вид у избушки, как у обросшего мохом пенька. В ней никто не живет, и даже как сарай ее вряд ли используют.

В 1939 году в Быстром Истоке разломали Покровский храм. Одни говорят, что Сергей Илларионович в этом деле принимал участие и чуть ли не руководил им. Другие – что он приехал позже. Во всяком случае, это событие осталось зарубкой как для села в целом, так и для семьи Золотухиных в отдельности. Из бревен храма построили сельский клуб.

Валерий Сергеевич Золотухин родился 21 июня 1941 года. Завтра была война, и в одном из интервью он сказал, что молоко матери было горьким от слез и переживаний. Золотухин говорил такие вещи так, что ты веришь им, и только потом спохватываешься – да откуда бы ему помнить вкус материнского молока?!

Тем не менее на всякий случай я однажды спросил его про это горькое молоко.

– Когда внесли меня на первое кормление, нянечка уже знала, что война. Рев, слезы. Мать берет кормить – плачет. Но насчет горького молока – это уже актерское доигрывание, домысливание... – ответил Золотухин [23].

Отец долго не считал Валерия своим – думал, прижила его от кого-нибудь Матрена Федосеевна.

– Их призвали на сборы, потом на войну. Мать не знала, куда ему писать. Он сам редко писал и в войну, и после. В первый раз он увидел меня, когда мне было два с половиной года. Приезжает – а у него сын! – рассказывал Валерий Сергеевич [35].

«Это что за пи...ныш?!» – такие слова будто бы сказал Сергей Илларионович, впервые увидев Валерия в 1943 году, когда приехал домой в недолгий отпуск после госпиталя.

– Он упрекал мать, что я не его сын, а мать упрекала его, что он пришел с войны на год позже. У него были дни, когда он выпивал и начинал петь одну песню: «На зеленом ковре мы сидели, целовала Наташа меня». Это пение было такое... Зверь, который вспоминал какую-то свою... А мать заводилась: «Где это ты сидел, что за Наташа?!» А поскольку он очень любил ссыльных молдаван и молдаванок... – на этом месте лицо Золотухина делалось хитрым. – И слово «Румыния» я тоже запомнил... Мать говорила: «Ты где год ходил, с какими румынками воевал?!» А он отбивался: «Когда отпустили, тогда и пришел»...

Только в 80-е годы отец сказал Валерию:

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– Мой ты сын, мой...

Сорок лет носить в себе сомнение, тяготиться самому, тяготить других – такой вот характер.

Шесть ранений принес он с войны и тяжесть знаний, которых никому не хотел открывать.

– Он все держал в себе. Про войну не рассказывал. Одну фразу помню: «Днепр брали – вода вышла из берегов». Столько было мертвецов... Он сидел и плакал... – говорил об отце Валерий Золотухин [35].

Он был коммунист, партработник, советский начальник, председатель колхоза. Из тех, кто по приказу партии готов горы сдвигать, не спрашивая, зачем и кому это нужно. Ломать и строить, убивать и предавать – что партия скажет, то и сделают.

Когда НКВД забрал дядю Матрены Федосеевны, Сергей Илларионович развелся с женой, которая тогда была беременна Владимиром. И много лет попрекал он жену тем, что семья ее была зажиточная, из тех, кто по меркам тех лет считался «подкулачниками».

– Отец иногда подначивал мать: «Подкулачница». Но она была не из кулаков, а из зажиточных – у родни по ее линии были лошади, коровы. А отец был из бедноты, его в детстве отдавали в батраки. Поэтому отец на войне был политруком. А что такое политрук, когда после приказа Сталина он имел право расстреливать на месте?! А характер был такой, что мог... – рассказывал Валерий Сергеевич [35].

«В первой моей повестушке есть немудреные слова, горделивые, хвастливые слова о моем отце. “Врасплох он и кулаков застигал. Мать рассказывала: иные в обморок падали, когда входил он. Так сказать, от одного взгляда его кулачье опрокидывалось, а ему и двадцати не было тогда”. Проходясь по рукописи, один из редакторов, В.И. Воронов, сказал мне: “Уберите это... Когда-нибудь вам будет стыдно за эти слова, вы будете пытаться уничтожить, вычеркнуть их, но будет поздно”. И вот теперь мне стыдно. Нет – больно. Мне отца моего жалко, жизнь ему, душу ему и миллионам ларионычей проклятая революция изгадила, породила семя дьявольское... И мы – плод! И получилась вещь страшная – не он врагов народа разоблачал, а именно сам врагом этого народа становился и установился. Вот трагедия. И гордиться ли мне таким отцом? И что он сам думал в потемках души своей, когда читал эти строки? Ах ты, батюшки-светы!» – так размышлял об отце Валерий Золотухин [5].

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Строчки про падающих в обморок кулаков – из первой повести Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему». Повесть эта – воспоминание о реальном случае: о том, как поехали Золотухины – отец, мать, Валерий (в повести Владимир) и Иван за смородиной, чуть не утопли в болотине, но потом пробрались все же к смородиновым местам.

«На моей крови деньги зарабатываешь», – сказал Валерию отец об этой повести. Такое не скажешь ни про лошадей, ни про описанную в повести баню, ни про то, как отец выталкивал из трясины возок вместе с колхозным жеребцом Гоголем. Такое можно сказать только о воспоминании про «кулачье», которое «от одного взгляда опрокидывалось». Да и то – только если жжет это воспоминание, царапает душу, не дает покоя.

«Я думаю с ужасной тоской: что же за жизнь прожил мой отец, в каком страхе, в какой слепоте, в каком трагическом заблуждении. И сколько жертв на его счету, как он тщательно все скрывал, даже пьяный ни в чем таком партийном не проговорился, а мать и родню шелеповскую называл подкулачниками. Верил ли он сам в это? Верил, почему нет?!» – записал Валерий Сергеевич в своем дневнике 4 апреля 1988 года [5].

«Самые дорогие воспоминания об отце, когда я видел на его глазах слезы» [5]. Как-то раз, уже в Междуреченске, отец увидел, как о сыне рассказывают в программе «Кинопанорама», услышал песни из «Бумбараша» и заплакал. «Я тогда понимал, чувствовал, что есть человеческая душа и сердце у моего неприступного, не пускающего в свои тайны отца. Когда он плакал, я видел в нем человека. Я видел в нем родителя» [5].

Валерий Сергеевич рассказывал, что посреди колхозных полей росла береза, которую отец почему-то запрещал рубить, и при вспашке полей трактора объезжали ее кругом. Что видел Сергей Илларионович в этой березе? Почему ему, поломавшему столько судеб, было жаль это дерево?«Что у него было на сердце? Что он вспоминал, о чем жалел, была ли кровь на его руках (а ее не могло не быть по тем временам), были ли загубленные семьи крестьянские, к которым он имел непосредственное, рукоприкладное отношение?» Пытаясь понять это, Золотухин наверняка не только отца пытался разгадать, но и целые поколения и народы, с поразительной легкостью в XX веке переходившие к варварству и дикости.

«Слава богу, отец до гласности не дожил, хотя, мне сдается, последние 10-15 лет он что-то стал понимать и в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

чем-то серьезно подозревать свою жизнь», – пишет Валерий Сергеевич в письме Фомину от 8 апреля 1988 года [10].

Валерий видел, что он совсем другой, чем отец и братья. Этому должно было быть объяснение. Сам Золотухин считал, что в нем сильнее сказалась сторона матери.

Денис, сын Валерия Сергеевича, рассказывал мне:

– В каких-то таких беседах, как бы сказать... сотаинических, интимных, батя говорил, что вообще мы по характеру не Золотухины, не в деда, мы Шелеповы – в мать его. И не только лицом, но и характером Шелеповы. Мне понятно, что такое Шелеповы. Если Золотухины – это что-то такое кряжистое, суровое, то Шелеповы – это больше терпеливое.

Сам Золотухин рассказывал об этом так:

– Мама моя говорила: «Ты характером в деда Федосея Харитоновича». Один из эпизодов: когда в их деревне умер татарин, его некому было похоронить, потому что он был иноверец. Кержаки отказывались, чтобы не оскверниться. А дед пошел в дом, снял с печи татарина, обмыл, завернул в простынь, сколотил гроб и похоронил. И все село смотрело, как он хоронит татарина. Эту историю без слез слушать невозможно было. Этот факт меня сильно потряс. Еще мама рассказывала: пришел кум к деду и плюнул ему в лицо. Дед утерся, и через несколько дней этот кум буквально приполз, просил прощения. А дед сказал: «Бог простит...» (д/ф «Истоки», 2011 г.).

Делать то, что не могут делать другие, – вот в чем был урок деда Федосея Харитоновича. Быть верным Человеку в себе. Не то чтобы Валерий Золотухин высек это на скрижалях и везде бы это говорил – нет. Но он прожил жизнь именно так – явно следуя только ему одному известному курсу, выворачивая на него после разных штормов и бурь.

Интересно, что свою повесть «Дребезги» Золотухин предлагал издательствам под фамилией Шелепов. Возможно, ему хотелось чистоты эксперимента (к тому времени он был уже известным актером). Но возможно, этим он подчеркивал, что автором является его другое «Я» – глубинное, сокровенное.

Повесть не брали.Главный герой оставшегося неоконченным романа «21-й километр», откровенного до порнографической грани, носит фамилию Шелепов – возможно, так Золотухин мог простить себе эту откровенность.Как Шелепов Валерий Сергеевич был себе интереснее и понятнее. Шелеповское начало многое ему в себе объясняло, а объясненное становилось приемлемым.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Всем я обязан матери своей Матрене Федосеевне», – признавался он самому себе в дневнике 29 января 1989 года [5].

Мать вспоминала, что маленький Валерий постоянно требовал молока. Когда достать молока не удавалось, мать давала ему «пустую титьку». «Если я была на работе или занята народом, тетка Васса совала тебе свою. А когда тетки не было, первая баба, что догадывалась... Может, свои фокусы ты не только от меня всосал, от разных баб, может...» [1]. Один из самых известных фактов о Золотухине – как в войну мать, уходя на работу, привязывала его за ногу к крыльцу, а он пел на всю улицу Больничную, и за песню ему давали кто хлебца, кто молочка. Так он понял, что это может кормить, так в него было заложено «желание актерства». Мальчишка четырех лет, привязанный за ногу к крыльцу, кричал свои песни, чтобы докричаться до людей... Но, может, так хотел привлечь внимание кого-то неизмеримо более могущественного? И ведь докричался...

3.

Уже после того, как отец пришел с фронта, Валерия и Ивана отдали в детский сад.

«А в детсаде какой присмотр? Так себе... До сих пор проклинаю себя, что отдала... Загляделся ты со второго этажа на дождь и хряпнулся... А чего там? Перила-то гнилые были. Ребятишки как высунулись струйки гладить, так и столкнули тебя с ними...» [10].

Мать всю жизнь проклинала себя за то, что отдала Валерия в детский сад, а без этого, наверное, и не было бы того Валерия Золотухина, которого весной 2013 года хоронила вся Россия.

При падении Валерий расшиб коленку на левой ноге. Поначалу никто на это внимания не обратил – кто из мальчишек не расшибает себе коленок? На то и мальчишки, на то и коленки. Однако колено не заживало. Наоборот – чем дальше, тем сильнее болело. Мальчишку водили к бабкам-знахаркам, те пытались заговорить болячку, парили ее, обвязывали ниточками и веревочками, но не помогало – скоро Валерий уже не мог играть вместе с остальной детворой.

Его отвезли в Барнаул, но там врач, осмотрев ногу, сказал, что нет нужных для гипсования бинтов, и посоветовал смазывать колено ихтиоловой мазью – препаратом в этом случае бесполезным. Спустя время Валерия, у которого колено распухло уже до размеров капустного кочана, снова повезли в Барнаул. Врач, уже другой, признал, что в ноге

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

развился костный туберкулез, и сказал, что мальчику необходим санаторий.

Золотухин рассказывал, что мать упросила отца, и тот потащил сына «на закукорках» из кабинета в кабинет, тыча партбилетом, медалями и орденами. Так дошел в конце концов до кабинета первого секретаря крайкома партии Николая Беляева.

«Сын болеет, нужно его как-то лечить...» – сказал Золотухин-старший Беляеву. Валерию выписали направление в детский костно-туберкулезный санаторий в селе Чемал Горно-Алтайской автономной области.

Николай Ильич Беляев, большой партийный работник, работал на Алтае до июля 1955 года, а спустя время стал первым секретарем ЦК КПСС Казахстана. С этого поста его, воспользовавшись восстанием рабочих на комсомольской стройке в Темиртау, сверг в 1960 году Брежнев, будущий Генсек ЦК КПСС. Беляев умер 28 октября 1966 года. Первый фильм с участием Валерия Золотухина «Пакет» вышел на экраны в ноябре 1965-го, так что Беляев мог его видеть, но видел ли и понял ли, что в главной роли – когда-то спасенный им мальчишка, уже не узнать.

В Чемал Валерия Золотухина привезли в 1948 году.

Особенность основанного в 1842 году села Чемал – в собственном микроклимате. Уникальность этого места в 1924 году разглядела Екатерина Калинина (Лорберг), жена «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина. Сбежавшая то ли от мужа с его любовью к балеринам, то ли из Кремля с его жизнью, Екатерина Ивановна организовала в Чемале курорт.

В Чемале в 30-е годы построили Дом отдыха Союза учителей, Дом отдыха для сотрудников ВЦИК, преобразованный потом в горно-климатический санаторий «Чемал». Приезжали знаменитости того времени, в том числе Борис Бабочкин, исполнитель роли Чапаева в одноименном фильме. Сейчас и роль, и актера, и фильм назвали бы культовыми.

В 1946 году в Чемале снимали советскую экранизацию повести Джека Лондона «Белый Клык»: сын одного из врачей санатория Слава Надеждин играл молодого индейца, а старого индейца играл повар из третьего корпуса.

Когда в 1948 году в санаторий привезли семилетнего Валеру Золотухина, здесь в палатах еще оставались дети, пациенты Ленинградского института хирургического туберкулеза, спасенные в 1942 году из блокадного Ленинграда через «Дорогу жизни».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В 2005 году, почти 60 лет спустя, Валерий Сергеевич, задумав фильм «Дорога памяти нашей», отыщет двоих из них – Михаила Владимировича Рубинштейна и Нину Матвеевну Блауштейн. Тогда же он снова побывает в Чемале, в своем корпусе, встретит одну из работавших при нем нянечек, вспомнит веранду, на которую их выкатывали дышать свежим горным воздухом.

– Веранду-то я очень хорошо помню. Нас весной, летом выкатывали на веранду... – говорит Золотухин в фильме.

В документах он увидел свою фамилию в числе выписанных пациентов: «1951 год, Чайкина, Прохода, Золотухин – выбыл». Он заметил, что для медицинских карточек использовали отчетные доклады XVIII съезда ВКП(б), и засмеялся.

– Могли и посадить за такое...

В фильме Валерий Сергеевич рассказывает про себя мало. Кажется, что может помнить ребенок семи лет? Однако у Золотухина есть рассказ «Земляки», из которого видно, что память сохранила многое – факты, лица и даже запахи подснежников и багульника, которые весной приносили с гор учителя. «Мы все были привязаны фиксаторами, из нас никто не ходил (ходячих быстро выписывали), но мы были пионерами, давали клятву, и нам повязывали красные галстуки и устраивали пионерские сборы и даже костры, стаскав пионерию из разных палат в одну дружинную кучу... И были у нас хулиганы, свои Мишки Квакины, да и все, поддавшись, безобразничали подчас не в меру: ловили мышей на ниточные петли, развязав друг другу фиксаторы, сушили сухари, запрятывали в матрацы, подвешивали в мешочках часть еды под кроватями, готовясь к предстоящим побегам, разведав перед тем, в какой уборной хранятся костыли» [6].

Костный туберкулез в то время – почти приговор, если не к смерти, то к пожизненной неподвижности. С таким приговором человек взрослеет быстро.

«Думать-то прикованному к постели бо-о-ольшой досуг!..» – сказал однажды Золотухин. Мать приезжала два раза в год – чаще не позволяло хозяйство, да и добраться из Быстрого Истока до Чемала тогда была целая эпопея. В промежутках, по полгода, он думал про отца и мать, пытался представить, как они живут без него, и даже – как они жили, когда его не было. Воображал их маленькими, такими же, как он сам, и даже пытался представить их родителей, своих дедов, которых не знал. «По ночам горит в печи огонь, тени пляшут, мы спим и смотрим за тенями – вели-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

кое наслаждение смотреть за живыми картинками, когда привязан годами к койке...» Это уже философия, умение цедить этот мир, словно молоко из пустой титьки, извлекая многое из того ничтожно малого, что доступно тебе. Это умение другие начнут постигать, может, лет через двадцать, а многие не постигнут никогда.

«Я успел понять, что надо торопиться», – это Валерий Золотухин о трех годах, проведенных в Чемале. Он за это время успел окончить три класса (мать уговорила, чтобы его приняли в первый класс с семи лет, хотя в санатории принимали с восьми), вступил в пионеры прямо в первом классе, потому что отряду был нужен запевала.

Валерий запомнил имя своего врача – Антонины Яковлевны Сайковой, первой учительницы Марии Трофимовны Устюговой и слепого баяниста Иосифа Петровича Завьялова [10]. Из своих товарищей по несчастью он помнил Илюшку Шерлогаева, с которым они потом, после выписки, даже переписывались, но после мать сожгла письма (Золотухин объяснял это ее желанием забыть о тяжелом времени).

«Мы взрослели раньше обыкновенных мальчишек, которые, ни о чем не подозревая, гоняли под окнами в футбол и взрывали наше спокойствие», – признавал Валерий Золотухин [10].

В санатории он прочитал «Певцов» – небольшой рассказ из «Записок охотника» И.С. Тургенева про певческое соревнование Яшки Турка с неким рядчиком из Жиздры: «Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебаньем, за вторым – третий, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная песня. “Не одна во поле дороженька пролегала”, – пел он, и всем нам сладко становилось и жутко»...

Через много лет он будет в кино Яшкой Турком и споет эту самую песню «Не одна ты во поле дороженька» так, что запись прервут из-за слез, одолевших режиссера. Пока же несчастный обездвиженный мальчик, вдохновленный Тургеневым, затеял «певческое состязание» с соседом по

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

палате: оба стали драть глотки, кто громче. В наказание «певцов» перетащили на половину девчонок.

Он рассказывал, что под гипсом нога начала гнить и ужасно чесалась – он пытался почесать зудящее место ручками, карандашами, засовывая их под гипс, и, в конце концов, проткнул нагноение, гной вытек. Чтобы промыть рану, Золотухину сняли гипс. «Так я сам себя спас, иначе лишился бы ноги, она бы высохла», – говорил Золотухин [49].

Дух его мужал, но тело умирало. Считается, что у человеческой неподвижности есть точка невозврата, после которой атрофировавшимся мускулам уже не вернуть силы. Валерий Сергеевич рассказывал мне, как в десять лет учился заново ходить:

– Я три года в детстве лежал привязанный в костно-туберкулезном санатории в Чемале. Никто не понимает, что такое – в возрасте от семи до десяти лет – вот так лежать. Человек пролежит два месяца – и сам встать уже не сможет. А я лежал три года. Потом меня подняли на две минуты. И положили. На следующий день подняли на две с половиной минуты – и опять положили. Потом – на три минуты. И вот так неделю меня «ставили». Потом подбили ботинок деревяшкой, дали костыли, привязали с двух боков полотенцами, нянечки держали меня, и я делал на костылях первый шаг... Второй... Третий... Голова кружится. И так я ходил. Когда я стал самостоятельно ходить на костылях 45 минут, меня выписали... [35].

4.

Наверное, к возвращению домой относится вот эта запись о матери: «Я вижу тебя почему-то накрывшуюся хозяйственной сумкой в кузове полуторки. Ты не садишься в кабину, чтобы шофер не отвлекался на красу твою и не загремели вы оба в Катунь-реку. И ты мокнешь, и хлещет тебя бесконечный дождь. Но глубже Катунь стала от слез твоих».

Мать везла домой сына-калеку – как ей было не плакать? Одна нога у сына была короче другой. Врачи обещали, что она вытянется, и говорили, что в семнадцать лет сын сможет оставить костыли, но кто знает, что и как будет на самом деле?

А Валерий и не думал оплакивать себя. Когда из Бийска до Быстрого Истока они с матерью плыли на пароходе «Зюйд» (том самом, который годы спустя унесет его к новой жизни), мальчик заметил в буфете мужика, жующего селедку. И так ему захотелось этой селедки! Валерий запел:

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Вижу чудное приволье, вижу реки и поля! Это русское раздолье, это родина моя!» Всех проняло, в том числе и мужика с селедкой: он подозвал Матрену Федосеевну и отдал ей селедочный хвост для певца. Но девятилетний мальчишка выбросил этот хвост в воду.

Дома по случаю возвращения сына отец налил всем красного вина. Налили и Валерию, и тот, привычный к горьким лекарствам, лихо махнул этот стакан. Старшая сестра Антонина сказала на это: «Ну, Валерка, быть тебе либо великим артистом, либо великим пьяницей!..»

Но кто сказал, что это нельзя совмещать?

Он встал с больничной койки, но оставался калекой. По Чарльзу Дарвину, выживает сильнейший. Однако слабейшие раз за разом опровергают эту теорию, выживая и побеждая этот мир.

Ребятня дразнила Валерия «костыль-трест». Он запоминал, кто кричал ему обидные слова, говорил старшему брату Владимиру, тот шел, выкарауливал обидчика, и возмездие наступало. Владимир же зимой возил младшего брата в школу на санках.

Были и друзья – Генка Несмеянов, «здоровенный, в дверь боком заходил», летом таскал Валерия на себе вместе со стулом: «...принесет, поставит на поляне, мы бегаем вокруг и он среди детей». Золотухин не мог принять участие в играх физически, но он врывался в любую компанию голосом – начинал петь. «У меня отец помнит: голосина был, во всю поляну пел!» – рассказывает Ирина Дудникова, директор Быстро-Истокского музея Валерия Золотухина.

Он старался «быть как все»: катался с костылями на одном коньке и на костылях стоял в воротах, когда играли в футбол. Хотя, конечно, деревенская детская жизнь большей частью проходила мимо него.

– Меня спрашивают: «Ты грибник? Ты же в деревне вырос?» Да меня не пускали никуда! Я родился на реке Оби. А плавать научился в бассейне «Москва», – рассказывал он.

Семья звериным инстинктом сгрудилась, прикрывая слабого, спасая его и оберегая. Чтобы сыну было ближе в школу ходить, семья съехала с Больничной улицы и переселилась в центр села, где отец построил дом. Этот дом цел и сейчас. Уцелел он едва ли не чудом: в середине шестидесятых отец и мать уехали отсюда к старшему брату Владимиру в Кемеровскую область, и дом долго стоял без хозяина. Иногда пускали в него квартирантов, но чаще он пустовал. Его облюбовали для своих свиданий парочки, и только потому, что в деревне не бывает бомжей, дом не запаршивел

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и не сгорел. Уже в восьмидесятые годы этот дом попросили у Золотухина охотники и рыболовы под свое общество. Золотухин разрешил – чтобы дом не пропал.Охотники и рыболовы поставили дом на фундамент – изначально бревна были просто брошены на землю. Перенесли вход в избу в другое место. Переделали печку – у Золотухиных стояла большая русская печь, каждый из боков которой нагревал свою часть дома. Но сама суть избы осталась – широченные половицы, по которым понятно, из каких могучих деревьев она сделана, матка (поперечная балка), на которой держится вся постройка.

Я был в этом доме. Удивился тому, какой он маленький: две крошечные комнаты, сени. Ирина Дудникова подтвердила: всей жилплощади – немногим больше двадцати квадратов. Жили на этих метрах пятеро детей и двое взрослых.

На счастье историков и бытописателей, родители при переезде в Междуреченск не стали выбрасывать свою обстановку, взяли ее с собой. И у Владимира рука не поднялась – он поставил все в гараже. Поэтому теперь в музее есть «тот самый» посудный шкаф, «тот самый» стол, за которым Валерий делал уроки, и «та самая» этажерка. На ней, по воспоминаниям Владимира, стояли бюсты Ленина и Сталина. При провинностях отец ставил детей в угол за этажерку. Комодик, кровать и некоторые другие предметы – не золотухинские, но тех времен. «География дома» – где что стояло – восстановлена по воспоминаниям брата Владимира.

Валерий Сергеевич передал музею свой чемодан, с которым уезжал в Москву. Еще в музее скатерть, вышитая Матреной Федосеевной. Ее веретено. Полевая сумка, с которой отец пришел с войны и с которой потом председательствовал. Сумка из толстенной кожи – таких уже давно не делают. В сумке книжка «В помощь работнику и активу государственного партийного контроля». На стене – матросский костюм.

– Тот самый? – спрашиваю я Ирину Дудникову.

– Говорят, тот, – отвечает она.

За окном музея – яблонька. Ее сам Золотухин посадил в июне 2011 года, когда казалось, что ему еще жить да жить.

5.

Мечта стать артистом сформировалась у него, судя по всему, после возвращения из санатория, как ответ костылям, немощи и слабости, той жизни, на которую, казалось, он был обречен.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Летать гуттаперчевым мальчиком под куполом в золотом костюмчике – вот была моя мечта. Надо мной посмеивались: “Утенок ты гадкий, а не артист”. Обидно мне было, и такая злость закипала: “Я вам покажу, я вам покажу! Я прыгну гуттаперчевым мальчиком в золотом костюмчике на спины моих верных коней двумя своими ногами, и вы еще не раз заплачете, как плачут мужики, когда я пою “Шумел сурово Брянский лес”! Я еще прокачусь на своих вороных, гремя славой, по вашему забытому переулку!» [4].

«Раз они не понимают» и «с самого рождения под куполом» – так видел себя Валерий Золотухин. Есть «они», и есть «он», и «он» выше их всех. Было ли в этом высокомерие? Может, и было – выбросить тот же селедочный хвост в реку было высокомерием. Но это было высокомерие мастера, человека, который умеет то, что другим недоступно.

По зрительной яркости и конкретности образа кажется, что Золотухин не придумал все это – человека в золотом костюмчике, коней, купол цирка. Но где он мог это видеть? Телевизоров в его детстве не было.

Однако в чемальской санаторной библиотеке имелся «Гуттаперчевый мальчик» – рассказ дореволюционного писателя Дмитрия Григоровича. Рассказ о юном цирковом акробате особо тронул прикованных к койкам мальчишек. «Все мальчишки хотели быть гуттаперчевыми, как у Григоровича, и летать под звездами цирка», – написал Золотухин в рассказе «Клоуны» [4].

Восьмилетний Петя, сирота, попавший на воспитание к цирковому акробату, видит от него только побои и тычки, по слабости сил не может освоить акробатику и потому, вынужденный раз за разом выходить на арену, обречен. В тот день, когда на него из зала восхищенными глазами смотрит Верочка – «хорошенькая белокурая девочка в голубой шляпке и мантилье» – гуттаперчевый мальчик Петя срывается с шеста и разбивается насмерть. За обличение самодержавия этот рассказ часто переиздавали в СССР. То, что Петя разбился, его маленький больной сверстник опустил, а видел только вот эти строки: «Крики и аплодисменты наполнили весь цирк, когда мальчик снова показался сидящим на перекладине и послал оттуда поцелуй». Тяжелая болезнь обостряет восприятие до крайности. Валерий, в общем-то, как и Петя, был обречен, но не был с этим согласен.

И самое главное – у Валерия еще был шанс.

Спустя какое-то время после возвращения из санатория четвероклассник Золотухин на костылях шел по шко-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ле. И тут он услышал музыку. Он пошел на нее, дошел до двери, из-за которой она слышалась, открыл и увидел человека, игравшего на аккордеоне, на котором перламутром было выложено «В. Фомин».

– В жизни у меня было два Владимира – Фомин и Высоцкий. Между ними я и скоротал свою дистанцию. Хотя характер и имя, конечно, дал мне Фомин, – говорил Валерий Золотухин в фильме «Истоки». В дневнике записал: «Фомина я люблю и обязан ему многим. Поводырь!» [5]. В повести «Дребезги» посвятил ему целую главу, так и названную – «Поводырь». «Поводыри бывают разные. Одни, как звезда в ночи, на всю жизнь. Иные калечат, уродуют малую душу. У каждого человека, наверное, есть свой поводырь, свой Фомин», – размышлял Золотухин в повести [1].

В момент знакомства с Валерием Фомину было тридцать с небольшим. Он жил тем, что чинил деревенским жителям ломавшиеся велосипеды, часы, приемники, лудил прогоревшие кастрюли, и за это что-то с них получал. Это тогда называлось «частник». Высочайшую квалификацию мастера на все руки подтверждали сделанные Фоминым мотоцикл и диковинный пятирядный баян-аккордеон, которых советская промышленность еще не делала. При этом официально трудоустроен Фомин был на непыльной должности школьного лаборанта и, кроме того, руководил школьной самодеятельностью.

«Не любили его многие за его характер сварливый, за самостоятельность упорную и редкое, неколебимое достоинство собственное», – вспоминал Золотухин.

Фомин сумел выгородить в жизни села свое небольшое личное пространство. При этом власть и система нуждались в нем настолько, что раз за разом соглашались на условия Фомина. Он без этих власти и системы прекрасно бы обошелся, а они без таких, как Фомин, никак. «По течению только дохлая рыба плавает. И еще кое-что», – цитирует учителя Золотухин. Это было то самое высокомерие Мастера, которое почувствовал в себе и десятилетний Золотухин, выбрасывая в реку селедочный хвост.

Одним своим существованием Фомин преподал мальчишке урок – оставаться самим собой нужно и даже можно. Для этого надо «всего лишь» иметь и уметь то, чего не дано другим. Надо быть особенным – Золотухин понял это нутром. Они нашли друг друга.

«Сколько тебя помню, ты всю жизнь был наполнен творческой брагой», – надписал Золотухин Фомину одну из своих книг. Этой брагой Фомин и опоил своего юного

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

друга. У Фомина имелись амбиции наставника, у Золотухина имелись амбиции ученика. Фомин стал тем инженером-механиком, который готовит ракету к путешествию в космос. «Он учредил в своей мастерской академию художеств и заведовал в ней самолично всеми кафедрами одновременно», – вспоминал Золотухин. Он пел, читал, слушал, впитывал. Впитывал все вокруг – как река, которую наполняют сотни родников и речушек.

– На сцене в школе он чувствовал себя свободно, как дома. Другие ребятишки как-то жмутся, а этот напропалую. Я поэтому знал, что он пролезет, он должен, он умеет. Он сам не знает еще, но он умеет уже... – рассказывал Фомин о своем ученике (д/ф «Истоки», 2011 г.).

Валерий решил не петь, не играть на аккордеоне, а непременно плясать – «Яблочко», матросский танец с присядкой. В восьмом классе, не дождавшись предписанных врачами семнадцати лет, он стал наступать на больную ногу, а в девятом начал учиться плясать вприсядку. От первой фигуры «хрящи затрещали на весь дом так, что отец испугался» [1].

И вчетвером с другими ребятами, в том самом матросском костюме, который висит сейчас в музее, Валерий плясал «Яблочко» в декабре 1957 года на школьном новогоднем вечере в клубе, построенном из бревен порушенного отцом храма. Жизнь заворачивала сюжет, как штопор в пробку, но никто об этом еще не догадывался.

6.

В девятом классе он прочитал «Отцы и дети» Тургенева – и с тех пор перечитывал каждый год в течение семнадцати лет. Зная это, лучше понимаешь многие его поступки времен молодости, да и не только.

Базаров – нигилист, для него нет ни Бога, ни любви. Он говорит: «Я ничьих мнений не разделяю – я имею свои». Считает, что полезное лучше прекрасного: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта». Но все это, однако, рушится, когда он влюбляется в помещицу Анну Сергеевну Одинцову. Он признается ей в любви, и для него это больше, чем признание в любви, – это как если бы Галилей признал Землю центром Вселенной. Одинцова, однако, не отвечает на его чувства. Для Базарова с этим отказом не остается ничего – нового мира еще нет, старого уже нет. Спустя время Базаров ради интереса или вызова судьбе взялся вскрывать умершего от тифа мужика, порезался и заразился. Умирая, он просит отца послать к той, в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

которую влюблен и которая к нему равнодушна. «Полчаса спустя Анна Сергеевна в сопровождении Василия Ивановича вошла в кабинет. Доктор успел шепнуть ей, что нечего и думать о выздоровлении больного. Она взглянула на Базарова... и остановилась у двери, до того поразило ее это воспаленное и в то же время мертвенное лицо с устремленными на нее мутными глазами. Она просто испугалась каким-то холодным и томительным испугом; мысль, что она не то бы почувствовала, если бы точно его любила, мгновенно сверкнула у ней в голове».

– Прощайте... Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет... – говорит ей Базаров, и она и вправду целует его в лоб, хотя не любит, хотя понимает, что это может стоить ей жизни.

– Теперь – темнота... – говорит после этого Базаров. Это его последние слова.

Все это написано просто и в то же время пронзительно.

Считается, что роман о конфликте отцов и детей. На самом деле он о крушении внутреннего мира и о том, как пустота духовная, а скорее, игра в эту пустоту, привела к пустоте материальной: был человек – и нет его. Базаров разочарован жизнью – притом, что он ее, в общем-то, и не знает, не видел. Но ему не для чего жить – и он умирает. Базаров с его позой был и остается привлекателен для подростков, экспериментирующих с моделями поведения, в него вольно или невольно играют многие. Играл и Золотухин. Наверняка поразило его почти совпадение дат: день рождения Базарова 22 июня.

– У меня был такой ритуал: я дочитывал до смерти Базарова и плакал неизменно... – говорил Золотухин.

Из тех лет Золотухин помнит еще, как однажды зимой в село из Бийска приехал на гастроли театр. «Было 40 градусов мороза, а женщины играли в легких платьях, мужчины в рубашках. Они играли Гольдони или Мольера, и для них холода не существовало. Для меня это был такой подвиг...» – рассказывал Валерий Сергеевич об этом спустя пятьдесят лет [37].

Примером возвышенного, подвижнического отношения к искусству в самом Быстром Истоке был тогда Геннадий Папин, руководитель самодеятельности, описанный Золотухиным в рассказе «Клоуны» под именем Лёни Панина: «Невысокий полнеющий блондин, кудрявый, с голубыми глазами. <...> Клуб ему был роднее дома, часто он там ночевал в кабинете директора, где стоял раздрызганный диван. Вина не пил. Роли уважал благородные, чистые –

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

шиллеровские, замечательно играл Фердинанда. Чистота его всех обескураживала, заставляла уважать его труд, его веру» [4]. Папин потом уехал в Барнаул, который неудачно пытался покорить, но до этого, сам того не предполагая, успел решить судьбу Валерия Золотухина. Как – об этом позже.

В начале десятого класса Фомин поставил перед своим воспитанником задачу: окончить школу с медалью! «Скребись, упирайся отчаянно, чтобы кровь из-под ногтей брызнула. Это нужно, просто необходимо для наших с тобой планов – покорить мир без единого выстрела. Принесешь медаль – скажу, что делать дальше. Не принесешь – забуду, как звать», – напутствовал Фомин воспитанника.

В десятом классе Золотухину, как и всем его одноклассникам, было не очень-то до учебы – шло освоение целины. Быстроистокским старшеклассникам выделили делянку в несколько гектаров, на которой они растили кукурузу. Урожай сдали государству, и всех, в том числе и Золотухина, наградили медалями «За освоение целинных земель». Однако и учебу Валерий не запустил – за школу «выскреб» себе серебряную медаль. И Фомин сказал ему, что теперь надо плыть в Москву.

«Когда я уходил из Быстрого Истока, он сказал: “Если бы у меня был такой сын, я бы гордился и знал, что жизнь моя прожита не зря”. Он мне, мальчишке, это сказал. Я эти слова всю жизнь помню, держу их и стараюсь его не подвести в каких-то вещах», – это сказал Валерий Золотухин, уже ставший человеком-легендой. Золотухин умел помнить, умел оставаться благодарным, не жалел слов, которые нужны и которые никогда не бывают лишними.

7.

При всех стараниях Фомина, при всех амбициях Валерия, возможно, сам он не решился бы ехать в Москву. Но летом 1957 года, по окончании Валерием девяти классов, в Быстрый Исток приехал «Цирк на колесах» – цирковая труппа на грузовике «ГАЗ-51». Руководил цирком Алексей Яковлевич Полозов, и он же был в цирке клоуном. Тогда случилась история, позже многократно описанная и рассказанная Золотухиным, – история с подсадкой.

Тем, кто ее все же не знает, рассказываю. Иллюзионист на арене перед публикой буквально из ничего пек торт. Клоун (Полозов) выходил и начинал над иллюзионистом насмешничать: «Подумаешь, торт! Да я испеку такой же!» Хватал с кого-то из зрителей кепку и начинал бить туда

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

яйца, сыпать гвозди, опилки с арены, муку, все это мешать и взбивать. Хозяин кепки должен был возмущаться для достоверности, но в меру, чтобы не испортить номер. Для этого зритель должен был быть своим. В цирке это называется «подсадка». Бывает, что в цирке подсадкой работает кто-то из цирковых. Но Полозов, видимо, в каждом селе спрашивал, кто тут артист-активист – такие, естественно, всегда находились. В Быстром Истоке Яков Полозов обратился к Геннадию Папину, тому самому клубному активисту, но тот или постеснялся, или побоялся уронить свой авторитет шиллеровского Фердинанда – в общем, он посоветовал Валерия, решив его судьбу.

Алексей Яковлевич сказал Валерию:

– Молодой человек, мне сказали, что вы хотите посвятить себя сцене, эстраде или экрану – в общем, мечтаете стать артистом. Если это так, я постараюсь объяснить вам, сколь трудна и ответственна наша профессия, как много молодых людей стремится приобрести ее и удается многим, но сколь велико потом число несчастных, разочарованных, жизнь растративших зря, потому что не в славе, криках «браво» и прочей «бижутерии» смысл нашей профессии. Профессия наша одна из самых древних. Когда-то она была проклята, предана анафеме и сжигалась на кострах, потом помилована, допущена во дворцы, а затем за неугодные слезы, за смех в глаза для бессонницы снова выброшена на площади, туда, где и рождена была. Нам пришлось много потрудиться, испытать огонь и воды, прежде чем Шекспир изречет устами принца Датского: «Почтеннейший! Посмотрите, чтобы об актерах позаботились. Вы слышите, пообходительнее с ними, они – краткий обзор нашего времени. Лучше иметь скверную надпись на гробнице, нежели дурной их отзыв при жизни!» Правда, это мало на кого действовало тогда, но теперь кое-какие сдвиги в этой области есть.

Последние слова, отметил Золотухин, Полозов сказал не совсем твердо, но тут же добавил, словно убеждая самого себя:

– Да, есть, конечно, есть...

После этого вступления Полозов замолчал и какое-то время смотрел на юношу. «Будто решая, стоит ли сбивать мальца окончательно и прельщать надеждой», – так объяснил Золотухин себе этот взгляд. Полозов, наконец, решился, и рассказал, в чем суть завтрашнего этюда: подсадка, кепка, «вы должны возмутиться». «Тоже мне, бином Ньютона», – подумал Золотухин и согласился. Но перед представлением, хоть и бывалым «самодельником» считался

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Валерий, а прошибло его – стало потрясывать, по коже пошли мурашки. Золотухин не знал, что это волнение перед спектаклем будет вечной его мукой.

Полозов дал Валерию контрамарку. В назначенный час пришел он в цирк и сел в первый ряд – среди районного начальства. На дополнительную контрамарку с собой в цирк он взял Клавдию Гальцеву, за которой «ухаживал». Она села позади. Золотухин был «при параде» – в бостоновом пиджаке (перешитом из материнской юбки). Выданный Полозовым картуз Золотухин напялил на голову, но Клавдия тут же сдернула его, шипя, что этот утиль надо выбросить. Клуб был битком. Представления Валерий не замечал – запомнился только метатель ножей. И вот появился иллюзионист, «я понял, что мое время неотвратимо близится, чему вскипеть – не станет теперь стыть, и я успокоился».

Иллюзионист сготовил торт без муки и теста. Клоун попробовал его, похвалил мастера, тут же его обругал и заявил, что сейчас принародно «в любой кепке с чистой головы» испечет печенье. «Мигом клоуну были протянуты фуражки, кепки, даже косынки». Но Полозов сказал: «Я возьму поближе, у молодого человека», обращаясь к Золотухину. И тут Золотухин взорвался.

– Не дам! – вскричал он.

«Не приведи Господь, чтоб со мной кто так поступил из партнеров, – написал потом Золотухин в рассказе “Клоуны”. – Я нарушил уговор, правила игры, все равно что под куполом один решил не ловить другого и пустил в опилки».

Но Полозов был Артист! Он замешкался лишь на миг, а потом повернул все так, что «весь зал стал просить, а кто и требовать, чтобы я немедля отдал кепку на сцену». Клавка Гальцева била Валерия в спину, требуя, чтобы он отдал клоуну кепку. Золотухин кричал, что головной убор он купил на кровные трудодни в раймаге, призывая в свидетели заведующую Марию Григорьевну, которая тут же открестилась: «Отродясь к нам такого дерьма не поставляли!» Кепку кое-как выкрутили из рук Валерия, который к тому времени уже «плакал настоящими слезами»!

«Зал ревел. Молельные стены клуба сотрясались от хохота, топота и свиста – чистая коррида. Это был самый успешный номер представления. На сцену прибежали полуодетые артисты, перепуганные скандалом. Они не верили глазам своим, что я подсадка, что я понарошке», – писал Золотухин.

Когда номер закончился, Золотухин «понял, что главное свершилось, что я выиграл что-то важное для себя».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

На следующее утро Полозов сказал ему: «Вы сделаете преступление, если не станете драматическим артистом». Оказалось, что Полозов уже прошел по начальству и попросил всех помочь при поступлении Валерия в театральный институт в Москве. Кроме того, он оставил Валерию свой адрес.

После того монолога, в котором Полозов давал понять, что ошибка в актерстве, может, самая тяжелая ошибка из всех возможных, услышать такое...

Как известно, есть причины войны, а есть повод к войне. Это разные вещи. Так получалось и тут. Как ни готовился Валерий стать гуттаперчевым мальчиком в свете прожекторов, но не будь Полозова с его словами про «преступление», не будь этого адреса – мог бы и не насмелиться. Он и сам это признавал: «А, положа руку на сердце, разве собрался бы я в поход на Москву, не будь у меня конкретной записочки в руках, конкретного требования ("вы сделаете преступление") стать драматическим артистом? Вряд ли», – писал он в рассказе «Клоуны».

Когда потом он приехал в Москву, Полозова дома не оказалось. Но это уже не имело или почти не имело значения – Золотухин был в Москве!

Только много лет спустя узнал Валерий Золотухин, с кем на крутом повороте свела его судьба. Алексей Полозов – сын Якова Анисимовича Полозова, с 1902 года служившего келейником (секретарем) при епископе Тихоне, которого 18 ноября 1917 года Поместный Собор, постановивший восстановить упраздненное еще царем Петром патриаршество, избрал Патриархом Московским и Всея Руси. С патриархом Яков Полозов прошел свой путь и за него умер.

19 января 1918 года патриарх Тихон в своем воззвании предал анафеме всех гонителей веры Христовой, «извергов рода человеческого». В июле 1918 года он осудил расстрел царской семьи, а в октябре этого же года объявил Совету Народных Комиссаров:

«Все взявшие меч мечом погибнут. Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего Отечества, называющие себя «народными» комиссарами».

Патриарх Тихон боролся с обновленцами (церковными перебежчиками, надеявшимися в уплату за предательство продвинуться при большевиках) как мог, противостоял безбожной власти. И всегда с ним рядом был Яков Полозов.

В 1920 году Яков Полозов женился на княжне Наталии Друцкой-Соколинской. В марте 1921 года его арестовали.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Родившаяся вскоре после этого дочь умерла на восьмой день. В августе 1921 года Якова освободили, но в марте 1922 года арестовали снова и выпустили только в октябре. Через две недели после освобождения отца родился Алексей. Крестным отцом его стал сам патриарх Тихон.

Патриарх с мая 1922 года находился под домашним арестом в Донском монастыре. Полозов жил тут же. 9 декабря 1924 года в дверь покоев патриарха Тихона постучали. Полозов пошел открывать. В прихожую ворвались двое неизвестных, и Полозов преградил им дорогу. Они убили его несколькими выстрелами в упор, сорвали с вешалки шубу, видимо, чтобы инсценировать ограбление, выскочили на улицу и скрылись. Когда патриарх услышал выстрелы, то спустился и увидел, что Яков Анисимович убит. «Вернитесь! Вернитесь! Вы человека убили!» – закричал им вслед патриарх. Новая власть искать убийц не стала, дело через месяц закрыли. По настоянию патриарха Якова Полозова похоронили в Донском монастыре. Отпевал его сам патриарх. Есть фотография – могила Якова Полозова и рядом с ней Алексей, сын, в матросском костюмчике. Сам Святейший Патриарх Тихон умер 7 апреля 1925 года.

Вот какая история была за душой у человека, который ранним летним утром объяснял Валерию Золотухину суть актерской профессии.

В 1973 году, уже после «Хозяина тайги», сделавшего его знаменитым, Золотухин через Юрия Никулина нашел Алексея Полозова, позвонил ему и пригласил на вечер в Центральный дом литераторов по поводу выхода в журнале «Юность» повести «На Исток-речушку, к детству моему». Полозов, конечно, не помнил ни Быстрого Истока, ни историю с подсадкой, но Золотухина в кино уже видел и в ЦДЛ пришел с огромным букетом гладиолусов. С тех пор они поддерживали знакомство.

Когда сын Золотухина Денис стал священником, Валерий Сергеевич усматривал связь, цепочку: Патриарх Тихон – Яков Полозов – Алексей Полозов как крестный Золотухина в искусстве – сам Валерий Золотухин – Денис Золотухин (отец Дионисий).

Дочь Алексея Полозова – крестная одной из дочерей Дениса, который четверых своих детей, внуков Валерия Сергеевича, назвал в честь Царственных мучеников – Ольга, Татьяна, Мария, Алексей.

Наталия Васильевна Полозова, урожденная княжна Друцкая-Соколинская, умерла в 1988 году. Сын добился,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

чтобы ее похоронили в могиле мужа. Алексей Полозов умер в августе 2003 года.

Алексей Полозов был одним из тех людей, которыми Валерий Золотухин затем «измерял» свои поступки. В рассказе «Клоуны» Валерий Сергеевич покаянно пишет: «Часто ли я поступал в своей жизни, в своей профессии, как Алексей Яковлевич? Надо же ведь – пошел в райком, стучался в двери, настаивал, просил за какого-то пацана... Часто ли я находил время и желание сказать доброе слово какому-нибудь мальчишке или девчушке, чтобы они поверили в свои крылья и попробовали взлететь? Нет, не часто, все некогда...»

Он понимал сделанное ему Полозовым добро как долг, который надо вернуть. Возможно, именно это осознание привело Валерия Золотухина в Барнаул, где в 2004 году он стал художественным руководителем Молодежного театра Алтая и худруком курса по специальности «артист театра и кино» в Алтайской государственной академии культуры и искусств, сказав многим мальчишкам и девчонкам доброе слово, после которого они поверили в свои крылья и – взлетели!..

Правда, до этого летом 1958 года была еще целая жизнь...

8.

В новую жизнь Валерий Золотухин отправился 26 июля 1958 года на пароходе «Зюйд».

В одном из интервью он сказал, каким виделось ему будущее: «Из своего алтайского села я уходил в Москву, чтобы играть именно в Малом, – с Ильинским, Жаровым; я почему-то был уверен, что сыграю с Ильинским “Ревизора”».

Вместе с ним уезжали из села одноклассницы – Людмила Королькова, Раиса Лысенко, Фаина Кетских. Провожал одноклассников весь 10 «Б». Пришел Фомин и дал напутствие: «Поступишь, уверен. Это будет твоя первая ступень, а будет их как на потемкинской лестнице. Кипяток в стакане ты держать натренировался, это редко кто может. И остальное одолеешь» [4].

«Берегись бесславия!» – еще сказал ему Фомин. Откуда сам Фомин с его семью классами знал вот это все?

По предложенной сестрой Антониной диспозиции, для подстраховки, Валерий сначала должен был поступить в музыкальное училище в Барнауле. Он сдал экзамены на «четверки», был зачислен, а затем, уже в июле, купил билет и 19 июля поездом (впервые увидел паровоз) отправился в Москву.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Нынче поезд Барнаул – Москва идет около трех суток. Золотухин ехал четыре дня. Вагон 19-й, место 30-е. В дороге почти не пил и не ел – говорил, что почему-то было неудобно. С собой у него были «Василий Теркин» и «Отцы и дети» – он читал их, а также учил басню и прозу.

Согласно канонической версии, для финансирования операции по покорению Москвы отец продал корову Юнку. Этому событию в повести «Дребезги» уделен не один абзац: «Стадо прошло, оставив после себя пыль несусветную и лепехи. Коровы и телки разошлись по своим дворам. Только у Матрениных ворот не раздалось родное мычание. Юнку-дочь вчера свели со двора, продали».

Образ коровы, принесенной в жертву мечте, возникает потом у Золотухина в описании поступления. Валерий спел, басню рассказал кое-как, но потом поправил дело – сплясал так, что профессор, возглавлявший экзаменационную комиссию, пустился в пляс и стал требовать частушек. Золотухин запел, правда, от волнения вспомнил только матерные, поэтому приходилось зажевывать некоторые фразы. Его пропустили во второй тур, правда, профессор посоветовал подстричься: «Что же ты таким вахлаком явился в столицу?!» А Валерий-то считал, что артист должен быть лохматым и даже для росту волос прихватил бутылку воды из родного колодца!

Пожизненный максималист, Золотухин тут же пошел в парикмахерскую и велел обрить его налысо. На втором туре профессор его не признал. Диалог состоялся примерно такой:

– Ты зачем обрился?

– Так за пять лет учебы опять шевелюра отрастет.

– Какой учебы?

– Тут, у вас...

– Да ты же еще не поступил, а такие заявления делаешь...

В этот-то момент, уловив, что симпатии профессора на его стороне, Валерий понял, что надо «дожать» – и двинул в атаку свою крупнорогатую кавалерию! «Как это не поступил? Считаем: коровы нет, волос на голове нет. Да что же я таким болваном явлюсь в деревню? Но волосы ладно, отрастут... А корова? Да вы знаете, что такое корова в деревне? Кормилица! Отец корову продал, денег на дорогу дал, я где-то месяц шлялся, являюсь бритый?! Спрашивается, где ты был, сынок?!» – монолог этот Валерий заканчивал уже со слезой в голосе.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Призрак Юнки вошел в аудиторию и жалостно замычал. Этого комиссия не вынесла...

«Мне потом сказали, что я все делал плохо и брать меня не хотели, пожалели в основном корову», – посмеивался (победителей не судят!) потом Золотухин [4].

Но была ли корова?

Валерий Черняев, близкий друг Валерия Сергеевича, рассказал мне, как однажды, прочитав о себе в опубликованных дневниках Золотухина, пришел к автору с некоторой претензией.

– Я прочитал и говорю: «Сергеич, этого же не было». Он так посмотрел на меня... И говорит: «А ты чего думаешь – про корову и штаны это тоже правда?» То, что отец продал корову, купили ему «шевиотовые» штаны и он поехал сюда поступать – он рассказывал это с первого дня! И это была каноническая, краеугольная история! Ему на 70-летие подарили теленка – это за ту корову, круг замкнулся. И вот он говорит: «Ты думаешь, про корову и штаны тоже правда?» Я растерялся: «Сергеич, да как же?» Он только рукой махнул... – говорит Валерий Черняев.

Так была ли корова или это часть деревенской легенды, придуманной загодя или сымпровизированной Золотухиным, чтобы поступить? Описывая себя в толпе принаряженных по-городскому абитуриентов, Золотухин не скрывает, что поначалу струхнул и подумал, не рвануть ли ему на вокзал, где в чемодане имелся костюм?! Но потом поостыл. «Гляжу – я такой один: ни в шляпе, ни в шароварах не видать никого. Стоп, думаю, вот тут-то я всех и объеду. Кто самородком, а я выродком: иногда ведь под дурака сыграешь – за умного сойдешь». Корова вполне могла быть частью этого решения.

В 2011 году в Барнауле в составе двухтомного собрания сочинений были изданы самые ранние, первые, дневники Валерия Золотухина. Первая дневниковая запись – за 25 августа. Ее предваряет текст, обобщающий ряд событий: окончание школы, путь в Москву, поступление. Про корову тут ничего нет. Да и история поступления в целом изложена куда менее экспрессивно, чем в «Дребезгах». Кроме того, в дневниках за первые месяцы учебы не заметно следа денег, вырученных за корову, хотя их должно было хватить не только на одни штаны.

В двухтомнике есть и письма Валерия того времени из Москвы, они также ранее не публиковались. О том, как сдавал вступительные экзамены, Валерий рассказывает в письме родителям от 14 августа 1958 года. И тоже про коро-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ву – ни слова. Хотя, казалось бы, мог отметить – вот, мол, не пропала зазря наша Юнка!

А еще интереснее, что в одном из интервью Золотухин историю с коровой рассказал так: «Папа сказал, что продаст корову, если я сдам экзамены в школе на золотую медаль, а я сдал на серебряную. Папа корову не продал, но денег дал на дорогу в Москву и на возвращение» [33].

Тогда же в интервью газете «Свободный курс» Золотухин еще раз сказал, что отец корову не продавал: «Не продавал, но мог продать», и признал, что не один «Мерседес» заработал на этой корове.

Выходит, и впрямь разукрасил Валерий Сергеевич свои вступительные экзамены!

От Юнки, вернее, от легенды о ней, ему не всегда будет пользы – не раз легенда заставит о себе пожалеть. Но он этого еще не знает, он счастлив тем, что поступил, он осваивается в этом новом мире, делает открытия, ошибки, набивает шишки и кулаки...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

МОСКВА. НАЧАЛО

Глава вторая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1.

Выбор ГИТИСа* (Государственный институт театрального искусства. В 2011 году был переименован в РУТИ – Российский университет театрального искусства) сам Золотухин объяснял просто: отец велел поступать только в институт: «Я четко выполнял наказ отца, чтоб на стене было приколочено – институт» [4]. Тем самым он отрезал себе все остальные варианты. Был еще, конечно, ВГИК, но на него Валерию никто не указал, видимо, потому, что он спрашивал именно о «театральном институте».

Студенческая общежитская жизнь, описанная в дневниках Валерия Сергеевича, не так уж сильно отличается от всякой другой студенческой общежитской жизни: время от времени голод (бюджет его состоит из стипендии, а также того, что пришлют родители и сестра Антонина), время от времени выпивка, время от времени любовь, время от времени учеба.

«Собираясь в Москву, он был уверен, что через год его будет знать вся столица, и на всех перекрестках будут продавать его фотокарточки», – писал Золотухин в автобиографической повести «Дребезги». Ему казалось, что путь к славе начнется вот-вот, не в этот день, так в следующий.

10 января 1959 года он участвовал в оперетте Исаака Дунаевского «Вольный ветер», которую играли студенты старших курсов ГИТИСа. В дневнике 18-летний Золотухин записывает: «Первая премьера!!! Первый выход на профессиональную сцену!!! Первая собственная артистическая уборная!! Первый грим!!! <...> На уборной написано: “Золотухин В. Цветы валите у порога”. Первый поклон зрителю после спектакля. Сколько этих поклонов придется сделать тебе в жизни, Валерий Золотухин? Что ожидает тебя на сцене? Не будешь ли ты каяться, что пошел по этому пути?» [10]. Про «каяться» – это наверняка так, для проформы, на самом деле Золотухин явно решил, что фортуна благоволит ему. Но нет! Вскоре педагог по вокалу настоял, чтобы Валерию запретили играть.

Так что спустя год после поступления в ГИТИС карточек Золотухина на перекрестках так и не продавали, и вся столица его еще не знала.

Хотя что-то в нем явно было. «На мастерстве я показался весьма неплохо. Некоторые подходили и говорили: “Вот кто у вас звездой будет” и пр.» – запись от 25 августа 1959 года [10].

Сам Золотухин при этом в себе звезды не видит.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Получил от Степаныча письма, чуть не заплакал. Как всегда! Как он верит в меня и любит меня. Он верит в меня больше, чем я сам» – запись от 14 декабря 1960 года [10].

У Валерия явно не все получается, у него кризис, все идет совсем не так, как виделось. В декабре 1960 года в «трактате» под названием «Рыба гниет с головы» он высказывает свое разочарование ГИТИСом.

«ГИТИС похож на плохой колхоз, где каждый занимается тем, чего желает его душа, и работает тогда, когда захочется. <...> Чем дальше учится студент, тем больше он понимает, что им никто не интересуется, он никому не нужен, его пустили на самотек. <...> Так тихо, неслышно, помаленьку начинает разлагаться и гнить не только актерский, но и человеческий материал, который предназначен для переработки в святилище искусства» [10]. Вывод «трактата» виден из названия: Валерий в свои 19 лет полагает, что кризис института вызван пассивностью профессорско-преподавательского состава, болезнью безделья, мещанства и дилетантизма, которые так заразили большую часть ГИТИСа, что помочь может только ампутация.

Художественным руководителем Золотухина в ГИТИСе был Леонид Васильевич Баратов, в то время главный режиссер Московского музыкального театра имени Константина Станиславского и Владимира Немировича-Данченко. Чтобы понимать масштаб личности, поясним: Баратов был учеником Немировича-Данченко, с 1943 по 1952 год Баратов получил за разные постановки пять Сталинских премий, а в 1957 году стал первым постановщиком оперы-эпопеи Сергея Прокофьева «Война и мир». В разных театральных учебных заведениях он преподавал с 1926 года. Баратов был одним из тех, кто посоветовал Золотухину вести дневники как способ наполнения актерской копилки: «Записывайте наблюдения. Потому что актеру – “доброму вору все впору” – пригодится. Записывайте все: погоду, характеры и привычки ваших товарищей». Баратов сказал это всему курсу Золотухина, да и не только этому курсу, а писать стал один Золотухин. Он начал вести их с августа 1958 года – с момента зачисления. Он еще не понял, что уже сделал свое главное открытие: только ты сам хозяин своей судьбы, и даже самые лучшие преподаватели ничему тебя не выучат, если ты сам этого не захочешь.

Писать ему нравится. В 1961 году он записывает в дневнике: «Я начинаю освобождаться от скованного пера. Мысль, хотя и приблизительно, но довольно прилично ложится на бумагу. Мне все легче и легче становится разгова-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ривать с собой наедине, и я с нетерпением жду того дня и часа, когда я вновь могу сесть за мои “листки”» (запись от 30 марта 1961 года) [10].

Писать ему все легче, а петь все труднее – серьезной проблемой на протяжении всей учебы оказался для Золотухина педагог по вокалу Трегубов. «Второй семестр идет неважно в смысле вокала. Педагог нервничает», – записывает Золотухин 14 апреля 1959 года [10]. «Хочу уйти от педагога по вокалу. И, по-моему, хочу правильно. Причин много, не все они, конечно, имеют прямое отношение к нему, но дальше оставаться у Трегубова я не могу. Я убежден, что могу петь хорошо, но не умею. А Трегубов не знает, как это сделать, и весь разговор на кафедре сводится к тому, что “...ах, какой он талантливый”», – это запись от 21 июня 1962 года.

Интересно, что почти в то же время (1960-1965) в ГИТИСе учился Владислав Пьявко, впоследствии известный тенор, солист Большого театра, народный артист СССР. Вокал у него сначала преподавал тот же Трегубов. Владислав Пьявко вспоминал: «Меня распределили в класс Трегубова, у которого уже занимался Валерий Золотухин <...> ... из двух октав (ля малой – ля второй октавы), с которыми я поступил в институт, к концу первого курса остались всего четыре ноты на центре и то непонятного тембра. Это меня совсем обескуражило, поскольку со мной вместе поступавшие ребята уже пели, развивали свои голосовые данные, приобретали какие-то навыки владения голосом. А я извергал нечто расширенное, сиплое».

И это, напомним, будущая оперная звезда, исполнитель ведущих партий в оперной классике в главном театре СССР.

С таким педагогом Валерий Золотухин запросто мог остаться без голоса. И не было бы тогда его песен «Ой, мороз, мороз!», «Ходят кони», «Наплевать, наплевать», «Вдруг как в сказке скрипнула дверь» и десятков других. Но то ли голос оказался крепче, то ли характер – его Трегубов до «четырех нот» свести не смог.

А вот театральному мастерству его учили мастера высокого класса: Анхель Гутьеррес и Ирина Анисимова-Вульф. Два этих человека не дали деревенскому мальчишке растеряться и потеряться в суете, которая порой подменяет учебу практически в любом вузе.

2.

Анхель Гутьеррес был одним из тех испанских детей, которых во время Гражданской войны в Испании вывезли в СССР. Он попал в ленинградский детский дом № 8, где

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

преподавание велось на испанском языке. Первые русские слова, которые он узнал, – Пушкин, «Руслан и Людмила». Однажды дирижер детдомовского хора застал маленького мальчика за попыткой наиграть что-то на рояле одним пальцем. После этого Анхеля стали учить музыке.

В войну детдом вывезли на Урал, где Анхель вместе с другими подростками валил лес. После войны детский дом попал под Москву, в поселок Болшево, где тогда находился Дом творчества кинематографистов, из которого на встречи с детишками приходили актеры и режиссеры, в том числе Эйзенштейн, Герасимов, Донской. Кто-то из этих великих рассказал Анхелю, что есть уникальная профессия, в которой нужно быть и актером, и музыкантом, и художником, и много еще кем – кинорежиссер. Анхель загорелся. Он был неопытен, у него был сильнейший акцент, но сила желания была такова, что его в конце концов приняли в ГИТИС на режиссерский факультет. Там он влюбился в «Чайку», в Чехова, три года работал в Таганроге, сменив испанский акцент на таганрогский с его южным выговором звука «г». Анхеля пригласили преподавать в ГИТИС, и курс, на котором учился Золотухин, был первым для молодого преподавателя.

В воспоминаниях Золотухина говорится, что однажды между студентом и наставником состоялся разговор о таланте: Гутьеррес спросил Валерия, считает ли он себя талантливым. Разговор был один на один, Валерий ответил: «Не знаю». Гутьеррес не поверил ему, сказал, что Золотухин просто боится признаться в том, что талантлив, а зря, тут скромничать не надо, без уверенности в собственном таланте в искусстве делать нечего.

– Если бы Шаляпину задали такой вопрос, он бы ответил: да, я талантлив. [10].

В одном из куда более поздних интервью Золотухин помнил разговор о таланте немного иначе: будто бы на одном из первых занятий Анхель спросил первокурсников, кто из них считает себя талантливым. Валерий встал сразу. Потом встала еще одна девушка. Больше не встал никто.

Первая запись дневниковая, она сделана буквально здесь и сейчас, так что верить нужно ей. Второе – «отремонтированное» прошлое, что для Золотухина не такая уж редкость. Спустя годы ему, видимо, стало жаль, что он тогда сробел. Где же в этот момент было его знаменитое нахальство?

Наверное, Золотухину казалось, что он и тут нашел своего Фомина. Он читает по совету Анхеля письма Флобера,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

размышления об искусстве, сам задаваясь вопросами: искусство ради искусства или же не только ради него?

Гутьеррес пытается привить своим ученикам возвышенное, трепетное отношение к театру. Однажды он сказал, что в театр или театральный институт «нужно принимать как в подпольную организацию, чтобы члены ее отвечали жизнью за свершенные ошибки, за цинизм, за преступления» [10]. В другой раз он говорит им: «Вы – артисты, а не человеки. Вы – мученики. Забудьте, что вы – нормальные люди» (эти слова Золотухин записал на справке из медпункта ГИТИСа). Гутьеррес был максималист, но ведь и Золотухин был максималист.

8 марта 1961 года курс Золотухина показывал оперетту «Сын клоуна». «Либретто кошмарное, конфликта нет, и придумать трудно что-нибудь режиссеру и актерам. Музыка без стержня, лирическая в лучшем случае, и отнюдь не феерическая цирковая», – пишет Золотухин, у которого в оперетке небольшая роль старого жонглера. На сдаче присутствовал Анхель Гутьеррес. «Для меня присутствие этого человека в зрительном зале – ответственный экзамен. <...> После спектакля я невольно ищу его и очень хочу услышать его мнение», – пишет Золотухин.

Гутьеррес назвал спектакль плохим, сказал, что все халтурят, но «самое живое место в спектакле – первое появление Золотухина».

Золотухин из приличия отбивался:

– Вы шутите, я же ничего не делал.

И тут Гутьеррес сказал ему слова на миллион:

– В этом-то и весь смысл. Сразу видно, что вышел актер...

Впрочем, сразу после этого Гутьеррес добавил еще несколько слов – разобрал работу Золотухина вполне в духе Фомина, который не спускал своему воспитаннику даже тогда, когда тому было за шестьдесят.

Они репетируют «Чайку», Золотухин – Треплев. Работа не идет, и Валерий однажды расплакался «от собственного бессилия и осознания ничтожества своего». (Такое было с ним дважды в жизни – второй раз почти через 20 лет, во время репетиции роли Павла Первого.) Впрочем, скорее всего, так у Золотухина выразилась усталость от работы. «Из всех, что учили меня, один испанец Анхель Гутьеррес найдет благодарное мое, чрезвычайно доброе слово», – пишет он в одном из своих более поздних писем (письмо В.С. Фомину от 17 марта 1979 года) [10].

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В 1974 году, когда после смерти Франко для испанских эмигрантов стало возможным возвращение на родину, Гутьеррес уехал в Испанию. Она поначалу его не слишком любезно приняла – он оказался для нее слишком русским. Однако со временем они притерлись друг к другу. В 1984 году Гутьеррес создал в Испании Камерный театр имени А.П. Чехова, в котором ставил и ставит вместе с русской классикой (Чехов, Арбузов) испанскую классику (Лопе де Вега, Сервантес). Гутьеррес и его театр живы и сейчас.

3.

Ирину Сергеевну Анисимову-Вульф Золотухин впервые увидел в один из первых своих дней в ГИТИСе. Высокая, тонконогая, сутуловатая, с крупными зубами, с вечным беломором во рту – так описывал ее Золотухин [7], признавая, что в 17 лет как-то иначе представлял себе театральных преподавателей: «Ну если не Любовь Орлову или Целиковскую, Ирину Скобцеву или Ларионову, то хотя бы что-то рядом и обязательно белокурую».

Однако именно Ирина Анисимова-Вульф, по его собственному признанию, сыграла в его жизни «величайшую роль».

Она преподавала мастерство актера, и «с первого дня сказала: «Молодой человек, ваше место в драматическом театре, не в музыкальном», – вспоминал Валерий Сергеевич, добавляя: «Она увидела во мне яркую индивидуальность. Так что у меня уже с первого курса был свой театр – это исключительный случай!»

Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф происходила из старинной русской театральной семьи и была дочерью Павлы Леонтьевны Вульф, чьей ученицей была Фаина Раневская. В Гражданскую войну Павле Леонтьевне и жившей у нее Фаине Фельдман (такова настоящая фамилия Раневской) помогал с продуктами поэт Максимилиан Волошин – он носил им рыбу и добываемое им в аптеках касторовое масло, на котором эту рыбу жарили. Именно вместе с семьей Павлы Вульф Раневская уехала в 1941 году в эвакуацию в Ташкент. В 1947 году Ирина Анисимова-Вульф была вторым режиссером на съемках знаменитого фильма «Весна» с Любовью Орловой в главной роли и с Раневской в роли неглавной, но ослепительной.

Ирина Анисимова-Вульф была ученицей Станиславского, подругой Любови Орловой (Вульф привела ее в театр), женой великого режиссера Юрия Завадско-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

го, художественного руководителя Государственного Академического театра имени Моссовета. Она ушла от Завадского, не выдержав измен, но продолжала работать с ним в театре – без нее Завадский не мог обойтись, она понимала его без слов. Они работали вместе больше сорока лет.

«Ирина Сергеевна хочет взять меня в театр», – записывает Валерий 18 сентября 1961 года [10]. Под ее руководством он репетирует Василия Теркина – именно для театра им. Моссовета.

Театр им. Моссовета, в который привела Золотухина Анисимова-Вульф, был для Золотухина, как говорится, «удачной партией». Во-первых, это была Москва, во-вторых, там не надо было столько петь и танцевать, сколько в оперетте. И это было настоящее спасение для изнемогавшего Золотухина.

4.

Он не хотел и не мог признаваться себе, что отделение оперетты для него – чересчур, но дело обстояло именно так. Оперетта требовала петь и танцевать, танцевать и петь. А у Золотухина одна нога была больная, да к тому же тоньше здоровой.

Он как мог маневрировал.

– Я подговорил всех мужиков на занятиях танцевать не в трусах, а в штанах. Иначе бы меня разоблачили – одна нога тоньше и длиннее, хромой в оперетте! – рассказывал он мне [35].

Однако первокурсника все же разоблачили, но не преподаватели, а жившие в этом же общежитии художники.

– Художники анатомию изучали лучше, чем врачи. Они поспорили: чего это я так странно хожу? Затащили меня в подсобку, говорят – раздевайся! Я разделся. А они говорят: «Почему у тебя одно бедро выше?» А я и сам этого не замечал. А у меня из-за этого походка была не как у нормального человека, – рассказал мне Валерий Сергеевич.

Художники не «сдали» Валерия, но отыграть спектакль – это не «Яблочко» станцевать! «Чтобы не отставать от коллег, мне приходилось гораздо больше заниматься. От таких нагрузок в любой момент могло произойти обострение. Тем более что по своей внешности я скорее попадал под амплуа комика и простака, а тут уж пришлось бы на сцене выкладываться на полную катушку. Я понимал, что долго в таком напряжении не протяну», – признавался Золотухин в одном из интервью.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Он начинает ходить с палкой, маскируя это под юношеское пижонство.

Но в марте 1961 года еще одна напасть: сказываются нагрузки на связки – Валерий старается сократить нагрузку. 3 апреля он записывает: «От переутомления очень плохо сплю: ворочаюсь с боку на бок в каком-то диком жару, по нескольку раз встаю». В мае педагог по вокалу Трегубов выхлопотал ему дом отдыха, запретив там «даже разевать рот». Понятно, что петь Золотухин не перестал. Но понятно и то, что все это изматывало его.

Однако про ГИТИС говорят: «В ГИТИС практически невозможно попасть, а чтобы вылететь из него, надо, по крайней мере, милиционера убить». Может, этой поговорки еще не было во времена Золотухина, но вылететь из ГИТИСа и тогда было непросто.

Летом 1961 года он в составе концертной бригады, составленной из тринадцати студентов ГИТИСа, отправляется на Дальний Восток: Якутск – Магадан, 50 концертов с июля по сентябрь. Возможно, он хочет понять: будет ли его ремесло его кормить? Золотухин впервые летит на большом самолете. «Больше всего в Ту-104 мне понравился туалет, в котором лететь гораздо приятнее, нежели в своем кресле», – насмешливо записывает он [10]. Такая поездка – приключение во все времена. А тут добавляется икра, водка, экзотические виды и интересные люди. Ну и Золотухин впервые чувствует статус: он для публики АРТИСТ!

В силу молодости они чувствуют себя, как Дэвид Ливингстон среди дикарей. В Магадане в ресторане местные делают им замечание: «У нас так не танцуют». На что кто-то из гитисовцев ответил: «Учитесь!» И как-то же их не побили...

Вместо пятидесяти концертов они дают семьдесят восемь. 22 августа «Бросок на Восток», как назвал Золотухин это приключение, закончен.

Поездка убедила его, да, видно, не совсем. В октябре ему вдруг приходит в голову идея поступить заочно на факультет журналистики. В то время он читает Власа Дорошевича, легендарного дореволюционного журналиста.

– Меня поразил один его рассказ, когда какой-то журналистишка, репортеришка принес редактору роман и попросил у него аванс: «Дай аванс под роман!». Они были приятели, и редактор, чтобы отвязаться, ему какой-то аванс дал, чтобы он ботинки себе, что ли, купил. И тот, счастливый, убежал. Сдали этот роман в набор, стали набирать. Три или четыре страни-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

цы были нормальные, а потом пошел «Тарас Бульба» один в один! И я подумал, ё-моё, это ход, это потрясающая штука! – рассказывал Золотухин в одном из интервью.

Вдохновленный Дорошевичем и в расчете на легкий заработок он написал рецензию на Первую симфонию Шостаковича, при том что ни разу ее не слыхал! Он просто пересыпал текст музыкальными терминами, которые ему, как студенту, изучавшему музыкальную литературу и сольфеджио, были, естественно, знакомы. Подписав опус «Шелепов», он отправил с ним в «Вечернюю Москву» своего товарища по общежитию. Заметка едва не вышла – на счастье, ее показали музыкальному редактору.

«Я уже не мог не писать», – говорил Золотухин. Из его воспоминаний следует, что первым опубликованным текстом стала заметка о его друге художнике Джавиде Агамирзаеве – Валерий отослал ее в «Дагестанскую правду», ее опубликовали и прислали гонорар, пять рублей, которые Золотухин тут же спустил в ресторане ВТО (Всероссийское театральное общество). (Я пытался связаться с «Дагестанской правдой» на предмет поиска этой заметки, но «Дагестанская правда» не отозвалась.) Воодушевленный, он делает из своих колымских дневников статью, отсылает ее в газету «Магаданская правда», она выходит под заголовком «Колыма в первый раз», и Золотухин получает за это 30 рублей. (Эту публикацию нашел филолог Дмитрий Марьин.)

Возможно, он подумал, что запасной аэродром у него уже есть. «А может быть, просто бросить ГИТИС?» – записывает он 1 декабря 1961 года [10].

В июне 1962 года он идет в МГУ (Московский государственный университет) сдавать документы на факультет журналистики, но проговаривается, что уже учится, и документы у него не берут. С запасным аэродромом ничего не выходит. Да он и делает это уже не столько ради запасного аэродрома, сколько из присущего ему всегда азарта и желания заполнить делом каждую имеющуюся у него минуту. 1962-й – выпускной год, уходить куда-то уже поздно, да и незачем: его ждет Государственный Академический театр им. Моссовета.

5.

В 1963 году Золотухин женился.

В дневниковой записи за 1 сентября 1958 года, после описания волнения, радости и событий, составивших

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

первый день в институте, сказано: «Ребята подобрались хорошие, в основном, а девчата мне пока не нравятся, кроме двух: Шацкая и Овчаренко». 3 сентября он записывает: «Шацкая знает, что на нее обращают внимание, и поэтому все играет».

После этого все пять лет учебы Шацкая, которая в 1963 году станет его женой, фигурирует в его студенческом дневнике мельком. Юный Золотухин занят отношениями с Наденькой Федорец, которую за фамилию он называет в дневнике «Огурец» и которую ревнует к любому ее знакомому мужского пола. Интересно, что на Наденьку внимание Золотухина обратила Шацкая, сказав: «Смотри, какая миленькая девочка». Золотухин сказал себе: «Сделай все, чтобы быть с ней».

Впрочем, эта страсть не мешает и другим романам: в мае 1961 года в доме отдыха «Истра», куда Золотухин поехал по настоянию преподавателя по вокалу Трегубова, он познакомился с Леночкой: «Я отметил ее совершенно интуитивно, невольно почувствовал уважение к ее голубым, глубоким, как бездна небес, глазам и непослушной русой челке, которая упрямо соскальзывала на лоб».

Леночка была старше него, уже побывала замужем, развелась, бывший муж предлагал жениться снова, поэтому Золотухин, несмотря на всю лирику с бездной небес, предвидя, что с Леночкой все будет небыстро, сначала воспользовался легкой добычей – девушкой, «которая не скрывала своего желания побыстрее сблизиться с кем-нибудь из ребят». В ограниченном пространстве, где все наверняка на виду, Леночка, конечно, узнала об этом. Но она была старше – ей в то время было двадцать восемь против двадцати золотухинских. И спустя время они стали общаться. Возможно, именно тогда Золотухин сделал открытие: женщины прощают даже то, чего не должны прощать.

Не забудем и Базарова – ведь Валерий читал «Отцы и дети» каждый год! Для него с каждым поворотом событий с той же Наденькой Федорец рушились миры, и при этом он, явно под Базарова, говорил: «Женщины нужны мне как биологическое явление, больше любить не буду». Он бравирует разочарованием в жизни и женщинах, хотя по малолетству откуда бы этому разочарованию взяться?

«Стас говорит, что я тронулся в доме отдыха», – записал Золотухин, вернувшись в Москву. Летом он ездил к Леночке и при этом ревновал Наденьку к каким-то ее знакомым, которыми она по-девичьи дразнила его. Эта модель отношений – когда всех любишь и перед всеми виноват – будет

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

преследовать его всю жизнь. Но он этого пока не знает, по этому поводу не рефлексирует, модель эта его не тяготит.

В декабре 1961 года они с Наденькой ссорятся. Потом записи обрываются до июня 1962 года – обрываются и оба романа. Леночка все же снова выходит замуж за своего мужа и уезжает, причем она беременна, и по поводу того, кто отец ребенка, Золотухин философски отмечает: «Лет через пять будет ясно». За эти полгода успел завязаться роман с Ларисой Крицкой, которая работала в ГИТИСе аккомпаниатором.

Лариса Крицкая известна не только и не столько юношеским романом с Золотухиным: она впоследствии работала с Микаэлом Таривердиевым, с Еленой Камбуровой, к песням которой писала музыку, как композитор участвовала в нескольких фильмах. Она уехала в США, работала там как актриса и режиссер, в частности, ставила «Чайку», что в Америке, где театральное искусство на 90 процентов состоит из мюзикла, можно считать подвигом.

Спустя многие годы, когда угли страсти остыли, Крицкая написала ему на конверте своего диска: «Мне повезло, и я влюбилась в начинающего актера в первый же день, когда увидела его на пороге ГИТИСа, держащего в одной руке настоящую деревенскую гармошку и деревянный, сколоченный из досок чемодан, а в другой – аккуратно связанные четыре тома работ французского философа Монтеня. Ему было девятнадцать, и он приехал в Москву из села Быстрый Исток Алтайского края. «Если не в поэзии суть твоего существования, то что тогда еще?!» – резко оборвал он меня в день, назначенный для разговора о любви. Это был первый удар колокола, призывающий меня ответить на вопрос: «Действительно, а что еще?»

«Роман с Ларисой Крицкой был коротким, но сумасшедшим. Она была в любви огненной. От взгляда или случайного прикосновения мы загорались, и пожар этот невозможно было остановить. Мы искали угол, аудиторию, детский домик, песочницу. Она бросала свою искусственную шубку в любую грязь – на черных лестницах, в подвалах, на чердаках...» – рассказывал Золотухин. На память от этой любви у него остался шрам у запястья правой руки – всем, кто его замечал, Золотухин рассказывал, что это он разбил в тамбуре поезда плафон, мешавший ему с Крицкой заниматься любовью.

Однажды они с Крицкой сидели в кафе «Прага», куда зашла и Шацкая со своей подругой. Золотухин рассказывал, будто Шацкая позднее призналась, что решила тогда

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

разрушить их роман с Крицкой. Видимо, это была чисто женская шалость, из разряда «поманю – все бросит и побежит», дежурная проверка женских чар. В 1962 году вышел на экраны фильм «Коллеги», где играли Василий Лановой, Василий Ливанов, Олег Анофриев, Ростислав Плятт. 22-летняя Нина сыграла пусть не главную, но заметную роль. Фильм в прокате успешно соперничал с «Три плюс два» с Андреем Мироновым, Евгением Жариковым и Натальей Фатеевой. Нина и так была красавицей, а после этого она стала еще и звездой, уж в масштабах ГИТИСа точно. Поклонники совершали ради нее безумства: одного она заставила несколько километров, от ГИТИСа до дома, где жила, прыгать на одной ноге – и он прыгал! И вот эта девушка обращает внимание на Золотухина!

Золотухина, видимо, не очень устраивало положение бесприданницы, которую Паратов соблазняет ради шутки – это разрушало его картину мира. Он всегда рассказывал, что сам выбрал Шацкую именно как главный приз: «Нину Шацкую я выбрал, потому что она была самой красивой и недосягаемой».

Детонатором в отношениях оказался эпизод с лекцией, которую Шацкая попросила у него. «Я сказал, что дам, но только в общежитии. А общежитие, скажу я вам, коварное местечко! Я спросил: “Целоваться будем?” А она дерзко так бросила: “Будем! ”» (Шацкая рассказывает этот эпизод иначе – будто Золотухин предложил и конспекты, и целоваться.)

Тогда дальше поцелуев дело не пошло, но потом Шацкая пригласила его к себе домой в Павловский Посад встречать Новый год. «Вернулся я оттуда уже ее мужем», – многозначительно говорил Золотухин.

Нина Шацкая рассказывала об этом так: «До 22 лет я только дружила с мальчиками, отношения были чисто платоническими. Правда, один больше других нравился, подогрел чувства, подготовил, так сказать, к грехопадению... Но, как Ассоль, я ждала чего-то особенного... И дождалась! Золотухина! Именно я инициировала первую близость с Валерой, после чего сразу повела его знакомить с мамой. Считала, что так надо, а Валерий и не сопротивлялся... Пока бегал за водкой, мама дала волю слезам: она видела, какие женихи за мной ухаживали!

С первого взгляда Валера покорил меня своим нелепым видом. На вступительных экзаменах в ГИТИС бросились в глаза шаровары и белая шляпа в дырочку «а-ля

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Хрущев» – Золотухин носил ее на затылке, как комбайнер. Таким мне и запомнился. За все пять курсов мы не общались ни дня. Только перед выпускным экзаменом засветились: оба пришли в институт с одинаковой лихорадкой на губах. Накануне активист Золотухин вызвался помочь мне, отчаянной прогульщице, с конспектами по эстетике. С обязательным условием – поцеловаться... Поехали к нему в общежитие... “Ты что, встречаешься с Золотухиным?” – расхохотались подружки – нас ведь рядом даже представить никто не мог. Я открещивалась, а потом вдруг оказалась с Валерием в загсе. На церемонии постоянно ржали и уж очень не нравились тетке, что декламировала под Мендельсона».

Они расписались 14 февраля 1963 года. Жили то в Павловском Посаде, в десятиметровой квартирке, то в общежитии.

Они любили друг друга. Шацкая рассказывала, какие он ей писал письма: «Жить без тебя не могу. Мы с тобой, как по радуге, пойдем по жизни»...

6.

На последнем курсе ГИТИСа Ирина Анисимова-Вульф пригласила Завадского на оперу «Укрощение строптивой» посмотреть на Золотухина, который пел басовую партию Баптиты – он заканчивал ГИТИС как баритон. Завадский посмотрел и сказал: «Если он хочет, он может считать себя артистом театра им. Моссовета». Хотя потом Золотухину все равно пришлось «показываться» в театре – играть отрывки (Теркина).

Когда Золотухин пришел в театр им. Моссовета, Завадский как раз восстанавливал «Маскарад». Ничего особенного для Золотухина в нем не предполагалось. Валерия одели в костюм клоуна, Завадский велел: «Подвигайся!». «Как?». «Прыгни на кушетку, например». Золотухин прыгнул на кушетку, она завалилась, и он упал. После этого Завадский сказал: «Сними клоунский костюм, надень костюм Гостя в красном».

«Я не знал, что это повышение, хоть я и оконфузился», – вспоминал Золотухин [7].

Гость в красном – это Третий гость в сцене бала у Лермонтова. Хотя у этого персонажа всего одна фраза: «Вы правы! Как дикарь, свободе лишь послушный, не гнется гордый наш язык, зато уж мы как гнемся добродушно», но Завадский решил выделить эти слова, мысль и придумал, что это будет Лермонтов, на мгновение ока-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

завшийся среди своих персонажей. Золотухина загримировали под Лермонтова, он говорил свою реплику и уходил под «разрывающие душу звуки знаменитого хачатуряновского вальса». «Ей-Богу, я чувствовал себя Лермонтовым!» – писал Золотухин [7].

Арбенина играл Николай Дмитриевич Мордвинов, из породы «великих театральных стариков». Театральное образование он получил в студии Юрия Завадского, вместе с которым в 1940 году пришел в театр им. Моссовета. За разные роли, сыгранные здесь, трижды становился лауреатом Сталинской премии, а в 1965 году – лауреатом Ленинской премии, как раз за роль Арбенина в восстановленном Завадским «Маскараде».

С Мордвиновым Золотухин играл также в спектакле «Ленинский проспект». Мордвинов исполнял роль старого кадрового рабочего Забродина, а Золотухин – футболиста Чухина, друга сына Забродина. Играл Валерий хорошо, срывал аплодисменты. Но, видимо, упрощал образ, и однажды после спектакля Мордвинов остановил своего юного партнера и сказал: «Вы, молодой человек, друга моего сына играете, а сын у меня не дурак и друзей-дураков у него быть не может. А аплодисменты сорвать легко... Ремесло такое».

Золотухин вспоминал, что после этих слов Мордвинов добавил: «А лицо у тебя хорошее!». На этом не кончилось: Мордвинов еще долго говорил о профессии. Спустя два года, в 1966-м, актер умер. Возможно, потому и торопился рассказать молодым о смысле избранного ими пути. «Как истинный талант, он излучал силу, свет и заражал артистов неуемной жаждой сценичного существования. Его присутствие подтягивало всех, все старались, рядом с ним невозможно было работать вполноги, неискренне, не затрагиваясь. Он лежит в гробу на сцене, которой отдал жизнь. Вокруг черный бархат, тихо, неизвестно откуда течет музыка. Театр набит до отказа, артиста провожают в последний путь. Огромная толпа у театра, люди ждут на морозе отдать последний поклон любимому артисту, народному. В “Пакете” – монолог с Зыковым... я старался быть похожим на Мордвинова. И я часто ловлю себя на том, что подражаю ему, так велико было его влияние на окружающих. Земля тебе пухом, великий артист. Вечная память. Аминь!» – записал Валерий Золотухин в дневнике [7].

В театре им. Моссовета в то время шел спектакль «Обручальное кольцо» по пьесе Анатолия Софронова, в кото-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

рой Золотухин пел песню «Ходят соколы» композитора Бориса Мокроусова на текст самого Софронова:

Ходят соколы, в небе соколы,
Вьются-кружатся надо мной,
Возле берега над осокою,
Над широкою над рекой.
Ждут призывного крика-посвиста
От товарищей, от друзей,
Чтобы броситься, в битву броситься
Да на ворога стаей всей.

Для Золотухина событие было знаменательно тем, что именно Анатолий Софронов был автором песни «Шумел сурово Брянский лес», которую Золотухин пел в Быстром Истоке мужикам-фронтовикам так, что они плакали. И тут он увидел Софронова в зале! Юный Золотухин был потрясен.

–Для меня он, автор, был абсолютно нереальным, я первый раз видел живого автора. Я видел не просто автора, но которого люблю, которого я исполнял. Для меня тогда он был выше Шекспира, гораздо... – вспоминал Валерий Сергеевич. Это было больше, чем личное знакомство, – мир, которым он жил в детстве, начал обретать плоть и кровь.

Завадский делал серьезную ставку на молодого новичка. Золотухин играл в спектакле по роману Бориса Полевого «На диком бреге», ему досталась одна из ролей в новом спектакле «В дороге» по пьесе Виктора Розова. Сам Розов в своих воспоминаниях отзывался о Золотухине так: «Он играл небольшую роль Пальчикова. Играл чисто, звонко, и его эпизод всегда покрывали аплодисменты зрительного зала». «Мою роль в спектакле называли открытием», – писал сам Золотухин [7].

Этот спектакль увидел некий французский продюсер и заявил, что приглашает его на Фестиваль наций в Париж в 1966 году. Надо помнить, что советский человек того времени мог увидеть заграницу только при большом везении, а выезд в капстрану (капиталистическую страну) в ряду невероятных событий стоял сразу за полетом в космос.

В это же время в театре им. Моссовета играли Фаина Раневская, Ростислав Плятт, Вера Марецкая. По признанию Золотухина, ему было у кого учиться и было что играть.

Однако Завадский, несмотря на обещание, не брал в театр Нину Шацкую и вдобавок отказал Золотухину в роли

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Теркина, на которую тот рассчитывал. Да еще актер Василий Щелоков как-то сказал Золотухину: «Я свою судьбу загубил, потому что привязался к одному театру. Актер должен искать СВОЙ театр». Золотухин при этом чувствовал, что театр им. Моссовета – НЕ ЕГО.

Неприятности на работе сопровождались напряжением в семье – Нина прочитала в дневнике Валерия запись, из которой поняла, что у него в театре роман. «Он не прятал дневники, напротив, предлагал: “Зайчик, прочти! ” Точно не помню, в какой момент, но вдруг очередная тетрадь пропала со стола. Меня это, конечно же, заинтересовало. Все время лежала на виду, а тут нет ее. Но если не хочешь, чтобы читали твои записи, – прячь получше. Я нашла дневник и тогда впервые узнала об измене мужа.

Валерий писал об Ие Саввиной. Они тогда вместе что-то репетировали, но Золотухин был у нее и дома, почему-то жалел ее сына. По тому, как это описывалось, сомнений не оставалось: между ними были определенные отношения. Возникло чувство омерзения и желание немедленно пойти под душ – я человек брезгливый. Конечно, между нами произошел разговор, он как-то оправдывался, отнекивался. Я простила, но не забыла. Невозможно забыть предательство», – рассказывала Шацкая в одном из интервью.

Понятно, что был скандал. И вот в этом состоянии творческого и житейского кризиса Золотухин получает от Гутьерреса совет: «Любимов создает новый театр. Идите с Ниной к нему – вы ему подойдете»...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ТАГАНКА

Глава третья

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1.

В 1963 году в Щукинском театральном училище, одном из тех, мимо которых Валерий Золотухин прошел, не увидев заветного слова «институт», приступили к занятиям студенты курса Анны Алексеевны Орочко. Дочь политического ссыльного, она родилась в селе Шушенском, и ее крестными были Владимир Ульянов и Надежда Крупская. Театру ее учил Евгений Вахтангов. Она сыграла в первой постановке (1922 год) неумирающего спектакля «Принцесса Турандот», где принцессу играла Цецилия Мансурова, а принца Калафа – Юрий Завадский (Борис Щукин, исполнивший потом роль Ленина в фильмах «Ленин в октябре» и «Ленин в 1918 году», сыграл в этом составе Тарталью – так судьба снова свела Анну Орочко с Ильичом). Орочко исполняла одну из главных ролей – Адельмы, любимой невольницы Турандот.

В 1963 году Юрий Любимов вместе со студентами курса Орочко взял для учебного спектакля пьесу Бертольда Брехта «Добрый человек из Сезуана».

Юрию Петровичу Любимову было тогда 46 лет. Деда его раскулачили, отца и мать репрессировали. Бросив школу, он поступил в электромеханический техникум, находившийся на Таганской (!) площади. В то же время он занимался хореографией, а в 1933 году поступил учиться в студию при Втором МХАТе, театре, основанном в 1924 году Михаилом Чеховым, создателем новой театральной системы. Чехова, правда, в театре уже не было, но оставались Серафима Бирман, Алексей Дикий и Софья Гиацинтова, которые стали учителями Любимова. Первую роль он сыграл в 1935 году (мальчик у парикмахера в спектакле «Мольба о жизни»).

В 1936 году Второй МХАТ закрыли. Любимов поступил в Вахтанговское училище, где сыграл свою первую большую роль (Клавдио в спектакле «Много шума из ничего» Шекспира). Он смотрел спектакли Мейерхольда «Лес», «Ревизор», «Дама с камелиями», в 1937 году видел репетиции погибшего еще до премьеры спектакля «Борис Годунов», музыку к которому написал Сергей Прокофьев. Однажды Рубен Симонов представил Любимова Мейерхольду. (Бюст Мейерхольда много лет спустя стоял у него на столе, а в 1987 году Любимов поставит «Бориса Годунова», который, если бы не сменились времена, тоже погиб бы до премьеры).

Когда пришла пора идти на военную службу, он попал в ансамбль песни и пляски НКВД, в выездных бригадах которого прошел Финскую войну и Великую Отечественную. Тут можно задаться вопросом: как ему служилось в НКВД, с памятью о деде и родителях? «Двоедушие свойственно на-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

шему обществу», – сказал Любимов в одном из интервью [34]. Сказал наверняка о других, но, хотел или нет, а немного и о себе.

В 1946 году он сыграл в фильме «Беспокойное хозяйство» летчика из эскадрильи «Нормандия-Неман» Жана Ляроше-ля, который увлекается ефрейтором Тоней. Эту роль исполнила Людмила Целиковская, тогда жена Михаила Жарова. С 1959 года у Целиковской с Любимовым началось то, что сейчас называется гражданским браком.

Со временем театр перестал удовлетворять Любимова. «Мне стало очевидно: нужна метафора, а не подделка, образ, а не копия». Речь идет, видимо, о форме высказывания. Соцреализм как способ художественного высказывания оказался не только скучен, но и слаб – он не действовал нужным образом ни на публику, ни на актеров.

«Мне надоело быть актером в сорок пять», – сказал Любимов в одном интервью. Это получается 1962 год. В 1963-м он ставит в Щукинском училище «Доброго человека из Сезуана» Бертольда Брехта. При работе над этим спектаклем Любимов использовал увиденную у Мейерхольда биомеханику – придуманный в противовес системе Станиславского метод, при котором актер идет к роли не изнутри, а от внешнего – от движений, пластики, жестов и поз. Очевидец репетиций «Доброго человека» театральный критик Алла Шендерова вспоминала, как Любимов, репетируя какую-то сцену, говорил актеру: «Не стой просто так у портала – вылепись!»

Всякая театральная система имеет целью пробудить в актере нутро, суть, энергетику, магнетизм – у явления, посредством которого актер воздействует на публику, много названий. Чем больше актер, тем сильнее его энергетический заряд. Актеров в мире десятки тысяч, но тех, от кого цепенеет зал, единицы. Актерская профессия – беспрерывное упражнение в умении копить и выбрасывать энергию. В первую очередь это упражнение для души. Станиславский пробирался к душе через мозг, Любимов – через тело. «Жест и форма для него с самого начала важны не менее, чем содержание. Знаменитая фраза богов из брехтовского “Доброго человека из Сезуана”: “Блюди форму, а содержание подтянется” – это только отчасти шутка. В ней – суть Таганки», – считает Алла Шендерова.

Действие пьесы, напомним, происходит в Китае, в местечке Сычуань (другой вариант перевода названия: «Добрый человек из Сычуани»). Спустившиеся на землю боги ищут в Сезуане доброго человека и находят только одного –

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

проститутку Шен Те. Причем, чем больше она делает добра людям, тем тяжелее ей живется, и поправить свои дела она может, только переодевшись мужчиной и представляясь своим двоюродным братом Шуи Та.

В СССР считалось, что Брехт обличал мир капитала с его пороками, которых в стране победившего социализма быть не могло. Однако пороки свойственны человеку во всех политических системах, и советские люди 60-х годов, вооруженные умением видеть двойные и тройные смыслы в художественном высказывании, угадывали в «Добром человеке» если не самих себя (себя в таких историях не угадывает почти никто), то многих из тех, кого они видели рядом. Вот хотя бы в этом отрывке:

Идут бараны в ряд.
Бьют барабаны.
Кожу на них сдают
Сами бараны.

Когда это впервые было исполнено со сцены еще в Щукинском училище, публика, ошалев от услышанного, потребовала повторить. Все были в полной уверенности, что училище после этого закроют. А там было еще и это:

Власть исходит от народа,
Но куда она приходит
И откуда происходит,
До чего ж она доходит?

Тема власти и ее происхождения была такой горячей в первом государстве рабочих и крестьян, что этот зонг запретили петь еще в училище.

Любимов отказывался копировать форму мира, чтобы сразу показать его суть. Он пренебрегал материей, чтобы говорить о духе. Сцена на «Добром человеке» была пуста. Вместо задника – серо-белая материя. Спектакль начинался вдруг – выбегал Водонос с большой бутылкой и кружкой, и тут же на сцену, как на улицу, высыпали самые разные люди. Это был совсем не тот театр, к которому привык советский человек, однако он вызывал эмоции – сопереживание и сострадание.

Любимов сохранял суть театра Брехта, «эффект отчуждения» – когда актер не вживается по Станиславскому в образ, а остается где-то рядом с ним, играет, глядя на себя со стороны. Как это было на сцене? По счастью, отыска-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

лась цитата, и не просто о «Добром человеке», а о том, в котором Водоноса Ванга играл уже Золотухин, к которому роль перешла от первого исполнителя Алексея Эйбоженко: «Когда Водонос Ванг (актер В. Золотухин) после неудачных попыток пристроить на ночлег трех богов стыдил себя и своих сограждан, он в истерике бился головой о стену и так искренне возмущался, что зритель ему чуть не поверил, и даже сочувствовал и жалел. Но в какой-то миг Золотухин останавливался и украдкой бросал лукавый взгляд на зрителей, как бы спрашивая их: «Здорово я переживал, убедительно бился головой о стену?» И тогда в зале рождался смех, понимание, что это только игра. Рождался «образ образа» – не водоноса, а актера, изображающего водоноса; рождался и способ этого изображения – правдивое и логичное проживание актером образа водоноса, а также мастерский выход из образа и демонстрация личного (золотухинского) отношения к персонажу. Да, это вроде бы можно назвать симулякром, но рожденным не из кича, а из психологической правды – и из иронии по отношению к ней. Это не кич, так как сам Золотухин наслаждался созданием двойного перевертыша: себя в роли водоноса – и себя, иронизирующего над Брехтом и водоносом; при этом актер искренне восхищается честностью и искренностью водоноса и мастерством Брехта-Любимова» [35].

Эффект отчуждения Брехта – это театральная философия высшего порядка, занятие по теории относительности в театре: по ходу действия зритель должен был понять, кто когда есть кто. Если честно сказать, тут сам черт ногу сломит, и лично я всегда сомневался, что и сами актеры понимают, как это все можно совместить – играть, тут же смотреть на себя со стороны и снова играть. Из рассказов о театре Брехта видно, что его актеры даже под непосредственным руководством мастера «срывались» и вполне по Станиславскому погружались в образ и перевоплощались в своих героев. Магия театра оказывалась сильнее теории.

Эффект отчуждения может показаться лишним для театра. Но если помнить, что театр – упражнение для души, то тут ничего лишнего для воздействия на зрителя быть не может. Душа обязана трудиться. И дополнительные переживания в театре ей только на пользу.

Для чего человеку Театр? Чтобы он мог посмотреть на себя со стороны, пожалеть себя, ужаснуться себе, понять себя. Однако реализм не дает нужного результата. Человек видит себя – ну, так он к себе привык, он себе уже все простил, он с собой уже обо всем договорился, ему не страшно

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и не стыдно. Он оброс броней, и, чтобы пробить ее, театру надо время от времени становиться другим. Любимов решил протаранить современников Брехтом. И это удалось ему настолько, что из студенческого курса решено было сделать театр.

2.

О том, кто и как создал Таганку, истории ходят разные. С какого-то времени Любимов стал рассказывать, что Театр на Таганке создан только им. Это не совсем так.

В 1946 году в Москве был создан Театр драмы и комедии. Возглавлял его Александр Константинович Плотников. Как записано в «Театральной энциклопедии», труппу составили актеры периферийных театров. Спектакли ставили разные – «Как закалялась сталь» по Н. Островскому и тут же «Дворянское гнездо» по И. Тургеневу. В начале 60-х годов с театром случилось самое страшное: перестала ходить публика.

Одним из актеров этого театра был Николай Лукьянович Дупак (впоследствии он на многие годы станет директором Театра на Таганке). Он пришел в театр 2 сентября 1963 года. По совету директора Театра киноактера Юрия Зодиева Дупак сходил на «Доброго человека» и спектакль ему понравился.

– Зодиев пригласил в гости Любимова с Целиковской. У него дома я и предложил Любимову прийти со своим курсом в наш театр, – рассказывал Дупак в одном из интервью [55].

Любимов отказался, так как место было, как говорят, непрестижное – рядом тюрьма («театр на отшибе» – так называлась будущая Таганка, возле касс которой люди скоро будут ночевать), а Любимов предполагал получить дворец культуры в Дубне. Однако когда с дворцом культуры ничего не вышло, он пришел на Таганку.

Дупак придумал театру и известную ныне эмблему с красным квадратом.

В те дни произошла история, из которой при желании можно было понять все: что будет, как будет и чем все кончится.

Спектакль «Добрый человек» пригласили в Московский Дом ученых.

– Зал был полон. А актеры перед спектаклем выдвинули мне ультиматум: или ты всех нас берешь на Таганку, или сегодня мы играть не будем. <...> Я пришел к ним, и сказал: «Ну, хорошо, как хотите, я теперь выйду на сцену и изви-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

нюсь перед этими известными учеными, что спектакля не будет. А вы делайте, что хотите, идите, куда хотите, все... Я не подпишу ваши дипломы, и вы сразу же уедете. Я даю вам пять минут на размышление. И я ушел. Через пять минут я вернулся – они играли... – это Юрий Любимов рассказывал чешскому изданию «Литерарни новини» в июле 2011 года, когда ситуация почти повторилась: актеры Таганки отказались играть в Праге, пока им не выплатят долги за уже отыгранные спектакли.

3.

23 апреля 1964 года считается днем рождения Таганки. Валерий Золотухин увидел спектакль «Добрый человек из Сезуана» в конце мая. «Это было самое большое мое театральное потрясение. Самое большое за всю жизнь до того и после. Спектакль закончился, я метался по Театру на Таганке в слезах, я завидовал ребятам, которые играют этот спектакль. Я пришел к Любимову и сказал, что согласен на все, даже сидеть в массовке в “Добром человеке...”. Любимов меня взял», – вспоминал Золотухин.

Показываться в театр они пошли вдвоем – Нина и Валерий – правда, не сказав, что они муж и жена.

Шацкая вспоминает этот показ как несложный: «Из зрителей – один Юрий Петрович Любимов. Вместо декорации – два стула в его кабинете. Даже концертмейстер не пришла. Поэтому мы “всухую”, без музыки, спели дуэт из какой-то оперетты: “Ах, Вася... Ах, Дуся...” И были приняты!»

– Валерию Любимов дал очень большой кредит доверия, потому что Валерия покидал успех в театре Моссовета, у Завадского, и это было для Любимова серьезным аргументом, – рассказывал мне Вениамин Смехов, непосредственный свидетель тех событий. (Смехов, нынешняя легенда Таганки, устроился на работу в Московский театр драмы и комедии за год до прихода туда Любимова и его «кирпичей», сыграл в двух спектаклях Петра Фоменко, но был недоволен собой как актером настолько, что собирался уходить в писатели.)

В театре им. Моссовета, узнав о намерениях молодого актера, решили его удержать – соблазняли квартирой, напоминали об уже решенных гастролях в Париже! Золотухин, однако, устоял. Может, понимал, что с Таганкой у него будет не только Париж – а весь мир?

– Валерий страстно захотел на Таганку. У него было предчувствие. Если говорили, что он был с гонором, рвался к успеху и больше ни к чему... Во-первых, это нормально для

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

молодого человека – иметь впереди такую цель, во-вторых, Валерий очень непохож на стандартного артиста – во всем. И то, что он сбежал из успешного театра в молодой и с туманными перспективами театр, делало ему честь, – говорит Вениамин Смехов.

Первой ролью Золотухина в Театре на Таганке стал Грушницкий в «Герое нашего времени».

Историки театра предполагают, что Любимов взялся за «Героя...» в какой-то мере от безысходности – от Театра драмы и комедии в репертуаре остались только два спектакля, показывать одного «Доброго человека» было невозможно, требовалось срочно что-то поставить, а на дворе стоял 1964-й – год 150-летия со дня рождения Лермонтова.

При этом поставить просто «Героя нашего времени» Любимов не мог себе позволить – это был всего лишь второй его спектакль и первый в должности главного режиссера, а главное – в те времена репутация театрального новатора обязывала человека быть новатором, даже если ему и не очень этого хотелось.

«Поэт и царь, художник и самовластье – вот кого в первую очередь столкнули режиссер и театр в “Герое нашего времени”. Спектакль задуман как трагический рассказ о страшной судьбе Лермонтова или, еще точнее, некоего собирательного образа Поэта в условиях самодержавия», – писала в рецензии известная в те годы театровед и литературовед Инна Вишневская.

Любимов поместил «Героя» в раму, как картину: спектакль начинался с того, что в начале Поэта сдавали в солдаты за вольное слово, а заканчивался тем, что Николай Первый зачитывал постановления об истинном и дурном характере в искусстве.

Однако лермонтовский «Герой нашего времени» о чем угодно – о любви, о юношеских масках, которые слишком дорого обходятся тем, кто их носит, о том, что жизнь человеческая на войне не стоит ни гроша... – но про поэтов там нет ничего.

Вдобавок Любимов хотел поговорить о Поэте, а от него, по конъюнктуре времени, ждали разговора о Гражданине. Вот, например, Инна Вишневская пишет: «Герой того времени много мог бы сегодня рассказать со сцены герою нашего времени. И не только осуждать, но и кое-чему поучиться могли бы у Печорина наши молодые современники. Он, право же, метко стрелял в пошляков и позеров Грушницких, высоко ценил живую мысль и не насиловал свободную человеческую волю. Но всего этого не рассказа-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

но в спектакле о Печорине. Перед нами все тот же человек-демон, личность злого, отрицательного обаяния и тяжелого мефистофельского взгляда, фигура в худшем смысле традиционная. Зачем он такой сегодня?»

Режиссер и роман, спектакль и зритель не совпали во времени и месте.

О Золотухине-Грушницком критики писали немного. «Укладывающий волосы на височках а-ля император Грушницкий», – это Инна Вишневская.

Популярнейший журнал «Смена» в рецензии, опубликованной в апреле 1965 года, уделил молодому артисту чуть больше внимания: «В. Золотухин в роли Грушницкого – истинно лермонтовский тип. Он играет с задором, весело, сочно. И веришь его пустоватым глазам и лихим усикам, и его мелким, в общем-то, страстям».

Спектакль не делал аншлаги, и по настоянию Николая Дупака его сняли с репертуара.

«Это была неудача театра, хотя мы имели в своем распоряжении гениальную литературу. Но мы не справились с нею», – позже писал Золотухин в рассказе «Подвиг слова». Сам Любимов в разговоре с Золотухиным (1967) сказал: «Я во многом виноват. Надо было смелее корежить, а я так все боялся господина Лермонтова обидеть, и вышло наоборот».

При всем том в спектакле было много из того, что сделало Таганку Таганкой: куклы, звуковые эффекты. Именно в этом спектакле впервые появился и световой занавес, ставший любимовской классикой. Делался он так: свет сорока фонарей направлялся вертикально вверх. Зрителю совершенно не было видно, что делается на сцене за этой завесой. Приехавшая как-то раз японская делегация решила, что весь секрет в особом порошке, который светился в фонарях, – между тем это была обычная непобедимая театральная пыль.

У Золотухина о «Герое» осталось необычное, обонятельное, воспоминание – в театре перед выпуском спектакля пахло карбидом. «Я запомнил этот запах на всю жизнь. Это были замечательные дни, начиналась новая жизнь, новое дело, я держал экзамен и был предельно свободен в действиях и словах, нет, волнение было колоссальное, но праздничное, восторг, что-то рождалось, а на всю сует было плевать сто раз», – записал Золотухин годы спустя (дневник, запись от 26 марта 1967 г.) [9].

Какое-то время Золотухин работал на два театра. «Грушницкий появлялся в спектакле во втором акте, а мой Паль-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

чиков – в первом. Случалось так, что я играл первый акт в театре им. Моссовета, садился в такси, разгримировывался, выполняя категорические, безусловные требования эстетики Любимова, и мчал в театр на Таганке», – вспоминал Золотухин в [7].

К этому «переходному» моменту относятся воспоминания Вениамина Смехова:

– Он водил меня к себе, и я видел его очень приличный спектакль в театре Моссовета по пьесе Розова «А, Б, В, Г, Д». Это, кстати, была первая роль, где Золотухин с гармошкой...

Расставание с театром им. Моссовета прошло нелегко. «Юрий Завадский сказал, что я далеко не самый хороший поступок совершаю в своей жизни, я предаю своего учителя. <...> Я поехал к Ирине Сергеевне. <...> Она, конечно, ревновала, переживала, но она посмотрела все спектакли Любимова с моим участием и сказала: “Вы сделали правильный выбор, вы нашли свой театр”. <...> И вот этот груз она как-то сняла с моей души, груз предательства своего учителя» [7].

Роли в Таганке нашлись сразу и для Валерия, и для Нины: в 1964-1966 годах оба играли в спектаклях «Десять дней, которые потрясли мир», «Жизнь Галилея», в «Добром человеке», где Золотухину после ухода из театра Алексея Эйбоженко досталась роль Водоноса Ванга.

4.

«Все театры начинаются с вешалки, Таганка – с площади», – сказал великий поэт Андрей Вознесенский. Сказано это «в общем», но и в частности – о поэтических представлениях, особого рода театральных высказываниях. Первыми стали «Антимиры» по стихам Вознесенского, получившиеся из вечера «Поэт и театр», задуманного Любимовым, как сказали бы сейчас, для раскрутки театра.

«Когда Таганка как театр еще зарождалась, даже не имела своего имени (помню, как потом скопом долго подбирали ей наименование, а начальство все не разрешало ее “Таганкой” называть), ко мне на Елоховскую приехали темногривый создатель ее – Юрий Петрович Любимов и завлит Элла Левина. Гости предложили мне стать автором нового театра. Идея приглашающих была: устроим ваш вечер «Поэт и театр», будет скандал, и публика узнает путь к театру. Я согласился читать во втором отделении, если в первом актеры будут читать за меня», – вспоминал Вознесенский.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Начались репетиции, на которых Золотухин познакомился с Вознесенским «вживую» – заочно он знал о нем еще со студенческих, лет.

– Когда проходил из своего общежития на Трифоновке к станции метро «Рижская», я останавливался у газетных стендов, которые тогда были в Москве на каждом шагу, и читал вывешенные там стихи Вознесенского из его «Треугольной груши», и старался аккуратно вырезать себе эти стихи и хранил их..– вспоминал Золотухин в одном из интервью.

Первое поэтическое представление «Поэт и театр» было сыграно 20 января 1965 года. Успех был таков, что решили играть это и дальше – как спектакль. Появилось название «Антимиры».

Живет у нас сосед Букашкин,
в кальсонах цвета промокашки.
Но, как воздушные шары,
над ним горят
Антимиры!

И в них магический, как демон,
Вселенной правит, возлежит
Антибукашкин, академик
и щупает Лоллобриджид...

Сейчас, наверное, трудно понять – как это, в театре просто читают стихи, поют песни два часа без перерыва, без сюжетных линий, интермедий. А вот так. В 60-е и еще долго, вплоть до 90-х, поэзия не нуждалась в довесках, не шла в нагрузку.

На фоне постановлений партии и правительства «Антимиры», как антивещество, взрывали существовавшие тогда пространство и время. Это напоминание о том, что над прозой жизни есть Поэзия, над бытом есть Космос.

Как раз в эти годы в Политехническом музее в Москве проходили вечера поэзии, на которых читали свои стихи Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, и которые стали символом оттепели. По воспоминаниям, актеры Таганки показывали на этих вечерах свои «Антимиры».

Спектакль стал так популярен, что Таганка играла их вечером вторым спектаклем – для заработка. А потом их играли даже и днем – такова оказалась востребованность «Антимиров».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Приезжал Андрей из какого-то очередного там Лос-Анджелеса с чемоданами, выходил, зал ревел, он читал про какие-то стриптизы. Лексика совершенно другая, за гранью, для нас она была не похожая на традиционную, пушкинскую лексику. А тут все взрывалось, образы были какие-то унитазно-сумасшедшие. Что бы там ни говорили, понимаете, но Вознесенский сделал для театра колоссальную революцию. Он открыл поэтическую линию театра. То есть он изобрел, как архитектор, художник, бог его знает, случайно этот театр. Да, Любимов воплотил. Но принес это все Андрей Вознесенский», – говорил Золотухин в одном из интервью [36].

«Антимиры» сыграли какое-то невероятное количество раз, по подсчетам Бориса Хмельницкого, около двух тысяч раз. Золотухин говорил, что с этого спектакля началась «поэтическая линия Театра на Таганке», что «Антимиры» – это новый элемент, как в таблице Менделеева, но элемент поэзии. (О том, какими с годами стали отношения Золотухина и Вознесенского, говорит такой факт: когда уже серьезно больной Вознесенский не мог на своих вечерах с прежней мощью читать свои стихи, он приглашал для этого Золотухина – и Золотухин соглашался, приезжал, читал.)

«Антимиры» стали первым спектаклем Таганки, в котором сыграл Владимир Высоцкий. В 1965-м ему было 27 лет. После школы он поступал в Московский инженерно-строительный факультет, проучился семестр, но бросил.

Он учился в Школе-студии МХАТ. С 1960 года он работал в Московском драматическом театре имени А.С. Пушкина – сыграл там, например, Лешего в «Аленьком цветочке». Летом 1961 года он написал песню «Татуировка», которую сам часто называл первой.

«Каким он пришел? Смешным. Таким же хриплым, в кепочке. Кепочку снял вежливо. С гитарой. В пиджачишке букле. Без всякого фасона, не такой, как говорили, – стильный молодой человек, нет. Пришел очень просто. Парень очень крепкий, сыграл чего-то. Сыграл, и не поймешь, собственно, брать или не брать. А потом я говорю: “У вас гитара? Может, вы хотите что-то исполнить?” – “Хочу”. – “Ну, пожалуйста”. Он спел. Я говорю: “Еще хотите исполнить?” Он еще спел. Я говорю: “И что же вы исполняете?” – “Ну, – говорит, – свое!” – “Свое?” Я его сразу взял. Вот и все. Вот история его прихода», – так рассказывал Любимов о первой встрече с Высоцким [28].

Золотухин сначала услышал песню Высоцкого – в спектакле «Микрорайон», который поставил Петр Фоменко еще

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

до прихода на Таганку Любимова, Алексей Эйбоженко пел под гитару «А тот, кто раньше с нею был».

А тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл,
И как-то в осень, и как-то в осень
Иду с дружком – они стоят,
Они стояли ровно в ряд,
Они стояли ровно в ряд –
Их было восемь...

Золотухин тогда в театре им. Моссовета пел совсем другое, из параллельного мира:

Ходят соколы, в небе соколы,
Вьются-кружатся надо мной,
Возле берега над осокою,
Над широкою над рекой.
Ждут призывного крика-посвиста
От товарищей, от друзей,
Чтобы броситься, в битву броситься
Да на ворога стаей всей...

Золотухин был потрясен песней Высоцкого – это было другое, это было хорошо! Потом Валерию показали автора поразившей его песни, и Золотухину от первого впечатления также запомнился пиджак букле – очень модный тогда. Валерий и Владимир вместе работали в «Антимирах». Оба были тогда трогательно-молодые – по их фотографиям никак не предугадать их судьбы.

Одновременно с «Антимирами» репетировались «Десять дней, которые потрясли мир». Премьера состоялась 24 марта 1965 года. Основа спектакля – книга американского журналиста Джона Рида о революции 1917 года. У Любимова это называлось «Народное представление в двух частях с пантомимой, цирком, буффонадой и стрельбой». Это был тот самый случай, когда Таганка начиналась с площади: перед спектаклем часть актеров, в том числе и Золотухин с гармошкой, в сценических костюмах революционных солдат и матросов ходили перед театром, а билеты предъявляли революционным матросам в бушлатах и бескозырках, которые накалывали билеты на штыки своих винтовок, как пропуска в фильмах о революции.

Спектакль произвел фурор. Золотухин на фотографиях выглядит совершенно счастливым – так или иначе, но он

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

причастен к этому! В «Десяти днях» он пел песню Вертинского «На смерть юнкеров». Золотухин при этом был одет в костюм Пьеро, обычный костюм Вертинского тех лет. Может, таким образом Любимов хотел сказать, что это всего лишь Вертинский, иллюстрация, может, странным нарядом надеялся снизить пафос песни. В любом случае можно предположить, что вышло наоборот. На фотографиях Анатолия Гаранина, чуть ли не единственного фотографа, которому Любимов позволил снимать в театре, сохранился Золотухин-Пьеро. Цифрового фото, компьютеров и фотошопа с его возможностями тогда не было. Гаранин, видимо, отснял полностью всю песню и потом каким-то образом – возможно, методом многократного наложения негатива на негатив и печати – сделал черно-белый шедевр, запечатлевший костюм, грим, жесты, мимику Золотухина. Желание потратить силы на такой снимок не возникает просто из фотографического лихачества – должно быть нечто большее. В апреле 1972 года Золотухин спел эту песню на концерте в одном из московских НИИ, кто-то записал ее (так и вижу этот магнитофон с бобинами и выносным микрофоном для записи). Я слышал эту запись, и когда Золотухин пел строчку «Целовала покойника в губы», забираясь на слове «целовала» выше-выше-выше, мороз продрал меня по коже. Он не делал из этого комедии – он пел так, что юнкеров становилось жаль. По тем временам это было больше, чем фронда – это была чистая идеологическая диверсия.

Также он играл в «Десяти днях» ходока. Спектакль играли так много и часто, что, по признанию Золотухина, он стер о сцену Таганки десять пар лаптей.

Весной 1965 года театр готовил спектакль «Павшие и живые» – на стихи погибших и выживших поэтов Великой Отечественной. Золотухин читает стихотворение «Сороковые-роковые», играет в новелле «Узники фашизма» поэта Мусу Джалиля. В финале спектакля на сцене зажигали Вечный огонь. Высоцкий написал к «Павшим» песню «Солдаты группы “Центр”».

22 июня 1965 года спектакль сыграли для чиновников Московского горкома КПСС. Они должны были запретить «Павших», но так смеялись, плакали и аплодировали, что запретить не запретили. Но и не разрешили. Спектаклю предъявили претензии, что среди поэтов слишком много евреев (и предложили поменять Кульчицкого, который был русский, на Светлова, который вообще-то был как раз еврей), и, что еще серьезнее, «культ личности и фашизм по-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ставлены на одну доску», то есть Гитлер и Сталин получаются одинаковыми палачами.

Писатель Константин Паустовский, уже тяжело больной, в разговоре с Алексеем Косыгиным (сейчас разговор между писателем и премьер-министром по поводу театра как-то трудно представить) попросил заступиться за Таганку, за спектакль, и на «Павших» вдруг приехал Анастас Микоян, тогда, если пересчитывать его должность на нынешнюю иерархию, президент страны. Он посмотрел спектакль, и после этого дела начали поправляться. Официальная премьера состоялась 4 ноября – после того как театр сделал почти два десятка поправок.

Я слышал, как Золотухин читал «Сороковые, роковые» именно тогда, в 1965 году. 4 ноября, за несколько часов до премьеры, Вениамин Смехов, Борис Хмельницкий, Валерий Золотухин и Владимир Высоцкий выступали в Институте русского языка АН СССР. Удивительным образом сохранилась запись этого выступления. Смехов говорит: «У нас премьера», и женский голос (Зинаида Славина) добавляет: «У нас сегодня «Павшие и живые». В «Сороковых-роковых» семь строф по четыре строки. 28 строчек. Золотухин начинает просто-просто, но со строки «А это я на полустанке» его голос вдруг начинает лететь, захватывая с собой всех, а на строках «Да это ж я на белом свете – худой, веселый и задорный!» Золотухин забирается уже и вовсе ввысь. На словах «И все на свете понимаю» Золотухин вдруг останавливает себя и слушателей, давая всем время понять, что вот это – «худой, веселый и задорный» – передышка, вспышка жизни между смертями. «Как это было? Как совпало? Война, беда – мечта и юность»... «Война гуляет по России, а мы такие молодые...»

«Павшие и живые» были всего лишь четвертым спектаклем нового театра, а слава его была уже такова, что за билетами надо было стоять всю ночь. Это были шестидесятые – довольно благополучные экономически. Очередей за хлебом не было – но была очередь за зрелищами. Когда в июне 1965 года отменили премьеру «Павших», публике предложили ждать премьеру и пройти по этим билетам или сдать их – никто не сдал. У главного входа постоянно были люди, как писал Золотухин, «в большинстве женского, молодого состояния»: «Они не теряют времени, читают учебники, целыми днями простаивают за бронью... Они любят нас, узнают, перешептываются, покупают цветы. Это какая-то другая, почти штатная в своей постоянности, часть нашего театра».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Таганка становилась легендой, ее актеры воспринимались как молодые боги. Писательница Елена Скульская, тогда девятиклассница, на весенних школьных каникулах в 1965 году поехала из Таллина смотреть спектакли Таганки. «До сих пор помню, как по скульптурной лепке лиц, по хищной собранности тел моментально узнавались артисты Таганки в вагонах метро. Мы ехали в театр одновременно – те, кто входил со служебного входа в гримерки за час до спектакля, и те, кто кружил у входа в театр в надежде выпросить, перехватить, вымолить, чудом добыть "лишний билетик". И помню ту, с тревожной оглядкой, женщину, которая отвела меня за угол и продала за три рубля билет на "Доброго человека из Сезуана" в пятый ряд партера», – вспоминает Елена Скульская.

«Антимиры», «Павшие и живые», «Жизнь Галилея», «Десять дней, которые потрясли мир»... Золотухин был занят во всей «классике» первых лет Таганки, однако, за исключением Грушницкого в «Герое нашего времени», это были не роли. Впрочем, ролей не было ни у кого или почти ни у кого. Спектакли делались коллективным режиссером и игрались коллективным актером.

«Имя создателя этого спектакля – легион. Весь театр. Мы не называли имен авторов текста – их множество. В программке только сочинителей песен названо семь. Мы не называли и актеров-исполнителей – ведь, кроме Губенко, все остальные играют по четыре-пять ролей, как их всех перечислишь...» – пишет рецензент из «Советской культуры» в 1965 году о спектакле «Десять дней». Рецензент воспринимает театр как массу – что может быть обиднее для актера? Готов ли Золотухин затеряться в толпе, даже если эта толпа – Таганка?!

5.

В это же время он снимается в кино. Без кино, без лица на афишах покорение Москвы выходило неполным. Золотухин особенно остро почувствовал это в Быстром Истоке, куда поехал показать родителям молодую жену Нину. Ей, известной по фильму «Коллеги», устроили встречу в клубе как известной актрисе с показом фильма.

Для села приезд московской киноактрисы был событием, на встречу пришла вся деревня, «пыль поднялась, как крестный ход», – вспоминал Золотухин. Спрашивали, слушали и будто ждали чего-то, «какого-то раскрытия, какого-то секрета».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Однако было и неприятное. Золотухин вспоминал: «Односельчане замучили меня вопросами, почему я не снимаюсь в кино. Им было неудобно за меня, они хотели быть односельчанами киноартиста. В “Алтайской правде” появилось сообщение: “На отдых в деревню приехала известная киноактриса Нина Шацкая со своим мужем”. Просто со своим мужем, ни имени, ни фамилии!» [7].

Это уязвило Золотухина – он решил непременно стать киноартистом, чтобы в подобных случаях хоть фамилию писали. «Я, конечно, не объявил по радио о своем желании, но оно было кем-то услышано», – пишет Золотухин. Режиссер Владимир Назаров однажды зашел на Таганку, увидел Валерия во время репетиции и предложил ему роль в фильме «Пакет», первом как для актера, так и для режиссера (до этого Назаров снял только сюжет для киножурнала «Фитиль» и короткометражку «Закон тайги»).

Это история из времен Гражданской войны: юного красноармейца Петю Трофимова посылают доставить пакет командиру Первой конной армии Михайле Буденному. Петю ловят белые, и он съедает пакет вместе с сургучной печатью. Его отправляют на расстрел, но солдат, которому велено его расстрелять, оказалось, сочувствует красным. Они решают вместе добираться к Буденному, а для конспирации Пете цепляют погоны. Вскоре они снова попадают в плен – уже к красным, которые не верят в историю Пети и тоже решают его расстрелять. Уже стоя у стенки и разуваясь – чего же добру пропадать?! – Петя находит в обмотке недоеденный клочок письма с оставшимися от имени Буденного буквами «хайло», в которых комиссар распознает почерк Петиного командира. Так Петя и спасается.

Фильм снимался летом в Калуге. Премьера состоялась 7 ноября 1965 года. Золотухин в фильме – юный и светлый. То ли ему придали молодости гримом, а то ли он, 24-летний, и правда выглядел мальчишкой. Тут он такой же, каким видел себя в отроке Варфоломее, стоя в студенческие годы в Третьяковской галерее перед этой картиной М.В. Нестерова.

Отроку Варфоломею, будущему святому Сергию Радонежскому, явился Ангел в образе инока. Варфоломей сказал ему самое заветное желание: выучиться грамоте. Инок дал ему просфору и молвил: «Это дается тебе в знамение благодати Божией и для разумения Святого Писания!» Энергетика картины заставляла Валерия проводить перед ней часы, он даже привел к ней отца, когда тот приехал в Москву. В «Дребезгах» написано: «Володе казалось, что в Третьяковке отец поймет, что он простил его. Слова в этом решении не

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

помощники. Но чтобы и отец простил его и понял бы, в какую дорогу отправился сын его, отпустил бы и благословил. Володя хотел родить для себя отца сначала». Да, в цитате нет ничего про Гражданскую войну. Но есть о том, как Золотухин понимал себя, каким он видел себя. Эта картина была для Золотухина камертоном. Она давала то настроение, о котором Максимилиан Волошин написал в финале стихотворения «Гражданская война» (1919):

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас – тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Именно так, молясь за тех и за других, Золотухин и прожил всю свою жизнь.

В «Пакете» ничего этого нет – только распахнутые глаза Пети Трофимова, удивленного тем, что все эти люди хотят ему зла. Но уже Бумбараш – именно таков – «стоит один меж ними», как потом Золотухин будет стоять меж раздираемыми страстями сторонниками Таганки Любимова и Таганки Губенко.

Если говорить не о содержании, а о форме, то кинопроцесс разочаровал молодого актера. Когда на просмотре отснятого материала Валерий увидел себя – без звука, без монтажа – он расплакался. Он решил, что ничего не вышло. Режиссер и оператор объяснили ему, что это только половина работы, что будут еще склейка, монтаж, озвучание, но удар все равно был так силен, что Золотухин потом много лет не смотрел свои фильмы: «Бумбараш», например, он увидел только через 25 лет после съемок.

После «Пакета» Золотухин не проснулся знаменитым. Но эта высота была взята. В 1966 году фильм взял приз на фестивале в Праге. Однажды роль похвалил Любимов.

«Любимов смотрел “Пакет”.

– Валера, мне очень понравилось.

Я обалдел, очень рад был, весь день счастлив», – записывает Золотухин 24 января 1967 года в своем дневнике.

Однако профессия актера основана на неуспокоенности, только это залог новых свершений. Золотухин был по

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

неуспокоенности чемпионом – сомнения терзали его и в более зрелом возрасте, что уж говорить о самом начале пути?

Весной 1966 года Золотухин делает в дневнике такую запись: «Думаю: к чему живу, на что надеюсь, чего хочу? Нет ответа. Проходят дни, годы – ответа нет, до слез хочется домой...»

6.

В марте 1966 года он получает роль Водоноса Ванга в «Добром человеке» вместо ушедшего из театра Алексея Эйбоженко.

Тот, кто играет Водоноса, ведет за собой весь спектакль, открывает и закрывает спектакль – выходит в прологе и эпилоге. Он подытоживает действо, читая в конце:

В руках у нас прекраснейшая сказка
Вдруг получила горькую развязку.
Опущен занавес, а мы стоим в смущеньи –
Не обрели вопросы разрешенья.

И дальше Золотухин читал уже прямо зрителям, глаза в глаза:

– Так в чем же дело? Что мы – не смелы?
Трусливы? Иль в искусстве ищем выгод?
Ведь должен быть какой-то верный выход!
За деньги не придумаешь – какой!

Другой герой? А если мир – другой?
А может, здесь нужны другие боги?
Иль вовсе без богов?
Молчим в тревоге.

Так помогите нам! Беду поправьте,
И мысль и разум свой сюда направьте.
Попробуйте для доброго найти
К хорошему – хорошие пути...

Ему кажется, что роль не клеится: «Вроде делаю от души, моя роль, Епифанцев (Георгий Епифанцев, актер МХАТа, – прим. С.Т.) говорит, что я лучше всех, все, видевшие спектакль со мной, хвалят, но я чувствую себя не в... Приспосабливаюсь и знаю, что не заиграл в открытую, мне свойственную манеру. Нет, дело не в манере, просто не я в роли, а я в роли кого-то, под кого-то, и не могу отделаться

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

от ощущения нарошности. Роль выстраивалась не со мной, ввод был более чем экстренный, но это, в общем-то, никого не интересует», – сердится он сам на себя в дневнике.

Видимо, он неправ. Видимо, имеет место излишняя требовательность, вообще свойственная Золотухину. Елена Скульская описывает метафизическое ощущение от его Водоноса: «...профильная, летящая легкость, способность промелькнуть, оставив фантомный след в воздухе, эта льняная простота хуже воровства, отнимавшая способность сопротивляться его обаянию».

Пластика, жесты, то, что было для Любимова тогда важным, получились у Золотухина незабываемыми. «Он не ходит по сцене, а семенит, как заводная игрушка, изгибается вопросительным знаком, кувыркается. Направляясь в суд с жалобой на обидчика, он, как штандарт, несет над головой сломанную руку» [23].

Вениамин Смехов, оставшийся на Таганке во многом благодаря именно Валерию Сергеевичу, рассказывал мне о своих впечатлениях от Золотухина-Водоноса Ванга:

– В России играют нутром. Иногда это заставляет морщиться. Гармония – единое понятие для всего мира. И когда избыточно человек тратится, рвет рубашку, звенит его душа до костей, а Бог не послал этой душе гармонического созвучия... А Золотухин вонзился в эту роль, он играл ее душой. Он чудесно играл добряка и философию добряка, который при этом себя считал так себе человеком...

Золотухин сыграл Водоноса так, что эта роль на многие годы осталась за ним. Составы актеров в «Добром человеке» менялись, как поколения, а Золотухин все так же играл своего Водоноса.

В июне 1966 года состоялась премьера спектакля «Жизнь Галилея». Роль Золотухина называется «маленький монах». Также он появлялся в составе уличной труппы и в толпе просто монахов.

По признанию Смехова: «Он играл маленького монаха, и это была роль большого артиста».

– Он играл верующего, пристегнутого к монашескому клану человека, который не имеет ни возможности, ни права усомниться в постулатах церкви. И когда Галилей, его учитель, объяснял ему, что Земля вращается вокруг Солнца... Если бы он так просто сказал – это грех. Но когда он показывает формулы... Монах говорит: «Я не могу понять вот эту формулу». До этого он спорил. Но как ученый он видит эту формулу и понимает ее правоту. Это была такая сцена! Галилей-Высоц-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

кий, радуясь, что монах сейчас сбросит путы, говорил: «Я объясню тебе, я объясню тебе, я объясню тебе все!» – вспоминает Вениамин Смехов.

12 сентября 1966-го, в начале театрального сезона 1966-1967 годов, Золотухин записывает итоги прошлого сезона: «Ввод в Водоноса, маленький монах, работа в “Павших”. Не так уж плохо, просто отлично, по-моему, если в каждый сезон будут попадать такие золотые рыбки, как Водонос и Фульганцио, – что еще нужно, жить можно. Конечно, если бы меня спросили, доволен ли я, я бы ответил отрицательно. Жадность моя не дает мне покоя. Если думать, что можешь умереть в любой день, все сделанное кажется малым, недостойным, а потому нельзя не торопиться».

И дальше он пишет: «Я должен сыграть “Живого”, считаю делом жизни, чести».

7.

В ноябре 1962 года в журнале «Новый мир», редактором которого был Александр Твардовский, увидел свет рассказ «Один день Ивана Денисовича». В январе 1963 года его издала «Роман-газета», а летом он вышел отдельной книжкой. Это не только и не столько лагерное бытописание, сколько рассказ о том, что делает с человеком Система. Иван Денисович, при всей положительности образа, искореженный человек. Той жизнью, которой он приладился жить, жить нельзя. Но живет и он, и его товарищи по лагерю, а за колючкой этого лагеря – сотни тысяч людей в других лагерях, а где-то дальше – и вся страна. Вопрос «Что с нами происходит?» не был задан в рассказе, но рассказ именно об этом.

В 1966 году тот же «Новый мир» под заголовком «Из жизни Федора Кузькина» напечатал повесть Бориса Можаева «Живой». Кузькин уходит из колхоза, потому что за год работы на трудодни он получил только мешок гречки. Пытается жить самостоятельно, но колхозное и районное начальство преследуют его – то запрещают в магазине продавать Кузькину хлеб, то собираются забрать его землю. Кузькин борется, когда побеждает, когда проигрывает, но не теряет оптимизма. Он пытается выживать на воле так же, как Иван Денисович выживал в лагере.

Зарифмованность этих жизней современники увидели сразу. Писатель Юрий Карякин, с которым Золотухин был знаком, спустя годы отметил в дневнике: «“Один день Ивана Денисовича”, что бы ни говорили о творчестве Солженицына в целом – вещь платиновая, абсолютно

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

гениальная. “Живой” Можаева – рядом. Кузькин – родной единоутробный, кровный брат Ивана Денисовича. И обоим жить навсегда.» [38].

Мелюзговость разного рода уполномоченных и советских работников, портивших Кузькину жизнь, позволяли Можаеву и Твардовскому в годы оттепели делать вид, что речь идет об отдельных недостатках здоровой в целом системы. Тем более, в противовес злонамеренной районной партийной и советской бюрократии в повести есть образ «доброго барина» – справедливого районного партийного руководителя Федора Ивановича.

Любимов прочитал «Новый мир» с «Кузькиным», нашел Можаева и сказал, что хочет переложить повесть для сцены. Можаев сначала сомневался – думал, что Таганка не осилит постановку о деревенской жизни, но Любимов пригласил его посмотреть спектакли.

17 сентября 1966 года он пришел на репетицию «Маяковского», и Золотухин записывает в дневнике: «Смотрел Можаев. Понравилось. Хочет работать с нами. Хитрый. Высокий. С подтекстом».

Можаев уже знал, что роль Кузькина Любимов предназначает Золотухину, и сказал ему: «А в вас есть многое от Кузькина».

То, что эта роль станет событием, понимали все, в том числе и сам Золотухин. «Господи, помоги. Боюсь, как бы не умереть или бы войны не было – пока не сыграю “Живого”», – записал он в дневнике 18 ноября 1966 года.

Золотухин в эти месяцы живет на разрыв: «Живой», Маяковский, а с января 1967 года добавляется еще работа – Геннадий Полока приступает к съемкам художественного фильма «Интервенция» – о событиях в Одессе в годы Гражданской войны.

Золотухину досталась роль Евгения Ксидиаса, 19-летнего сына одесской банкирши, который узнает, что нанятый ею для сына репетитор Бродский – на самом деле руководитель большевистского подполья, и за него обещана награда. Бродского играл Высоцкий. У них с Высоцким была клятва – не сниматься в кино друг без друга. «Интервенция» стала первым фильмом, где у них это получилось. Золотухин в одной из наших с ним бесед рассказывал, что в фильм его привел. Причем первая проба Золотухина была не ахти, но Полока что-то увидел в актере и решил пробу повторить.

– В «Интервенции» пробовался я, и пробу проиграл. Но Полока что-то такое увидел. Он меня вызвал на вторую пробу. А я уже и не мечтал об этой роли. Я приезжаю, выхожу из

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

поезда – оркестр, в белых халатах! С цветами. Копелян выходит посмотреть: кого это так встречают? Я же был молодой мальчишка, а меня с оркестром и цветами встречают. Приезжаем на студию – девочки носят мне кофе. Комнату отдыха мне предоставляют. Пробовался с Олей Волковой. Что ни скажу – с лесов хохот. Да что ж такое?! Ты понимаешь, как раскрепощается артист, когда ему хорошо?! И кураж идет. Кинопроба была такая, что худсовет, конечно, меня утвердил. И весь этот маскарад придумал Полока! – рассказывал мне Золотухин, признавая, что если бы не эта история, то он не насмелился бы потом просить вторую пробу в «Бумбараше».

Золотухина утвердили на роль в мае 1967 года.

Начинаются съемки. Высоцкий хвалит Валерия: «Ты многое играешь хорошо. И вообще это будет для тебя событие». В фильме снимается Руфина Нифонтова, Золотухин рассказывает ей, как в школьные годы картошкой клеил ее фотографию на стену. С таким же восторгом он смотрит на Юрия Толубеева: «Мой кумир Быстро-Истокского периода, артист, которому я галоши подавать не постесняюсь». И теперь он вместе с ними работает, сидит в одних гримерках, курит с Толубеевым в перерывах...

8.

15 и 16 мая 1967 года он играет в премьерных спектаклях «Послушайте!» по стихам Маяковского. Поэтов на сцене было пятеро – по мысли Любимова, каждый актер должен был показать какую-то одну, отдельную, черту характера поэта, а целый образ сложился бы у зрителя, как в калейдоскопе.

Репетиции начались еще в сентябре 1966 года. Надо помнить, что Маяковский в те годы с его поэмами «Хорошо!», «Владимир Ильич Ленин», с крылатой строчкой «Через четыре года здесь будет город-сад!» являлся одним из пазлов идеологии. На Маяковского имелся определенный взгляд, шаблон. Творчество его принималось не все, а только то, которое соответствовало, прежде всего, революционное. Остальное было фактически забыто. В таком виде Маяковский был приемлемым, удобным. И вдруг Любимов показал его другим – мятущимся, ищущим, рвущимся то к Богу за звездой, то просто за добрым человеческим словом:

Все, чем владеет моя душа,
– а ее богатства пойдите смерьте ей! –
великолепие,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

что в вечность украсит мой шаг,
и самое мое бессмертие,
которое, громыхая по всем векам,
коленопреклоненных соберет мировое вече, –
все это – хотите? –
сейчас отдам
за одно только слово
ласковое,
человечье.

Это стихотворение Золотухин читал вместе со Смеховым.

В одном из интервью Валерий Сергеевич вспоминал: «Я с исступлением читал:

Я не знаю, как это сделать, / Но прошу вас, товарищ ЦК, / Уберите Ленина с денег, / Так цена его высока... Верил ли в это Любимов? Верил. Верил комсомолец Золотухин? Верил! Некоторые сегодня говорят: "Я держал фигу в кармане..." Мне 62 года. И я сегодня хорошо понимаю, что равенства нет в природе и не должно быть. Что коммунистическая утопия пустила нашему народу моря крови. Но тогда... Мы верили в лучшее».

Таганка, как когда-то и Маяковский, призывала относиться ко всему по высшей мерке, без скидок, и делала это искренне, чем обескураживала советскую власть.

Интересно, что, репетируя спектакль о поэте, Золотухин в это же время делает шаг вверх по своей писательской лестнице: в январе 1967 года он покупает пишущую машинку. «Теперь карты в руках, надо писать...» – отмечает он в дневнике.

Писательство его началось не с институтских дневников, а немного раньше. Первым опытом можно считать записку на тему «Кто виноват?», составленную Золотухиным по поводу инцидента в школе. Его брат Иван читал на уроке арифметики книгу «Генерал Доватор». Учительница заметила это, вызвала Ивана к доске, а тот, не остыв от чтения, вместо темы урока стал рассказывать содержание книги: как генерал Доватор немцев рубил.

– Думаешь, раз ты сын председателя, так тебе все можно?! – прокричала учительница и схватила Ваньку за волосы. Валерий, когда учительница после этого пошла между рядов, улучил момент и двинул ее костылем по ногам!

Учительница – к директору, директор – к отцу. В результате Ваньку еще и отец выпорол. Валерия не тронул – и так жизнью обижен, на костылях.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

И вот после этого Валерий взял бумажку и стал высчитывать, кто виноват, что Ванька лежит с поротой задницей. Раскрутив логическую цепочку, Валерий пришел к выводу, что виноват отец-председатель по причине своей неграмотности. Прикладного значения эта работа не имела, отец о ней тогда не узнал, а то мог и не посмотреть на костыли.

Другой опыт был в старших классах. Золотухин прочитал «Слово о полку Игореве». Любовь, смерть, неволя и стремление к свободе, открытие, что неведомые, сгинувшие почти тысячу лет назад люди жили тем же, чем вот недавно, в войну, жили все вокруг, трагическая судьба самой поэмы, которая сгорела при пожаре Москвы в 1812 году, словно кто-то загадал людям загадку, а сжег ответ – все это произвело сильнейшее впечатление на Валерия. Он говорил потом, что был ужален «Словом»: «Меня ударило в озноб, или электричество какое-то пробило!»

Он написал сочинение на целую тетрадь, даже мозоль на пальце ручкой натер. Однако из-за множества ошибок оценкой титанического труда оказался «кол». Валерий обиделся и написал трактат «О преподавании литературы в школе» о том, что за такой труд такие оценки ставить нельзя. Трактат он читал одноклассникам, добавляя, что отошлет его в журнал «Семья и школа». Золотухина вызвал к себе директор школы и пригрозил оставить без аттестата, если трактат и правда окажется в журнале. Можно сказать, что так Поэт и Гражданин в Золотухине впервые столкнулись с Властью.

Дневники, которые он вел с начала учебы в ГИТИСе, усиливали тягу к самовыражению через слово. В 1966 году Золотухин начал показывать свои первые рассказы друзьям. Тогда же он решает написать «Запахи» – о родине, детстве, юности, о родителях, о себе в Москве в самом начале пути. «Запахи» потому, что лейтмотив повести – запах овчины и дегтя, запах родины, который привез с собой в Москву отец Сергей Илларионович, решивший навестить сына. (Потом, по совету Шацкой, он назовет повесть «Дребезги» и под этим названием она станет известна. А жаль, «Запахи» все же, как мне кажется, точнее, тоньше).

В феврале 1967 года на новокупленной машинке он перепечатывает рассказ «Старики». Дата написания под ним стоит «1963», и это, видимо, первый его рассказ, который он счел рассказом.

Старику Абросиму Назину поставили смертельный диагноз. Помирать так помирать, но прежде он решил уладить свои дела на земле: пристроить свою жену Фетинью к Миколе Сычеву, который по молодости на нее поглядывал.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Не за так – за три ящика водки. Микола сначала думал, что Абросим тронулся, но потом на эту странную партию согласился. И вот Фетинья живет с ним, водка выпита, все сроки прошли, а Абросим не умирает! Больше того, после поездки в больницу выяснилось, что он здоров – затянулась болячка! Абросим на радостях потребовал от Миколы вернуть Фетинью, но и Микола сказал «Нет», и Фетинья обиделась и назад к мужу не рвется. С этого началась между Миколой и Абросимом стариковская вражда, продолжавшаяся до самой смерти.

За интонацией, с которой это все рассказано, виден автор – ему и жаль людей, попавших во всю эту несуразицу, но на какую-то малость и смешно.

«Стариков» он дает почитать Высоцкому, отзыв которого наверняка приободрил Золотухина: «Очень, б..., понравилось, и напечатать можно».

В апреле Золотухин отдает рассказ Александру Марьямову, редактору из «Нового мира». Тот говорит, что впечатление хорошее: «Чувствуете слово, есть авторская страсть, это на очень хорошем литературном уровне», хотя и есть замечания.

Золотухин пишет дальше – «Чайников» (будущий «Иван, поляк и карьера»), «Целина», «Три рассказа Танькистюардессы» – первые, кроме «Стариков», его рассказы.

Возможно, за словом он отдыхал от театра – уж слишком много он отнимал сил. У спектакля «Послушайте!», при всем его советском революционном заряде, были проблемы: власть не могла поверить в искренность Таганки, как задолго до этого не могла поверить в искренность Маяковского. В спектакле усматривали подтексты и намеки.

15 марта у Золотухина радость – они с Шацкой переехали в новую квартиру. Золотухин и рад, и немного играет перед самим собой – то и дело ходит мыться в ванну и со смешком подсчитывает в дневнике, сколько он сэкономил на бане. Правда, он запоминает и то, что в первый же день они с Шацкой поссорились, отчего – не понять, слово за слово...

В апреле состоялся прогон «Послушайте! » для чиновников из управления по культуре и едва все не погубил. Смехов и Высоцкий читали стихотворение «Юбилейное» (обращение к Пушкину). Любимов придумал, что это будет диалог между Маяковским и Пушкиным. За Пушкина был Высоцкий. Строфа Маяковского «Хорошо у нас / в Стране Советов. / Можно жить, / работать можно дружно» была разбита на двоих, и после того, как Смехов-Маяков-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ский говорил: «Хорошо у нас в Стране Советов», Высоцкий-Пушкин свое «Можно жить» произнес с вопросительной интонацией. В общем-то, это вполне оправданно – откуда Пушкину, убитому в 1837 году, знать, каково жить в Стране Советов? Однако вышел скандал. В вопросе «Пушкина» усмотрели издевку. Но удивительным образом спектакль не закрыли.

На сдаче спектакля поэт Кирсанов сказал, что Маяковский впервые зазвучал как Маяковский, а драматург Николай Эрдман признал спектакль гениальным. «Пушкина открыли футуристы, вы открыли для нашей молодежи Маяковского», – это слова писателя Виктора Шкловского. Это все, понятно, грело душу всем, в том числе и Золотухину. На вторую сдачу пришла Лиля Брик, одна из тех женщин, в которых запутался Маяковский. Брик плакала. При этом сказала: «Этот спектакль мог сделать только большевик, и играть его могут только большевики», – опытный человек, она знала, что надо сказать, чтобы спектакль прошел.

Спектакль выпустили – 15 и 16 мая 1967 года состоялись премьеры.

Маяковского играли Владимир Высоцкий, Валерий Золотухин, Владимир Насонов, Вениамин Смехов, Борис Хмельницкий. В этом поэтическом представлении Золотухин читал «Не хочу я быть советским», «Двенадцать квадратных аршин жилья», «Бывало, сезон – наш бог – Ван Гог», «Париж обшаркан миллионом ног», участвовал в чтении нескольких стихов с Высоцким, Смеховым и другими «Маяковскими». Но именно Золотухину досталось «заглавное» стихотворение – «Послушайте! Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно». Это философский Маяковский, идеалист-романтик, «правильный» человек. Там человек приходит к Богу, там есть удивительные строки «Ведь тебе теперь ничего не страшно?». Это открытие поэта, который задрал голову и смотрит в звездное небо, напоминая всем, как это необходимо – смотреть на звезды.

То, как Золотухин читает «Послушайте», сохранилось на множестве записей разных лет. Я их слушал. В 60-е годы у него интонации Маленького принца, ребенка, который пытается что-то объяснить взрослым. Это детское удивление перед тем, что взрослые не понимают таких очевидных вещей. Позже он читает совсем иначе: как взрослый детям, сверху вниз, без размашистой митинговости 60-х. Хотя слова «Ведь теперь тебе ничего не страшно, да?» он в 2000-е читает почти так же, как в 60-е – с надеждой на открытие, познание тайны.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Тогда, в 60-е, он своим «Послушайте» так пронимал зрителя, что рецензент из «Советской культуры» только его и отметил персонально: «И юный, по-мальчишески искренний Валерий Золотухин читает: “Послушайте! Ведь, если звезды...”. В самых острых и кульминационных моментах спектакля будет возникать этот болевой призыв: ведь так важно, чтобы вечером “загоралась хоть одна звезда”» [50].

Сохранилось уникальное живое свидетельство: писатель Иван Кудинов, ныне патриарх алтайской литературы, а в 1967 году слушатель Высших литературных курсов, зимой 1968-го был на спектакле. Почему-то он запомнил на сцене только Высоцкого и Золотухина: «Поразило меня то, что роль Маяковского исполнял не один актер, как это принято, а сразу два», – рассказывает он. Возможно, другие «Маяковские» по каким-то причинам в этот вечер не вышли на сцену. Но возможно и то, что Золотухин и Высоцкий оказались такими яркими, что заслонили всех остальных в памяти Ивана Кудинова.

– Сказать по правде, это было и неожиданно, и совершенно немыслимо: два разных актера, две личности, два темперамента, эпизодически и по ходу действия сменяя один другого, интерпретируя и трактуя по-своему, отнюдь не раздваивали, как мне казалось, и не разрушали образ, а скорее дополняли и привносили в него каждый свое, сохраняя при этом всю целостность и глубину храктера... Да, хитер Любимов, этот волшебник театральный, уже тогда обраставший легендами, – такую феерию запустил! Но каковы молодые и темпераментные актеры Высоцкий и Золотухин! Внешне далекие от Маяковского, они сумели так сыграть (и сыграться) и такой образ слепить на сцене, что создавалась полная иллюзия – вот это и есть настоящий, истинный Маяковский. Можно было, конечно, под воздействием актерской магии ошибиться, не так воспринять. Но и Лев Абрамович Кассиль, руководитель нашего семинара прозы на ВЛК, близко знавший Маяковского, говорил, что у него от спектакля осталось такое же впечатление...» – так вспоминает Иван Кудинов тот далекий зимний вечер.

9.

Тем временем жизнь вокруг ощутимо менялась.

В мае 1967 года Александр Солженицын направил в адрес IV съезда писателей письмо, в котором предлагал съезду потребовать снятия цензуры. В ответ писатели осудили письмо как «враждебную вылазку и клевету». Против этого

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

проголосовали только Константин Симонов и Афанасий Салынский, да еще не был в этот момент на съезде Александр Твардовский.

В июне 1967 года Андрея Вознесенского пригласили читать стихи на фестивале искусств в США. В самый последний момент Вознесенский узнал, что его поездка признана «нецелесообразной». (Это была месть за то, что на съезде писателей Вознесенский поддержал письмо Солженицына). Он по этому поводу написал письмо главному редактору той же «Правды» Михаилу Зимянину, заканчивающееся так: «Видно, руководство Союза не считает писателей за людей. Подобная практика лжи, уверток, сталкивания лбами – обычна. Письма к нам не доходят, порой за нас отвечают другие. Кругом ложь, ложь, ложь, бесцеремонность и ложь. Вот почему я пишу это письмо в вашу газету, которая называется “Правда”» (цитируется по публикации в журнале «Посев», 18 августа 1967 г.). Зимянин был членом ЦК КПСС, однажды назвал Елену Боннэр, жену академика Сахарова, «зверюгой в юбке», в общем, в симпатиях к диссидентам замечен не был. Ничего хорошего из этого письма не вышло. Вознесенского «разобрали» на секретариате Союза писателей СССР, вынесли ему «резкое порицание». Это было, конечно, не десять лет без права переписки, но все же... Любимов не мог не понимать, что «разрывы» ложатся все ближе.

Федор Бурлацкий и Лен Карпинский за опубликованную в «Правде» статью «На пути к премьере», направленную против театральной цензуры, были немедленно уволены по личному распоряжению Брежнева – власть подавала недвусмысленный, как говорят сегодня, сигнал.

Это была и его, Золотухина, жизнь – у него в дневнике есть и Карпинский, и Бурлацкий, и Вознесенский. Но одновременно ткалось другое полотно: 3 июня 1967 года Золотухин записал в дневнике о Шацкой: «...вчера она попросила ребеночка».

С какого момента Валерий и Нина стали задумываться о детях, неизвестно. Шацкая в интервью рассказывала, что они оба хотели детей, но она не могла забеременеть. Ей пришлось лечиться. У них, видимо, не получается, потому что в июле Золотухин записывает: «Я страшно волнуюсь... А вдруг у меня не может быть детей? Жизнь потеряет смысл, а я – свое назначение, семья развалится, как карточный домик, какая это семья без детей. Кто-то сказал, если к 30 годам дом не наполняется детским криком, он наполняется кошмарами»...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В июле 1967 года в Москве проходит кинофестиваль. В числе гостей – Марина Влади. Корреспондент газеты французских коммунистов «Юманите» в Москве Макс Лион ведет Марину на спектакль Таганки, на «Пугачева», а потом – в ресторан ВТО (Всероссийского театрального общества). Золотухину позвонил Гутьеррес и предложил: приходите вместе с Ниной. В ресторан пришел и Высоцкий, влюбленный во Влади с 1965 года. Из ресторана все пошли к Максу Леону домой, и там Гутьеррес предложил Золотухину спеть. Он спел «Ах, ты, ноченька...» Тогда Высоцкий взял гитару и тоже спел. Золотухин в ответ дал «Ой, мороз, мороз!» Это очень скоро стало похоже на поединок за прекрасную даму – хотя Золотухин-то ведь был при жене! Шацкая в конце концов его и утащила.

В эти же дни он начинает пробиваться на свет как писатель – впервые несет свой рассказ «Старики» в журнал. На «Новый мир» не замахивается – скромно идет в «Сельскую жизнь». Там происходит диалог, который он записал:

– У вас что, проза, стихи?

– Проза.

– Хорошая?

– Плохая! – ответил Золотухин, и это так на него непохоже, что мы понимаем – струхнул.

– Ну, к плохой мы привыкли, этим не удивишь. Садитесь!

Рассказ не приняли. Золотухину было сказано:

– Талантливый парень. Но даю голову на отсечение, это не напечатают, во всяком случае, у нас это точно не пройдет. Анализа нет. Страшный, уродливый быт, изуродованные, жестокие люди, а ситуация анекдотическая. Очень хорошо рассказанный анекдот, в платоновской интонации рассказанный, она сама по себе уже угнетает. Только посмертным изданием, как Платонова, Булгакова...

Думаю, Золотухин после этих слов не шел, а летел. Ему сказали «талантливый парень», у него «платоновская интонация»... А он только недавно читал Платонова, «Фро», и признавался сам себе, что после этого хоть не пиши, так хорошо! Золотухин не рассматривал этот отказ как поражение, это подтверждается тем, что он тут же рассказал о походе в редакцию Высоцкому и Смехову. Они одобрили, а Высоцкий дал совет – написать побольше, и ходить уже с несколькими работами, на выбор.

У Золотухина к тому времени, кроме «Стариков», есть еще «К сыну» – рассказ, который он давал читать Николаю Губенко, и тот сказал, что может выйти повесть.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

10.

В сентябре 1967 года Любимов начинает репетиции «Живого» на сцене. Несмотря на письма Солженицына, Вознесенского, статью Карпинского и Бурлацкого и их увольнение, Любимов считает, что со спектаклем успеет вскочить в последний вагон «оттепели» или того, что от нее осталось.

«Живой» стал первым спектаклем Любимова, где художником работал Давид Боровский. Смесь конструктивизма и документалистики – так характеризуется его стиль. Для «Живого» Боровский придумал целую рощу молодых березок, над которыми покачивались небольшие избушки, церквушки. Это было сюрреалистическое зрелище, даже с фотографий от этого образа веет холодом.

Любимов предлагает Золотухину трактовать Кузькина просто: как деревенского хитрована, пройдоху. Возможно, Любимов думал, что спектаклю в таком виде будет проще «проскочить», а зритель потом сам все поймет как надо, не дурак. Но Золотухину такое толкование образа кажется и упрощением, и умалением главного героя.

«Причисление шефом Кузькина к когорте прохиндеев в корне неверное и сбивающее меня с панталыку. Кузькин – божий человек, бесхитростный напрочь, острый на язычок, больше от характера занозистого, как Иванушка не себя защитить, а народ и волю свою от мироедства. А потом он и репутацию, марку Живого держит, воспитал в себе уникума, острослова, балагура. К нему люди лечиться ходят, и лечит он их юмором и легкостью взгляда, добротой и бесталанностью, бессеребренностью своей. И огрызается-то не по злобе, а по прямоте момента. Он – толстовский тип. “Толстой – религия моя”, – говорит Можаев, он толстовец, стало быть, и Кузькин иным быть не может», – размышляет Золотухин над образом героя в своем дневнике [7].

Золотухин подозревает за Любимовым желание прямолинейной трактовки: «Оттого и играть хуже стали, что в лобяру одну и ту же затруханную тенденцию против управления везде протискиваем и все ею объясняем, и в ней вдохновение черпаем».

В декабре 1967 года Золотухин записывает: «Кузькин пока не идет – Любимов мало доволен, если не сказать более, но я не отчаиваюсь пока, т. к. внутри нахожу все чаще точность характера и интонации и т. д. Наружу пока выходит мало, но я не тороплюсь».

«Не только за хлебом он насается, за правдой, если хотите – за религией, которую не может выразить, но чувствует, как собака. Где-то здесь его высшее существо витает, хотя

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

он весь, от волоска до ногтя, человек здешний, земной, живой, живущий. И в глазах его нет злобы, даже на то, что его семью голодной оставили, а есть желание найти выход и выкрутиться. Он не знает выхода, но знает и всегда уверен, что он есть», – записывает Золотухин в январе 1968 года [7].

Тогда же он пытается вызнать у автора, Бориса Можаева, что за персонаж его Федор Кузькин. Но автор, хотя и сказал до этого, что в Золотухине есть много от Кузькина, на этот раз, судя по всему, мало чем помог.

«Вчера – длинный, непонятный, запутанный спор-разговор с Можаевым о понимании образа Фомича. Он ни во что не верит, все знает, его много раз надували. Правды нет, она где-то в лесу заблудилась или в поле, в грязи застряла. Если он ни во что не верит, не верит в правду ни в райкомовскую, ни в высшую какую-то справедливость, почему он сам действует и живет по справедливости и даже к тому же весело. Почему же после прочтения хочется жить, становится легко на сердце от присутствия в жизни таких людей. Разве может быть симпатичен ни во что не верящий, разве захочется ему подражать и жить по его примеру и т. д. и т. п.» [7].

Интересно, что в это же самое время он читает «Войну и мир». Какие-то пласты сдвигаются в нем. Время от времени Золотухин записывает в дневнике, что надо бы где-то достать Евангелие: «Хочется достать Евангелие или Библию. Кажется, станет легче жить» [7].

В январе 1968 года в Чехословакии первым секретарем КПЧ выбрали Александра Дубчека – с этого началась «Пражская весна», чехословацкая «оттепель». В дневниках Золотухина это не отражено. 26 января 1968 года он пишет: «Сегодня, если ничего не случится, начну “Запахи”». 27 января: «Подумаю над “Запахами”». (“Запахи” – первоначальное название повести “Дребезги”.)

По мере продвижения «Живого» слухи о нем расходились по Москве. Время от времени Любимов устраивал прогоны спектакля. Прогоны – это форма, позволяющая режиссеру увидеть, на какой стадии готовности находится его детище. Однако в той ситуации они становились возможностью показать работу хоть какому-то количеству людей. В зале бывало около двадцати человек. Допускались только избранные из избранных. Ходила легенда, что однажды за право попасть на прогон кто-то заплатил ордером на квартиру. Мне об этом говорил в одном из интервью Золотухин. Скоро об этих прогонах пошла по Москве такая слава, что власти ре-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

шили запретить и их. «Раздаются звонки о запрещении репетиции “Кузькина”, вот те, бабушка, и Юрьев день», – записывает Золотухин в дневнике в январе 1968 года.

Кино подбадривает его. Они с Высоцким в первые месяцы 1968 года то и дело ездят в Ленинград к Полоке, Золотухин иногда читает Высоцкому в «Красной стреле» свои рассказы, тому нравится. Воспряв духом, Золотухин отсылает в «Литературную газету» «Стариков» и «Чайникова», снова подписавшись фамилией Шелепов. Зачем ему это надо? Возможно, с одной стороны, для чистоты эксперимента, с другой – может, не хочет, чтобы посмеивались (ему ведь сказали потом в журнале «Смена»: «Артисты графоманами стали». Хоть и в шутку, а наверняка задело).

Из «Литературки» пришел ответ: «Чайников» остался только анекдотом, а «Старики» написаны поддельным русским языком: «Оба Ваших старика говорят на том вымороченном наречии, которое является лишь кустарной и, к сожалению, распространенной подделкой под народную речь. Эти “однакось” и “ноне” давно уже скомпрометировали себя».

Тем не менее в конце говорилось: «В Ваших рассказах привлекает умение найти острую, действительно чреватую интересными характерами ситуацию. Но пока Вы остаетесь на поверхности, не используя те возможности, которые сами же находите».

В «Огонек» и «Смену» Золотухин пошел уже сам – думаю, хотел сразу все узнать, не маяться, ожидая письма. В «Огоньке» «Чайникова» почти не читали, а по поводу «Стариков» сказали: «Это не годится... Откуда вы хватаете такие ситуации? Это же все надуманно, нежизненно... Вы берите жизненные ситуации... Это все литературщина, а язык есть и способности есть, писать можете и должны... Это же у вас старики эти оба... не люди... а шмаровозы какие-то. А баба? Бабы нет, есть какая-то кобыла, которую со двора на двор перегоняют». Но тоже предложили, если напишет еще, приносить.

В «Смене» Золотухина узнали – оказалось, редактор в свое время писал рецензию на «Героя нашего времени». Золотухин обрадовался, думал, это поможет, а зря – рассказы тоже завернули.

«Уехать куда-нибудь в лес к глухой речушке и не видеть никого», – горько записывает Золотухин после этого. Все, что он выплеснул в рассказах, – боль и любовь, вся вложенная в них душа оказались никому не нужны.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Весной 1968 года из Быстрого Истока в Междуреченск переезжают родители. Валерий пишет Фомину: «Мои старики переехали к Володе в Междуреченск, так что в Быстрый Исток мне ездить теперь незачем, только что в гости к тетке или к Ивану. От этого непривычно и даже тоскливо» (письмо от 21 мая 1968 г.) [10]. За этими строками чувствуется удивление: как же он теперь без Быстрого Истока? Родина всегда подпитывала его, даже на расстоянии. Переезд родителей ослабил этот энергетический заряд.

В марте 1968 года «Интервенция» смонтирована, Высоцкий говорит, что Золотухин в фильме «первым номером», и Валерий полон надежд. В мае Полока переименовывает фильм в «Величие и крах дома Ксидиас» (таким и было его окончательное название), так что получается, что Золотухин сыграл заглавную роль. Высоцкий же расстроен – ему кажется, что все лучшее с ним вырезано.

(Полока переименовал ленту, побоявшись ассоциаций, – тогда все обсуждали, введет или не введет СССР войска в Чехословакию. Войска ввели в августе.)

11.

Любимов, переждав, продолжает репетиции и прогоны «Живого». Один из них, назначенный на 20 апреля 1968 года, едва не имел для Любимова самых серьезных последствий.

В зале тогда собралось около двадцати человек, в числе которых писатель и философ Юрий Карякин, а также приглашенные Любимовым французы – театральный режиссер Жан Вилар и журналист Макс Лион. Любимов распоряжается начинать, и вдруг к нему подходит Николай Дупак и что-то говорит на ухо. Оказалось, он потребовал, чтобы Любимов отменил показ. Начинается скандал, с каждой минутой набирающий градусы.

Золотухин признавался, что в этот момент был сам не свой: «У меня лезут глаза из орбит, кружится голова, бьет. Я ничего не соображаю, понимаю только, что происходит что-то неслыханное, скандальное и всерьез».

После перепалки Дупак, Любимов и прибежавший парторг театра Глаголин поднимаются наверх, совещаются – играть или не играть. Как выяснилось, распоряжение о запрете прогонов «Живого» прислали «сверху». Любимов умело оперирует Жаном Виларом: «Если сейчас отменить прогон, то завтра буржуазные газеты напишут, что друга Советского Союза Жана Вилара вывели из зала». Такие уловки были тогда в ходу, и иногда они помогали. В конце

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

концов Любимов отбился от Дупака и велел начинать. Приглашенные на прогон, в том числе и Жан Вилар, терпеливо ждали. «Вилар сидел все так же прямо и с предчувствием радости», – записал Золотухин.

Любимов вышел к публике, сказал, что сейчас начнется спектакль, а актеров попросил набраться мужества и провести репетицию спокойно и собранно.

Они отыграли. После спектакля все, и даже Любимов, говорили Золотухину добрые слова. В тот или в другой день Высоцкий сказал Золотухину по поводу «Живого»: «Это грандиозно, что ты делаешь, ты иногда делаешь такие вещи, что сам не замечаешь...»

23 и 24 апреля обстановка накаляется. Актеры кипят, решают, что Дупаку его поступок спускать нельзя. Собирают открытое комсомольское собрание, на котором Смехов председатель, а Золотухин, комсорг Таганки, секретарь. Собрание постановляет: просить партбюро разъяснить положение дел и прекратить распространение зловредных слухов о снятии Любимова. Дупак как член партбюро требует протокол и едет с ним в райком. Актеры от этого заводятся еще сильнее: «Митингуем, готовы на все: положить заявление об уходе, массовый уход, забастовка». Забастовка на Таганке – это посильнее, чем вывести Вилара из зала. Глаголин, парторг театра, после похода в райком сообщает актерам, что о снятии Любимова речь не идет и «вопрос так не стоит».

На 24 апреля назначено собрание актива московских театров для разбора «персонального дела» Таганки. Любимов просит Золотухина выступить. Тот понимает свое положение первого актера. Да и, в конце концов, все это из-за Кузькина, в какой-то мере – из-за него, Золотухина. Дома он до двух ночи пишет речь, потом читает ее Нине и теще. Они одобряют.

На следующий день собрание началось с выступления заведущего отделом Московского горкома партии Верченко, который сказал о бесперспективности Таганки. Председатель собрания Родионов, начальник городского управления культуры, предлагает зачитать резолюцию и собрание закрыть. Любимов просит слова, ему не дают. Золотухин кричит: «Коммунисту не дают слова!». Губенко хочет зачитать резолюцию комсомольского собрания Таганки, ему не дают, он все равно начинает читать, его едва ли не оттаскивают от микрофона, вместо этого начинают читать заранее заготовленную резолюцию: «Указать Театру на Таган-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ке на идейные недостатки спектаклей “Послушайте!” и “Павшие и живые”».

Таганцев в зале шесть человек, они бузят: кричат, что это нарушение норм демократического централизма. Резолюция кое-как дочитана. Председатель спрашивает: «Дополнения будут?» И тут Любимов тянет вверх руку. Спрашивали дополнения – вот они. Немая сцена... как в финале «Ревизора». Председательствующий Родионов дает Любимову слово. Тот поднимается на трибуну, просит воды, медленно пьет и начинает после этого говорить речь.

«Все чувствуют, что происходит что-то невиданное, ловкое и прекрасное, и восторг заполняет наши таганские сердца», – записал Золотухин.

Любимов ссылался на Ленина и Горького, сыпал цитатами из рецензий «Правды», «Известий» и «Ленинградской правды», приводил отзывы европейских коммунистических лидеров Вальтера Ульбрихта и Луиджи Лонго. Как-то так выходит, что Таганка во всем права и не сворачивала с ленинского пути. Но тогда получается, что с ленинского пути свернули те, кто критикует Таганку? Шапошникова, секретарь горкома по идеологии, растерянно говорит Любимову: «Зачем вы так ловко пользуетесь ленинскими цитатами?»

Собрание кончается без резолюции, все оттуда едут на Таганку, партбюро запирается в кабинете, чтобы решить, что делать, а актеры через стенку с помощью стакана пытаются подслушать разговор! Золотухин в конце концов пишет заявление: «Мы, комсомольцы и артисты Театра на Таганке, считаем выступление гл. режиссера театра Любимова на совещании актива московских театров глубоко партийным и своевременным». Бумагу тут же передали в партбюро, и уже без всякого стакана было слышно, что там взорвалась бомба.

Вечером в театре провели закрытое партсобрание. Молодым читателям поясню: на открытое собрание пускали не членов КПСС, на закрытое – нет, совещались только свои. Коммунисты, посовещавшись, поддержали выступление Любимова, но осудили поведение артистов. Шапошникова сказала Любимову, что его не снимут.

«Театр не расходился до полуночи. Празднование четырехлетия отменено во избежание мордобоя и безобразий», – записывает Золотухин.

Однако «Живой» принесен в жертву: 30 апреля 1968 года пришла бумага о запрете репетиций. Любимов сказал Золотухину, понимая значение этой роли для него: «Не обижайся, Валерий, видишь, какое время, надо отступить.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Но ты не засыпай, держи роль под парами, ситуация может измениться в любое время».

«За эту неделю мы сильно постарели и если, Бог даст, все будет хорошо, можно только благодарить судьбу за это испытание, которое сплотило и ощетинило нас за свой дом и проверило на вшивость. Мы научаемся ходить, мы стали политиками, нас на слове уже не поймаешь», – записывает Золотухин.

Спустя время горком снова попытался снять Любимова, рассчитывая, что Таганка перегорела и снова на защиту своего Мастера не поднимется. Но тут Любимов двинул в атаку засадный полк: отправил телеграмму Брежневу, Косыгину и Подгорному, руководству СССР. Брежнев ответил: просил передать коллективу, чтобы все работали спокойно, обещал Любимову встретиться после сессии Верховного Совета. Райком тут же понял свою ошибку, и вопрос о снятии Любимова с должности был забыт.

12.

В июне над Золотухиным грянул еще один раскат грома: «Интервенцию» положили на полку под предлогом, что эта картина не для всех: «Мы с Высоцким гениально играем, но картина для эстетов, социалистов-кинематографистов», – записал он. История Гражданской войны, рассказанная необычным языком, нарисованная необычными красками, написанная не по инструкции увидит большой экран только в конце восьмидесятых.

Но тут подоспевает другое кино. Назаров, у которого Золотухин снимался в «Пакете», предложил ему роль милиционера Сережкина в фильме «Хозяин тайги».

Фильм ставился по книге Бориса Можаева, герой в ней был уже в годах. Можаев, видимо, таким и видел исполнителя главной роли – поэтому одним из кандидатов на роль был Николай Крючков, звезда кинематографа еще 40-х годов. Однако в этом случае получались слишком очевидные параллели с Анискиным (х/ф «Деревенский детектив» с Михаилом Жаровым в главной роли вышел на экраны в 1968 году). К тому же от Министерства внутренних дел как заказчика поступило пожелание сделать главного героя помоложе.

Как рассказывал мне Валерий Сергеевич, кроме Крючкова, на роль Сережкина до него пробовались актеры Вячеслав Невинный и Виктор Авдюшко. Невинный – толстяк, Авдюшко за сорок, а Сережкин, как мы уже знаем, должен быть молодым.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– Это Назаров специально подобрал, чтобы выбрали Золотухина? – спросил я.

– Может, и да, – согласился Валерий Сергеевич.

На вторую главную роль, бригадира Рябого, которого будет разоблачать милиционер Сережкин, пробуется Высоцкий. Так они выполняют свою клятву не сниматься друг без друга. К тому же их совместные пробы всем понравились.

21 июня 1968 года Золотухин записывает в дневнике: «Мне сегодня 27 лет, господа присяжные заседатели. Лермонтовский возраст, когда гений должен проявиться» [7].

Образ Лермонтова притягивал его со времен театра им. Моссовета, где обнаружилось сходство. Он рассказывал, что однажды гадалка подтвердила сходство судеб Золотухина и Лермонтова и предсказала: Лермонтов родился в 1814-м, а погиб в 1841-м, последние цифры поменялись местами. И век Золотухина – от 1941-го до 2014-го. Предсказание сделано было в 70-е, когда рубеж веков казался дальше горизонта, Золотухина оно тогда не испугало, а в чем-то даже ему польстило. Больше тревожили другие цифры: в 14 лет Лермонтов написал «Испанцев», в 22 года – «Героя нашего времени». Равняя себя по этой мерке, Золотухин нехотя признавал, что отстает. Он надеялся, что Кузькин и Женька Ксидиас выведут его на новый уровень, но год прошел, а он в той же точке, да еще так осложнилась ситуация вокруг театра! А что будет с «Хозяином тайги» – еще непонятно.

В конце июня Высоцкий и Золотухин утверждены на свои роли. В июле он и Высоцкий едут в экспедицию в Красноярский край на съемки. Золотухин, в полном соответствии с намерениями, начинает преодолевать «недостатки, рыхлость и примитивизм сценария». Сережкин у него получается все дальше от того, каким его написал Можаев. Уже после первых проб Золотухину говорят, чтобы он не занимался «сочинительством», «а то Можаев на тебя в суд подаст».

Борис Можаев, во время работы над «Живым» очень даже расположенный к Золотухину, его трактовку Сережкина в «Хозяине тайги» не принял и при встрече в театре наговорил Золотухину грубых слов: «Если хочешь испражняться, испражняйся на кого-нибудь другого, зачем ты на меня ногу задираешь» и т. п. Золотухин приходит в уныние. «Кажется, это будет мой провал. Я не знаю, как играть Сережкина, что играть и вообще о чем фильм. Трата государственных денег. Потихоньку пью, курю, в очень плохой ленивой форме», – пишет он, хотя это, конечно, можно от-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

нести к его обычной актерской мнительности. «Ужасный сценарий. Как это важно для актера – приличный материал», – пишет он. Это, видимо, ответ Можаеву на упреки, что Золотухин слишком много в Сережкина привнес своего.

Одной из таких деталей было молоко – Сережкин пил его прямо из кринки, припадая, запрокидывая голову, пока не выдует всю. Золотухин тут вспомнил своего отца, который так и пил молоко.

Съемки в Красноярском крае проходили в селе Выезжий Лог. Золотухина и Высоцкого определили на постой к хозяйке Анне Филипповне в пустовавший дом ее сына, уехавшего в город. Им выдали три раскладушки – на двух они спали, на третью положили гитару Высоцкого. Под потолком дома висела лампочка, «в пятьсот, однако, свечей». Занавесок не было, пацаны то и дело глазели в окна – Высоцкий уже тогда был знаменит. Молодежь и мужики степенно лузгали семечки в отдалении, но тоже посматривали на дом.

Золотухин, чтобы вжиться в роль, не снимал формы милицейского старшины, и местное население, которое Золотухина не знало, решило, что этот парень приставлен охранять Высоцкого. (Деревенские воспринимали Золотухина всерьез – однажды он одним своим появлением в милицейской форме разогнал драку.) Время от времени детвора пробиралась к дому и просила у «дяденьки-милиционера», чтобы он показал Высоцкого.

Золотухин вызывал, иногда впрямую: «Володя, выйди, покажись своему народу», иногда по какому-нибудь поводу. В какой-то момент Золотухина осенило: «А ради чего я его за ТАК показываю, когда можно ЗА ЧТО-НИБУДЬ?» Он стал брать «за Высоцкого» молоком, которого очень скоро оказалось столько, что Золотухин пустился в молокопереработку: делал сметану, творог, «чуть было масло сбивать не приноровился».

В этой же избе под шаровым светом лампы в пятьсот свечей была сочинена одна из главных песен Высоцкого – «Банька». Золотухин оказался свидетелем создания, да еще и консультантом: объяснял Высоцкому, чем баня по-черному отличается от бани по-белому, как и что в бане называется. И в одну из ночей Высоцкий разбудил его и спел:

Протопи ты мне баньку, хозяюшка,
Раскалю я себя, распалю!
На полоке до самого краюшка
Я сомненья в тебе истреблю!

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Где-то с середины песни я стал невольно подмыкивать ему, вторя, так близка оказалась мне песня по ладу, по настроению, по словам. Я мычал и плакал от радости и счастья свидетельства», – записал Золотухин.

Эта история описана Золотухиным в рассказе с показательным названием «Как скажу, так и было, или Этюд о беглой гласной» [13]. Завязка рассказа филологическая: в песне Высоцкий пропел «На полоке у самого краюшка», а Золотухин считал, что полок в такой форме не склоняется, и вторая «о» в этом слове – беглая гласная, она должна пропасть при склонении – «на полке». Высоцкий внял замечаниям и иногда просто тянул «ллл», пока не попадал в размер песни. Но показательна первая часть заголовка: «Как скажу, так и было» – в нем понимание фотографической силы, документальности записанного. Золотухин понимает, что он, в общем-то, хозяин и повелитель прошлого.

Золотухин вспоминал, что лето было грозовое – гремело и полыхало почти каждую ночь. «Я забивался под одеяло и молился», – признавался он.

– Но была у меня мысль: Господь Бог Высоцкого должен оставить, он его должен сохранить, он не может его молнией шарахнуть. А рядом с Высоцким и я уцелею... – это его признание сохранилось в видеоматериалах, которые Золотухин снимал для так и не оконченного автобиографического фильма.

Время от времени Высоцкий в сопровождении Золотухина ездил выступать. Денег за концерты не брали – выступали перед работягами за чистое уважение. В переполненном клубе поселка сплавщиков Усть-Мана Высоцкий однажды пел пять часов. Интересно, что в дневниках Золотухина ни про это, ни про другие выступления не записано. Ревновал ли Золотухин друга к любви народной? Наверное. Золотухин ведь признавался, что завидует Высоцкому самой черной завистью. Понятно, что признание это сделано так, с запасом, чтобы отстали и больше не спрашивали. После выхода на экраны «Хозяина тайги» Золотухина стали узнавать по всей стране – он теперь и сам мог по пять часов выступать перед кем угодно, была бы охота. Но тогда, в таежной глуши, Валерий не мог не думать о том, что вот именно о такой славе он мечтал, и именно у него ее нет.

В этом фильме Золотухин исполнил песню «Ой, мороз, мороз!». Причем первоначально она не планировалась. Консультант фильма красноярский милиционер Владимир Шестерня позднее вспоминал, как Золотухин разучивал песню: «Высоцкий предложил спеть ее иначе, ближе к тка-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ни фильма. Режиссеру этот вариант понравился, и в таком виде песня вошла в фильм» [46].

Это сейчас кажется, что «Ой, мороз, мороз!» в России пели всегда, но на самом деле на тот момент песню мало кто знал. Золотухин говорил, что слышал ее у себя на Алтае. Спев в фильме, он дал ей вторую жизнь. Тут, видимо, поспособствовали тайга, река – Золотухин почувствовал, что среди всего этого должна прозвучать ПЕСНЯ – раздольная, вечная, народная. Пишут, что куплет «Я вернусь домой / На закате дня, /Обниму жену, / Напою коня» сочинил именно Золотухин.

21 августа СССР вводит войска в Чехословакию. У Золотухина запись за этот день начинается с фразы «Во как!», но к Чехословакии ли это относится, не уточняется. В этот день они готовятся уезжать из Выезжего Лога. Настроение плохое. Из нашего далёка все или почти все, в чем снимался Золотухин, считается классикой. У современников, а тем более участников процесса, был другой взгляд. «Высоцкий так определил наш бросок с “Хозяином”: “Пропало лето. Пропал отпуск. Пропало настроение”. И все из-за того, что не складываются наши творческие надежды. Снимается медленно, красивенько и не то», – записывает Золотухин.

25 августа на Красную площадь вышли семь человек – Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг. Они развернули плакаты «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За нашу и вашу свободу!» и несколько других. Почти сразу их схватили милиционеры и кагэбэшники в штатском.

29 августа Золотухин и Высоцкий возвращаются в Москву. 30 августа – сбор труппы. Золотухин первым делом спрашивает про «Живого»: не переменилось ли начальство. Но ему отвечают, что не до «Живого» сейчас: «Вот разберемся с Чехословакией – займемся Кузькиным». «Говорят, пришло два эшелона раненых наших парней из Чехословакии. Об убитых молчат», – записывает Золотухин.

13.

Новый сезон Таганки. Все встречаются, целуются, обнимаются, стараются угадать настроение Любимова. У Золотухина записано: «Как встретит меня главный, как назовет – по имени или по фамилии, посмотрит, поздоровается, что скажет, улыбнется ли... Из этого и еще из многих деталей, незаметных постороннему глазу, я заключу, что я значу в этом театре на сегодня».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Мнительность, чувство хозяина и собачья жажда похвалы от него, зависимость от чужой похвалы, желание и одновременно страх перед чужой оценкой, которая сильнейшим образом влияет на самооценку, – да, это тоже он, Золотухин. Таким он оставался внутри, возможно, до самого конца. И при этом – всегда в маске победителя, покорителя, триумфатора. Потому что без этой маски совсем никак. Тут для поднятия настроения даже «Хозяин тайги» пригодился – Золотухин подбадривает себя тем, что у него есть эта роль, «не ахти какая, но все же дырка к отступлению».

Валерий и Нина жили тогда в Выхино, неподалеку был храм. Однажды Валерий услышал доносившийся оттуда колокольный звон. Денис Золотухин, первый из его сыновей, рассказывал мне:

– Где-то в сентябре, в 1968 году, он пишет: «Вот сегодня первый раз зазвонили колокола». В дневнике. А что такое сентябрь 1968 года? Через девять месяцев, 6 июня, я родился. Где-то в этот момент зачатие произошло! И у него в дневнике это отражено – колокола зазвонили. Я отцу про это сказал, он сказал: «Я даже про это не думал»...

То есть их с Ниной желание исполнено, но они еще об этом не знают.

20 сентября Любимов возобновил репетиции «Живого». Однако Борис Галдаев, член партбюро театра, заявил, что «Живой» – спектакль ненужный: «Я считаю, что после всех последних событий возвращение к Кузькину – не партийное дело и вредное. Я проехал Сибирь, побывал во многих сельских районах, колхозники живут, как кулаки. На шахтах руководители стонут – “люди бегут в колхозы”, а мы, передовой политический театр, пережевываем то, чего давно нет, те ошибки выдаем за типические, которые преодолены. И таких руководителей давно нет. Средний возраст – 40 лет, молодые руководители, да они голову оторвут Любимову за такой поклеп» [7].

Любимов все же продолжает репетиции. Он вряд ли уже на что-то надеялся – скорее, пришел в свое классическое состояние: коса нашла на камень.

В октябре обостряется личная жизнь. Нина флиртует с Иваном Бортником, словно дразнит Золотухина, который замечает их под ручку на улице, видит вместе в театре. Это изводит Золотухина, он выговаривает обоим, но они только смеются. Золотухин в отчаянии: то обещает Нине воспитать ее кулаками, то говорит, что закрутит роман в ответ.

Вдобавок Нина закручивает интригу против Марины Влади. Роман Высоцкого с ней набирает оборот, а при

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

этом Владимир Семенович еще «в отношениях» с Татьяной Иваненко (термина «гражданский брак» тогда еще не придумали). 13 октября (и число ведь какое!) намечена вечеринка у Макса Лиона, французского журналиста, друга Таганки, к которому Высоцкий собирался прийти с Мариной Влади. Золотухин тоже собирается туда. Нина сначала отнекивается, потом соглашается, сказав Золотухину: «Ну хорошо, я поеду, запомни это». Шацкая пригласила туда и Иваненко. Золотухин узнал об этом уже вечером, причем представлено все было так, будто Высоцкий сам пригласил Татьяну. Золотухин подумал, что, может, другу зачем-то нужна такая сложная композиция: «Высоцкий и не такое выкидывал – почему и нет?» (После этого можно понять, почему к собственным «композициям» Золотухин относился философски.)

Золотухин, Шацкая, Иваненко приехали к Леону первыми. «Когда вошли счастливые Марина с Володей, и я увидел его лицо, которое среагировало на Таньку, я пришел в ужас: что я наделал и что может произойти в дальнейшем!» Золотухин боится, что эта ситуация рассорит его с Высоцким.

В общем-то, хотя «в воздухе носилась шаровая молния», ничего эдакого не произошло: все начали пить, а потом петь. Золотухин решил побыстрее набраться. Влади все просила его спеть ту песню, которую он пел в первую встречу, а Золотухин не помнил, что он тогда пел. Шацкая мешала ему. В конце концов в первом часу ночи они с Шацкой уехали. В такси они не разговаривали, и это продолжалось потом около двух недель. 15 октября Золотухин записывает: «Может, нам все-таки развестись, взять да и насмелиться?» Но 21 октября они помирились.

А 24 октября Нина говорит ему, что беременна. «Ну, Господь услышал мои мольбы, но я маловер, и мне не верится, я боюсь радоваться, лучше уж я не буду верить до поры до времени. Девки обязали меня подавать Зайчику кофе в постель, теща помолодела и бегает с анализами, в общем, дом наполняется чем-то невидимым – то молчаливым, то торжественным и все себе подчиняющим».

Казалось бы, жить да радоваться! Но в эти же дни состоялся художественный совет по «Хозяину тайги». Досталось и режиссеру, и Золотухину как исполнителю главной роли – Эльдар Рязанов сказал, что «в нем не чувствуется силы». Удивительным образом на этот раз Можаев был спокоен. Сказал, что надо немного подделать там, сям, и все встанет

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

на свои места. Он, видимо, пригляделся, привык к фильму. Он предлагает кое-что дописать и доснять в павильоне. Так в конечном итоге и будет сделано.

В ноябре 1968 года «Интервенция» была запрещена к показу, ее назвали «очевидной творческой неудачей киностудии “Ленфильм” и режиссера Г. Полоки, не сумевших найти точного художественного решения картины и тем допустивших серьезные идейные просчеты».

Состояние Золотухина после всего этого можно только попытаться представить. Запрет главного для него спектакля, запрет одного фильма и провал, как он считает, другого – будто кто-то специально бьет его кувалдой по голове. Он, возможно, близок к помешательству. Его самоуверенность, которой он, в общем-то, всем обязан, дает трещину. Полока говорит Золотухину, что Марлен Хуциев, снимавшийся в «Интервенции» в одной из ролей, намерен позвать его на роль Чаадаева. Хуциев – режиссер, снявший к тому времени знаменитые картины «Весна на Заречной улице» (1956), «Два Федора» (1958) и «Застава Ильича» (1964). Последняя стала символом оттепели и получила призы на Венецианском и Римском кинофестивалях. Такой режиссер предлагает такую роль! Но Золотухин вдруг начинает говорить: какой из него интеллигент? «Посмотрите на мое лицо, на мое происхождение, на роли, которые я считаю своими, кровными, нет, я не интеллигент, у меня большой подбородок и колхозник-отец, во мне нет ни капли голубизны в крови...»

Тут не в подбородке и не в отце дело – Золотухин впервые усомнился в себе. Не надо забывать, что ему 27 лет. Всего 27 лет. Жизнь уже столько раз выдавала ему такие авансы и каждый раз требовала их обратно с процентами! Ему, видимо, хочется определенности хоть по одному пункту программы, и в декабре 1968 года он пишет письмо Л.И. Брежневу по поводу «Интервенции»: «<...> По воле людей недальновидных могут свестись к нулю напряженные усилия большого количества творческих работников. Руководители Комитета Кинематографии при Совете Министров СССР не допустили фильм к прокату, несмотря на то, что он был принят Ленинградской партийной организацией, положительно оценен Художественным Советом студии “Ленфильм”. Фильму предъявлен ряд обвинений, которые, на наш взгляд, являются тенденциозными и необоснованными. Главные и основные из них: а) революционные идеи дискредитируются гротесковой, буффонадной формой их подачи; б) революционные идеи показаны с раз-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

влекательных позиций обывателей. С подобными обвинениями мы категорически согласиться не можем и полагаем таковые для себя оскорбительными.

<...>

Мы хотели, чтобы на наш фильм пришел массовый зритель, и мы решили возродить в своей работе принципы и приемы, рожденные революционным искусством первых лет советской власти, которое само по себе уходило глубочайшими корнями в народные, балаганные, площадные представления. “Самой серьезнейшей теме, – сказали мы, – самое смелое, пропагандистское решение, вплоть до буффонады и гротеска”. И нам непонятно утверждение некоторых товарищей, что режиссер и артисты как-то неуважительно обошлись с темой, и, в частности, с образами большевиков, показали их в смешном, утрированном виде. Эти люди, очевидно, забыли опыт революционного искусства – окна Роста, сатиру и поэзию Маяковского, Демьяна Бедного, плакаты Черемных, Синие блузы, агитпоезда, площадные мистерии Мейерхольда, Охлопкова, Эйзенштейна...

<...>

Леонид Ильич! Мы не утруждали бы Вас своим письмом, если бы не гордились результатами нашего труда, если бы не считали свое произведение гораздо полнее отвечающим художественным принципам социалистического реализма, чем десятки унылых фильмов на революционно-историческую тему, не заинтересовавших широкого зрителя. <...>

В настоящий момент картина изуродована. И люди малохудожественно образованные глумятся над нашей работой. Мы требуем восстановления авторского варианта. Мы просим Вас лично посмотреть фильм в этом варианте и, если это в Ваших силах и возможностях, принять для беседы некоторых членов нашего коллектива. 16 декабря 1968 года, гор. Москва, Ленинград» [47].

– Если бы «Интервенция» вышла тогда, в 1969 году, был бы удар кувалды. Так про Гражданскую войну тогда не говорили. А в 1987 году было уже не то, – с горечью говорил мне Золотухин в нашей с ним беседе про «Интервенцию».

Однако тут над головой Золотухина немного раздвинулись тучи – «Хозяин тайги» принят без единой поправки. И оттаявший Можаев уже говорит Любимову, что Золотухин в фильме идет первым номером и что МВД уже заказало продолжение (позднее будут сняты фильмы «Пропажа свидетеля» (1971) и «Предварительное расследование» (1978), в которых растущего в звании Сережкина сыграет

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

также Золотухин). Золотухину говорят, что он переиграл Высоцкого. Он записывает это в дневник без комментариев – но ведь записывает! Директор «Мосфильма» Сурин удивляется: «Хозяин» запросто может стать лучшим фильмом года. И уж совсем обескураживающие слухи – о том, что за Сережкина Золотухин может получить премию, даже Государственную. Однако Золотухин не так чтобы и рад. Когда Шацкая, узнав о премии, спрашивает, что же он так «дерьмил» картину, Золотухин отвечает:

– Да ведь действительно дерьмо. Ведь вот что обидно – настоящее не видит света, а за халтуру хвалят!

В начале 1969 года появляется надежда, что «Живого» пропустят. На 17 февраля назначают «показ-репетицию», по поводу чего Любимов говорит Золотухину: «Давай, Валерий, отшлифовывай рольку, чтобы так натурально было, как будто настоящего мужика взяли». Золотухина после всех передряг это злит, и он отвечает Любимову: «Вот возьмите с улицы и пусть он вам играет!» Правда, только в дневнике.

18 февраля состоялось два прогона «Живого» – пока не для чиновников, для своих. После прогонов Золотухина поздравляли все, говорили, что лучше уже не будет – так играй. Фотограф Гаранин сказал: «Это твой триумф», а Готлиб Ронинсон, в свои шестьдесят казавшийся всем стариком, – что это на грани гениальности.

27 февраля становится известно: 6 марта – показ «Живого»: «Кто-то из Политбюро будет смотреть». Предупреждают – смотреть будут один раз, решение последует окончательное, так что если хотите проскочить – уберите сами непроходные вещи. 1 февраля репетиция «Живого» с сокращениями. 3 февраля они снова играют спектакль. Все восхищаются, но один из гостей, Дмитрий Рыжнев, пророчески говорит: «Я ничего подобного за всю жизнь не видел. Молодцы. Но как партийный член я вам скажу – вы что, ох..ли?! Вы соображаете, что делаете? Да вас задавят за этот спектакль тут же, на месте».

5 марта – снова прогон, после которого Любимов собрал артистов и, чего с ним никогда не было ни до, ни после, пожал при всех Золотухину руку и сказал:

– Молодец, очень хорошо, благодарю...

6 марта 1969 года на сдачу пришла Екатерина Фурцева, министр культуры СССР.

Ткачиха по профессии, она в 20 лет пошла по комсомольской линии, а потом по партийной, так и дошла до ЦК КПСС, высшего эшелона в советской иерар-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

хии власти. В 1957 году, при попытке «антипартийной группы» сместить Хрущева, осталась на его стороне. В 1960 году была назначена министром культуры Советского Союза.

Фурцева сделала для культуры немало хорошего: еще не будучи министром, возобновила проведение Московского международного кинофестиваля, создала Международный конкурс имени П.И. Чайковского. При ней строились здания для театров и музеев.

Так что ходившая в те времена шутка: «Я не боюсь министра культуры, я боюсь культуры министра» была, как говорится, справедлива лишь отчасти. Но и той части, в которой она была справедлива, Таганке 6 марта 1969 года хватило с лихвой.

Про эту сдачу «Живого» у Золотухина есть рассказ «День шестого никогда».

Именно перед этим спектаклем он увидел картину, которая потрясла его на всю жизнь, объяснила ему Любимова и, возможно, навсегда примирила с ним: «В театр я пришел рано, за час до появления всех артистов. Березки с домиками уже стояли, реквизит разложен по местам, рабочие подготовили сцену к прогону спектакля. Она была пуста. Одинокая фигура маячила меж берез. Это был Любимов. Он держал в руке мой реквизит – ковыль-траву – и бросал ее на то место, где она должна была точно втыкаться и замирать в безмолвном освещении. При этом Любимов крестился на поднятую на березку золотистую колокольню. Он был один, он был коммунист, он молил Бога, чтобы министр пропустил в жизнь “Живого”. <...> Я понимаю, когда... он человек артистичный... когда прилюдно. Но когда... одиночество... Мне даже страшно стало» [10].

Любимов сказал актерам, чтобы играли, как при пустом зале, не ждали никакой реакции: «Глядите иногда на меня, я буду показывать рукой, где поднять ритм, где осадить». Золотухин вспоминал, что, когда начали играть, он быстро успокоился и «потащил весь воз за собой». Зал и правда не реагировал – лишь иногда слышно было Любимова, остальные же все молчали: «Сорок человек живых сидят в зале, а мы играем как для кресел».

Единственным, кто видел реакцию этой своеобразной «публики», был Любимов. Он видел, что Фурцеву все раздражает и раздражение это растет с каждой сценой. Райком выделил Кузькину продукты, а его ребятишкам – фуражки, по поводу которых Кузькин говорит: «По весне-то можно и без них обойтись. Лучше бы шапки

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

положили». И тут пролетает (!) ангел (!), сыплет «манну небесную» (!) – манную крупу из пакета – и укоризненно говорит: «Зажрался ты, Кузькин!». Эта, в общем-то, комическая зарисовка почему-то особенно рассердила Фурцеву.

Разнос начался еще в антракте. Фурцева потребовала секретаря парторганизации. Золотухин вспоминал, что это была настоящая истерика, казалось, еще немного, и Фурцева выскочит из театра. Она, однако, осталась.

«Я понял, что нам хана, но это не сбило меня с толку, только злость молодецкая разыгралась, – писал Золотухин. – И такое было чувство, будто еще веселее дело пошло у нас во втором акте, а “Суд” – просто гениально».

Сразу после спектакля состоялось “обсуждение”. Артистов на него не позвали, они слушали все через трансляцию – «прильнули к репродукторам, как молодогвардейцы». Можаев на обсуждении оказался один против всех, он отмахивался от всех обвинений, не стесняясь в эпитетах.

Он все пытался выехать на уловке – мол, «я пишу комедию про плохой колхоз, мы должны высмеивать недостатки, искоренять их», поминал про мартовский Пленум ЦК КПСС, но этим никого не обманул. Фурцева сказала, что это самая настоящая трагедия: «После этого спектакля люди будут выходить и говорить: “Да что же это такое, да разве за такую жизнь мы кровь проливали, революции делали, колхозы создавали?” Бригадир – пьяница, председатель – пьяница, предрайисполкома – подлец»...

Единственный, кто сказал, что ему спектакль понравился, был каким-то образом оказавшийся в зале Андрей Вознесенский.

«Фурцева приезжала запрещать «Кузькина». Я тогда выступил против нее, в защиту спектакля, хотя даже вход тогда в зал был строжайше запрещен – будто шла речь о водородной бомбе, а не о спектакле. Впрочем, сама Фурцева была незлым человеком – эпоха была такова», – вспоминал Андрей Вознесенский.

Его короткая речь ни на что не повлияла. Да и вряд ли что-то могло повлиять. Фурцева хотя и сказала, что «ехала с хорошими намерениями», но на самом деле о ее настроении говорит фраза: «С этого началась Чехословакия!»

«Судить вас надо за такой спектакль!» – не сдержалась напоследок министр культуры. И ушла. Можаев вспомнил, что в буфете для Фурцевой накрыт стол и предложил попробовать министерского чаю. Все пошли туда и приня-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

лись заливать горе кто чем. Золотухин и Можаев пели «Ой, мороз, мороз!».

13 марта пришел приказ – репетиции «Живого» прекратить.

«Живой», как и многие спектакли Таганки, не снят на пленку, и о том, каким он был, судить можно лишь по рассказам. Однако я видел съемку того, как в одной из встреч со зрителями Золотухин поет частушки из спектакля. По одним этим частушкам можно понять, что постановка была совершенно «непроходима» в те годы.

Мы Америку догнали –
По надою молока.
А по мясу не догнали –
Ось сломалси у быка...

Я гуляла с бригадиром,
С председателем спала.
На работу не ходила,
А стахановкой была...

Не хотел ты жить в Рязани,
Не хотел плясать кадриль!
Сделай, Федя, обрезанье,
И поедем в Израиль!

В кабинетах нынче строго –
Коньяку и то не пьют.
И решения народа
Секретаршами куют...

Хорошо, что Ю. Гагарин
Не еврей и не татарин,
Не тунгус и не узбек,
А наш, советский, человек...

Спев это, Золотухин говорил публике: «Заканчивается спектакль оптимистической частушкой моего героя» и пел эту самую «оптимистическую» частушку:

Скоро-скоро снег растает,
Вся земля согреется.
Скажи верное словечко –
Можно ли надеяться?

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

На что надеяться? Избавлением для Кузькина могло быть только полное исчезновение с лица земли всех этих мотяковых, музёнковых и других персонажей, изводивших Федора Кузькина, а в его лице – простого русского человека. В контексте спектакля, поставленная в финал, частушка обретала такой смысл, что «Живой» вряд ли имел шансы и без Чехословакии.

«Живой» стал мифом. Но он все же сделал очень важное – вернул Золотухину веру в себя. Золотухин знал теперь, что он и один в поле воин. «Без Кузькина я не сыграл бы потом ни Альцеста (в спектакле «Мизантроп» – С.Т.), ни Глебова («Дом на набережной» – С.Т.), ни Отрепьева («Борис Годунов» – С.Т.) [7].

«По искусству и по роли это состоялось, и я чувствовал и понимал свое положение первого артиста», – говорил Золотухин, признававшийся, что Кузькин «надолго задержал меня в Театре на Таганке».

«Живой» стал легендой, и Золотухин стал легендой. Возможно, он допускал, что так и лучше. Если бы он выходил в «Живом» на сцену пять-семь раз в неделю – графики на Таганке были жесточайшие – то неизбежно появилось бы привыкание, пошли бы разговоры «вот вчера он был в ударе, а сегодня не то». Теперь же осталась только легенда, только превосходные степени, только обожание.

Золотухин учится жить без Кузькина, как люди учатся жить без умершего родного человека. Он репетирует в спектакле по Горькому «Мать» Андрея Находку, товарища главного героя Павла Власова. Это, конечно, неизмеримо мельче Кузькина, но такова Таганка – тут премьеров нет.

14.

31 марта 1969 года беда – из театра уволен Высоцкий, «по статье», в советские времена это означало волчий билет.

К этому времени Золотухина и Высоцкого все вокруг прочно считают друзьями, о чем говорит хотя бы то, что Любимов время от времени выговаривает Валерию за Владимира.

Их связывает работа в театре, на концертах, их клятва не сниматься друг без друга в кино. В дневниках Золотухин иногда зовет его «Высота». Высоцкий как коренной москвич иногда пошучивает над Золотухиным с его сибирско-деревенским происхождением: «Золотухин, когда берет гармошку, вспоминает свое происхождение и становится

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

полным идиотом». С другой стороны – кто из нас в молодости не поддевал друга колким словом?

Вместе с тем именно Высоцкий сказал явно польстившие Золотухину слова: «Золотухин – человек щедрый на похвалу... Он не боится хвалить другого, потому что внутри себя уверен, что сам он все равно лучше» [7].

Считается, что в настоящей дружбе все равны. Однако чаще получается так, что один смотрит на другого снизу вверх. Золотухин 26 января 1968 года записывает в дневнике: «Удивительный мужик, влюблен в него, как баба».

Славина говорит Валерию: «У вас с Венькой (Вениамин Смехов – С.Т.) перед Володькой подобострастие... Вы как будто в чем извиняетесь, лебезите, заискиваете...»

В начале 1968 года Высоцкий запил. Сначала он не хотел в больницу, потом его все же туда увезли и на спектакли возили оттуда. Золотухин играет за него Керенского. В дневнике отмечено: «Одно противно – что я из-за него должен играть с больной ногой». Высоцкому тут же передают слова друга – это театр! «Сволочи-прилипалы!» – злится на мир Золотухин.

В марте Высоцкий снова запил. 20 марта снова надо играть за него Керенского. Предлагают Золотухину, тот говорит, что готов ввестись на роль за 100 рублей – то ли в шутку, а то ли в надежде, что никто ему эти 100 рублей не даст. Но театру некуда деваться, Дупак согласился, а Высоцкий, узнав, что его заменяют, показал Золотухину записку: «Очень прошу в моей смерти никого не винить».

«Я повзрослел на десятилетие, – устало пишет Золотухин. – Уж лучше бы отменил Дупак спектакль».

Через день Дупак вывешивает приказ об увольнении Высоцкого. Золотухин просит убрать его, дождаться Высоцкого, договориться – начальство непреклонно. Потом выясняется, что Высоцкий не в запое – он в Одессе. Любимов негодует, Высоцкий не устраивает его пьяный, но не устраивает и трезвый, потому что тогда он едет куда-нибудь петь.

В начале апреля Золотухин вместе с отцом Высоцкого «вырабатывали план» действий – Высоцкий согласился лечь на лечение. Золотухин при этом размышляет, прав ли он, вмешиваясь в чужую жизнь? Может, и не нужно Высоцкому это возвращение в театр? «Галилей» уже сыгран, появляется с каждым днем все больше отхожих занятий: песни, писание и постановка собственных пьес, сценариев, авторство, соавторство – и никакого ограничения в действиях. «Вольность и свободная жизнь» – в этой за-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

писи Золотухина чувствуется и зависть, и мечта — ему очень хочется так, но он еще не знает, что никогда у него так не получится.

Зрители на спектаклях пишут записки: «Правда ли, что Высоцкий уволен?» Нет. В апреле 1968-го Высоцкого для воспитания взяли в театр на договор. Но в мае Высоцкий снова в больнице.

В июне Нина Шацкая в разговоре с Татьяной Иваненко вступилась за мужа. Иваненко сказала: «Высоцкий считает, что в “Интервенции” Золотухин первым номером, а Золотухин считает, что Высоцкий». На что Шацкая ответила: «Совсем нет. Высоцкий считает, что Золотухин, и Золотухин считает, что Золотухин». Памятуя записи в дневниках, мы понимаем, что Шацкая была права. Но Валерий, узнав, что все это уже попало в «публичное пространство», впал в нечто вроде паники, стал требовать от Нины, чтобы она объявила это все шуткой. Шацкая, как ранее Славина, поразилась: «Почему ты так боишься, что она передаст Высоцкому? Ты что, боишься Высоцкого?» Совершенно неожиданно для обоих из этого выходит крупная ссора, Золотухин два дня спит отдельно, на креслах, и в дневнике записывает «чуть не разошлись». Если по таким пустякам доходит почти до развода, то когда-то дойдет по-настоящему — безо всяких «почти».

В конце октября Смехов рассказал Золотухину, что Любимов намерен всерьез расстаться с Высоцким.

— Он любит его по-человечески, за его песни, за его отношение к театру, когда он в порядке и т. д., но как актер Театра на Таганке он для него не существует, — пересказал Смехов слова Любимова.

Золотухин говорит Высоцкому, что ему сейчас нужен рывок, нужно показать себя в «Опасных гастролях», в которых Владимир тогда снимался в Одессе. Советует для этого даже пива в рот не брать. Высоцкий вроде бы понял, сказал: «Нужно сделать то, что ты сделал в “Кузькине”». Золотухину это было приятно: он почувствовал и уважение к его работе, и затаенную зависть.

В ноябре 1968 года у Высоцкого пропал голос. 9 ноября заменяют «Галилея». Две недели театр трясет. Высоцкий говорит, что врачи считают необходимой операцию, 29 ноября из-за него отменяют концерт, а 30 ноября Любимов сообщает, что у Высоцкого был концерт. «Это уже хамство со стороны друга!» — записывает Золотухин.

Отношения между ними в это время разлаживаются — Золотухин не знает, как себя вести с другом: сочувствовать

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

не может, но и уличать во вранье тоже. В декабре Любимов говорит о своем разочаровании в Высоцком: «На него противно смотреть, когда он играет трезвый, – у него рвется мысль, нет голоса». 4 декабря Высоцкого кладут в больницу. Золотухин через знакомых просит режиссера Хилькевича не брать никого другого на роль Высоцкого в «Опасных гастролях».

14 декабря Высоцкого после беседы с Любимовым «восстановили в правах артиста Театра на Таганке». Любимов говорит: «Высоцкий – несчастный человек, любящий, при всех отклонениях, театр и желающий в нем работать». Дупак предлагает в воспитательных целях поставить Высоцкого работать рабочим сцены. Рабочие сцены обижаются – если алкоголиков из актеров к ним переводить, то куда им своих девать?

В феврале 1969 года Высоцкий снова попадает в больницу. 24 марта он после спектакля «Антимиры» закатил концерт для труппы – просто пел «от широты душевной». А 26 марта снова пришлось отменять «Галилея» – Высоцкий опять сорвался.

«Я не могу себе даже представить, что будет дальше с Высоцким... – пишет Золотухин в дневнике. – То, что его не будет в театре, это мне совершенно ясно, и даже если бы мы очень захотели его сохранить, это бы нам не удалось». Золотухин при этом удивляется тому, как спокойно все, и он сам, относятся к происходящему: «Уже никто ничему не удивляется, все привыкли».

И вот оно, 31 марта: Высоцкий уволен по статье 47 «г» (за нарушение трудовой дисциплины). «Никто не говорит о нем больше. Никому его не жаль, и ни одного слова в его пользу», – записывает Золотухин. Он не может собраться с духом и повидаться с Владимиром – ему, видимо, кажется, что он должен был сделать что-то для друга и не сделал. Высоцкого выписывают из больницы, Золотухину рассказывают общие знакомые, кто и где видел Владимира, как тот выглядел. Высоцкий через Назарова предлагает встретиться. «Я пока не знаю, как к этому относиться», – записывает Валерий.

15 апреля Высоцкий звонит Золотухину в театр. На сцене идет «Галилей», Высоцкому нашли замену, понятно, что он к этому не мог отнестись равнодушно. Золотухин спрашивает друга, почему тот не приходит в театр. Читается: «Приходи, покайся, простят». Высоцкий отнекивается: «Может быть, я вообще не буду работать». Он просит Золотухина дать ему послушать спектакль, Золотухин пристав-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ляет телефон к трансляции, как раз в этот момент раздаются аплодисменты. «Как назло», – злится Золотухин, получается, что спектакль нравится публике и без Высоцкого.

Галилея играл Борис Хмельницкий. Золотухину казалось, что Хмельницкий повторял Высоцкого: «Жмет на горло, устаешь от него». Золотухин размышляет о том, поднимется ли Хмельницкий в этой роли со временем, вспоминая, что сам заиграл Водоноса «ближе к яблочку» только через два года. Позднее доброхоты передадут Хмельницкому вместо букета веник, обвязанный лентой с надписью: «Не в свои сани не садись». «Не хотел бы я в своей жизни даже и сплетню такую знать», – пишет Золотухин, добавляя: «Но такая наша жизнь – любишь славу и восторги, не откажись иногда и дерьмом умыться». Он еще не знает, что таких неприятностей ему после истории с Гамлетом хватит надолго...

15.

Весной 1969 года Золотухина пригласил сниматься Абрам Роом в фильм «Цветы запоздалые» – играть князя Егорушку. Тут Золотухин уже не вспоминал ни про подбородок, ни про происхождение – согласился. Утвердили его не без сложностей.

– Уже прошел «Хозяин тайги», и худсовет Роому жужжал: «Какой из Золотухина князь – он милиционер!». Но он говорил: «Посмотрите, как он носит фрак! Посмотрите на его руки – он врет, что он из колхоза. Таких рук в деревне не бывает». Мне, кстати, руки часто мешали – и в «Пакете» говорили: «Какой красноармеец с такими руками?» – рассказывал Золотухин [35].

Этот грустный фильм снят по Чехову. Княжна Мария Приклонская вместе со своим братом Егорушкой заболевает, к ним вызывают врача Топоркова. Он вылечивает обоих, но пациентка влюбляется в доктора, который этого не понял. И княжна, спустя время, умирает, уже от любви. Князь Егорушка – это второй план истории, комичный, опереточный.

Золотухин работает в фильме легко. Это ему в себе не нравится: «Я, кажется, научился халтуре у Высоцкого, лишь бы быстро, заранее уверен в успехе – нехорошо. Надо остановить этот процесс в себе, накипь».

«Егорушка ни к чему не способен отнестись вполне серьезно. Он поразительно инфантилен. Со своей собакой он, право же, на равных. Когда они сидят рядышком на постели, взгляд их глаз совершенно одинаковый. Детское легкомыслие Егорушки сродни полной безответственности. И все же Егорушка в исполнении Золотухина – существо симпатич-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ное и относительно безобидное. Его поступки не возмущают зрителя именно потому, что они слишком явно напоминают опереточное представление. Фильм не превращается в комедию. Наоборот, глубина переживаний Маруси становится понятнее в сопоставлении с опереточным легкомыслием Егорушки», – писал Борис Кагарлицкий в буклете «Валерий Золотухин».

16.

28 апреля Высоцкий приходил в театр, разговаривал с Любимовым. 29 апреля разговаривал с Дупаком. Золотухина начало переговорного процесса радует – появляется надежда, что все уладится. 9 мая Золотухин записывает: «Друга вчера окончательно решили ВЗЯТЬ».

Любимов объяснил это сумбурно: «Мне показалось, что он что-то понял». Любимов считает, что Высоцкий не выдержал острого приступа «звездной болезни»: «Мне кажется, медные трубы, фанфары славы Высоцкий не выдержал и потерял контроль над собой. И тут же артист обескровливается, он растрачивает душу, и это самое страшное, артист гибнет, и ему самому невдомек. Он думает, что он своим появлением уже озаряет публику, а публика не прощает холостого выстрела, она быстро забывает артиста, когда он заштамповывается», – записал за мастером Золотухин.

Однако тут уже и ему впору забронзоветь: Любимов раз за разом начинает хвалить Валерия и ставит его в пример! Сначала в воспитательной беседе с Высоцким он говорит: «Я снимаю шляпу перед ним... Ведущий артист, я ни разу от него не услышал какие-нибудь возражения на мои замечания... Они не всегда бывают в нужной, приемлемой форме, и, может быть, он и обидится где-то на меня, но никогда не покажет этого, на следующий день приходит и выполняет мои замечания... В “Матери” стоит в любой массовке, за ним не приходится ходить, звать, он первый на сцене... Я уважаю этого человека – профессионал, которому дорого то место, где он работает...»

Это можно бы растолковать как попытку Любимова «разделять и властвовать», но спустя несколько дней Любимов говорит на репетиции уже всем: «Некоторые работают блестяще. Золотухин играет роли и в массовке вкалывает, как леший».

Золотухину от похвалы Любимова не по себе.

«Я люблю, я привык, когда меня ругают, я себя чувствую тогда бойцом, а когда хвалят, я размокаю, даю себя гладить,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ласкать мое тщеславие и теряю бдительность. Так режут свиней: почешут их, погладят... они, дуры, глаза зажмурят от удовольствия, растопырятся, доверятся — в этот миг р-раз!.. и нож в сердце», — пишет он.

Вполне возможно, он так накручивает себя, не дает себе увериться, что черная полоса, наконец, кончилась.

Но, похоже, судьба и правда стала к нему ласковее.

31 мая состоялась премьера «Хозяина тайги» в Доме кино. Публике понравилось, и даже коллеги-актеры наговорили приятных слов. МВД СССР наградило Золотухина именными часами, Высоцкому дали почетную грамоту. Им уже и Выезжий Лог вспоминается как место, где было всегда хорошо. В прессе появляются благожелательные рецензии, Золотухин с явным удовольствием пишет Фомину «из-за “Хозяина...” меня замучили корреспонденты». В Барнауле «Алтайская правда» разместила о нем очерк «Парень из Быстрого Истока» — наконец-то он не просто муж при звезде, а сам звезда! [38].

6 июня Нина Шацкая родила сына! Все хорошо, ребенок в порядке, мать тоже. Домой мальчика привезли 15 июня. «Моя жена стала мамой моего сына, моя жена, мой человек», — пишет Золотухин. Хотя всю беременность они звали ребенка Васькой, но назовут его Денисом — так решила Нина, «а нам оставалось только руки поднять».

21 июня Золотухину исполняется 28 лет. В этот вечер, после некоторого количества выпитого, недельная усталость, а может, все пережитое за год обрушивается на Золотухина и совершенно лишает сил. Высоцкий и Смехов подменили его в «Антимирах», а он лежал, завернувшись в кулису, курил и смотрел на сцену. Пожарный давал ему нюхать нашатырь и тер виски.

17.

При этом с мая он снимается в фильме «Салют, Мария!», играет батьку Махно. Князь Егорушка, батька Махно, да еще и Таганка, беременная жена — можно только представить, как он все это выносил. Но Махно его заинтересовал.

В фильме рассказана история разведчицы Марии Фортус, выведенной под именем Марии Ткачевой, с Гражданской войны в России до Гражданской войны в Испании. На первой войне Мария однажды попадается махновцам.

Махно в фильме — лишь эпизод, а надо помнить, что Золотухин когда-то дал себе зарок — играть в фильмах лишь главные роли. Однако от таких предложений не отказываются.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Батьку в кино до Золотухина играли двое: Владимир Кучеренко еще в 1923 году в немом фильме «Красные дьяволята» (вскоре после этого Кучеренко собрал банду и разбойничал, естественно, под кличкой Махно) и известнейший советский киноактер Борис Чирков в фильме «Александр Пархоменко» в 1942-м. Чирков спел песню «Любо, братцы, любо!» – ее и правда любил Нестор Иванович.

С киноролью Махно связан интересный эпизод. Давид Карапетян в 1970 году хотел написать сценарий о Махно для Тарковского и чтобы Высоцкий сыграл главную роль. Но Высоцкому об этом пока не говорил. Каково же было потрясение Карапетяна, когда однажды Высоцкий, придя к нему, вдруг начал рассказывать о Махно: «Однажды Высоцкий сказал: “Ты знаешь, оказывается, Махно никого не расстреливал, хотя постоянно грозился. Это все вранье, что нам про него рассказывают”. “А ты откуда знаешь?! Ты что, интересуешься Махно?” – спросил я. Высоцкий сказал, что Валерий Золотухин будет играть роль Махно в фильме “Салют, Мария!” и ему принесли из спецхрана дневник Галины Кузьменко, вдовы атамана», – пишет Давид Карапетян в книге «Владимир Высоцкий. Между словом и славой» [58].

Карапетян, пораженный возможностью заполучить такой источник, тут же бросился к Татьяне Иваненко и через нее попытался уговорить Золотухина дать дневник на несколько дней. Карапетян пишет, что Золотухин открестился: ничего о дневнике Кузьменко не слышал, никто мне его не давал! Однако откуда бы Высоцкому знать такие факты? Скорее всего, те, кто дали Золотухину «почитать» дневник, велели ему держать язык за зубами.

Интересно, что в «Салют, Мария!» играет Анхель Гутьеррес – в его персонажа, испанского моряка, влюбляется главная героиня.

В это время Золотухин – единство и борьба противоположностей: на «Ленфильме» он играет батьку Махно, а на «Мосфильме» в ленте «О друзьях-товарищах» – Владимира Горского. В фильме для возможности маневра чуть изменена фамилия исторического персонажа, Владимира Загорского, секретаря Московского комитета РКП(б). Загорский примкнул к большевикам еще в 1902 году, в 1904-м бежал из ссылки в Женеву, где познакомился с Лениным. В декабре 1905 года участвовал в восстании в Москве. Первая мировая застала его в Германии, где он был интернирован (попал в лагерь) и в Россию приехал только после подписания Брестского мира, в 1918 году. 25 сентября 1919 года он был на совещании в Московском комитете РКП (б) в доме № 18 в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Лаврентьевском переулке и погиб от бомбы, взорванной там эсерами. Именно взрыв в Лаврентьевском переулке расследуют три чекиста комсомольского набора – Утробин, Жохов, Ковальский, главные персонажи фильма, режиссером которого был Владимир Назаров. Золотухин, хотя уже и не хотел быть «актером Владимира Назарова», тут не устоял.

Интересно, что роль эту Золотухин выбрал сам. Назаров удивился выбору – роль небольшая, два эпизода – в одном Горский выступает на заводе, в другом – говорит речь на том самом заседании, которое кончится его смертью.

Казалось бы – выучил речь и говори. Однако Золотухин слушал записи революционных выступлений, читал документы эпохи. Ему важно было пропитаться эпохой изнутри – тогда он чувствовал себя в силах играть.

Во время митинга перед рабочими, первого эпизода, по замыслу должен был идти дождь. Дождевальная установка сломалась. Решили поливать Золотухина и публику из брандспойтов. «Осенний морозец. Вода из холодных труб. Оказалось, что под струями воды трудно дышать. Валерий задохнулся, речь в полный голос подорвала голосовые связки. По окончании первого дубля колени у Валерия не то что дрожали – ходили ходуном. И все же он потребовал второго и третьего дубля!» – вспоминал Назаров.

Из-за этой съемки у Золотухина пропал голос, о чем он 22 ноября 1969 года пишет Фомину: «На съемках сорвал голос, да очень серьезно, пришлось отменять спектакль в театре, это все очень неприятно. <...> Все хотел как лучше, орал, рвал жилы... План был длинный, речь перед толпой под проливным дождем... <...> Мне бы помолчать месяц. А кто играть за меня будет, а кто будет за меня сниматься, кто будет приносить в дом деньги??? Нина почти совсем не работает, с парнем сидит, а их, этих проклятых денег, сейчас так много надо» [10].

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ГАМЛЕТ

Глава четвертая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1.

В 1970 году Любимов решает поставить «Гамлета». Это было решение «от противного».

«Сняли с треском “Берегите ваши лица”, запретили “Самоубийцу” Эрдмана репетировать, три года мы не могли начать репетиции “Мастера и Маргариты”. Не давали делать “Хроники” Шекспира. Тогда я в сердцах решил ставить “Гамлета”», а нам стали запрещать Высоцкого: какой он принц?!» – вспоминал Любимов.

Высоцкий, по причине запоя в начале года снова лежавший в больнице, горит желанием сыграть Принца Датского – и для актерской реабилитации, и просто потому, что какой актер этого не желает. Он просит поговорить Золотухина с Любимовым. Это сам по себе сюжет для драмы: Золотухин оказывается в странной ситуации – он и сам не прочь быть Гамлетом, но как теперь об этом говорить? Однако Золотухин идет к Любимову, рассказывает о желании друга.

– Он думает, что после всего этого я доверю ему такую работу? Наивный человек. Он не играет Галилея, а я дам ему Гамлета? – саркастически осведомляется Любимов.

В Золотухине закипает желание побороться за роль. 27 июня он пишет: «Буду готовиться и, чем черт не шутит, возьму да и подам заявку на Гамлета, а что, я уже должен остерегаться дружбы? Что делать? Я чувствую, что могу».

28 июня Анатолий Меньшиков, рабочий сцены на Таганке, попросил Высоцкого заполнить придуманную им анкету. Это та самая анкета, в которой Высоцкий назвал Золотухина своим другом, своего рода документ. Золотухин иногда давал понять, что это так, не очень серьезно.

– Это была анкета для внутреннего пользования. Кто же знал, что она потом станет таким документом! Высоцкий действительно на вопрос: кто твой друг? – вписал меня. Потому что я в этот момент рядом с ним сидел и заполнял точно такую же анкету, где написал, что мой лучший друг – Высоцкий, – рассказывал он в интервью барнаульскому журналисту Владимиру Токмакову.

При всем том анкета документировала звание друга за Золотухиным. Высоцкий мог ведь и не его вписать или вписать не его одного. Однако вписал именно Золотухина.

– На беду мою он это написал, потому что этим он, не подозревая, навалил на меня ответственность на всю оставшуюся жизнь... – сказал Золотухин в одном из интервью.

В анкете 46 вопросов. Для понимания дальнейших событий имеет смысл привести несколько ответов:

«Кто твой друг: В. Золотухин.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

За что ты его любишь? Если знать, за что, тогда это уже не любовь, а хорошее отношение.

Что такое, по-твоему, дружба? Когда можно сказать человеку все, даже самое отвратительное о себе.

Черты, характерные для твоего друга: Терпимость, мудрость, ненавязчивость.

Любимые черты в характере человека: Одержимость, отдача (но только на добрые дела).

Любимый театр, спектакль, режиссер: Театр на Таганке, "Живой", Любимов.

Какое событие стало бы для тебя самым радостным? Премьера "Гамлета"».

Высоцкий мечтает о Гамлете, но Любимову советуют пригласить на роль Принца Датского Игоря Квашу. Золотухин как-то заговаривает с Мастером о «Гамлете», спрашивает, что это за слухи о Кваше, пытается, но так и не решается сказать, что сам хотел бы сыграть эту роль. И Любимов, мастер ходить вокруг да около, ведет беседу так, что она становится ни о чем и ни для чего. Спустя какое-то время Золотухин уже и рад тому, что не попал в «кандидатуры гамлетистов» – он говорит, что это со стороны Любимова просто дисциплинарный ход. Да наверняка помнит и об анкете.

5 сентября состоялось распределение ролей. Золотухин записывает: «Кажется, я получил Лаэрта – пусть будет так». У Золотухина опять несвойственный ему комплекс – он считает, что в нем все видят Сережкина, милиционера из «Хозяина тайги», и эта роль не дает ему добраться не только до хороших ролей в кино, но вот теперь еще до Гамлета. «Я хочу Гамлета играть. Допустим – Гамлета! Но после милиционера это смешно», – записывает он 4 октября. «Бойся кинематографа», – горестно говорит себе Золотухин.

2.

Но следующим кинопредложением стала роль Якова Богомолова в фильме Абрама Роома «Преждевременный человек». «4 января 1971 года Абрам Матвеевич Роом предложил мне ЯКОВА БОГОМОЛОВА». Именно так записал Золотухин у себя в дневнике. И это говорит о том, чем была для него эта роль.

Яков Богомолов – герой неоконченной пьесы Максима Горького. Инженер, трудоголик, погруженный в свое дело, он не замечает ничего вокруг, кроме работы, в том числе и того, что молодая жена начинает ему изменять. Кроме того, друзья предают, компаньоны используют... В этом есть

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

что-то чеховское. Золотухин увидел возможность выпрыгнуть из Сережкина, перестать быть «актером, которого снимает Назаров», – он этим изрядно тяготился.

Они уже разговаривали о роли. Роом сказал Золотухину:

– Десять режиссеров назовут по десять актеров на Богомолова, и среди них не будет вашей фамилии. Я думал о вас раньше, у меня уже было решение, но я хотел утвердиться в нем. Я пошел на «Что делать?» не ради того, что хотел посмотреть вас, хотя я знал, что вы играете. Вы были великолепны, все, что вы делали, – это все блистательно, но и не это обстоятельство натолкнуло меня на решение. Мои домашние в восторге от вас. Но меня не надо уговаривать. Я артиста вижу сразу. Вы – торпеда, артист-торпеда, в вас есть заряд, энергия. Вы – натянутая струна. Это качество – необходимое для Богомолова. В вас есть кровь. Она пульсирует на экране. Бывают артисты – играют, и вроде все ничего, а подойдешь, уколешь – окажется полотно, экран... Если уколоть вас на экране – брызнет кровь, я это очень чувствую...

«Мне важно, мне самому, поверить в это счастье и утвердиться в мысли – “Я есмь Яков Богомолов”», – пишет Золотухин.

– «Яков Богомолов» – потрясающая пьеса. Роом хотел, чтобы я играл эдакого Ландау. Это фантастическая роль, она переводила меня в другой разряд – в те роли, которые играл Баталов... – говорил он мне о Якове Богомолове, и даже спустя десятилетия было заметно, как для него было важно выпрыгнуть из амплуа простака.

В фильме есть роль и для Нины Шацкой, что дополнительно радует Золотухина.

Высоцкий, узнав о «Якове Богомолове», в восторге: «Лучшего Якова они не найдут. Это могут сыграть только два человека – Кеша Смоктуновский и ты».

А тут еще и Гамлет буквально сам, словно созревшее яблоко, падает Золотухину в руки: Высоцкого опять понесло, и Любимов сам предлагает Золотухину эту роль. «Валера, скажи, пожалуйста, ты бы хотел попробовать Гамлета?» – спрашивает Любимов.

К Золотухину, видимо, в связи с Яковом Богомоловым, вернулась его прежняя самоуверенность и он отвечает: «Конечно, хотел бы. Верю ли я в то, что смогу это сыграть? Конечно. Может, не сегодня, но завтра... Давайте попробуем». Это было в день рождения Высоцкого – Золотухин подметил тут иронию.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

3.

История с Гамлетом – одна из самых больших претензий общественности к Золотухину. Из этого со временем сделалось что-то вроде символа актерского предательства (как именно это вышло, поговорим позже). Сам Золотухин предательством это не признавал. Но всю сомнительность истории чувствовал с самого начала.

«Один раз я сыграл Керенского за 100 рублей. Точила меня тоска, друга предал. Чепухой все оказалось, ерундой. Теперь, кажется, я опять играю на его трагедии – Он царь еще... Ну а у меня что – две жизни, что ли? Тоже одна, и неизвестно какая», – говорит себе Золотухин (запись в дневнике от 26 января 1971 года).

31 января Высоцкого выпускают из буйного отделения Склифосовского. Он узнает о том, что ЕГО Гамлета репетируют другие, и говорит, что, если так, он репетировать не будет. Золотухин пытается использовать момент для того, что сейчас называют мотивацией:

– Если ты будешь репетировать, никто другой не сунется и репетировать не будет, но для этого ты должен быть в полном здравии и репетировать изо всех сил.

Высоцкий не удерживается, снова запивает, Зинаида Славина советует Золотухину учить роль Гамлета. «Но я не могу переступить», – записывает он 12 февраля. Высоцкий, протрезвев, улетает во Владивосток – петь. 27 февраля Высоцкий возвращается, проходит репетиция с ним – «говорят, хорошая, даже гениальная». «Дай Бог, чтобы у него получилось. Но ведь может получиться и у меня!» – записывает Валерий. Однако, несмотря на принятое решение добиваться роли Гамлета, Золотухин ничего для этого не предпринимает. Ему неудобно перед Высоцким, да еще он боится, если завязнет в Гамлете, остаться без Якова Богомолова.

Вдобавок случается хоть и смешная, а неприятность. На 12 апреля назначен спектакль «Мать». Но в 1971 году это не только День космонавтики, а еще и Пасха. Золотухин явился на Таганку, отметив оба праздника так, что даже в театре, где тоже отмечали, он сильно выбивался из общего ряда. Решено было привязать Золотухина к декорации в том месте, где он должен был находиться, а так как за ходом спектакля он следить не мог, условились, что он будет говорить, когда его дернут за сапог. Золотухин в финале, в сцене маевки, должен был сказать: «Товарищи, вот говорят, разные народы на земле живут – евреи, немцы, русские. А я вот в это не верю. Есть два народа – бед-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ные и богатые!» Но он придремал, так что, когда его, дернув за сапог, разбудили, все спуталось в хмельной голове, и речь выглядела так: «Товарищи, вот говорят, на земле разные народы живут. Евреи... Евреи...» Он понял, что на евреях его заклинило и надо заканчивать. И закончил: «А я в это не верю. Есть два народа – бедные евреи и богатые евреи!»

Публика не очень поняла заострение Находки на еврейской теме, к тому же тут грянула финальная песня «Эх, дубинушка, ухнем!», в общем, спектакль доиграли. Любимова вызывали в горком партии, где он отговорился тем, что Золотухин с Алтая, а так как это родина второго космонавта Германа Титова, то там всегда День космонавтики отмечают на совесть, с душой.

Эту историю Золотухин спустя годы часто рассказывал на своих вечерах смеясь. Тогда же ему было не до смеха – задержали звание заслуженного артиста РСФСР, которое он очень ждал и которое он получит только в 1981 году!

В результате вот уже и лето, а нет ни Якова, ни Гамлета, со званием обидная история, и Лаэрта Золотухин ухитрился не начать репетировать. Он было взялся за него, но на репетиции Любимов принялся ему выговаривать за что-то:

– Чего вы там наигрываете, вы совершенно пусты. Кого вы хотите обмануть?! Меня вы не обманете. И снимите очки...

– Я не собираюсь вас обманывать. Мы не на базаре, я не продаю, вы не покупаете... Я работаю... – ответил Золотухин.

Выговор был как выговор, не страшнее других. Но у Золотухина за спиной был «Живой», после которого он к себе стал относиться немного по-другому. Любимов же вел себя так, будто никакого «Живого» не было. Золотухина это все обидело, он решил, что Лаэрта играть не будет. «У меня не идет талант, когда мне хамят», – записал он.

25 июня – прогон «Гамлета» с Высоцким. Те, кто видел, в восторге. Золотухин признает, что спектакль будет иметь успех во всех отношениях, но тут же пишет: «Мало что меня тронуло глубоко... разве что – кладбище, тема смерти... и тлена всего живущего... как-то холодно мне стало...» Возможно, это ревность – такой спектакль и без него!

4.

Одновременно с «Преждевременным человеком» Золотухина приглашают на главную роль в фильм «Бумбараш», который на Украине собирается снимать режиссер Николай Рашеев. Золотухин едет на пробы, но, держа в уме

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Якова Богомолова, он к этим пробам отнесся так себе и их провалил.

– Я поехал на пробу на Бумбараша. И я ее провалил – у меня же такой фильм! Такая роль – Яков Богомолов! Приезжаю с «Бумбараша» и вижу в двери телеграмму: “Вы сняты с роли”... а дальше я не помню. В глазах потемнело. И я запил. Лежал пьяный в саду – дома никого не было. Но когда после трех дней пьянки пришел в себя, понял, что потерпел полное фиаско: Любимов разрешал нам сниматься только летом. И у меня летел заработок. Уж не говоря о роли... – рассказывал мне Валерий Сергеевич.

Но у него уже был опыт второй пробы у Полоки. Он решил еще раз попытать счастья: дал телеграмму в Киев, где снимался «Бумбараш», чтобы разрешили сделать вторую пробу.

– И тут уж я своего не упустил... – смеялся Золотухин.

Николай Рашеев рассказывал, что на первой пробе Золотухин «часто терял органику, старался, торопился» – в общем, режиссер в нем Бумбараша не увидел. Но вот на второй... «Я тогда просто попросил Валеру что-нибудь спеть. Он взял в руки гармошку, и я сразу понял: вот он, Бумбараш. Хотя пришлось долго уговаривать худсовет, чтобы утвердили Золотухина... Золотухин дал отклонение, от которого рождается этот образ, потому что норма не рождает ничего, кроме нормы», – говорил Рашеев.

На эту же роль пробовался Михаил Кононов. Согласно легенде, Золотухин сказал режиссеру Николаю Рашееву: «Если хочешь сделать хорошее кино, возьми Мишу Кононова, а если хочешь заглянуть в вечность, возьми меня». В одних интервью Золотухин подтверждал – да, говорил. В других – не помню. Мне он сказал третий вариант: «Я эту фразу говорил, но не помню когда – может, когда фильм уже нашумел...»

«Бумбараш» снят по неоконченной повести Аркадия Гайдара. Гайдар не стал ее заканчивать, так как раньше вышла схожая сюжетом повесть Валентина Катаева «Шел солдат с фронта». Евгений Митько – автор сценария «Республики ШКИД» и многих других – дописал повесть Гайдара, взяв кое-что из других его произведений.

Золотухин писал, что понял, как играть Бумбараша, когда познакомился с Юлием Кимом, известным тогда бардом: «Я увидел живого Бумбараша. Я увидел всего, целиком – с мимикой, с пластикой... Мне не надо было играть Бумбараша, мне надо было играть Кима. <...> Из его песен, вернее, из того, как он их разделывал, сложился образ, я

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

понял, как играть, когда Юлик несколько раз и по-разному проиграл свои песни». Он стал подсматривать пластику, мимику, жесты барда.

Юлий Ким написал к фильму песни, в том числе и «Ходят кони», которую Золотухин потом всегда любил петь. Юлий Ким рассказывал, что эта песня получилась разом: «Ее затребовал актер Смирнов, игравший в фильме бандита Гаврилу. Он канючил: “Что такое – бандит и бандит, я хочу, чтобы образ был сложнее”. Он хотел что-то вроде Григория Мелехова. “Дайте мне песню, чтобы я поднялся до этого масштаба”. И мы довольно быстро придумали песню. Дело было в номере гостиницы. На соседней койке, ни о чем не помышляя, лежал композитор Дашкевич и спал. А я сочинял эту песню для бандита Гаврилы, быстро-быстро сочинил, в полном восторге от себя растолкал Дашкевича и буквально взвыл ему эту песню, так октавы на две с половиной. Дело было на берегу Днепра, в разгаре съемок мы любили с Золотухиным состязаться, кто лучше и громче споет “Реве та стогне Днипр широкий.” И я таким же образом запел эту песню. Дашкевич послушал и говорит: “Нет, это нужно сделать на трех нотах”. И тут же он сочинил эти три ноты, просто на моих глазах. Он все время носил с собой такой нотный блокнотик. Блокнотик есть блокнотик, но чтоб нотный, маленький, в виде записной нотной книжки, я такого никогда не видел. А он сразу вынул его и тут же начертил эти три ноты. Чем вызвал мое завистливое восхищение. Потому что я бился над текстом минут тридцать, а он в течение пяти минут. И уже вечером мы все это пели в унисон. И когда Золотухин ее услышал, он сказал: “Эта песня моя!” Так она и осталась у него».

У Бумбараша были еще прототипы – отрок Варфоломей, на которого еще студентом часами смотрел юный Золотухин, и дед, отец матери, тот самый Федосей Харитонович, который всех в селе мирил и не отвечал злом на зло.

Вот с этими образами в душе Золотухин приступил к роли Бумбараша.

Бумбараш вернулся с германской войны, часть которой провел в плену. Он думает, что дома ждет его любимая, а оказалось, что на Варе, уверив ее, что Бумбараш погиб, женился брат Гаврила. Бумбараш хотел отдохнуть дома от войны – а война пришла к нему домой. Маска комедии позволяла показать близкий к безумию мир Гражданской войны, которая разрушает человека сильнее любой другой, потому что в этой войне каждый за себя.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Золотухин играет именно человека, который стоит между белыми и красными и всеми силами молится за тех и за других, вернее, хотел бы стоять и молиться, но жизнь такая, что не дает.

Фильм начинается с шуточного – с полета Бумбараша на воздушном шаре, продолжается легкомысленной песней «Наплевать, наплевать, надоело воевать!», но потом, с каждым поворотом колеса истории, становится все горше и горше, а кончается и вовсе жутко: брат Гаврила убивает Варю на глазах Бумбараша – «так не доставайся же ты никому!» (Евгений Митько в своем сценарии оказался добрее авторов фильма: у него Гаврила стреляет в Варю по случайности.) Крупный план, на котором только лицо Бумбараша-Золотухина, продолжается полминуты. За кадром звучит «Ходят кони» – сначала голос Золотухина, а потом и Юрия Смирнова, игравшего Гаврилу, а затем они поют уже вместе «Вот и прыгнул конь буланый с этой кручи окаянной»... В этом есть уже что-то страшное, и страшное происходит: Бумбараш должен решиться, и он берет револьвер и стреляет.

Сценарий заканчивается на выстреле Бумбараша. В фильме же на этом не кончилось: вот Бумбараш идет живой, глаза у него жуткие. Это еще отрок Варфоломей – но уже с револьвером. Убил он Гаврилу или нет – прямого ответа не дается, мертвого Гаврилу нам не показывают. Зритель вряд ли чувствовал эту неопределенность, но нынче смотришь другими глазами и кажется, что создатели фильма специально сделали вот так – оставили возможность думать, что не до конца озверился Бумбараш.

После этого скачет красная конница, звучит марш – зрителю давалось понять, что наши победили, светлое будущее неминуемо наступит, жертвы не напрасны – глаза Бумбараша, полные безумного горя, заслонялись другими картинками, словно и не было ничего.

Авторов фильма можно понять – если бы все кончилось на идущем с револьвером Бумбараше, какая же тогда это была комедия? Возможно, красную конницу сняли для проходимости фильма – без нее получалось совсем страшно. Мысли могли появиться – зачем же все это было? Для чего и для кого вся эта Гражданская война, если никому в фильме она не принесли счастья? Финал уводил от этой мысли или делал вид, что уводит.

Версия о «проходимости», скорее всего, верна. Николай Рашеев рассказывал, что после просмотра худсоветом отснятого материала его сняли с постановки. Претензии к фильму состояли из пяти пунктов, один из которых «Глум-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ление над идеалами революции». Спас фильм Тимур Гайдар, не только сын Аркадия Гайдара, но еще адмирал, заведующий отделом в главной советской газете «Правда». У Тимура Аркадьевича есть статья о фильме: «В сценарии и фильме угадан Гайдар. Высокая романтика его гражданской темы рядом с иронией, часто мягкой и даже грустной, беспощадный сарказм. Сценарист додумал, домыслил и, можно сказать, дофантазировал незаконченную – всего две первые главы – повесть. Нашел и включил в ткань сценария героев и события разных рассказов так, что их не разделил необратимый барьер несовместимости. Герои, события, образы – все они одного организма и поэтому вписались в фильм очень органично. Наверно, Гайдар, увидев фильм "Бумбараш", удивился бы и обрадовался его яркой, смелой условности и его песням, озорным и задушевным. И пусть герой не сильно похож на несколько степенного и рассудительного героя повести. Зато он тот мальчуган из гайдаровских книг, что не успел доиграть своих детских игр, когда жизнь втянула его в крутой водоворот событий».

Обращает на себя внимание слово "мальчуган" – это Тимур Гайдар почувствовал в Золотухине отрока Варфоломея.

Фильм снимался в окрестностях города Канева. На съемках случилось совпадение из числа тех, которые потом не раз случались у Золотухина. Когда он пел свое «Наплевать, наплевать», в песню то и дело вмешивались гудки локомотивов. Стали узнавать, что это. И оказалось, что буквально рядом находится могила Аркадия Гайдара, погибшего здесь осенью 1941 года, – ей и салютовали гудками машинисты шедших мимо поездов!

Премьера «Бумбараша» состоялась в Доме кино 24 марта 1972 года. Золотухин попросил слово и сказал: «В этом жанре в свое время я начинал работать с режиссером Полокой в фильме "Интервенция", который, искореженный чужими руками, до сих пор лежит на полке, и мы все равнодушны к этому и ничего не делаем, чтобы это исправить. Кто же в этом виноват? Кто виноват в том, что три года лежал "Рублев"?! Почему не мы с вами решаем судьбу нашего профессионального труда, а кто-то?»

Уже много позже Золотухин узнал, что на этой премьере в зале сидел Василий Макарович Шукшин вместе с Анатолием Заболоцким, оператором Шукшина на картинах «Печки-лавочки» и «Калина красная». После выступления Золотухина Шукшин наклонился к Заболоцкому и сказал: «А вот это наш дурачок, алтайский».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

— На него это похоже, — признавал Золотухин в беседе с барнаульским журналистом Владимиром Токмаковым. — Мол, нашел место, где клеймить чинуш от искусства, да, наверное, перед этим еще и стакан водки хватанул! Потому что на трезвую голову такие речи не несут. В каком-то смысле он был прав: меня после этого выступления два года не снимали в кино. Ну, чего я добился? Глупо было метать бисер перед свиньями...

Два не два, но год он и правда в фильмах не снимался, только пел. Правда, в 1973 году у него вышло сразу три картины («Берега», где он в одной из новелл сыграл киномеханика Сашку, фильм о войне «О тех, кого помню и люблю» и «Каждый день доктора Калинниковой»).

Интересно, что в конце 70-х годов, после вторжения в Афганистан, решено было чинить имидж СССР в Европе. Для этого придумали разные ходы, и один из них — выпустили пластинку с песнями из «Бумбараша». Песни на русском, но с переводами текстов на английский на конверте. Голосом Золотухина пытались растопить лед холодной войны. Видимо, понимали, что Золотухин за душу берет...

В 2008-м, когда сменилось все, что могло смениться, по интернет-опросу этот фильм вошел в 100 лучших русских фильмов всех времен. По его поводу в Интернете и сейчас кипят страсти — через 46 лет после выхода. Самый верный отзыв о нем: «В этом фильме ВСЕХ жалко, уж так он снят».

5.

28 октября 1971 года Валерий Золотухин записывает в дневнике: «Минск зовет сыграть Яшку в “Певцах” и записать фонограмму. С лета они меня ждут. Высоцкий убедил Турова, что это может сделать только Золотухин. Быть может, он прав».

Это тот самый Яшка Турок, о котором он мальчиком читал в «Записках охотника» Тургенева и вдохновленный которым устроил с соседом по палате «певческое состязание», кончившееся тем, что их обоих в наказание перевезли на половину девочек.

Фильм Виктора Турова назывался «Жизнь и смерть дворянина Чертопханова» и был поставлен на киностудии «Беларусьфильм» по трем рассказам Ивана Сергеевича Тургенева из «Записок охотника».

Однажды я спросил его про этот фильм и эту песню. И не зря — видно было, что эти воспоминания доставляют ему удовольствие.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– У Володи [Высоцкого] дар дружбы был колоссальный. Он говорит: «Валер, спой у Витьки». А я рассказ этот знал и очень любил. Но говорю: «Ну, пусть он пригласит Сергея Яковлевича Лемешева». Я его безумно любил. Но Лемешев был уже старый. И Володька меня все-таки уговорил. Он это умел. Мне прислали ноты – «Не одна во поле дороженька». И какой-то напев. Неделю меня откармливали – надо было возвращать вокальную форму, драматический артист за вокальным аппаратом не следит. Распевки, расширение диапазона. Она а-капелльно идет семь минут. Это жуткое напряжение. И я это спел с Олегом Янченко. Там хитрость была в записи такая: он давал ноту, она затихала, и я начинал петь. И когда я заканчивал куплет, он снова давал ноту. Чтобы я не сполз с тональности. И когда это выстроилось в одну песню – она была сумасшедшего звучания. И по вокалу, и по эмоциям. У Вити Турова, когда зазвучала фонограмма, на глазах слезы, и он выбежал из павильона. Так и не сумели в один присест заснять. После этого как-то пришел Володя Высоцкий с Мариной Влади ко мне домой, спрашивает: «Есть у тебя фонограмма? Поставь, пусть она послушает, как русские мужики поют». Я поставил пленку. Она сидела, ревела. Потом Володя пленку смотал и отдал ей: «Вези в Париж», – рассказывал Валерий Сергеевич.

Я нашел запись об этом в его дневниках: «1 января 1972 года. После спектакля за нами заехали Володя с Мариной, застали врасплох нас. Ну, ничего, обошлось. По-студенчески наставили закусок, икры банку... Славно посидели, потрепались. Марина видела “Живого” – восторги полные, комплименты. “Сидела, – говорит Володя, – и плакала. Когда у тебя из мешка капало – обратный эффект. Валерий, ты делаешь вещи невероятные... Ты сам не знаешь, как ты в следующую минуту будешь играть... Раньше была работа артиста, хорошая, но работа артиста... Сейчас артиста нет. Есть русский мужик, тип, Кузькин...»

Включил магнитофон, поставил “Не одна во поле...”. Марина попросила подарить ей эту пленку, показать в Париже... композитору знаменитому... Она сама готовится петь... “Вот так он и пел, этот Яшка...” – сказал Володя. Понравилось им очень мое пение. Я, конечно, отдал эту пленку с гордостью и счастьем. Наутро жена упрекнула, не преминула занозу под шкурку пустить: “Как ты быстро согласился отдать пленку, даже подумать не успел...” А чего мне думать? Пусть слушают французы, как поет русский мужик».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В 1971 году Золотухин много поет – и в кадре и за кадром. В фильме Александра Алова и Владимира Наумова «Бег» он в образе эстрадного певца поет романс «Это было у моря» на стихи Игоря Северянина в манере Вертинского. (Он потом пел его в спектакле «В поисках жанра» – сборнике номеров, где также выступали Высоцкий, Смехов и другие знаменитости Таганки).

Тогда же Леонид Гайдай снимает «12 стульев» – ставший классическим вариант с Арчилом Гомиашвили в главной роли. Золотухин записывает для фильма две песни – жгучую «Где среди пампасов бегают бизоны», а также «Полосатую жизнь» («И не надо зря тратить нервы, вроде зебры жизнь, вроде зебры»). Первую «поет» Остап в сцене соблазнения мадам Грицацуевой, а вторую запретили. Автор музыки, знаменитый композитор Александр Зацепин рассказывал, что цензуре не понравились строчки: «черный цвет, а потом будет белый цвет, вот и весь секрет!»:

– Говорили: «Сегодня черный цвет, завтра белый, а может быть, сегодня красный, а завтра красного не будет?» Все время какой-то подтекст выискивали...

От песни в фильме осталась только мелодия – под нее мадам Грицацуева гоняется за Остапом по зданию Дома народов.

В 1977 году вышел фильм-концерт (тогда была такая форма) «Эти невероятные музыканты, или Новые сновидения Шурика» (режиссер Ю. Сааков), где звезды фильмов Гайдая пели песни из фильмов Гайдая. Тут «Полосатую жизнь» под фонограмму Золотухина «исполнили» Леонид Куравлев, Вячеслав Невинный, Алексей Смирнов, Савелий Крамаров, Арчил Гомиашвили, Евгений Моргунов, Наталья Варлей и Наталья Селезнева. Все они были «в образах», и только появившийся в коротком кадре Золотухин, который у Гайдая ролей не получал, сыграл, конечно, самого себя.

С цензурой связана история записи еще одной песни – «Барыня-речка» в фильме «Инженер Прончатов», который в том же 1972 году снимал режиссер Владимир Назаров.

– Краснознаменный ансамбль, оркестр кинематографии со мной. Шикарная песня! И вдруг мне звонит режиссер Владимир Назаров и говорит: «Надо переписать песню». Оказывается, начальство возмутилось: «Какая барыня, какая сударыня?! Заменить текст!» Я говорю: «Так ведь автор не согласится». Назаров отвечает: «Согласился уже». Спрашиваю: «И что будем петь?» Оказывается: «Реченька-речка, красавица речка». Я говорю: «Тьфу, ё...» Как это можно петь? Но перепели. И в результате по радио: «Барыня-речка», в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

фильме – «Реченька-речка»... – рассказывал Валерий Сергеевич [34].

В 1972 году он записывает знаменитую песню «Разговор со счастьем» («Счастье вдруг в тишине постучалось в двери») для художественного фильма Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». Золотухин вспоминал, что когда у него родился сын Иван (от Ирины Линдт) и ему вынесли ребенка еще с необрезанной пуповиной, он запел своему сыну именно это: «Счастье вдруг в тишине постучалось в двери. Неужель ты ко мне? Верю и не верю!»

6.

В декабре 1971 года Любимов предпринимает еще одну попытку пробить «Живого». Каким-то образом уговорили Фурцеву, и она согласилась посмотреть еще раз. Репетировать начали с декабря, показ был назначен на 3 января 1972 года. После спектакля началось обсуждение в кабинете Любимова, под дверью которого собралась вся труппа. Золотухин отметил, что Фурцева привела тех же, что и в «День шестого никогда» – можно ли было рассчитывать, что их мнение переменилось? Только если поступили соответствующие указания. А они явно не поступили. Новеньких было только трое, из них один, Борис Покаржевский, новый начальник городского управления культуры, усердствовал сильнее всех. «Все дамы из МК (Московского горкома КПСС – С.Т.) и управления говорили категорически “против”, хоронили заживо, и “не нужно было возвращаться к этому порочному произведению...” и т. д. Кто-то сказал, что это ерничество над святыми темами, над тем трудным, сложнейшим послевоенным периодом, который народ наш так мужественно перенес. Все говорили то же, что и в 1969 году. Но той истерики, той злобы, того крика, который долетает до моих ушей из 1969 года, и в помине не было», – записал Золотухин в своем дневнике 6 января 1972 года.

Однозначного запрета не было, дали авторам время еще немного поправить текст, особенно во второй части – чтобы Кузькин осознал ошибку и вернулся в колхоз. Понятно, что такой концовки быть не могло. Любимов решил атаковать и при этом бить врага его же оружием – он заявил, что вообще-то текст пьесы состоит из прямых цитат материалов декабрьского пленума ЦК КПСС.

Состоявшийся 15 декабря 1969 года пленум был посвящен экономическим проблемам страны. В конце пленума Л.И. Брежнев выступил с докладом, который был засекречен.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Сейчас есть возможность прочитать этот доклад. Брежнев говорит, что слишком много времени уходит на согласования (с этим тезисом Любимов, пытавшийся уже второй год «согласовать» спектакль, наверняка был согласен!). Что есть целые отрасли, из года в год не выполняющие планы, в связи с чем министерства стали занижать планы. Расходы на строительство растут. Внедрение новой техники отстает от плана. В сельском хозяйстве не растет урожайность, снижается поголовье скота и его продуктивность. И не только в коллективных хозяйствах, но и в личном пользовании. Это значило, что какая-то часть людей уже не хотели работать не только на государство, но даже и на себя.

Идеология состояла в том, что Маркс, Энгельс, Ленин и вместе с ними вся Система не ошибаются. Как говорил Ленин: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». А почему верно? Потому что всесильно. И все. А тут выходило, что и недосмотрели, и не учли, и не верно, и не всесильно. Получалось, что СССР со всеми его ноу-хау – плановое развитие, ставка на гигантские объекты как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, экстенсивный метод развития – неэффективен. Рост производительности с каждой пятилеткой снижался, планы не выполнялись, народ к целям партии и правительства относился с безразличием. В докладе не говорится, но подразумевается, что система разбилась о миллионы Кузькиных в лучших или худших вариантах, которые просто хотели хорошо жить, понимая это каждый по-своему, и не когда-нибудь, в 1980 году, на который еще Хрущевым было назначено наступление коммунизма, а здесь и сейчас. Система не знала, что делать с Кузькиными в жизни. Ну, так хотя бы в театре Кузькина можно было запретить.

Возможно, Любимов упоминанием о декабрьском пленуме хотел показать, что театр работает в русле решений партии и правительства. Однако это только вывело Фурцеву из себя.

– Пленум был закрытым, материалы не опубликованы... Это некрасиво – пользоваться неопубликованными материалами, да откуда вы их могли знать? – заговорила она, раздражаясь. В общем, маневр не удался.

Тем не менее Фурцева напоследок со всеми любезно попрощалась и пожала руки. Когда дошла до Золотухина, тот ей сказал:

– Екатерина Алексеевна, так ведь у меня медаль «За освоение целинно-залежных земель», и отец – председатель колхоза тех времен, так что я эти времена хорошо знаю...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Не мог же он надеяться, что этим своим замечанием вдруг переменит мнение министра. Но, видимо, ему хотелось хоть что-то ввернуть, показать, что он не только на сцене слова может говорить. Впрочем, кому и что он пытался объяснить? Чиновники – особая порода, с них все как с гуся вода. Фурцева в ответ сказала: «Так вот вы и покажите нам сегодняшнего, современного Кузькина...» и ушла.

Любимов после этого сказал актерам: «Ты, Валерий, играл сегодня прекрасно. И вообще артисты молодцы – проявили мужество, выдержку. Я понимаю, что значит играть в таких условиях».

Золотухину и другие наговорили добрых слов. Он уже так устал от всего, что даже не стал их записывать, только занес в дневник слова Можаева: «Не дают, собаки, показать тебе, что ты гениальный артист!»

«Вот и закончилась вахта “Живого”», – записал Золотухин 6 января 1972 года.

То ли тогда же, в январе, то ли позже, он сбрил свои усы. Не то чтобы он не делал этого раньше – его «Бумбараш» без усов. Но тут он их больше не отпускал.

Когда в апреле отмечали восьмилетие Таганки, Высоцкий, считавший «Живого» лучшим спектаклем театра, спел:

Кузькин Федя сам не свой,
Дважды не пропущенный
Мне приснился чуть живой,
Как в вино опущенный.
Сбрил усы, сошел на нет –
Есть с чего расстроиться!..
Но... восемь бед – один ответ,
А бог – он любит троицу!

7.

Кузькин дал ему имя в мире театра, роли в картинах «Хозяин тайги» и «Бумбараш» дали ему узнаваемость в народе. Однако каждый раз, входя в двери Таганки, он становился никем. Ну, или почти никем. Впрочем, вспоминая Лаэрта, все же никем. Золотухин и в театре хотел бы быть Золотухиным, но он понимает, что на Таганке может быть только Любимов.

29 февраля 1972 года он побывал в театре на Малой Бронной, увидел спектакль Анатолия Эфроса «Брат Алеша» по «Братьям Карамазовым» и позавидовал: «Праздник актерского мастерства. Боже мой! Сидишь и любуешься артистами. Они (ну, разумеется, Достоевский) выворачивают тебе

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

душу, заставляют рыдать и слезы восторга проливать. Я сидел, зажав рот, обтянув челюсть пальцами, чтобы она не прыгала. Режиссера не видно. Но ведь это только кажется так. Всю эту гармонию воспроизвести, так раздраконить каждую линию».

Золотухин смотрит на Таганку другими глазами. Жесткая субординация Таганки впервые становится ему в тягость. «Нет, Любимов не допустит, чтоб любовались артистами или, вернее, чтоб о них говорили в первую голову, выходя из зала. Он должен стоять впереди», – записывает он. Он досадует на то, что режиссерские трюки – те же березки в «Живом», занавес в «Гамлете» – значат на сцене не меньше, чем артисты.

Кризис в его душе нешуточный. Вдобавок в это время он репетирует Раскольникова, а вернее, студента, который думает, что он Раскольников, в спектакле «Под кожей статуи Свободы».

Это поэма Евгения Евтушенко, написанная им после поездки в США, где поэт, как тогда было положено, увидел много несовершенного. Казалось бы, постановка соответствует линии партии и с ней у Таганки проблем быть не может. Ан нет – Евтушенко в 1968 году написал стихотворение «Танки идут по Праге»:

Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.

В результате Евтушенко попал в опалу. Поэму об Америке он много где предлагал и был готов на любые правки (для публикации в журнале «Аврора» он сделал в поэме около 80 правок – но поэму все равно не пропустили с издевательской формулировкой «она дает повод к ухудшению отношений между США и СССР» – будто эти ухудшения могли кого-то и правда заботить).

Стоявший за поэмой конфликт Поэта с Властью был вторым дном, междустрочником, придававшим поэме иной смысл: зритель знал, что смотрит ЗАПРЕТНОЕ! Возможно, без этого междустрочника Любимов и не взялся за нее.

Впрочем, Золотухина второе дно не занимает. У него «жутчайшая меланхолия». В спектакле 30 персонажей, не считая толпы полицейских. Роль студента в этой постановке – это один из мелькающих образов. С авансцены, после Кузькина, трудно вернуться в массовку. Золотухин угова-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ривает себя: «Я люблю подчиняться, привык, чтобы мной руководили, за меня думали и вели меня, как собаку на поводке».

«Свои все, даже наиболее решительные, поступки в жизни (кстати, я таких за собой что-то не помню) я делал вслепую, зажмурясь, и почти всегда с запасным черным ходом, почти всегда с соломкой. Это меня мучит. Это меня злит. И мучит тех, кто со мной рядом. Моя мелкопородность меня пугает и истязает. Я и так знаю, что я не Наполеон, чего мне строить его из себя даже на минуту. Я великий, гениальный актер... Черта с два! Гениально я играл только Кузькина. И то не все», – записывает он 15 марта. Что это? Приступ разочарования в себе или попытка принудить себя к смирению как к необходимому условию существования на Таганке?

Но это может быть и актерским методом Золотухина. Раскольников – человек в отчаянии, и Золотухин изводит сам себя, втаптывает буквально в навоз, чтобы играть не лицом, а нутром, чтобы отчаяние, свое собственное, настоящее, густое, плескалось в нем и переливалось через край, в зал. То, что у Золотухина были эти мысли, подтверждается его дневниковой записью:

«Раскольниковым надо заболеть, забеременеть – это значит, из себя человека вытравить, обозлиться, возомнить о себе черт знает что и в ТОСКУ дикую перелить. Это измучить себя, пройти через какие-то страдания. А какое страдание у меня?! Все однозначно, мелко и фальшиво».

В августе 1972-го его пригласили сниматься в фильм «О тех, кого помню и люблю». Это кино о войне. Золотухин играет лейтенанта Васильева, в подчинении у которого отделение девушек-саперов. Роль одной из них играла Евгения Сабельникова, на тот момент 21-летняя выпускница ЛГИТМиКа (Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии).

Евгения в пять лет познакомилась с поэтом Иосифом Бродским – он жил в доме рядом. Общение продолжалось год – почему-то Бродскому было интересно разговаривать с этим ребенком. К 13 годам она прочитала всю отцовскую библиотеку. Ее отец Алексей Сабельников был полковником Главного политического управления Вооруженных Сил СССР – наверняка библиотека была полна отборного антисоветского конфиската. В школе отказалась вступать и в пионеры, и в комсомольцы – для такого тогда, в 60-е, нужен был особый характер.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Когда и как между ними проскочила искра, неизвестно. Так или иначе, начался роман, продолжившийся и после съемок. Евгения жила в Ленинграде (судьба опять завязывала узелок, но Золотухин еще об этом не знал – его вторая жена Тамара также из Ленинграда). Для встреч он использовал любую возможность, а как-то раз желание немедленно увидеть Евгению оказалось таким острым, что Золотухин развернул такси, в котором ехал по Москве, и велел ехать в Ленинград!

Однако по большей части этот роман телефонный. Он звонил ей и разговаривал часами. Звонил из театра – дома такого позволить себе не мог.

8.

В начале 1973 года Любимов начал репетировать поэтическое представление «Товарищ, верь...» по стихам Пушкина. Как в «Послушайте!» было несколько Маяковских, так и здесь было пять Пушкиных: один Пушкин – гуляка, другой – свободолюбец, третий – верный товарищ, четвертый – творец, пятый – влюбленный. В программке значилось не «Пушкин», а «За Пушкина» – этим подчеркивалось, что актер – не Пушкин, актер – связной между Пушкиным и зрителем.

Золотухин играл вольного, легкомысленного Пушкина, Пушкина в Одессе (где симпатизировавший ему генерал-губернатор Инзов прятал от поэта сапоги, чтобы тот не ушел на улицу и не попал там в историю).

Золотухин в спектакле еще и пел, собственно, действие с него и начиналось, с песни «Долго ль мне гулять по свету то в коляске, то верхом».

Сохранилась видеозапись того, как на десятилетии Таганки в фойе театра он поет это переложенное на нехитрый гитарный бой стихотворение Пушкина «Дорожные жалобы». За спиной у Золотухина стоит Высоцкий – он на подголосках, а еще дальше – Филатов. Петь в фойе перед публикой, которой не до того, очень сложно, партнеры не настроены на серьез, а гости и подавно. Тут же, в фойе, дешевый ресторан, там наливают и передают по фойе стаканы. Но Золотухин два раза в припеве взлетает голосом в такие высоты, что заставляет себя слушать, – на пленке видно, как Михаил Ульянов, тоже звезда, сыгравший к тому времени в первый раз Жукова и дважды – Ленина, заслушался, задумался. Золотухин докричался и до этой публики, как когда-то, привязанный к крылечку, заставлял проходивших мимо односельчан останавливаться и слушать себя.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В этом же спектакле он исполнил старую казачью песню «Горят, горят пожары, горят всю неделюшку». Запись ее тоже сохранилась. Это протяжная степная песня о соколе, которому пожаром опалило крылья и на которого, беспомощного, нападает воронье. Сокол, однако, обещает, как только силы и крылья вернутся, воздать воронью за все.

Эту песню он наполнял историей, которую рассказал ему дед Ермолай Сотников. Вернувшись с войны без ноги, он казался себе калекой, не выходил на люди, прятался в бане, куда жена приносила ему поесть. Но однажды дети принесли подраненного соколенка и привязали во дворе за ногу. Двор словно вымер: куры попрятались, пропал петух, и даже коршуны перестали кружить над двором. «Вот какая сила от земли до сини небесной исходила от спутанного и сидевшего на приколе соколенка, который между тем подрастал, залечил крыло и беду свою», – писал потом Золотухин. В какое-то утро сокола не нашли – чтобы освободиться от веревки, он раздолбил клювом свое запястье и улетел. Мораль, которую преподал людям соколенок, была проста: если у тебя есть крылья, ноги не важны. Ермолай Сотников урок понял – после этого он вышел из своего затвора, вернулся к жизни – оказалось, и без ноги можно ей радоваться!

Всей этой историей наполнялся Золотухин, когда пел, и надо слышать, как голос Золотухина наливается тяжестью на словах «Вы боялись меня могучего, меня вольного, Вы напали тучей черною на беду мою», а на словах «Опущусь в ваше стадо быстрей стрелы» он так пронзительно тянет «быстрей», что тратит на это весь запас воздуха, но от этого песня становится еще эмоциональнее, сильнее.

Интересно, что первоначально эта песня в поэтическом представлении не предусматривалась. По воспоминаниям Высоцкого, Золотухин предложил ее сам (Высоцкий даже считал, что Золотухин записал эту песню где-то у себя на родине, и ранее она не была известна, хотя все проще – в 1954 году она вышла на пластинке в исполнении знаменитого хора имени Пятницкого).

То есть Золотухин почувствовал, что эта песня про сокола, который не может пока ответить воронью так, как хотелось бы, она и про Пушкина. Впрочем, она даже больше. В звучании голоса Золотухина в этой песне есть что-то иррациональное, инопланетность, от которой веет холодом. Не зря Золотухин потом отдаст ее своему герою в фильме «На всю оставшуюся жизнь», дяде Саше, санитару, тихо помешавшемуся после того, как у него на глазах погибла вся семья.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Одного из Пушкиных должен был играть Высоцкий, но ему это было уже не интересно. Он уже не хотел быть «одним из», даже одним из Пушкиных. Это было то же, что испытывал Золотухин, назначенный на роль одного из бесчисленных студентов в «Под кожей статуи Свободы». Но у Высоцкого имелось преимущество – за стенами Таганки у него имелась целая жизнь. В феврале 1973 года Высоцкого ждут в Новокузнецке – у него назначено 19 концертов, с помощью которых местный театр надеется выполнить план. Высоцкий манит с собой Золотухина: «Давай я тебе устрою 15 концертов в Новокузнецке. Надо зарабатывать, пока есть имя и силы, пока ты интересен». Золотухин отказывается. Высоцкий улетает в Новокузнецк 4 февраля и дает там по четыре концерта в день – первый в двенадцать дня, четвертый – в девять вечера. 7 февраля от напряжения у него горлом пошла кровь, два концерта отменили, но 8-го он снова пел. Он возвращается в Москву. 11 февраля у Таганки выездные «Павшие и живые», а Высоцкий с похмелья и пытается кого-нибудь отослать за спиртным. Золотухин со Смеховым ловят «гонцов», Высоцкий отыгрывает один спектакль, но после него ухитряется выпить в туалете с рабочим. Играть он не может. Его укладывают спать, и Золотухин оставшиеся до второго спектакля четыре часа учит роль Высоцкого! Выучил (память у него была отличная до последних дней), но к началу успел приехать вызванный на замену актер Феликс Антипов.

Смехов и Золотухин уговаривают Высоцкого ехать в больницу, сдаваться. Тот соглашается, но 12 февраля выясняется, что в больнице его нет. Оказалось, он «в ужасном виде» спит дома. Любимов теряет терпение и надежду, и решает, что Пушкиных будет четверо. Золотухин записывает: «Володя давно замыслил побег из этого спектакля».

Премьера «Товарищ, верь!» состоялась 11 апреля 1973 года. В этот день зрителей в фойе встречали все пятеро Пушкиных. Когда пришел Борис Покаржевский, начальник управления культуры Московского горисполкома, он всем Пушкиным пожал руки и сказал, что надо в конце «подтащить памятник». Никто не мог понять – что за памятник, откуда подтащить? Потом выяснилось, что Покаржевский имеет в виду стихотворение «Я памятник себе воздвиг...»

9.

Однажды в театр пришел счет за телефонные переговоры Золотухина на 400 рублей, безумная по тем временам сумма.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Шацкая не могла об этом не узнать: были и «добрые люди», да ведь и Золотухин наверняка хвастал своим романом среди мужской части театра.

Нина, однако, не стала закатывать ему скандал. В 1973 году Золотухин снова снимался на «Ленфильме» (фильм «Царевич Проша», где Золотухин играл Лутоню), она однажды сказала, что поедет с ним, а там, пока он был на съемках, поехала к Сабельниковой!

– Прихожу со съемок, жена говорит: «Ну, веди меня в ресторан». Пошли. Сидим, едим, оркестр слушаем. И вдруг она спрашивает: «Ты знаешь, где я была, пока ты работал?» Тут я похолодел от предчувствия. «У Галины Ивановны Сабельниковой, Жениной мамы»... – рассказывал Золотухин журналу «Караван истории» [36].

Шацкая сказала Галине Ивановне Сабельниковой, что ее дочь должна оставить в покое женатого мужчину. «Поначалу мне было противно и страшно», – рассказывал Золотухин.

Когда-то Шацкая прочла в его дневнике о романе с Ией Саввиной, это страшно ранило ее, но потом эта рана заросла – она ведь и «ребеночка попросила» уже после этого. Но в этот раз что-то сломалось и починке не подлежало. Именно во время романа Золотухина с Сабельниковой Шацкая обращает внимание на Филатова.

Леонида Филатова приняли в Театр на Таганке в 1969 году. Нина тогда была в декретном отпуске. Филатов видел ее портрет в фойе – фотопроба к одному из спектаклей, дама в шляпке и платье начала века, но искра не высеклась. Спустя время у него завязались отношения с актрисой Лидией Савченко, они поженились. Но через год, когда Шацкая снова пришла в театр, Филатов понял, что любит не жену, а ее. «Я знал, что Нина – чужая жена, и это закрывало для меня право за ней ухаживать. Она была очень красивая женщина. А я – провинциальный щенок. Чрезвычайно нахальный, не битый еще жизнью. Мне просто нравилось смотреть на нее. И какое-то время этого было достаточно. Я прибегал в театр (наврав что-то жене, которая знала мое расписание, поскольку мы вместе работали), когда здесь должна была появиться Нина...» – вспоминал Филатов.

Шацкая вспоминала, что в том же 1969 году гадала на Крещение с подругой Изой Фроловой: жгли бумагу на тарелке, подносили тарелку с горкой пепла к стене и пытались угадать, на что похожа эта тень. «Все это трещало, свечи трещали. Было страшно жутко, и мы разговаривали шепотом. Она там себе нагадала какой-то пароход, и это входило в ее

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

какие-то планы, и она была счастлива. А потом стала гадать я. Кручу вот эту тарелку, и вдруг вижу – ну, по-настоящему, не поверите, в профиль мужское лицо: длинный такой эль-грековский профиль. И как будто с рогом одним. Ужас!» – рассказывала Шацкая.

Потом тень оказалась похожа на собаку, а потом – на кулак с поднятым большим пальцем. Шацкая тогда ничего не поняла. Однако все это было о Филатове: он Козерог по одному гороскопу и Собака – по другому.

Значительно позже Шацкая ездила к гадалке на окраину Москвы, и та напророчила, что у нее сменится начальник и она выйдет замуж за человека, который любит ее давно и сильно. «Зря ездили в такую даль», – решила Шацкая, не представлявшая, как это Любимов оставит Таганку и как это она уйдет от Золотухина.

В 1972 году Филатов признался ей в любви. Ошарашенная Шацкая напомнила ему, что она замужем, и Филатов после этого к ней не подходил.

Но после поездки в Ленинград, после отчаянной попытки склеить разбитое, Нина однажды пришла в театр. Смотрела на сцену из темного зала, Филатов увидел ее, подошел сзади и поцеловал в шею. С этого все у них и началось.

«Десять лет о нас с Филатовым в театре знала лишь моя подруга Маша Полицеймако. Она была нашим тайным почтальоном, передавала записки. Отношения складывались непросто. Леня был женат и не решался уйти из семьи. Я избегала его, пыталась забыть...» – рассказывала Шацкая в одном из интервью.

10.

В 1973 году произошел, наконец, прорыв на литературном фронте: в июне в журнале «Юность» вышла первая повесть Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему...» Это первая публикация повести как законченного произведения (в 1973 году в журнале «Советский экран» вышел отрывок из этой повести «Пой, Вовка»).

«На Исток-речушку» он начал писать в 1969 году, после рождения сына Дениса, которому повесть и посвящена. Видимо, рождение этого ребенка обострило всегда болезненные воспоминания Золотухина о непростом детстве. Возможно, он смотрел на сына и думал: «Каково достанется ему?»

Золотухин вспоминает в повести два дня из детства, два летних июльских дня. Мать уговорила отца поехать за смородиной на пасеку к деду Ермолаю Сотникову. Чуть не

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

утопили в болоте колхозных лошадей. Однако прорвались, набрали смородины, напарились у деда Ермолая в бане, а потом отец с дедом сидели за столом, а Валерий, еще на костылях, пел им «Шумел сурово Брянский лес», так пел, что оба взрослых мужика рыдали. «И все?» – спросит тот, кто повесть не читал? И все.

Для Золотухина не важен сюжет и не важна мораль. Для него, когда-то обреченного на больничную палату, важно ощущение жизни, важно чувствовать себя живым.

Отчасти эта повесть – жалостливая песня про несчастного сиротку. Да, родители живы, но главный герой, оторванный от семьи на три больничных года, обособлен, он привык жить особым одиночеством приговоренного к смерти, и даже вернувшись к семье телом, душой остался в карцере болезни и еще не решается оттуда выйти.

Но эта поездка – с болотом, близостью несчастья, с преодолением – стала частью возвращения в жизнь. Он еще на костылях, смертный диагноз – туберкулез костей – еще не отменен, болезнь затягивает его, как болото тянуло лошадей, но он видит этот мир, чует его запахи, его ветер, и каждый глоток воздуха, пропахшего лесом, травами, лошадьми, баней, рекой придает ему сил, он рвется к жизни и побеждает! Не зря в повести упомянуто «Яблочко», которое он пляшет на сцене клуба наперекор всему.

Повествование у Золотухина кинематографично: основная линия перебивается отступлениями, воспоминаниями, монологами матери, монологами самого Золотухина. Как Любимов в «Добром человеке», в «Товарищ, верь!» требовал от актеров играть героя и одновременно – свое отношение к нему, так и Золотухин в «На Исток речушку» одновременно и мальчик, и взрослый, 28-летний, уже покоривший Москву, актер, и еще кто-то третий, кто смотрит на них со стороны и жалеет их обоих. Позже Золотухина называли «хвост кометы Шукшина», ему это было обидно, и не столько, думаю, из-за намека на вторичность, сколько потому, что такой взгляд означал: не поняли, ничего не поняли и не захотели понять! Он ведь не Шукшин, не Распутин, не Белов.

Золотухин нашел свою тропу: он воздействует на читателя не сюжетом, не моралью, он увлекает читателя чистой эмоцией. Он перенес в литературу актерский прием: выбросить в зал накопленную эмоцию и заразить ею всех, от партера до галерки. Поэтому он уже не особо заботится об увлекательности завязки и о том, где будет у него кульминация, потому что у него везде кульминация – в любом месте переживание и катарсис.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Уже «На Исток-речушку» сделана не по канонам. Вернее, по другим канонам. Открывают ее и закрывают письма от теток Вассы и Елены. В начале тетки выговаривают ему: тетка Васса – за то, что играет пьяниц («Как это можно после таких серьезных ролей, как в прошлых фильмах, и играть такого пьяницу?») и что не бережет себя («Но очень уж ты худой на тело»), а тетка Елена – за то, что в «Хозяине тайги» копирует отца «и притом неудачно». Но в конце тетка Елена его хвалит: «И поешь славно... слушать можно, прям как отец... Вдруг перепоешь, а?»

В финале же повести – письмо от тетки Вассы с текстом казачьей песни и наставлениями, как ее петь. При этом текст песни такой, что она начинает петься сама:

Я сяду на коня гнедого,
Поеду в дальние края,
Быть может, меткая винтовка
Из-за угла сразит меня...

Золотухин ударяет письмами, как камертоном, и потом пишет, подстраиваясь под их долгую звенящую ноту. Так он пел Яшку Турка, перед каждым куплетом задавая тон, – так он теперь пишет. Главное – выдержать ноту – щемящую, будоражащую, которой он и удерживал читателя.

«На Исток-речушку» – это геном, ДНК Золотухина, в ней зашифровано все, что составило основу его жизни.

Борис Полевой, главный редактор «Юности», услышал ноту, почувствовал шифр. Возможно также, что он, автор бессмертной «Повести о настоящем человеке», увидел параллели между героем «На Исток-речушку», мальчиком на костылях, и своим Алексеем Маресьевым, безногим летчиком: оба, не щадя себя, пробирались к жизни, для обоих это был подвиг.

Полевой как журналист начинал в конце 20-х, а как писатель – в конце 30-х годов. В 1958 году он участвовал в Общемосковском собрании писателей Москвы, поводом для которого стало присуждение Борису Пастернаку Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго». Борис Слуцкий, Сергей Баруздин, Лев Ошанин говорили слова, после которых непонятно – как они писали свои книги? Сергей Смирнов, работавший именно в то время над книгой «Брестская крепость», которая вписала в историю Великой Отечественной войны этот подвиг, назвал роман Пастернака «апологией предательства»...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Полевой также участвовал в кампании. Он тогда сказал: «Генерала Власова советский суд расстрелял, и весь народ одобрил это дело, потому что, как тут правильно говорилось, худую траву – и с поля вон. Я думаю, что изменника в холодной войне тоже должна постигнуть соответствующая и самая большая из всех возможных кар. Мы должны от имени советской общественности сказать ему: “Вон из нашей страны, господин Пастернак. Мы не хотим дышать с вами одним воздухом”».

Ясно, что собрание было ритуалом, проверкой лояльности. Пишут, что Смирнов до конца жизни не мог простить себе этого собрания, что Слуцкий потом не мог себе простить свою речь – хотя она была куда мягче речи Полевого, и что она отчасти довела его до сумасшествия, которым кончилась его жизнь.

Возможно, то, что делал Полевой на посту редактора «Юности», было его формой раскаяния. А может, и нет: в советском человеке противоположности уживались и без внутреннего конфликта. Так или иначе, именно при Полевом в «Юности» вышли первые стихи Варлама Шаламова, дважды репрессированного в сталинские годы (второй срок он получил за слова «Иван Бунин – русский классик», десять лет за антисоветскую агитацию), он печатал Василия Аксенова, Анатолия Гладилина, Евгения Евтушенко, в 1969 году опубликовал повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...». При нем «Юность» провела первую выставку и опубликовала рисунки Нади Рушевой, тогда пятиклассницы. У Полевого было чутье на настоящее...

Журнал с повестью Золотухин забрал в редакции 22 июня. Меньше пятнадцати журнальных страниц получались подарком на его 32-летие – наверное, самым дорогим и желанным в жизни. Золотухин был пьян без вина. Кроме десяти авторских экземпляров, которые дали ему в «Юности», он купил еще шесть, сколько было, в издательстве, и пошел по улице Горького (ныне Тверской). «Я никого и ничего не замечал, шел странный и дикий... Все заглядывал в журнал – не пропустили ли это место... а как расположилась эта фраза, а с большой ли буквы – Ларионыч... сохранена ли кардиограмма... песни... и т. д. Портфель был ужасно тяжелый, но... я даже не реагировал на его вес, до того он хрустален был и священен...» – пишет Золотухин в дневнике. Ничего не замечая, он переходил дорогу где попало и дважды чуть не попал под грузовики. Шоферы материли его.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В театре он всем показывал журнал, подписал его Высоцкому и Смехову. Высоцкому он написал: «Я горжусь, что твои гениальные песни вот таким образом аккумулировались в моей башке. “Рвусь из сил и из всех сухожилий...” Рвут кони вены и сухожилья свои. Я верю, “уж близко, близко время”, когда я буду держать в руках книжку твоих стихов, и я буду такой же счастливый, как сейчас».

Радовались, как водится, не все. Актер Анатолий Васильев сказал: «Говорят, в журнале хороший роман у Васильева». В этом же номере и правда был роман Бориса Васильева «Не стреляйте белых лебедей». «Не мог пережить, все-таки кольнул», – отметил Золотухин, которому захотелось плакать от такого отношения. Однако Высоцкий и Всеволод Абдулов наговорили ему добрых слов, и Золотухин отошел.

Высоцкий очень трепетно относился к писательскому таланту друга, готов был вступиться за него в любой ситуации и по любому поводу. Когда Золотухина сравнили с Аксеновым, Высоцкий завелся: «Да вы что? Аксенову не снилось так писать». Высоцкий, видимо, чувствовал, что проза Золотухина основана на том же, на чем стихи Высоцкого – на генерировании громадного, поглощающего публику эмоционального потока. Ну да, не всегда и не во всем. Но тут важно, что Высоцкий понимал и уважал принцип творения.

В «Юность» довольно скоро пошли отклики на повесть, два из них опубликованы в № 1 за 1974 год. Отзывы диаметрально противоположные, и при этом обе оценки – «отлично» и «неуд» – поставлены за одно и то же, за язык, которым написана повесть. [23].

«Неуд» ему поставила некто Т. Темирбаева из Феодосии: «Я долго не могла понять, что к чему здесь написано, и несколько раз перечитывала некоторые отрывки этой повести. Столько точек, столько слов, написанных большим шрифтом, а особенного и нет ничего в этих буквах больших. <...> Взять хотя бы второй абзац этой повести. “Отец работал еще начальником тогда. Председателем колхоза. Мать была начальникова жена, председательша. А Вовка с Ванькой и Тонькой-сестрой были начальниковыми ребятишками”. Разве нельзя было как-нибудь попроще написать эти три строчки, понятнее? <...> автор куда-то спешит, не договаривает конец начатой мысли, “глотает” концы, если можно так выразиться. Может, он хочет быть не похожим на других своим стилем

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

письма, чтобы отличаться от всех предыдущих и последующих потом писателей? Может быть. Но мы, простые читатели, не привыкли к таким рассказам, где сразу ничего не поймешь. <...> пусть Валерий будет лучше хорошим, талантливым артистом и певцом, чем посредственным писателем, или пусть пересмотрит свой стиль письма».

А «пятерку» поставила Екатерина Андроникова, студентка МГУ, написавшая, что повесть «выделяется в прозе журнала своим необыкновенно живым, метким и сочным народным языком. Это речь образная, читаешь – видишь этих людей, слышишь их голоса и, прежде всего, голос Володи, в котором узнаешь черты характера и судьбу самого Валерия Золотухина. По-моему, повесть превосходная. Совсем небольшая, а, посмотрите, какая емкая! Много рассказано в ней, и рассказано своеобразно. Уже в письмах тетки Вассы и Елены, открывающих повесть, слышится их речь и угадываются их характеры. А до чего председатель правдиво написан! <...> Как часто интересные замыслы не трогают нас, потому что язык автора и его персонажей немощен и бледен. Золотухин смело употребляет народные слова и обороты, всем понятные, но свежие, сильные, способные подействовать на воображение, радующие точностью, новизной».

То, что эта заочная дискуссия вышла именно о языке, показательно. Золотухина еще в первых редакциях попрекали, что он пишет не так, как говорят. Он, однако, не переписывает себя. В его «Стариках» все «давеча» и «нонеча» остались на своих местах.

В печатном произведении эмоция передается словом, больше автору оперировать нечем. Он работает с языком, создает из него свой код, который одни улавливают, другие – нет. Надо помнить, что первым литературным потрясением Золотухина было «Слово о полку Игореве» с его магическими формулами «Не лепо ли ны бяшеть» – это музыка, которая не нуждается в смысле. Здесь важно не только и не столько слово, сколько звучание. Золотухин также сочинял музыку – именно поэтому первые свои рассказы читал Нине вслух. Ему важно было, как звучит написанное.

Внимательный читатель уловит мелодию «Исток-речушки». Вставки, воспоминания, отступления он намеренно выключает из повествования, они и написаны иначе. Так сочиняют симфонии: быстро, медленно, потом менуэт, а четвертая часть снова быстро. Валерий Золотухин все-таки в ГИТИСе учился, на отделении оперетты – неудивительно, что проза у него пронизана музыкальными разме-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

рами, иногда даже кажется, что можно понять, где у него скрипки, а где, например, трубы.

Где музыка, там и поэзия. Высшая поэтическая форма – сонет, где последняя строчка одного катрена является первой строчкой следующего. Так и у Золотухина: последние слова одной главки становятся началом другой. Вот заканчивается воспоминание словами «Не доскачешь уж теперь на Исток-речушку к Ермолаю Сотникову» – а главка следующая называется «Ермолай Сотников». Она заканчивается словами «Одна она у меня, моя мать» – а следующая называется «Моя мать». Последние слова этой главки «Пой, Вовка!» – и так называется следующая. Последние слова в повести – «Но, милок, пошел, милок» – а это название самой первой главы. Золотухин все закольцевал, а поверх надел еще «раму» – письма своих теток. Пожалуй, ни одно другое свое произведение он не отшлифовал до такой степени. Так настоящие деревенские мастера делали дом – с одинаковым рвением и фундамент, и резных голубей на наличниках.

Вскоре после выхода повести Золотухину устроили творческий вечер в Центральном доме литератора – тот самый, на который он пригласил найденного через Юрия Никулина клоуна Алексея Полозова, без которого всей судьбы Валерия Золотухина могло и не быть. Слезы, восторг, восхищение...

– Потом я зашел в «Юность», и завотделом прозы сказала мне, что эта подсадка с клоуном была лучшей частью вечера... – усмехался Золотухин. Получалось – не поверили...

На банкете после этого вечера Андрей Вознесенский сказал ему: «У тебя теперь другая биография начнется. Как у Высоцкого после Гамлета, когда в нем видели прежде всего поэта». Это льстило Золотухину, не могло не льстить. Но, наверное, и пугало – он уже и на эту биографию вон сколько сил положил, и она, не из последних, хотя бы уже есть. А сколько сил понадобится для создания другой?

11.

В 1973 году Золотухин снимался в фильме «Каждый день доктора Калинниковой». Несмотря на то что главный герой – женщина-врач, лента – о хирурге-новаторе Гаврииле Илизарове, лечившем переломы с помощью своего метода. Однако в отделе науки ЦК КПСС его считали шарлатаном. Режиссеру Виктору Титову было сказано, что Илизарова на экране быть не должно. Тогда он решил, что хирургом-новатором будет женщина – доктора Калинни-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

кову играла Ия Саввина. Золотухин в фильме играл Евгения Бибикова, проверяющего из министерства.

В фильме были врачи-консультанты. Золотухин стал рассказывать им, что вот у него был костный туберкулез и он – надо же! – жив и артист. Доктора выслушали его и сказали, что, скорее всего, у него был остеомиелит – с туберкулезом кости он или лишился бы ноги, или она бы высохла.

Снимали на «Мосфильме». У Золотухина оказалась одна гримерка с Василием Шукшиным, который там же снимал «Калину красную». Однако знакомства не состоялось, о чем Золотухин досадовал всю жизнь.

– Мы как коллеги раскланялись, и все. Понимаете, у каждого же свои амбиции... В таких ситуациях кто-то должен сделать первый шаг навстречу знакомству. Мне к нему было как-то неудобно подходить: «Здрасьте, Василий Макарович, я тоже с Алтая...» Но ведь он знал, что я с Алтая! И как старший брат вроде бы первым должен был сделать шаг навстречу. Но, видно, не того характера был... Второй раз я увидел его в Доме писателя, где мы читали свои рассказы. А в третий раз я с ним встретился уже в Быстром Истоке, когда по Оби шел сухогруз «Василий Шукшин». Тогда Обь еще была полноводная... – вспоминал Валерий Золотухин в интервью барнаульскому журналу «Автограф» (декабрь, 2009) [35].

В июле 1974 года Таганка едет на гастроли в Набережные Челны, выступает на строительных площадках КамАЗа. 1 июля Высоцкий, Алла Демидова, Золотухин и Вениамин Смехов поехали в Елабугу. Добираться туда можно было только водой. Высоцкий договорился с кем-то, им дали небольшой катер, весь рейс Высоцкий пел, отрабатывая поездку. В Елабуге они искали дом, где жила Марина Цветаева. Отыскали, но дом оказался заперт. Пошли на кладбище, по воспоминаниям Аллы Демидовой – «старое, большое, зеленое, с каменной оградой-входом». Нашли могилу – ухоженную, аккуратную. На сером скромном камне написано: «Марина Ивановна Цветаева, 26 сентября 1892 – 31 августа 1941 года». Всех поразило, что на могиле были кем-то положены маленький букетик свежей земляники и сигаретка...

12.

В 1974 году Золотухин снимается в фильме Иосифа Хейфица «Единственная» по рассказу Павла Нилина «Дурь». Он здесь не милиционер, не красноармеец – он Коля Ка-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

саткин, просто шофер, влюбленный в свою жену Таню, которая просто официантка. Он едет из армии и всем, кто готов его слушать, рассказывает, что, мол, есть у него «мечта-идея» – забрать жену и родившуюся еще до службы дочь, и вернуться в те края, где служил, в Комсомольск-на-Амуре.

Дома он узнает, что жена не больно-то хранила ему верность, но так очарован ею при встрече, что решает на все махнуть рукой, плюнуть, растереть и забыть. Но однажды в неурочное время возвращается домой и застает жену с любовником. Он тут же подает на развод, и довольно быстро женится на другой. Но вдруг понимает, что любит Татьяну. Он начинает пить, попадает в вытрезвитель, оттуда на работу приходит письмо – все идет наперекосяк и побоку, в том числе и мечта-идея. Начальник автоколонны вызывает его к себе, участливо выслушивает и говорит, что все это дурь: «Выбрось все из головы напрочь и займись делом».

Хейфиц к тому времени уже классик, поставивший «Депутат Балтики» (1936), «Член правительства» (1939), «Дело Румянцева» (1955) и другие известные картины. В 1960 году он поставил чеховскую «Даму с собачкой» с Ией Саввиной и Алексеем Баталовым в главных ролях. Перед «Единственной», в 1973 году, Хейфиц ставит «Плохой хороший человек» по Чехову с Олегом Далем, а после, в 1978-м, снимет «Асю» по Тургеневу. Это все фильмы о патовой ситуации в любви, об обреченном чувстве, и «Единственная» – тоже об этом. Не зря ведь и название Хейфиц дал фильму такое, название «Дурь» существенно сужало и снижало историю.

Он снимал «Салют, Мария!» (1971), оттуда знал Золотухина как актера. Между батькой Махно и шофером Колей Касаткиным – пропасть, но Хейфиц верил, что Золотухин ее перепрыгнет.

«Единственная» начинается как умильное советское житье-бытье среди новостроек. Но оказывается, что внутри пятилетних планов живут те же люди, что у Чехова и Тургенева, и у них так же болит душа. У Нилина рассказ написан почти по Зощенко или под Зощенко: «Жениться мне, откровенно говоря, сперва вовсе не хотелось. Женатый, я считал, ведь все равно что связанный. Но на женитьбу меня подталкивала в первую очередь моя мамаша...» Фильм счищает комедийную скорлупу зощенковской интонации, оставляя некомедийную суть истории. Как ни крути, а то, что обрушилось на Касаткина, – горе. Семья разрушена, душа болит, ощущения правоты нет, а ощущение горя есть.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В рассказе любовник Тани – «старичок-бухгалтер Костюков Аркадий Емельянович», который учит ее играть на гитаре. В фильме – руководитель самодеятельности Борис Ильич. Его играет Высоцкий. Хейфиц, видимо, решил, что так измена будет понятнее – роман Татьяны со старичком-бухгалтером и впрямь вызывал недоумение и желание сказать Николаю: «Беги, парень, от такой дуры». Высоцкий же в фильме таков, что измену можно толковать как желание Татьяны «в другом небе летать».

Высоцкий играл своего героя как неудачника, знавшего лучшие времена, и, возможно, озлобленного на весь мир из-за того, что эти времена прошли.

Хейфиц вспоминал о Высоцком: «Ему сразу же понравилась идея сыграть неудачника и провинциального завистника. Как умный актер, он и не гнался за внешней выигрышностью, эффектностью роли. Его привлекало внутреннее содержание, многоплановость, особая “тайна” характера, недосказанность и странность поступков». Сам Высоцкий называл своего актера «обшарпанный соблазнитель».

Золотухин играет вначале веселого, добродушного человека, который всегда в светлом настроении, а в конце – потерянного, измотанного. В самом финале, после воспитательной беседы с начальником автоколонны, Касаткин говорит себе: «Есть о чем подумать, дорога, слава Богу, длинная. Ведь никто не может жить без любви и надежды», и фильм кончается, в общем, оптимистично. Но с другой стороны – как ему еще было кончиться? Не с моста же на машине Касаткину бросаться.

Хотя фильм не дает ответов ни на вопрос «кто виноват?», ни на вопрос «что делать?», но тема его оказалась близка зрителю: «Единственная» стала лидером проката, фильм посмотрели 33 миллиона человек. Золотухин стал одним из самых популярных актеров СССР.

13.

Думаю, потерянный вид Касаткина в конце фильма давался Золотухину несложно – к этому моменту он сам потерялся, потому что, едва закончив отношения с Сабельниковой, закрутил новый роман.

Золотухин рассказывал, что однажды на съемках «Единственной» шел мимо гостиницы, услышал звуки скрипки и... полез в окно, откуда текла музыка, прямо по водосточной трубе!

На скрипке играла Тамара Гусева, ассистент режиссера. 29 лет, замужем, есть дочь, по образованию музыкант,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

она и на съемки с собой взяла скрипку – упражняться. Она заиграла на ней как-то вечером – и судьба ее решилась на всю оставшуюся жизнь. Тамара Владимировна Золотухина, впрочем, говорит, что ни в какое окно ни по какой водосточной трубе Золотухин не лазил – он постучал ей в дверь. Возможно, тут имеет место уже знакомый нам «коэффициент коровы Юнки».

Тамара Владимировна родилась во Львове, отец ее поляк, и его семья не приняла его возлюбленную с ребенком на руках. Мать с дочерью уехали с Украины в Россию, в Тулу. Жили тяжело. Тамара Владимировна вспоминала, что мама, работавшая на химзаводе, постоянно штопала свою одежду, прожигаемую кислотами. Однако, несмотря ни на что, она отдала дочь учиться музыке. Тамара училась в Тульском музыкальном училище, жила на съемной квартире.

Она рассказывает, что была очень послушным ребенком. Мама хотела, чтобы она училась музыке, – и она училась. В училище Дмитрий Воробьев, преподаватель, на десять лет старше ее, сказал, что у нее талант, ей надо учиться дальше, поступать в консерваторию. Мама учила слушаться старших – и она послушалась. Они вместе поехали поступать в Ленинградскую консерваторию. Воробьев стал ее первым мужем. Белого платья и фаты не было – Тамаре все это казалось пошлостью. Она говорит, что они расписались просто так – для каких-то прагматических нужд, чтобы их поселили вместе.

С Воробьевым они однажды приехали в Москву, ходили на Таганку, смотрели «Десять дней», но тогда Тамара Золотухина не запомнила.

На фотографии времен юности Тамара невероятно красива. Воробьев, видимо, был просто в нее влюблен. Она же не любила его. Возможно, не очень любила и музыку. На эту дорогу ее поставила мать, и она шла по ней до тех пор, пока не почувствовала силы для сопротивления, которые дал ей Достоевский. Прочитав «Преступление и наказание», она спросила себя: «Тварь я дрожащая или право имею?» и бросила все, что составляло ее мир, – и музыку, и мужа.

Она поехала в Москву поступать в театральный, но провалилась. Вернулась в Ленинград, потом поехала к матери в Тулу, опять вернулась в Ленинград и жила в общежитии у подружки, учившейся на искусствоведении. Отправилась с ней в археологическую экспедицию и познакомилась там с Гусевым, он учился на курс старше. Узкое лицо с бородой – по словам Тамары, в него были влюблены все девчонки, а он начал ухаживать за ней. «Я долго сопротивлялась и,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

можно сказать, сдалась под его натиском. Мужа я не любила ни одной секунды! Для меня спать с ним было просто мука! Это же ужасно... Как только я забеременела, не понимаю... А ведь Гусев души во мне не чаял, на руках носил, хотя и ростом был маленький...» – говорила Тамара.

Через три года после рождения дочери подруга устроила ее на «Ленфильм» ассистентом по актерам. «Единственная» оказалась ее первой киноэкспедицией.

В декабре 2015 года я беседовал с Тамарой Владимировной Золотухиной в Москве. Она вспоминала:

– Я работала на «Ленфильме» и попала к Хейфицу на фильм «Единственная» и все думала – хоть бы не Золотухин на главную роль. Он ведь уже снимался на «Ленфильме» в картине «О тех, кого помню и люблю», у него там был большой роман с Женей Сабельниковой, они ходили за ручку. Мы не были знакомы, но там всего четыре павильона, все знали, кто что снимает. И я видела его – в буфете, в кафе, в столовой.

Он мне не нравился. Мне не был интересен ни «Бумбараш», ни «Хозяин тайги» – скучный фильм, по-моему. И на Таганку я не ходила. Когда в конце 60-х мы попали на Таганку с моим учителем – это был самый пик их славы, мне было лет 18-19, мне категорически не понравилось! А вокруг было что-то ужасное, в театр не пройти. Они встречали зрителей – гармошка, тельняшка, гитара... Я занималась классической музыкой, мне 19 лет – что мне до этих бушлатов и социальных страстей? Наверное, это было здорово для тех, кто это любит и это понимает. Там было много публицистики, я категорически этого не люблю, на всю жизнь, и тогда не любила. Любимов был большой мастер во всех смыслах, в том числе и по конъюнктуре. А меня это раздражало. Я никогда не любила Таганку. Потом, когда мы поженились с Валерием, на премьеры я ходила, но мне очень мало что нравилось.

– Вот «Единственная» снимается – как у вас все началось? С чего началось? Взгляд его почувствовали?

– Что там чувствовать? Это была такая демонстрация. Он не отрывал взгляд. Это манера была такая.. Это очень раздражало.

– Вы чувствовали себя осажденной крепостью?

– Да. Все на меня пальцами показывали, тыкали, за спиной шептались.

– Вы замужем, он женатый...

– Да это, в общем-то, неважно – в кино нравы легче легкого. Но все равно это неприятно. Я была человеком очень

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

наивным. Со скрипкой приехала в экспедицию. Я тогда еще занималась, играла, хотя уже не училась, ни к чему не готовилась. Но хотела быть в форме. Думала: «А что я там буду делать? Я никого не знаю в группе, что я буду делать в свободное время?»

— Удалось поиграть?

— Наверное, нет. Такой роман... Я сначала в изумлении была. Но такие знаки внимания, что даже режиссер был покорен и сказал, что это настоящая любовь. Иосиф Хейфиц, престарелый человек, для нас он был уже старый, и вся группа... Валера настолько был открытый в этом отношении — он не скрывал, мы не таились. Вернее, не мы, а он. Я была застенчивый человек, мужняя жена, маленькая дочка дома, мне все это было дико.

— А чем он вас переломил?

— Не могу сказать, но как-то так вышло. Стало интересно. А он был всегда со мной. Перерыв в съемке — актеры уходят, между собой общаются — а он всегда со мной. В кадр, а из кадра — ко мне. Он не отходил от меня. Я была покорена. Он меня покорял. Все время около меня. Он все время хотел, чтобы я была в досягаемости.

Роман продолжался весь этот фильм. Три месяца снимали. В конце я уже в соплях ходила — как же, все заканчивается... Он в Москве, я в Ленинграде...

Золотухин возвращается в Москву, но начинает то и дело ездить в Ленинград: вечером после спектакля садится в поезд, ночь в дороге, день с ней. Тамара Владимировна говорит, что он ездил «каждый день», но это вряд ли — когда бы он тогда играл в театре? Дома он говорит, что едет с концертами, для вида берет гитару. Возможно, ему все равно, поверит ли Шацкая, а возможно, и Шацкой уже все равно — у нее в это время все сильнее разгорается роман с Филатовым, она, наверное, даже рада, что Валерий уезжает, — так получается, что он сам все ломает.

В этом многоугольнике счастливых нет. Несчастен муж Тамары, несчастна она сама, несчастна Шацкая, несчастен Валерий. Он приезжает в Ленинград по утрам, день они проводят с Тамарой, вечером он уезжал. Тамара не выдерживала и уезжала с ним. Проводники уже знали их — сажали в свое купе, денег не брали. День Тамара ходила по Москве, уже одна — Золотухину надо было на работу — утешаясь тем, что он рядом и вот-вот придет. Он приходил, отправлял ее назад. Они прирастали друг к другу каждый день и каждый день отрывали себя друг от друга.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Иногда он передавал ей привет с Высоцким, который довольно часто бывал в Ленинграде. В первый раз Золотухин дал другу ориентир – «красивая, в зеленой юбке».

– Что же это за примета такая? – спрашиваю я.

– А как мы там жили в эти годы? Зарплата маленькая. У меня была одна юбка, в которой я ходила на работу. Одна юбка и две кофточки на смену... – усмехается Тамара Владимировна.

– Высоцкий был ужасно церемонный и, когда встречал меня в коридорах студии, говорил: «Вам поклон...» Ужасно смешной был... – говорит она, и я вдруг понимаю, что все это – коридоры «Ленфильма», раскланивающийся Высоцкий – у нее сейчас перед глазами. От этого мурашки бегут по спине.

14.

В январе 1975 года Высоцкий с Мариной Влади попали на прием к Петру Демичеву, который 16 декабря 1974 года был назначен министром культуры СССР вместо умершей Екатерины Фурцевой.

Разговор был о пластинке Высоцкого, но зашла речь и о театре, и о «Живом».

«Речь была и о театре. Если Вовка не врет, Демичев спросил: “А кто играет Кузькина? Золотухин? Это хороший актер”», – записал Золотухин в дневнике.

«Живого» Демичеву сдавали дважды – первая сдача обнадежила, а вторая растерла эти надежды в прах. На первую сдачу министр пришел с небольшой свитой. Любимов и Можаев сели рядом с Демичевым, и Любимов вспоминал, что Можаев, на его взгляд, очень странно себя вел: отвлекал Демичева, дергал его, что-то комментировал. «Я все думал: почему? А Борис, оказывается, специально тормошил Демичева, чтобы тот не насыщался ненавистью к спектаклю...» – вспоминал Любимов.

Можаев после этой сдачи ликовал, считал, что все сошло отлично и спектакль пойдет. Любимов все же сомневался. И не зря. Спустя какое-то время назначили еще одну сдачу. Тут уж Демичев подготовился – в первых рядах усадили Героев Социалистического Труда, Золотухин писал, что их было три ряда, «когда я вышел на сцену, медалисты ослепляли в свете софитов своими наградами». За Героями сидели знаменитые писатели, артисты и рабочие. Кто-то из них позже рассказал Золотухину, что перед спектаклем у них был инструктаж – учили, как реагировать и на что.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Вполне объяснимо, что обсуждение, начавшееся после спектакля, было «жуткое». «Как сказал Владимир Солоухин, это было похоже на собрание городничих, которые обсуждали пьесу “Ревизор”...» – вспоминал Золотухин. У «комиссии» оказалось 90 замечаний к спектаклю. Стало ясно, что спектакль не выйдет и сейчас.

«Если бы спектакль вышел тогда, я в полной мере ощутил бы себя победителем. Когда завершился прогон, я чувствовал бы себя знаменитым, как Москвин, проснувшийся после роли царя Федора. Вся театральная Москва в те дни говорила о спектакле. Вместо этого все повторилось в кошмарной гиперболе. И все-таки это была наша победа в искусстве», – говорил Золотухин в 2001 году.

15.

Одновременно с этим у него, как всегда, кино – в 1975 году режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич заканчивал съемки фильма «Весна двадцать девятого» – о строительстве Сталинградского тракторного завода. Золотухин играет главную роль – директора строительства Григория Гая. Фильм снят по мотивам пьесы «Темп», которую Николай Погодин написал тогда же, в 1929 году.

В первых кадрах Золотухин, тонкий и юный, несмотря на свои уже 34 года, на фоне московского Кремля говорит: «Я его никогда не видел, потому что я не мог его видеть. Но я знаю, что мой герой был счастливый человек. Потому что он строил социализм, строил его от всего сердца. Потому что жил на максимуме человеческих возможностей. Потому что беспредельно верил в мой сегодняшний день».

Зритель не знал, но мы-то знаем, каким был тогда «сегодняшний день» Золотухина: если любовные многоугольники и творческие муки можно было считать его личным делом, то запрещенный фильм и запрещенный спектакль уж никак личным делом не были. Словом, обобщение хромало.

«Весна двадцать девятого» – советская производственная сказка. Социализм строится легко, играючи, с комическими перебивками. Куда-то бестолково бегут рабочие с тачками и лопатами, потом растут цеха, работницы в красных косынках грызут баранки, поют песни, пляшут (музыку для фильма написал, между прочим, Дмитрий Шостакович), лопатами бросают песок кверху, словно просеивают зерно, месят глину, показывая молодые строй-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ные ноги. Григорий Гай говорит лозунгами, учит рабочих: «Социализм к нам с неба не придет. Он родится здесь в нарушение всех привычных представлений. Наш темп опрокидывает время и диктует истории новые законы. Здесь, сегодня, сейчас, в муках и радости рождается новый социалистический мир!»

Когда выписанный для организации работ американец Картер после десяти дней сидения в гостинице, в течение которых для него так и не нашлось времени, грозит уехать, Гай предлагает ему наконец начинать работать, и... они вместе начинают плясать!

В фильме есть и серьезные вещи – в одной из сцен инженеры спорят, должна ли Россия пройти путь старых промышленных государств или может этот промежуток перескочить. Молодой инженер Манаенков стоит за то, что темпы и помощь американских специалистов делают возможным такой трюк.

Как положено, в фильме есть злодей – инженер Гончаров, который обманом устраивает крушение поезда с металлоконструкциями, а при разбирательстве говорит Гаю: «Это результат суматохи, творимой вами!» Сцена вроде бы тяжелая, но уже в следующем кадре работницы снова танцуют и поют частушки «Горки круты, а директор наш крутей». В конце Гай всех победил, и у него все получилось, он собирается на новое строительство, все вокруг любят друг друга, бегут друг за другом и друг к другу.

Интересно, что «Интервенцию» в жанре буффонады цензура не пропустила, но этот, довольно нелепый фильм о строительстве с очевидно картонными ситуациями и образами возражений не вызвал. На такие первые пятилетки советское руководство согласно было смотреть. Именно после этого фильма Юнгвальд-Хилькевич получил разрешение снимать, пожалуй, самый известный свой фильм – «Д'Артаньян и три мушкетера» (1978).

Герой Золотухина Григорий Гай – персонаж вымышленный. На самом деле строительством Сталинградского тракторного руководил Василий Иванович Иванов, сам по себе легенда – участник штурма Зимнего, в Гражданскую войну восстанавливал мост в Царицыне, а позднее гонялся за батькой Махно. Основные факты его биографии переданы Гаю: ездил в Америку, был знаком с Фордом. Сына Иванов назвал Коммир – Коммунистический мир, это говорит само за себя. В 1930 году с конвейера сошел первый трактор. Иванов от огромного на-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

пряжения слег и долго болел. Потом строил комбинат на озере Балхаш.

Почему Иванов стал Гаем? Эта фамилия использована Погодиным в пьесе. Вымышленный персонаж позволял автору более свободно обходиться с фактами истории. Но, очевидно, была и другая причина: Василия Иванова 24 июля 1937 года арестовали и расстреляли. Правда, реабилитировали в 1956 году за отсутствием состава преступления. Но советская власть расстреливала быстро, а возвращать человека в историю не торопилась.

Надо помнить, что 1929-й – это год «великого перелома» – страну ломали ради великого скачка. Но и миллионы раскулаченных, и судьба Василия Иванова остались в «Весне двадцать девятого» за кадром.

Из сегодняшнего далёка думаешь: зачем Золотухин это играл? С другой стороны – надо же было чем-то жить, нужны деньги на семью, на поездки к Тамаре и много еще на что. Кино было его заработком, «отхожим промыслом» – так в деревнях до революции называли работу, для которой мужики уходили куда-нибудь на сторону. Любимов позволял сниматься только летом, а этот фильм снимался на Одесской студии – отказываться грешно. Сам Золотухин в письме к В. Фомину от 18 января 1970 г. написал: «Если бы у меня был табун из 300 лошадей, я бы делал только то, что моему сердцу угодно. Иногда приходится работать и черную работу» [10].

В этом же году Золотухин снимается в крошечной роли, почти эпизоде, в фильме «На всю оставшуюся жизнь». Это фильм о жизни санитарного поезда, который едет через Великую Отечественную к передовой и обратно, а потом снова – к передовой и обратно. В поезде складывается своя жизнь. Золотухин сыграл бывшего проводника дядю Сашу – у него под бомбежкой погибла вся семья, и он немного тронулся умом. Это незабываемый эпизод. «Здрасте, Саша, дядь Саша!» – здоровается со всеми дядя Саша и рассказывает о том, как под бомбами погибли все шесть его женщин – мать, сестра, жена, дочери, племянница. «Золотухин ведет эпизод в стремительном темпе, ни на секунду не отпуская зрителя, не давая ему опомниться, шквалом обрушивая все разом: истеричную веселость полубезумного, тоску огромных глаз и шутовской, придурочный рассказ о том, как на глазах у него погибла вся семья. <...> дядя Саша загибает пальцы и заливается тоненьким смехом, готовым перейти в рыдания... Эта роль – маленький актерский шедевр», – написал журнал [51].

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

16.

В 1975 году Любимов уехал в Италию ставить в Ла Скала «Под жарким солнцем любви». На это время он предложил Анатолию Эфросу, с которым дружил, поставить, что тому хочется, на выбор. Эфрос выбрал «Вишневый сад» по Чехову, пьес которого в репертуаре Таганки не было. Высоцкий играл Лопахина, Золотухин – Петю Трофимова, а Раневскую – Алла Демидова.

Трофимова и Лопахина репетируют и другие составы, но Эфрос замечает, что каждый раз, когда на сцене Золотухин и Высоцкий, между ними возникает энергетический мост, а если у них другие партнеры – моста нет. Им про это рассказал Эфрос. «Стоит нам сойтись вместе, происходит нечто. На сцене начинается жизнь, наши партнерские взаимопривычки, текст, написанный Чеховым, получается рожденным только что, становится легко и просто. Это заметил посторонний, не знающий нас человек – Эфрос. Он ставит нас с другими исполнителями, так сказать, рознит – не выходит. Все вроде то же, а не то. Да и мы-то осознали это потом, когда Эфрос недоуменно это сообщил. “Играйте-ка, – говорит, – вы, ребятки, вместе. Вы вдвоем гораздо сильнее, чем каждый сам по себе в другой компании”...» – записывает Золотухин в своем дневнике 10 сентября 1975 года.

Роль была сделана быстро: Золотухин начал репетировать свою роль 4 июня, а уже 30 июня состоялась премьера.

Особенность Золотухина как актера в том, что он никогда не играет себя в предлагаемых обстоятельствах – он всегда играет немного другого человека. Возможно, для завзятых театралов это наблюдение наивное. Но именно оно объясняет, почему ни один из театральных, а пуще того кинообразов не прирос к Золотухину: он никогда не был одинаковым, он всегда был разным, и поэтому, по самой своей актерской природе, он не мог быть актером одной роли. Это видно и в Пете Трофимове – трудно даже предположить, что этого молодого человека со спутанными волосами и странным взглядом через очки играет тот же, кто играл Бумбараша, Сережкина, Григория Гая.

«Вишневый сад» еще со школы трактовался как столкновение нового и старого мира. При этом полагалось считать, что новый мир заведомо хорош, раз он новый, а старый заведомо плох – раз он старый. В этой логической цепочке Раневская и те, кому дорог старый мир в образе вишневого сада, выглядели людьми недалекими, цепляющимися за ветошь непонятно почему. Все это диктовало

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

отношение к героям как к чудакам, не понимающим своего счастья, отсюда и пьеса чаще трактовалась как фарс над прошлым и над людьми, которые за него держатся, предлагалось смеяться. Эфрос сделал из нее трагедию, предлагая прошлое пожалеть, посочувствовать людям, в судьбы которых вмешалось Время. «Представьте себе состояние, как вот если бы вам вдруг сказали, что ваш театр закрыт. Общая растерянность, при которой и вылезают вдруг пустяки, совершенно ненужные, неважные вещи, о главном впрямую – дурной тон. Каждый актер должен знать, что у него треть жуткого проговора, пустяков, и одна двадцать четвертая – жуткого выплеска», – сказал Эфрос актерам перед первой репетицией, даже не предполагая, что его слова являются пророчеством.

«В центре небольшой холм. Тени цветущих вишневых деревьев наполняют своей игрой и сцену, и зал. Все белое, чуть тронутое тлением. Это островок прекрасного прошлого, за которое еще держатся герои. Отсюда начнется спектакль, здесь он и окончится. Перед концом – вот тема спектакля», – такой была сцена Таганки в «Вишневом саде». Тут надо добавить, что на холме, за изумительным деревом в белых цветах, стоит памятник. Его не так уж видно, но как только его разглядишь, так все это сразу становится кладбищем и от этого ощущения уже не отделаться.

Высоцкий играл «на редкостном сочетании внешней грубости с внутренней поэтичностью, хамства с артистизмом», а Петя Трофимов у Золотухина стал «каким-то заболтавшимся проповедником, с гонимой, привязчивой душой» [28].

Кое-что из «Вишневого сада» отснято на пленку, поэтому Золотухина в этой роли можно увидеть. Это изумительное зрелище – его поглаживание волос и манерная интонация на словах «Я так далек от пошлости». Вот он говорит Раневской-Демидовой: «Я сочувствую всей душой», а она вдруг взрывается: «Надо иначе это делать! Иначе!», и их буквально отбрасывает друг от друга – притом, что они так и остаются сидеть на той же самой скамейке.

Спектакль был особенным уже потому, что в нем главным оказались актеры, их образы – между тем на Таганке всех всегда заслонял Режиссер. Любимов приехал перед сдачей спектакля, увидел и заревновал. Он не смотрел на сцену, переговаривался с Эфросом, а когда публика захлопала, спросил его: «Это что, твои клакеры?» Оказалось, Любимов не готов принять чей-то еще успех на Таганке, кроме своего. Есть точка зрения, что именно «Вишневый сад» поломал

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

отношения Любимова и Эфроса. Любимову не понравилось то, что он увидел. Потому что он чувствовал: публике нравится это смотреть, а актерам нравится это играть. Труппа, воспитанная кнутом, вдруг узнала о существовании пряников. Актеры Таганки вдруг поняли, что другой мир и правда есть – этого Любимов не мог простить Эфросу.

17.

В начале сентября 1975 года Таганка едет с гастролями в Болгарию. В советские времена ходила поговорка «Курица не птица, Болгария – не заграница!». Так советский народ, из числа которого и в Болгарию далеко не каждый мог попасть, смеялся над собой. Это были первые зарубежные гастроли театра, все, кроме Высоцкого, впервые выехали из СССР. Привезти Таганку в Болгарию придумала Людмила Живкова, дочь бывшего руководителя этой страны Тодора Живкова. Согласования шли на самых верхах, но Таганку все же выпустили. Театр повез четыре спектакля: «Гамлет», «Десять дней, которые потрясли мир», «Добрый человек из Сезуана» и «А зори здесь тихие». (Последний спектакль странно было везти в страну, которая во Второй мировой была союзником Германии, но, видимо, никто об этом не подумал.) Золотухин сорвал голос, врач прописал ему молчать, но его все равно взяли – чтобы показывать, так как в Болгарии, как одной из стран социалистического лагеря, шли его фильмы. «В Болгарии ни одного спектакля не играл, водили меня и показывали как экспонат, что вроде есть такой артист», – пишет он В.С. Фомину 3 октября 1975 года [10].

В Болгарии нарасхват Высоцкий – с ним делают интервью, его песни записывают. На спектакли ломятся толпы народа, но даже тем, у кого есть билеты, не гарантировано место в зале. Болгары просят разрешения записать два спектакля Таганки на пленку, Любимов разрешает. Проблема в том, что у Любимова в зале всегда минимум света. Болгары обманом не дают Любимову попасть в зал, а сами там выставляют полный свет и так записывают «Гамлета» и «Доброго человека из Сезуана». Однако бесценная съемка погибла – по недосмотру, поверх нее телевизионщики записали другую передачу.

В последний день гастролей в Софии попрощаться с театром приехал Тодор Живков.

Золотухин об этой поездке не рассказывал и не писал – видимо, переживал, что не удалось показать себя, такой шанс упущен, когда еще будет другой.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Можно только попытаться представить, как ему было обидно, – такая ситуация, а он не может себя показать! Если бы ему можно было петь, то еще неизвестно, кто бы из них с Высоцким кого перепел. Но ему прописано молчать и на записи песни «Сто тысяч дорог» у журналиста Любена Георгиева, которую Высоцкий представил как гимн Таганки, Золотухина в кадре нет, хотя пишут, что он был у Георгиева вместе с Владимиром Высоцким, Леонидом Филатовым, Иваном Бортником и Иваном Дыховичным. Эта песня есть в Интернете, ролик стоит посмотреть: у всех, кроме Высоцкого, перепуганные лица, Филатов не смотрит в камеру, Бортник смотрит, но в глазах у него читается вопрос – правильно ли он делает? Они советские люди, они впервые за границей, их снимает иностранное, пусть болгарское, телевидение, и они боятся – вдруг им влетит за то, что они ни у кого не спросили разрешения. Один Высоцкий спокоен и вальяжен – он в заграницах пообвык, бывал и в Париже, что ему Болгария – он «право имеет»...

18.

Осенью 1975 года на Таганку пришел Валерий Черняев, ставший с годами близким другом Валерия Золотухина.

– Сначала мы были только коллеги. Они – Золотухин и Высоцкий – недосягаемы были для меня. Я чуть моложе их поколения, с 1949 года, но это «чуть-чуть» в театре очень большое время. Они уже прожили какую-то театральную жизнь, они на самом верху Олимпа, а я только пришел, – рассказывал он мне.

Черняев мечтал о Таганке еще будучи студентом Свердловского театрального училища. На зимних каникулах выпускного курса он поехал смотреть спектакли в Москву и Ленинград, пришел на Таганку, увидел у служебного входа Любимова и попросил провести его посмотреть репетиции. Любимов сказал: «Пошли».

Чтобы не выгнали до вечера, Черняев сначала прятался в туалете, а потом, по совету заведующего постановочной частью Юрия Хроменкова, помогал рабочим монтировать декорации – в этот день и в последующие. За это ему давали контрамарку на спектакль.

Одна из этих контрамарок была на «Доброго человека из Сезуана». Так Черняев впервые увидел Золотухина.

– Первый спектакль, который я увидел с ним, – это «Добрый человек», его Водонос. Он играл потрясающе. Потом «Товарищ, верь!» Как он читал стихи своим звонким голосом! Это для меня была сказка... – вспоминает Черняев.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

После училища он сумел стать актером Таганки. Однако Черняев говорит, что, если бы не Золотухин, у него на Таганке могло бы и не получиться. Дело в том, что дебютный выход он, при всей своей нахальности, едва не провалил. Спас его Золотухин.

– Я должен был выйти вместо Высоцкого в «Десяти днях, которые потрясли мир». Мне надо было петь: «В куски! Разлетелася корона, нет державы, нету трона. Жизнь, Россия и закон – все к чертям!» – это Высоцкого песня, он ее специально для спектакля этого написал. Я ее за четыре часа выучил. Ну, это я думал, что выучил. И когда вышел, сел, от волнения все забыл. Пою: «В кускиииииииии». Снова начал: «В кускиииииии». И когда в третий раз начал, тут Золотухин почувствовал, что я забыл, и запел дальше. Но когда он дошел до «к чертям!», я ему подпел, он подумал, что я вспомнил, и перестал петь. Но я не пою! И он допел все. Зажим у меня был полный. Вот такой был первый мой выход на Таганке со словами. Когда Володя снова не смог выступать, стали искать на эту песню исполнителя, Золотухин говорит: «А что? Черняев прошлый раз пел – пусть и теперь поет». А я уже выучил ее так, что и соседи выучили! Я день и ночь ее орал дома! В любом состоянии мог спеть. Я вышел, спел, Любимов стоял в зале и сказал после этого: «Вот Володи когда не будет, пусть он поет». И меня оставили на этой песне в этом спектакле. Так Золотухин меня выручил... – рассказывает Черняев.

В это время слава Таганки достигает, как говорят в энергетике, пиковых значений. Билетов нет на многие месяцы вперед. Очередь в кассы не расходилась и по ночам – жгли костры, дежурили. Молодые парни, чтобы оказаться у касс первыми, ночевали в стоявших рядом с театром телефонных будках.

Москвичка Мария Петровна Опенышева, в семидесятые годы одна из тех, кто пытался пробиться на Таганку, рассказывала мне:

– В 6 утра выезжали из дома, в 7 утра были у театра. А там молодые ребята ночевали в телефонных будках. Мы будки открываем, спрашиваем, кто последний за билетами...

19.

Осенью 1975 года Александр Митта начинает съемки фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» по мотивам неоконченного романа А.С. Пушкина «Арап

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Петра Великого» с Высоцким в роли арапа и Золотухиным в роли его слуги Фильки.

Как это, видимо, бывает всегда или почти всегда, съемки оборачиваются сплошной нервотрепкой, всем кажется, что получается плохо. 10 ноября Золотухин записывает: «Сегодня бесполезный день у Митты. Володька окончательно приведен им в раздражительное состояние, ничего тот ему объяснить не может, не знает он: какой он, кто такой этот арап? Что играть? Грусть, тоску, отчаяние? Ни метра не сняли».

27 ноября: «Мучился усталостью на съемке. Никакой радости. Митта с Вовкой не могут работать, идет ругань, взаимораздражаемость. Я не могу быть союзником ни того, ни другого. Ввязался я в это дело напрасно: хотел товарищу помочь. Ролью совсем не занимаюсь, она неинтересна для меня, значит, будет неинтересна и для зрителя. Хотя роль одна из лучших в этом сценарии». Золотухин сам признается, что его гнетет: «Слишком много забот за спиной».

Еще бы, у него семья в Москве, Тамара в Ленинграде, а сам он на съемках в Риге.

20.

В эти же месяцы Любимов, уставший от историй с Высоцким, решает этот гордиев узел разрубить. Он всерьез предлагает роль Гамлета Золотухину. Этот разговор записан Золотухиным 12 декабря.

На предложение Любимова Золотухин сказал, что слышал, будто Гамлета предложили Ивану Бортнику. Любимов ответил, что такое было, но «он оказался трусом, он меня не понял».

– С господином Высоцким я работать больше не могу. Он хамит походя и не замечает. Уезжает в марте во Францию. Ездит на дорогих машинах, зарабатывает бешеные деньги – и я не против, на здоровье, но не надо гадить в то гнездо, которое тебя сделало... – сказал Любимов.

Золотухин отвечает осторожно:

– Мы потеряем его, когда будет найден другой исполнитель.

Это забавные экивоки – Любимов ведь начал с того, что предложил Гамлета Золотухину, какой тут еще «другой исполнитель»?

– Заменить, может быть, и следует... – говорит дальше Золотухин. Мог ведь он сказать тут что-то другое, как-то иначе? Мог сказать: «Юрий Петрович, вы начальник, вы

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

решайте, чего вы мне жилы крутите?» Мог. В общем-то, он дальше так и сказал. Но и вот эту фразу «заменить, может быть, и следует» тоже никуда не денешь.

– Я видел один из последних спектаклей «Гамлета». Это стало сильнее, неузнаваемо. Сначала я не был поклонником его исполнения, теперь это очень сильно. И спектакль во всем механизме стал отлажен и прекрасен... – говорит Валерий.

Тут он, с одной стороны, отдает должное и Высоцкому, и Любимову, с другой – создает себе пути отхода на будущее: вот если не получится, можно будет сказать, что планка была так высоко – не допрыгнул.

Любимов на это говорит:

– Я тебя не тороплю. Подумай.

По логике Золотухин должен сказать: «Хорошо, я подумаю», и распрощаться. Вместо этого он говорит:

– Чего мне думать? Отказываться? Для меня, для актера любого на земле попробовать Гамлета – великая честь и счастье! Но для того, чтобы я приступил к работе, мне нужен приказ, официальное назначение.

Его слова показывают, что он на самом деле все давно обдумал. Официальное назначение переносило весь груз на Любимова, которому не привыкать быть злодеем, на то и расчет.

Однако всем этим Золотухин никого не обманул, и себя в том числе.

14 декабря приказ о назначении его на роль Гамлета вывешен. «Косые взгляды видел, зависть. Никто не поздравил», – записал Золотухин.

1976 год начался для Валерия тягостно. Вот он репетирует Гамлета, но все отравлено отношением к нему Высоцкого, Марины Влади, Вениамина Смехова, да и всего театра в целом. Есть русская поговорка «Дружба дружбой, а табачок врозь». Возможно, в истории с Гамлетом Золотухин руководствовался ею, но возможно также, он начал понимать, что смотря какая дружба и какой табачок. Стоит ли роль, даже Гамлет, дружбы с Высоцким? «Все намекают, что я не должен был, по-человечески, соглашаться, нельзя потакать в себе низменным интересам», – записывает он.

Высоцкий говорит ему, что в день премьеры Гамлета с Золотухиным уйдет из театра.

– Ее не будет, Володя... – отвечает Золотухин. Похоже, он готов отступить. Не то чтобы он не принял Гамлета – скорее, Гамлет не принял его. Роль сделана Высоцким и

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Любимовым, сравнения неизбежны, Золотухин начинает понимать, что он должен играть не просто Гамлета, а Гамлета после Высоцкого.

Не то чтобы такое было невозможно... Высоцкого уже заменяли и в Пугачеве, и Хлопушу вместо него все чаще читал Черняев. Золотухин наверняка отрепетировал бы и сыграл бы и Гамлета. Для публики «Гамлет» с Золотухиным был бы не таким уж сильным понижением в ранге, чем «Гамлет» с Высоцким: сам Золотухин говорит в то время, что его на улицах узнавали чаще. Одни театралы вряд ли приняли бы спектакль, но в то же время наверняка нашлись бы те, кто признал бы эксперимент интересным. В общем, если бы он отнесся к этому как к работе, то можно было просто работать. Однако это не могло быть просто работой. К сожалению, Золотухин слишком поздно это осознал.

Психологически понятно, почему он в это ввязался. Золотухин хотел показать, что в их отношениях нет «старшего» и «младшего», они равны. В этом больше подросткового, чем взрослого, Любимов не зря относился к ним как к детям.

26 марта у них состоялось объяснение с Высоцким.

Позиция Золотухина во время разговора с Высоцким состояла из четырех тезисов: «Я чувствую за собой какую-то вину перед тобой...»; «Всю эту историю с моим назначением, со всеми моими вводами я воспринимал как воспитательный момент, не более»; «Не верил в себя, честно говоря, хотя попытаться не отказываюсь никогда – такова натура»; «Хотел это дело замотать, но были назначены новые исполнители на все роли, все заинтересованы что-то сделать, выразить себя как-то, и я уже попал в зависимость от партнеров».

Высоцкий к тому времени перекипел. Он понимал, что это мир театра, тем более – мир Таганки: чуть отвернешься от роли – тут же найдется готовый ее сыграть чуть ли не из осветителей. Поэтому он больше упирал на моральную сторону события:

– Я не боюсь, что кто-то лучше сыграет, что скажут: «Высоцкий хреново играл, а вот как надо». Мне было бы наплевать, если бы он пригласил кого угодно: дьявола, черта... Смоктуновского... но он поставил тебя... зная, что ты не откажешься... зная твою дисциплинированность, работоспособность и т. д. И еще... как-то я тебе один раз говорил, что он мне предлагал Кузькина... и я было... а потом: «Нет, пусть Валерий сыграет, потом, если надо будет...» – отказался.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Высоцкий понимал, что это Любимов в очередной раз пытается поставить его на место, показать, что незаменимых нет:

– Он мне хочет доказать: «Вот вас не будет, а Гамлет будет, и театр без вас проживет!» Да на здоровье... Но откуда, почему такая постановка? И самое главное, он пошел на хитрость: он выбрал тебя, моего друга, и вот, дескать, твой друг тебя заменит...

При этом Высоцкий и сам признает, что уже наигрался в «Гамлете» – может, и правда так думает, а может, подыгрывает Золотухину. Но при этом дает понять, что Золотухин все-таки перешел черту:

– Единственно скажу, может быть, неприятное для тебя... Будь у тебя такой спектакль, шеф бы ко мне с подобным предложением не обратился бы, зная меня и мою позицию в таких делах...

Слова эти для Золотухина, безусловно, досадные, но он их записал и потом публиковал, в том числе и в самой первой своей книге о Высоцком «Все в жертву памяти твоей», изданной в 1992 году [16]. Если он кого-то в своих дневниках не жалел, то прежде всего это касалось его самого... [8].

29 апреля состоялся показ второго состава «Гамлета». Золотухину уже все равно. «Все позади», – пишет он. Он поставил на «Гамлете» крест. «Все-таки я не жалею, что это случилось», – пишет он. 30 апреля Любимов говорит по поводу Гамлета: «Надо работать. Такую роль репетируют годами». Это означает, что проект «Дублер» закрыт. Опытным путем выяснилось, что незаменимые есть.

Золотухин делает вид, что ничего особенного не произошло – рабочие моменты. Но тонкой актерской душой чувствует – произошло, и может быть, даже непоправимое. 31 мая они с Высоцким играют в «Вишневом саде», и Золотухин отмечает: «Ушла теплота, дуэт распался».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ДРЕБЕЗГИ

Глава пятая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1.

Наконец наступило лето, театральный сезон кончился. Золотухин с сыном Денисом поехал в Междуреченск к родителям и там сел за «Дребезги», которые намеревался предложить «Юности».

Писать эту повесть он начал в декабре 1967 года как «Запахи», но уже в июне 1968 года, когда повесть была уже в каком-то виде готова и Золотухин дает ее почитать друзьям, он записывает в дневнике: «Мои “Дребезги” ходят по рукам, все три экземпляра» [10].

По своей привычке бумаги он не прятал, мать прочитала какую-то часть повести и стала просить его не печатать, «пока мы с отцом живы».

– Я-то ничего, а отца это убьет. Он после первой повести в «Юности» переживал сильно, в больнице лежал, – сказала ему мать.

У Золотухина с отцом после «На Исток-речушку» были споры – про что это, про кого? Валерий говорил отцу, что в повести это не он, не Сергей Илларионович, это художественный образ, а повесть – художественное произведение.

В этот отпуск он съездил в Быстрый Исток. Это было именно то возвращение, которое он, должно быть, представлял себе, отправляясь покорять Москву: «Устроили мне встречу в кинотеатре... Долго не мог начать, в горле комок, в зале почти все мои учителя...» – писал он Фомину [10].

Отпуск кончился, он вернулся в Москву, отнес рукопись в «Юность» и в сентябре уехал с Таганкой на гастроли в Югославию на интернациональный театральный фестиваль «БИТЕФ» – тот самый, ради которого Любимов затеял всю историю с «Гамлетом». Таганка представила «Десять дней, которые потрясли мир», «А зори здесь тихие» и, конечно, «Гамлета» с Высоцким. На фестиваль приехали лучшие театры из 18 стран. «Гамлет» взял Гран-при. Также Гран-при получили Питер Брук со спектаклем «Племя Ик» – об африканском племени, лишенном представлений о гуманности, и Роберт Уилсон со спектаклем «Эйнштейн на пляже», в котором с драматическим искусством соединялись музыка, декламация, танец и даже цирк, и который, как выяснилось годы спустя, предсказывал много чего, вплоть до СМС в сотовых телефонах.

Все Гран-при фестиваля «БИТЕФ» были равноценными, но в списке награжденных Таганка стояла в первой строке, поэтому в Москве было сказано, что театр занял первое место. Любимов полагал, что это поможет театру. Однако эта победа никак не сказалась на судьбе театра, в СССР даже ни-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

кто про это не написал. Объявить, что Таганку признал театральный мир, означало признать, что Таганка права в своей эстетике, в своем театральном языке. К этому Министерство культуры готово не было.

После фестиваля театр еще проехал с гастролями по Югославии. Высоцкого поселили в той гостинице, где живет Любимов, который демонстративно приблизил к себе того, для кого еще недавно слова доброго не находил. Золотухин чувствует себя обманутым, использованным. «Я почему-то чувствую себя в опале. Почему я не в той гостинице, что и Высоцкий и Любимов? Любимов со мной холоден. <...> Он дружит с Володей, приглашает его обедать и по разным приемам, и это логично. Володя – герой фестиваля, много играет, везет огромный воз и достоин уважения, но я помню, что шеф высказывал нам обоим перед выездом. Ревность? Может быть, обида, но ведь на себя, милый, и чуть-чуть на судьбу», – записал он в дневнике 20 сентября 1976 года.

Заграница не радует его. Путешествие отравлено переживаниями. Друга потерял, роль не приобрел, а главное – внутри Золотухин понимает, что сам во всем виноват, отсюда и признание: «Может быть, обида, но ведь на себя, милый!»

2.

После Югославии театр едет в Венгрию. В целом Таганка каталась по заграницам месяц. Вернувшись в Москву, Золотухин вдруг узнает, что «Юность» уже готовит к печати его «Дребезги». Это не радует его, а наоборот – пугает. Он вдруг вспоминает все слова матери об отце, о том, что он не выдержит новой книги. Как мог, он объяснил это в «Юности», к его удивлению, там его поняли: «Не раз сталкивались с подобным пунктом в своей практике».

Решили все же готовить к печати, а за это время попробовать уговорить отца. Борис Полевой пообещал написать письмо Сергею Илларионовичу с объяснениями, что повесть – художественное произведение, что образ отца выписан по-доброму. «Мне советуют полететь на поклон», – записывает Золотухин.

«Дребезги» – повесть в несколько слоев и один из них: вопрос о смысле и о цене содеянного поколением отцов. Повесть проходила проверку цензурой и вернулась оттуда почирканной. Борис Полевой, при Золотухине правя текст зеленым фломастером, сказал: «Старичок, то, что не напечатано, то не написано».

– А я в театре Моссовета играл в спектакле по его роману «На диком бреге», и мне хотелось ему сказать: «Не все, что

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

напечатано, написано», – рассказывал Золотухин. Но говорить это вслух не стал – все как-то приспосабливались ко времени, он и сам играл в фильмах, в которых, может, и не стоило играть.

Он поехал к отцу, дал ему прочесть «Дребезги». Отец прочитал, дал согласие на публикацию и расписался на экземпляре. Этот автограф Золотухин хранил потом всю жизнь.

3.

В конце 1976 года его жизнь на два города становится все труднее. Отношения с Шацкой натягиваются. С Тамарой роман перешел в эпистолярный – он пишет ей письма при каждой возможности.

– Он всегда писал мне письма. Маленькие, на тетрадном листочке, может, и не до конца заполненном. Отовсюду письма писал. И в каждом письме у него лежала красненькая бумажка (советская купюра в 10 рублей. – С.Т.) Это меня так ошарашило в первый раз. А потом мне так понравилось. Куплю сигарет и кофе. Это были деньги тогда. Однажды 20 сентября, в мой день рождения, звонок в дверь – и стоит курьер с огромным пакетом подарков: вино, шампанское, конфеты. Я же поняла, кто это заказал... – рассказывает Тамара Владимировна.

6 декабря 1976 года состоялась премьера «Сказа про то, как царь Петр арапа женил».

Фильм, если брать самую суть, о том, что ради любви можно и с царями поссориться – ну, правда, если есть в тебе внутри стальной стержень. Это была роль для Высоцкого – его роман с Влади был почти об этом. Высоцкий тут выкрашен какой-то краской – помню, что смотреть на Высоцкого-негра было отдельное удовольствие. Митта развлекал публику разными штуками: у него оживали гравюры, на словах «ужасный удар судьбы обрушился на графа» в кадре вдруг оказывался гигантский молоток, лупивший графа Кавеньяка, чья жена родила от Ибрагима Ганнибала черного ребенка, по голове. Дальше Кавеньяк начинал биться с Ганнибалом на шпагах, и скоро оказывалось, что Ганнибалу приходится отмахиваться клинком от целого мира, состоящего из графа, его прислуги, каких-то солдат и кого-то еще! Так Митта помещал своего героя в положение изгоя, противостоящего не кому-то одному, а – всем.

Филимон, которого играет Золотухин, тоже противостоит миру, но его беды нажиты не в таких красивых декорациях и не по таким поводам. Он прислуживал барину,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

оплошал, вынужден был бежать, попал в солдаты, тоже сбежал, разбойничал на большой дороге – и с Ганнибалом познакомился, пытаясь того ограбить. Ганнибал берет его себе в слуги, но Филимон предпочитает читать Плутарха, чем услуживать господину, он бы весь свой век провел в разговорах о возвышенном. Это Россия в трех лицах: Петр – делает и не сомневается, Ганнибал – делает, но сомневается и Филька – и не делает, и не сомневается. Хотя в конечном счете именно Филимон устраивает счастье господина.

Интересно, что у Ганнибала-Высоцкого волосы через лоб перехвачены белой лентой – точно так же, как у Казановы в вышедшем в 1976 году фильме Федерико Феллини. Сам ли Митта это придумал или где-то каким-то чудом видел фильм Феллини (в СССР этот фильм вышел в прокат только в конце 80-х) и решил зарифмовать образы, неизвестно, но тонким ценителям это наверняка доставляло небольшое удовольствие.

Снятый с таким напряжением, с ощущением бесполезности работы и краха конечного результата фильм неожиданно нравится публике и собирает по стране 33 миллиона 100 тысяч зрителей – из каждых десяти жителей СССР (со стариками, старухами, детьми и жителями Крайнего Севера) фильм посмотрели один-два.

Надо помнить, что и билеты тогда стоили пустяковые деньги (15-20 копеек), и кино было одним из самых недорогих и доступных развлечений. Да и Высоцкий в фильме гарантировал народный интерес, даже если не пел, как в этом фильме. Какая-то часть наверняка ходила посмотреть на Ирину Мазуркевич, которая в одной из сцен представала во всей юной наготе (во время съемок ей было 19 лет).

Советские артисты от успеха фильма не получали ничего, кроме морального удовлетворения. Золотухин же в начале 1977 года и удовлетворения не чувствует – личная жизнь на два фронта дается ему немалой ценой, да еще и театр. Высоцкий снова начал пить. «Чего, казалось бы, не хватает: талант, слава, успех повсюду и у всех?» – пишет Золотухин.

2 апреля случается невиданное: Высоцкий начинает играть в «Десяти днях» Керенского, но во втором акте он оказывается так пьян, что силы оставляют его, Керенского доигрывает Золотухин. У Керенского на лице маска, подмена сходит легко. Спектакль смотрел отец Высоцкого со своим товарищем-генералом. После спектакля Высоцкий позвал Золотухина ехать в гости к отцу. За столом вышла комическая сцена: отец сказал, что в первом акте сын играл

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

как-то не очень, но вот во втором... Высоцкий пинает Золотухина под столом – молчи!

7 апреля в театре премьера – спектакль «Мастер и Маргарита». Золотухин и Высоцкий должны были играть в нем на пару Ивана Бездомного, но оба проманкировали ролью. «Просачковали, а зря», – написал Золотухин еще 17 марта в письме Фомину [10]. Нина Шацкая в спектакле играет Маргариту. Эта роль досталась ей чудом, в полном соответствии с правилом «Никогда ни о чем не просите – сами все предложат и сами все дадут». Работа над спектаклем началась еще в феврале 1975-го с читки «Мастера», которую Любимов решил провести необычно – с вином и фруктами, «хотел, чтобы это был особый вечер». Но актеры, поднабравшись, тут же занялись обсуждением разных театральных неурядиц. Шацкая, которой Любимов незадолго до этого в спектакле «Деревянные кони» наговорил грубостей, купила сама себе бутылку шампанского, выпила ее одна в гримерке и пришла на общее собрание уже на взводе. И когда ей показалось, что Любимов сказал в ее адрес что-то обидное, она тут же в ответ назвала его словом на букву «г». После этого все враз протрезвели, собрание свернулось, читка кончилась, не начавшись. Любимов дал Шацкой роль с одной репликой. Но, как водится, исполнительница роли Маргариты то ли заболела, то ли еще по каким-то причинам не смогла прийти на репетицию, и Любимов спросил оказавшуюся рядом Шацкую: «Текст знаешь?» – «Знаю» – «Вперед!»

Так Нина стала Маргаритой.

При этом Мастера играл Леонид Филатов, а Геллу – его жена Лидия Савченко. Золотухин на сцене был бы явным перебором...

Есть фотографии, на которых Савченко в своем сценическом костюме. Это передник, не скрывающий того, что под ним нет ничего, кроме сногсшибательного тела. Шацкая пошла еще дальше – в сцене Великого бала у Сатаны она совершенно обнажена. К публике она сидела спиной, но коллеги-актеры видели всю неприкрытую красоту. «Мастер и Маргарита» сам по себе, в виде книги, ядерный заряд, а тут он обретает плоть и кровь, да еще и какую плоть! «Нет такой второй спины в мире, как у Шацкой в “Мастере и Маргарите”, поэтому и фотографию со стены (на Таганке – С.Т.) до сих пор не снимают!» – гордился Золотухин в одном из интервью.

На тот момент отношения в этом четырехугольнике запутаннее некуда: Шацкая с Филатовым, но он не может уйти от Савченко, Золотухин с Тамарой, но не уходит от Нины.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Савченко не знает про Нину, а Золотухин не знает про Филатова.

У Золотухина и Шацкой от супружеской жизни осталась лишь форма. Она рассказывала в интервью: «Была попытка с его стороны возобновить супружеские отношения: “Зайчик, хватит спать под разными одеялами!” Попробовали. Но я не смогла освободиться от брезгливого чувства – будто грешу... Мы с Валерой стали друг другу чужими. В своих дневниках я писала: “Почему З. не уходит? До тошноты надоело...”»

Судя по фразе в дневнике Золотухина «мои домашние неурядицы и диалоги», они с Ниной бесконечно выясняют отношения. Нина еще и жалеет его: увидев его расстроенным и понимая, что он поссорился с любовницей... начинает его утешать!

Это в 1977 году, Золотухину 36 лет, именно в этом возрасте он перечитал «Отцы и дети» и впервые не заплакал над сценой смерти Базарова. Базаров запутался и оттого умирает – но и Золотухин запутался.

4.

4 ноября Таганка отправляется на гастроли во Францию – они продлятся до 11 декабря, театр выступит в Париже, Лионе и Марселе. Золотухин на этот раз в голосе, однако Франция не Болгария, тут его фильмов не показывают, да и в тех спектаклях, которые Таганка повезла, – «Десять дней, которые потрясли мир», «Мать» – его надо еще постараться разглядеть. Конечно, повезли триумфального «Гамлета» – наверняка Золотухин думал, что если не Гамлетом, то Лаэртом-то он мог выйти в нем на сцену! А это все же не третий ходок к Ленину...

Пресса сначала ругает театр, достается «Десяти дням», но потом французы отходят, и им начинает все нравиться, даже «Десять дней». «Гамлет» получил приз французской театральной критики как лучший иностранный спектакль года. На спектаклях не аншлаг, а нечто большее, почти как в Москве, только в телефонных будках никто не ночует.

Золотухин записывает: «Мне показалось, особенно в первые дни, что он (Высоцкий – С.Т.) неловко себя чувствует среди нас в Париже. Ведь он тут не более как муж Марины Влади, хотя и она здесь уже почти никто, вчерашний день».

Это написано явно со зла. Говорить, что Высоцкий во Франции никто, странно: он с 1973 года выступает тут ежегодно, у него здесь записан двойной альбом из 23 песен (правда, в продаже он оказался только после его смерти), в 1977-м у него вышли во Франции две пластинки, в марте этого года

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

он выступал в телепрограмме «Бон Диманш», о нем пишут в газетах, а коммунистическая «Юманите» приглашает его выступить на своем празднике в сентябре, и он выступает.

Если Высоцкий и чувствовал себя неловко среди друзей-таганковцев, то причина была, скорее всего, в другом: они были еще слишком советские, а ему же хотелось ничем не отличаться от европейского человека. В 1973 году он впервые приехал во Францию. На машине подъехали к дому Марины Влади, она ушла, а Высоцкий задержался – по советской привычке он снимал дворники и зеркала, чтобы не украли. За этим его и застал полицейский. От ночевки в участке Высоцкого спасла Марина – она объяснила блюстителю порядка, что странный месье из Москвы. Тот сразу все понял: «Я знаю, что у вас это снимают». Жгучий стыд – вот что заставляло Высоцкого стесняться общества коллег-артистов.

«Он тут не более чем муж Марины Влади» – это в Золотухине, очевидно, прорвалась зависть. Золотухин носит в себе память о «Живом», он привык к своему положению «почти первого» в театре, а тут про «Живого» никто не знает, для французов есть Высоцкий – и все остальные. Золотухин оказывается в толпе.

Интересно, что в письме к Фомину, описывая эти гастроли, он совсем иначе описывает положение Высоцкого во Франции: «В Париже вышли три его диска, записанные французскими музыкантами. Ничего подобного я не слышал даже в живом, натуральном исполнении. Культура высочайшая, мощь и воздействие – наповал. Откуда такая силища, черт его знает... Порадовался я очень за него...» [10]. Почему тут Золотухин пишет иначе, понятно: дневники он все же писал для себя, а письмо Фомину – для града и мира. Золотухин поддерживает в Учителе миф о том, что у него все благополучно, все хорошо, закадычная дружба с Высоцким – часть этого мифа. Поэтому в письме отдельно написано: «С Володей мы по-прежнему дружим».

Однако по дневникам похоже, что прежней близости между ним и Владимиром нет: Валерий наблюдает за другом со стороны, причем издалека. В Марселе Высоцкий начал пить – возможно, от избытка эмоций. «Любопытно, что будет с Высоцким. Хочется, чтобы он сыграл, чтобы он дотянул, а там пусть как знает», – записывает Золотухин. Холодное естествоиспытательское «любопытно» и «там пусть как знает» – это уже чистая обида на друга, на судьбу, на себя. 9 декабря Любимов на приеме решил повоспитывать Высоцкого, пытался запретить ему пить, все это на глазах у своих и французов. Высоцкий в ответ вспылил, уехал, пропал в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Марселе вместе с Бортником. Любимов ищет его по городу на наемном автомобиле и чудом находит. Высоцкий пьян. Это последний день гастролей, последний спектакль, назначен «Гамлет». Замена и в Москве была скандалом, а тут и вовсе, и не только театру позор, но и стране. Все считают, что тогда им навсегда закроют выезд за рубеж. Решают дежурить за сценой и, если Высоцкому станет плохо, тут же заменить «Гамлета» концертом. Высоцкого приводят в порядок, он собирается и играет так, как не играл никогда. «Один раз он сыграл Гамлета гениально. Это было в Марселе», – сказал Любимов в 1999 году в интервью израильской газете «Новости недели».

«За кулисами висело невероятное напряжение. Невозможно человеку в таком состоянии играть, да еще Гамлета. А Володя сыграл. У него было мало сил, голос садился, но он вытащил роль нутром, на колоссальном нерве. И, конечно, ценой здоровья...» – это свидетельство Нины Шацкой.

Алла Демидова рассказывала, что между выходами Высоцкий забегал в ее гримерку, ближайшую к кулисам, и его рвало в раковину сгустками крови. Марина Влади, срочно прилетевшая в Марсель, руками выгребала это. «Володя тогда мог умереть каждую секунду», – пишет Алла Демидова [26].

Вениамин Смехов, игравший в «Гамлете» Короля, вспоминал: «Это одно из самых сильных впечатлений. Это действительно было очень сильно, но более всего это было страшно. Высоцкий задыхался, ему было плохо. Я думаю, он действительно мог умереть. Он играл гениально, потому что он играл насмерть».

Золотухин почему-то никогда и нигде не вспоминал этот спектакль, который, конечно, видел – не мог же он тогда не быть за кулисами! Возможно, тут он увидел цену, которую человек платит за свой талант. Очевидно, что без своих крайностей Высоцкий не был бы Высоцким. «Чуть помедленнее, кони!» не сочинишь, сидя в байковом халате в своем кабинете после хорошего ужина с белым легким вином – такие песни тянут корнями соки из другой жизни. «Чую с гибельным восторгом – пропадаю, пропадаю!» – пропел Высоцкий, и в этой истории с «Гамлетом», игравшимся полумертвым человеком, было много гибельного восторга.

5.

1 января 1978 года в газете «Советская культура» опубликован отрывок из повести «Дребезги» – в газете под названием «С твоего крылечка», а в повести это глава «Отправленное

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

письмо, или «В Москву за песнями». Наступивший год станет для Валерия Золотухина годом «Дребезгов» в прямом и переносном смысле: полностью повесть вышла в «Юности» в ноябре, а в декабре Золотухин ушел из семьи, мыкался по съемным квартирам – все не все, но многое и правда разбилось вдребезги...

Глава, вышедшая в январе в «Советской культуре», про то, как Золотухин приехал в Москву и поступал в ГИТИС.

Название повести придумано Ниной Шацкой: «Шацкая прочитала и говорит: “Дребезги какие-то”. Так и осталось», – рассказывал Золотухин. И добавлял, что за это она получила шубу. Но это, видимо, тоже «коэффициент коровы Юнки», так как сама Шацкая говорит, что за название книжки никакой шубы не получала! Более того, Золотухин вообще был скуп на подарки: «За 15 лет совместной жизни я не видела от него ни одного подарка. Хотя вру: на один день рождения Валерий принес мне какой-то “бабушкин” платок с бахромкой, на другой – кубик Рубика. Ни за какие знаменательные события – за появление на свет Дениски, за то, что придумала название к его повести “Дребезги”, – меня не вознаградили. При Золотухине я ходила в стареньком пальтишке, стоптанных сапогах» [53].

Основа повести – приезд Сергея Илларионовича к Валерию в Москву.

Из дневников следует, что отец приезжал к Валерию в ноябре 1959 года [10]. Валерию 18 лет. Он привык видеть отца большим и сильным, в детстве они с братом Володей дразнили других пацанов присказкой: «Нас папа высе крыси, а вас до гвоздя!» («Наш папа выше крыши, а ваш до гвоздя»), и тут вдруг он увидел отца другим: «Ему казалось, что отец сегодня ниже ростом и смотрит на него снизу вверх, а не наоборот, хотя Володя в своей огромной козлиной шапке едва доставал отцу до плеча» [4].

Отец селится у Валерия в общежитии. Для друзей Валерия он в диковинку – сибирский мужик в пахнущих дегтем сапогах, в овчинном полушубке. Но и они в диковинку ему – городские, непонятные. Они атакуют его вопросами, он сначала отшучивается, но вдруг понимает, что вся эта ребятня всерьез сомневается в нужности того, за что он убивал и сам готов был умереть. Поколение сыновей осмысливает жизнь поколения своих отцов и чуть только не говорит отцам, что жизнь их прожита не только зря, а и во вред. «Ларионыч сидел багровый. Кровь кинулась к лицу. Он не ожидал, что вопрос, который казался давно решенным и никакой неясности уже не представлял, возникнет снова, как прорва на

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

дороге. Это был вопрос о нужности его жизни, нужности пролитой крови, своей и чужой» [4].

Показательно, что Ларионыч ничего, кроме силы и угрозы этой силой воспользоваться, не смог противопоставить этим «молодым да ранним», которые наскочили на него со своими вопросами. А в силе правда есть далеко не всегда.

Спор поколений подытоживают слова Ларионыча о родителях, сказанные молодым оппонентам: «Если умные очень, то учитывайте их ошибки и не колите им глаза лишний раз, может, они свои ошибки знают лучше, чем вы себе представляете. Вы своих еще больше не понаделайте». И в этом проглядывает признание: согласен все же Ларионыч, не все было правильно и праведно.

На стержень этого спора нанизаны другие сюжеты и рассказы.

«Дребезги» — очень серьезное и мощное произведение, а тем более для 1978 года. Это тоже своего рода «Отцы и дети», отличие только в том, что у Тургенева конфликта поколений, в общем-то, нет, а у Золотухина он есть, настоящий, крепкий, 96-процентный. Золотухин спрятал все серьезное, тяжелое за форму, за свои деревенские романы, но от этого серьезное никуда не делось. В «Дребезгах» словно две книги — и по одной можно поставить комедию, а от другой люди будут плакать и уходить из зала в тяжких думах. Думаю, именно мастерство ТАК говорить о ТАКОМ оценили в 37-летнем авторе.

Именно в «Дребезгах» Золотухин «закруглил» и олитературил многие эпизоды своей жизни. Описывая свой отъезд, он кручинится о «Зюйде», который «имеет уже предписание на списание» — «как только он освободится от нынешней публики, его поставят в Затоне на прикол и разрежут автогеном на лом». Золотухин писал «Дребезги» в 1967-1968 годах — может, он и правда забыл к тому времени, что в 1960 году добирался в Быстрый Исток все на том же «Зюйде»: «Дома! Пароход “Зюйд” идет по Оби. Передо мной мой край, мой Алтай! Приближается Быстрый Исток» (запись от 13 августа 1960 года) [10]. А может, и не забыл, и списание «Зюйда» на металлолом понадобилось ему для усиления минора в общей картине. «Зюйд» в этом случае — образ сожженного моста, невозможности вернуться в прошлое.

Описывая, как он, четвероклассник, пошел на звуки баяна Фомина, добавляет: «Это был знаменитый чардаш венгерского композитора Монти». Я засомневался: откуда бы одиннадцатилетнему мальчишке так разбираться в европейской музыкальной классике? Ну да, в санатории, из ко-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

торого Золотухина только что выпустили, наверняка была радиоточка. Но все же? Сомневался я не зря. В письме к Фомину от 6 февраля 1975 года Золотухин обсуждает со своим учителем эту мелодию. Можно предположить, что Золотухин дал учителю отрывок «Дребезгов» на суд, и Фомин сомневается, что это был Монти, считает, что скорее это был полонез Огинского. Однако Золотухин от полонеза отказывается: «Насчет чардаша и полонеза позволь мне оставить право за чардашем, потому что сама фраза куда мощнее и по смыслу, и, что не менее важно, по звуку... Прочитай ее вслух, раскати слова на звуке “р”, потом поставь “полонез Огинского”, и ты увидишь, что я прав. Тем более эмоционально для меня история с чардашем куда более электрическая...» [10].

И тут он добавляет: «А кому что посвящено... важно – как это скажется мной». То есть Золотухин не путает, не ошибается – он именно олитературивает свой мир. Мы же помним его формулу «Как скажу – так и было». Хотя с этой формулой он еще немало хлебнет горького...

В декабре в издательстве «Молодая гвардия» выходит его книга «На Исток-речушку, к детству моему». В ней две повести – «На Исток-речушку» и «Дребезги».

Предисловие к книге написал Валентин Распутин, к тому времени уже лауреат Государственной премии СССР за роман «Прощание с Матерой» – одно это предисловие было отметкой и для Золотухина, и для всех вокруг, Распутин этим вводил его в круг избранных.

Отметив, что Золотухин и Шукшин с Алтая, почти из одних мест, Распутин погордился, что сразу распознал в Золотухине сибиряка, «и не просто сибиряка по рождению или некоторому проживанию, но по породе, по крепости и прочности характера, уважения к себе как к личности и готовности защищать эту личность».

За строчками Распутина о Золотухине: «Я, дескать, человек другой профессии, с меня взятки гладки, поэтому я стану рассказывать, как бог на душу положит» видна усмешка. Распутин раскусил уловку, но он вместе с тем отмечает, что уловка понадобилась Золотухину лишь поначалу, для затравки, а потом Золотухин заговорил всерьез, «легко, напористо, сочно, правя знакомой дорогой собственной жизни».

Тот самый язык, который Золотухину когда-то предлагали повычеркивать, Распутин отмечает как главное достоинство: «Больше всего, надо признать, Валерия Золотухина делает поэтом в его повествовании наш народный язык, который он прекрасно помнит, и, чувствуется, не собирается забывать, которым он не пользуется,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

как принято говорить, а живет, дышит, внимает». Первая книга для любого писателя само по себе событие, а уж с таким напутствием признанного мастера – это как если бы начинающему художнику в уголке что-то нарисовал Рембрандт.

«Дребезги» чуть не разбили вдребезги его актерскую карьеру. Борис Полевой и Борис Васильев, два авторитета, давили на него, предлагая бросить театр и с головой уйти в литературу.

– Борис Полевой берет книжку и говорит: «Вот это – вечность! А театр – тлен». Я чувствовал в себе силы писательские. И мне хотелось уйти в писательство, – признавался мне Валерий Сергеевич [35].

13 октября 1978 года на спектакле «В поисках жанра» Высоцкий, представляя Валерия, сказал о том, что он актер, певец и собиратель песен, а кроме того, «вдруг выяснилось, что он прекрасно пишет. И вот вышла повесть в "Юности" его. Многие, кто читали, вероятно, получили массу удовольствия. А теперь вас ждет еще большее удовольствие – прочитать книгу его, которая выходит. Так что он, значит, стал писателем. Возможно, он уйдет скоро из театра». Вряд ли такие вещи говорят просто так – очевидно, что возможный уход в писательство Валерий обсуждал с друзьями.

Соблазн уйти велик. Актеры зависимы. «Мы несчастные люди, мы зависимы и унижаемы всеми, кто над нами стоит. Мы – вторичное сырье, в лучшем случае – квалифицированные воспроизводители, репродукторы, производящие репродукции... Наше дело исполнительское, а потому – кругом зависимое: от текста, режиссера, собственных данных, настроений окружающих», – говорил Золотухин [36]. Актер Таганки – это зависимость в кубе, возможно, Таганка – театр самого строгого режима из всех возможных.

Писатель же в то время был даже не инженер – директор человеческих душ! Однако актер и писатель боролись в нем недолго.

– Я спросил себя: «Ты зачем ушел из Быстрого Истока?» И ответил себе: «Чтобы стать драматическим актером». Ну, так и будь им! А если дано что-то написать, напишется и так... – говорил он.

«Быть писателем – это иметь что сказать. А очень многое из того, что я хотел сказать, я сыграл. Ведь роли – это тоже способ сказать», – объяснял он в одном из интервью. Возможно, он думал об этом и тогда, в 1978-м, размышляя над словами Полевого.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Пространство, в котором Таганка отводила душу сама и давала отвести другим, выгородил Любимов, уже было отвоевано и в какой-то степени узаконено. В литературе Золотухину пришлось бы все делать заново и самому – писательство дело одинокое.

Важно еще и то, что актер ближе к людям, чем писатель. Актер своего зрителя видит каждый вечер, а в Таганке в те времена еще и не один раз за вечер, а писатель своего читателя – хорошо если раз в год на творческой встрече. Золотухин знает силу сцены, страх перед ролью и восторг после того, как все получилось, и понимает, что по остроте ощущений писательству до актерства далеко. К тому же быть актером и немного писать можно, а писателем и немного актером – нельзя. У актера утром репетиции, вечером – спектакли, он всегда в театре – и душой, и телом.

Прагматик в Золотухине наверняка учитывал и материальную сторону: как актер он имел возможность подрабатывать – сниматься в кино, давать концерты, а как писатель должен был бы жить от книги до книги. Золотухина однажды потряс быт Можаева: известный писатель, огромный мастер, жил в коммуналке, гостей принимал на кухне, потому что в комнате спали дети. Писал Можаев тут же, на кухонном столе, высвобождая место для машинки между посудой. «Куча до потолка газет, банок, склянок, ведер с мусором, книг, кухонных всяких нужностей. Он много говорил о Толстом, а кругом летают мухи коммунальные – и от них громадные тени», – записал Золотухин и по яркости картинки понятно, как это его впечатлило. Можаев за свою дружбу с Солженицыным был не в чести у культурных чиновников – ну так и Золотухин понимал, что вряд ли будет в чести.

В конце концов писательство так и осталось еще одним «отхожим промыслом». Он почти наверняка об этом не жалел.

– Мной написано достаточно. «На Исток-речушку, к детству моему», «Дребезги» – это написано чисто и прочно по отношению к вечности. Дневники мои – с семнадцати лет и до гробовой доски – это беспрецедентный случай в истории. Так что я свой писательский азарт удовлетворил... [41].

Свою первую книгу он подарил Высоцкому, подписав: «Володя! Ближе человека “по музам, по судьбам” у меня нет. Спасибо за дружбу. Любящий тебя Валерий Золотухин».

Интересно, что по мотивам описанного в «Дребезгах» путешествия Ларионыча в Москву написана песня Высоцкого «Поездка в город» (1969):

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Я самый непьющий из всех мужиков,
Во мне есть моральная сила,
И наша семья большинством голосов,
Снабдив меня списком на восемь листов,
В столицу меня снарядила.

Герой песни, как и Ларионыч, едет в город с длинным списком покупок на всю родню, с зашитыми под подкладкой деньгами, точно так же нарывается на магазин «Березка», где советские деньги недействительны, но Ларионыч-то про это не знает и только радуется, что в магазине нет очередей, и есть весь нужный товар!

Да что ж мне, пустым возвращаться назад?
Но вот я набрел на товары.
— Какая валюта у вас? — говорят.
— Не бойсь, — говорю, — не доллары!

Тут выясняется, что лучше бы у него именно доллары были, мир переворачивается, все заказы путаются у него в голове, и он уже сам не рад ни Москве, ни возложенной на него миссии. Правда, Ларионыч списка покупок не ел — тут Высоцкий явно спародировал не отца, а сына, Валерия с его фильмом «Пакет».

Эту веселую и добродушную песню Высоцкий часто пел на своих концертах. Она есть, например, на записи его известного концерта в Торонто, состоявшегося 12 апреля 1979 года. 27 июля 1979 года он давал концерт в Навои (город в Узбекистане) в ДК «Фархад», где рассказал историю этой песни:

— К Валерию Золотухину, когда он закончил уже учиться и стал работать у нас в театре, первый раз в жизни приехал отец. Надо вам сказать, что отец его — человек, который все прошел — огонь, воду, медные трубы, и прошел, в общем, достойно, выжил. И говорит: «Валера, я прошу, ты смотри: вот тетки тут написали, сестры — надо по магазинам пойти». Пошли и пришли в ГУМ. Людей полно... Еле-еле они оттуда вырвались, отец говорит: «Что же так много людей?» Ну, Валера стал его успокаивать, говорит: «Ты понимаешь, отец, не только ты приезжаешь — приезжих много людей всяких». И только они вышли, идут, разговаривают, он — бах! — и увидел магазин, для иностранцев который, — «Березка». Отец говорит: «Вот они! Идем!» — и туда, внутрь... Ну, естественно, туда никто не ходит... Когда он стал проходить, на входе — что меня больше всего и натолкнуло на эту мысль — сидел

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

человек, который спросил: «Гражданин, у вас какая валюта?» Ну... чтоб его спросить, какая у него валюта, этого Валеркиного отца, это надо быть я уж не знаю кем! У него ничего, кроме рублей, да и то в разменной монете, быть не может, понимаете? Он на него так посмотрел и говорит: «Чиво?!» И тот так испуганно посмотрел, а Валерка стоит, хохочет около витрины и оттуда кричит: «Отец, ну пойдем отсюда, ну чего ты тут делаешь?» Тот говорит: «А подожди, Валерий!» и две тележки везет. Вы представляете, чем все это кончилось? Ну, я не мог просто про это не написать песню!

6.

Рассказывая о событиях 1978 года, о выходе книги, о предложении уйти из актеров в писатели, о своих раздумьях на этот счет, Золотухин никогда не вспоминал о том, что именно в декабре 1978 года их с Шацкой семейная лодка окончательно развалилась и пошла ко дну. Он ушел из семьи. Ломать свою актерскую жизнь в такой момент, начинать с нуля на двух фронтах – личном и трудовом – это как-то чересчур даже для Золотухина.

С 1975 года он жил на два города. Такая жизнь, кроме каленых нервов и железного здоровья, требует неограниченных ресурсов, а откуда бы они, неограниченные, взялись у советского артиста? На зарплату в 160 рублей трудно быть Дон Жуаном. Понятно, что на ком-то придется экономить. Нина Шацкая говорит, что экономил Золотухин именно на семье.

«Наша семейная лодка уперлась еще и в финансы... Материально мы жили тяжело. Хотя Золотухин и в кино снимался, и с концертами выступал. А Денис был раздет, ходил в каком-то рванье. Попросила у Валерия мелочь – десятку на новые сапоги... Просьбу мою не уважили...» – вспоминала она в интервью.

Шацкая в октябре, еще состоя в браке, подала на алименты, получила исполнительный лист и отвезла его на «Мосфильм» (это было, видимо, во время работы Золотухина в фильме «Предварительное расследование», который снимался на «Мосфильме»). По ее словам, после этого Золотухин и предложил развестись.

«Ничего объяснять пока не буду, вдруг ты не захочешь со мной и разговаривать. Скажу одно: живу я один, черт знает где, почти на выселках, в квартире однокомнатной, с газовой колонкой», – пишет он Фомину 15 декабря 1978 года.

Об уходе из семьи он рассказывает скупо и горько, настроения «наконец-то я от них всех избавился» нет.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Жена почему-то решила, что я мало денег в дом приношу, разослала по всей стране исполнительные листы, даже в те места, где нога моя не ступала, что меня привело в состояние, которое не надо тебе объяснять... и я ушел», – это из письма Фомину от 23 января 1979 года.

В феврале он узнал, что Тамара беременна, и тут же подал на развод с Шацкой. Фомину о разводе он пишет, что сделал это лишь для решения квартирного вопроса («без этой бумаги меня ни в один кооператив, ни вообще ничего предоставить не могут»). Но темнит он, видимо, просто от нежелания сообщать ему о Тамаре – тогда слишком много всего придется сразу объяснять. «Нина не возражает, не подозревая, что я могу в любой момент жениться и родить кого-нибудь», – в этой фразе чудится подтекст.

Их развели. Интересно, что он и Шацкая помнили это по-разному: Шацкая рассказывает, что после развода они пошли пить шампанское, и вообще все прошло довольно весело. Золотухин же потом не раз будет вспоминать ветер в глаза и то, что хотелось плакать. Он чуть было не оставил паспорт в мусорном баке. «Ушли в мрак забвения счастливые дни Пальчикова переулка, улицы Хлобыстова, рождение Дениса, его ползание по ступенькам, ведущим в комнату матери и ребенка в аэропорту Домодедово, когда я их отправлял самолетом в Новокузнецк в первый в жизни Дениса раз...» – эта дневниковая запись сделана в 1987 году, почти через десять лет после развода, но ведь в ней тоска, тоска... Может быть, не по любви, но по тому счастью, которое было.

«Ни рыцарем, ни героем, ни подлецом я себя не считаю. Так. Судьба...» – написал он в письме Фомину от 4 сентября 1979 года [10].

В это время он на «Мосфильме» у режиссера Михаила Швейцера играет Моцарта!

Михаил Швейцер уже признанный мастер. Он снял по повести Валентина Катаева «Время вперед!» (1965) – фильм о стройках первых пятилеток (намного более сильный, чем «Весна двадцать девятого»), «Золотого теленка» (1968), «Бегство мистера Мак-Кинли» (1975). 1979-й – год очередного юбилея великого русского поэта Пушкина, Швейцер задумал снимать фильм по «Маленьким трагедиям» и предложил Золотухину самому выбрать роль.

«Маленькие трагедии» – это «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы». Яркие образы есть везде, пожалуй, кроме «Пира». В справочниках пишут, что Золотухин сам выбрал Моцарта. Однако в одном из интервью Валерий Сергеевич говорит, что он выбрал

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

как раз Сальери, а Моцарта – от противного – предложил ему Швейцер. «Когда Швейцер пригласил меня сниматься в своей картине, он предложил мне выбрать роль самому – и я выбрал Сальери. Мне показалось, что эта роль еще не сыграна. Наиболее близко к моему пониманию образа приблизился у нас в театре Леня Филатов – очень здорово они с Любимовым это сделали. И вот я выбрал эту роль. “Тогда, вынес свой приговор Швейцер, будешь играть Моцарта”. А мне что: Моцарт – тоже роль ничего, хотя текста вдвое меньше», – говорил Золотухин.

Про то, что роль тем легче, чем меньше в ней текста, – это рисовка. Золотухин-то знает, что все как раз наоборот. «Играть было сложно, и я очень переживал. Сальери ведь есть куда уйти. В нем так много всего, что, даже если где-то чего-то упустишь, в другом месте можно наверстать. В Моцарте же тебе не обломится: там текста – на вес золота, и все фразы выражены предельно четко. И там – не соврать бы душой», – это уже сказано без шуток, всерьез.

Хотя Золотухин в роли Моцарта у многих вызывал сомнения. Композитор Исаак Шварц, друг Швейцера, отговаривал его от Моцарта-Золотухина, но однажды увидел фильм «Жизнь и смерть дворянина Чертопханова» и услышал, как Золотухин поет «Не одна ты во поле дороженька». После этого Шварц написал Швейцеру письмо, которое тот показал Золотухину лишь после съемок: «Артист, который так поет русскую народную песню, – Моцарт, Миша». Речь, видимо, о том, что и Моцарт, и Золотухин жили музыкой, и это чувствовалось в Золотухине всегда. Он словно прислушивался к музыке в себе, а если слышал ее где-то, то тут же расцветал, светился.

Швейцер велел подобрать Золотухину грим. Золотухин говорил, что гримерша Людмила Басхакова, с которой они уже были знакомы, посмотрев на него, сказала: «Валер, ты, может, и хороший актер, но – не Моцарт...» Однако ей сказано было сделать из Золотухина Моцарта, и она взялась за дело. Растрепала парик, надела его на голову Золотухина, потом начала лепить ему нос. «А мастерство в руках такое, что она ниже “самое себя” опуститься не может: все равно будет делать хорошо. Да к тому же она и относилась ко мне неплохо...» – смеялся Золотухин, рассказывая об этом.

В результате спустя время Басхакова сказала: «Ты еще не Моцарт, но австрияк уже из тебя достаточно симпатичный получился».

Сальери играет Иннокентий Смоктуновский. Ему 54 года, а он уже легенда – после ролей Гамлета в одноименном

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

фильме Григория Козинцева, Юрия Деточкина в х/ф «Берегись автомобиля» Эльдара Рязанова, Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании» Льва Кулиджанова... Он играл и Моцарта – в телепостановке оперы Римского-Корсакова, пел за него Лемешев. Такого партнера у Золотухина не было никогда до тех пор.

Смоктуновский, придя 26 декабря на Таганку, сказал Золотухину:

– Скажу вам откровенно, я вашу пробу страшно разругал. Когда мне сказали о вас как о Моцарте, я очень обрадовался. Я вас люблю как артиста, индивидуальность, но то, что я увидел на экране, страшно разругал. Швейцеры замечательные, милые люди, но... понимаете, ведь он – гений... Гений, понимаете? Как ты да я... немного помоложе. Вот, как хорошо вы на меня смотрите... А там что-то на вас нацепили, какие-то побрякушки... Я вас не обидел? Вы не сердитесь на меня?..

– Ну что вы, – ответил Золотухин, – вы для нас эпоха...

Золотухин был, говоря нынешним языком, в шоке, и ночью Смокуновский ему приснился.

Кстати, фраза «он же гений... как ты да я...» – шутка «для своих», для тех, кто понимает. Это цитата, ее говорит Моцарт Сальери и потом продолжает: «А гений и злодейство – две вещи несовместные».

Работать со Смоктуновским – вот что давит на него. «Надо быть в хорошей форме, в какой, может быть, я еще не был никогда, очень хочется сыграть это хорошо, такой роли в кино у меня еще не было», – пишет он Фомину в письме от 28 февраля 1979 года [10].

Сначала роль у него не идет. Высоцкий, который также снимался в «Маленьких трагедиях» (играл Дона Гуана), приходил на съемочную площадку, смотрел из-за кулис, и однажды сказал Валерию, что тот играет «молодого Смоктуновского». Образ Моцарта из фильма 1962 года, у которого лицо Смоктуновского, а голос Лемешева, не отпускает его. В фильме Смоктуновскому очень подходит голос Лемешева, они срастаются друг с другом, немудрено, что Золотухин не мог стряхнуть с себя наваждение. Музыка Римского-Корсакова диктовала темп игры – Смоктуновский и Глебов (Сальери играет Петр Глебов – и это уже после «Тихого Дона») двигаются неторопливо, их жесты, особенно у Глебова-Сальери, величавы, позы картинны.

Золотухину надо вырваться из плена образа, голоса, темпа. И он вырывается. При первом появлении он поет арию «Известный всем я птицелов» в размере оригинала, но вдруг

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

говорит: «Нет, нет!», поворачивается к музыкатам и требует: «Темп!» И то же самое они играют в три раза быстрее! Этой сценой он показывает, как будет играть роль, каким увидел своего Моцарта – он жил быстрее других, умер раньше, но прожил больше.

Интересно, что фраза арии «Известный всем я птицелов – я вечно весел...» в оригинале продолжается словами «... и здоров». Золотухин же заканчивает фразу «я вечно весел – гоп-ца-ца!» Это явно его личная шалость, привет детству, клубу в Быстром Истоке, Таганке, но не той части, где театр, а той, где тюрьма.

Его Моцарт вечно спотыкается, он неловок и забавен во всем – кроме музыки. Когда Моцарт играет для Сальери свою только что сочиненную пьеску, это в исполнении Золотухина и Смоктуновского становится драматичнейшим моментом, при том что Золотухин не говорит ни слова, он играет на инструменте, «говорят» лишь его лицо и глаза.

Об исполнении Золотухина тогда написали, что его Моцарт – наедине с вечностью, он знает, что сыграл свою роль и обречен погибнуть. Возможно, имеет место аберрация зрения, обусловленная эпохой, – в те времена героям вменялось в обязанность быть наедине с вечностью, никак не меньше. На мой взгляд, Моцарт думает о вечности меньше всего. Он слишком жив для этого. И только в момент, когда Сальери предлагает ему выпить отравленное вино, взгляд Моцарта становится таким, будто он все понял. Но потом, отыграв «Реквием», он сбрасывает с себя грусть-тоску и становится прежним – веселым и порхающим, и уходит, напевая: «Известный всем я птицелов, я вечно весел – гоп-ца-ца!» Какое уж тут – наедине с вечностью...

Он снова – не Сережкин, не Бумбараш, он – Моцарт, которого Золотухин нашел в себе. В разговоре о творческих амбициях он как-то рассказывал:

– Один мальчик 14 лет подошел к авансцене, а на авансцене на пианино играл другой мальчик, которому было 7 лет. И первый говорит: «Научите, как написать симфонию». Семилетний отвечает: «Зачем? Напишите маленькую пьесу, этюд». А первый: «Но вы же написали симфонию». А тот: «Так я ни у кого не спрашивал!» Это Гете разговаривал с Моцартом...

Так и Золотухин ни у кого ничего не спрашивал, когда решился ехать в Москву. И наоборот, когда начинал спрашивать, получалось худо – вот как с тем же Гамлетом.

Совпадения судеб есть удивительные. Вот Фомин говорил о своем подопечном:

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– Он сам не знает еще, но он умеет уже...

А вот Сальери:

– Ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь!

7.

В июне 1979 года Высоцкий дал серию концертов в республиках Средней Азии. Это то самое лето, когда он поет песню об отце Валерия, и то самое, когда его настигнет клиническая смерть.

Золотухин в эти самые дни на Алтае – на Шукшинских чтениях в Сростках. Поездку эту устроил Виктор Ащеулов, журналист, работавший тогда в газете «Алтайская правда». Это был 50-й день рождения Василия Макаровича, и Золотухина поразило, что в алтайскую деревеньку люди приехали отовсюду: Владивосток, Мурманск, Магадан, Грузия, Молдавия, Прибалтика и вся Сибирь. «Люди сошлись, съехались, слетелись добровольно, за свой счет, чтобы высказаться, выговориться про жизнь, сказать слово на вольном просторе...» – написал Золотухин в своем рассказе «Земляки» (1983).

Золотухин на горе, под речи и песни, подумал вдруг о Шукшине: «Спор-то с судьбой он выиграл. Да кто, извините, из живых и присутствующих не мечтал бы, чтобы вот такая тьма народу к его “крылечкам” пришла поклониться когда-нибудь? Счастливый он человек, Василий Макарович...»

«Не так живу, не там и не то делаю, празднословлю и корысти предаюсь... А ведь что-то могу, наверное... не подобное титаническое, но свое, честное, нужное кому-нибудь тоже», – думает на Пикете Золотухин...

В июле Валерий и Тамара пошли в отдел ЗАГС и тихо, без торжества и криков «Горько!» расписались. Для Тамары это была уже третья свадьба – и опять без белого платья и фаты. Она к тому времени уже на последних месяцах беременности.

Дочь Катя осталась с отцом. Тамара Владимировна говорит, что родители мужа не хотели отдавать ребенка, да она и сама не знала, куда ее везти, – у Золотухина на тот момент была только съемная квартира.

20 августа 1979 года родился сын. Золотухину когда-то цыганка нагадала одного ребенка. «И не она одна так распоряжалась моей судьбой, а я решил поспорить», – довольно пишет Золотухин Фомину 4 сентября 1979 года [10]. Сына назвали Сергеем.

Квартиру на Рогожском валу он оставил Нине. Ушел, как полагается мужику – с чемоданом, в котором трусы и носки.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«В смысле семьи и быта я начал с нуля», – пишет Золотухин. Только в апреле 1980 года Золотухин выговорил себе кооперативную квартиру через первого заместителя председателя Моссовета.

Правда, тогда же он купил себе автомобиль. Денег, оставшихся после уплаты взноса за квартиру, хватило на «Запорожец». Нынешнему поколению не понять, что это была за машина. Однако Золотухин усматривал в этом даже некоторый стиль:

– Я подъезжал к театру на «Запорожце», а Высоцкий – на «Мерседесе». И я себя лучше чувствовал. Первый артист на «Запорожце» – это смешнее. А Володя ругался: «Хватит дурака-то валять!»... А был еще случай: еду, милиционер свистит из «подстаканника» – они стояли на шоссе в таких будочках. Я поднимаюсь к нему, спрашиваю: «А что я нарушил?» Он говорит: «Да при чем здесь – нарушил! Ты на чем ездишь? Почетный милиционер СССР, а на “Запорожце!” Ты его продай, или мы каждый день тебя останавливать будем!»... – воспоминания эти явно грели Золотухину душу. Он очень любил, когда его узнавали, когда его все знали вокруг. Он ведь для этого и ушел из деревни. И, видимо, правда купил «Запорожец», как нынче говорят, «из эпатажа»: так перед вторым туром в ГИТИСе он побрился налысо, чтобы все смотрели...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА КРЫШКУ ГРОБА»

Глава шестая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1.

Деньги нужны всегда, Золотухин работает постоянно – играет в театре, снимается в кино, а еще ездит с концертами и творческими встречами. Получать деньги за концерты и встречи труднее всего – официально они стоят гроши, настоящие суммы выдаются из рук в руки, это риск.

Осенью 1979 года вдруг становится известно об уголовном деле о концертах в Ижевске, куда артисты Таганки Владимир Высоцкий, Валерий Золотухин и Дмитрий Межевич ездили в апреле «на заработки». Высоцкий в то время сколачивал такие артистические бригады для выступлений – так ему можно было поменьше петь. Поездку организовал москвич Василий Кондаков, своего рода «антрепренер». В Ижевске они провели шесть дней. Программа называлась «Песня – любовь моя».

Концерт, по воспоминаниям очевидцев, начинался с того, что Высоцкий рассказывал о театре, представлял товарищей. Например, говорил, что в спектакле «В поисках жанра» каждому персонажу соответствует свой цвет: так как Золотухин играет положительных героев, то ему – зеленый, Межевичу как человеку нейтральному – желтый, а ему, Высоцкому – красный, цвет запрета. Потом выступал Межевич, за ним Золотухин (пел, рассказывал актерские байки), а заканчивал Высоцкий.

Золотухину пришлось также отработать своеобразный «корпоратив» – выступить для партийного руководства в обкоме комсомола. Высоцкого на этом концерте не было – его с утра увезли выступать перед артистами ижевских театров, однако в зал набились все, кто имел возможность в него проникнуть, так что «артистов» оказалось около тысячи.

5 мая 1979 года в газете «Комсомолец Удмуртии» вышла заметка «Гости с Таганки»: «Несколько дней в нашей республике выступали артисты московского Театра на Таганке Валерий Золотухин, Владимир Высоцкий и Дмитрий Межевич. В канун первомайских праздников работники культуры, учащиеся Ижевского культпросветучилища встретились с Владимиром Высоцким». И все. Пишут, что журналисты делали попытки поговорить с Высоцким, но тот отговаривался усталостью и советовал просто записывать то, что он рассказывает на концерте между песнями. Однако никто этого не сделал.

В общем, поездка как поездка. Никто и предположить не мог, что из этого вырастет целое «Ижевское дело»!

Официальная ставка Высоцкого и Золотухина составляла в то время 35,50 руб. за выступление. Понятно, что в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Ижевск за такие деньги они бы не поехали. Высоцкому поверх официальных расценок в Ижевске заплатили 500 рублей. Сколько заработал Золотухин, неизвестно. Чтобы и артисты, и организаторы таких гастролей могли заработать, в ходу было несколько схем. По одной из них, например, отчитывались, что билетов было продано мало, а те, что не проданы, – уничтожены. Администраторы в Ижевске по беспечности сожгли корешки билетов не полностью, стало понятно, что билетов было продано больше. Это тогда называлась «хищение социалистической собственности», по таким статьям можно было получить наказание вплоть до расстрела.

Высоцкий проходил по делу свидетелем. До декабря 1979 года его вызывали в Ижевск на допросы, но адвокат (это был ныне известный Генрих Падва) рекомендовал не ездить.

Золотухин это дело вспоминать не любил, видимо, оно доставило ему немало неприятных ощущений. Потом он не раз бывал в Ижевске – по более приятным поводам: в 2006 году с творческим вечером, в 2009-м – со спектаклем «Собачье сердце», 12 июня 2012 года открывал памятник Петру и Февронии. Его концерт был назначен на 5 января 2013 года, однако приехать он не смог – уже был в больнице.

В декабре 1979 года Высоцкий позвонил Валерию и попросил занять 2500 рублей – довольно солидную по тем временам сумму денег.

Виктор Ащеулов оказался свидетелем этого эпизода.

– Золотухин снимал квартиру на Полетаева, у чешского художника. И туда пришел Высоцкий. Я его видел. «Валерка, дай мне денег!» А у Валерки стояли два лаптя из лыка и в эти лапти были натолканы деньги. Он ему отсчитал две с половиной тысячи, последнее отдал... – рассказывает Виктор Иванович.

У Золотухина в дневнике запись: «2.12.1979. Высоцкий занял 2.500. Володька улетел на Таити к Марине». Однако Ащеулов помнит, что Высоцкий готовился ехать в Париж – можно предположить, что Высоцкий в этот вечер говорил и то, и другое, лишь бы получить деньги.

В декабре в Париже он и правда поет в студии Михаила Шемякина. Но деньги у Золотухина он занимал, скорее всего, на наркотики. Золотухин говорит, что тогда этого не понял, сказал – на Таити, значит на Таити: «Я же человек деревенский. Откуда мне было знать о таких вещах, как наркомания?» Советские люди в каких-то вопросах и правда были младенчески чисты. Однако в книге «Знаю только я» есть дневниковая запись за 9 марта 1979 года: «Видел во сне

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Высоцкого, который предлагал мне уколоться наркотиком. Сам проделал это через куртку, в руку. Второй укол я ему сделал – обезболивающий. Это Тамара разлядывала вчера шприц и рассказывала, что на “Ленфильме” медпункт расхитили». Но только ли этим навеян сон?

История с клинической смертью в Бухаре не могла пройти мимо Золотухина. И то, что причина этой смерти – наркотики, он тоже должен был слышать, хотя бы в виде злой сплетни, которых о Высоцком передавалось тогда множество. Но, может, именно потому, что таких разговоров было много, и не верил, не хотел верить?

22 января 1980 года Высоцкого записывают для программы «Кинопанорама». Запись эту покажут только в 1987 году.

2.

В 1980 году Любимов ставит «Дом на набережной» – спектакль по незадолго до этого вышедшему в 1976 году роману Юрия Трифонова с тем же названием.

Дом на набережной – знаменитый Дом правительства, построенный к 1931 году на Берсеневской набережной Москвы-реки, в 505 квартирах которого жили не только члены правительства, но и другая советская знать (в том числе Василий и Светлана Сталины). Во второй половине 30-х за жильцами этого дома по ночам стали приезжать «воронки» – так в народе звались черные машины НКВД. Расстреляны или попали в лагеря около 800 жильцов этого дома (в том числе командарм Корк, комсомольский вожак Косарев, маршал Тухачевский, Карл Радек, Алексей Рыков, поэт Михаил Кольцов и многие другие «любимцы власти»), так что довольно скоро в народе его не без злорадства стали назвать не «Домом правительства», а «Домом предварительного заключения».

Главный герой романа – литературовед Вадим Глебов. Время действия – от середины 30-х до середины 70-х. Глебов предает в детстве своих одноклассников, в юности – своего профессора и свою возлюбленную, жившую как раз в этом Доме на набережной. И вот семидесятые, жизнь прожита внешне вроде бы неплохо, но внутренне так, что вспоминать страшно, больно и нестерпимо стыдно. Однако Глебов живет. И не он один так живет.

Любимов рассказывал актерам, что Трифонов как-то раз, в одном очень горячем разговоре с чиновным начальством, настаивавшем, что таких людей, как Глебов, в СССР нет, выкрикнул: «Да, это я Глебов! Вы все хорошие, а я –

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Глебов». Сколько здесь было образности, а сколько прямолинейной правды, покаяния – кто знает? Юрий Трифонов был жильцом Дома правительства «по праву рождения» – его отец был председателем Главконцесскома. В ночь на 22 июня 1937 года его арестовали и в марте 1938 года расстреляли. Тогда же арестовали мать. Юрий Трифонов остался с бабушкой, которая была очень близко знакома со Сталиным – видимо, поэтому Юра Трифонов не кончил свою жизнь в бараке детского дома для детей врагов народа.

Золотухин в дневнике записал, что на первой читке пьесы сказал Любимову: «Я – Глебов, но и вы – Глебов», имея в виду, что все были дети эпохи, прожить которую, не запачкавшись, было невозможно, что Любимов, у которого репрессировали родителей, служил в ансамбле песни и пляски НКВД. «Шеф возмутился, стал защищаться, помню это отлично», – записал Золотухин в дневнике.

Этот спектакль – о природе страха, о существовании человека в тех условиях, в которых он не может и не должен существовать. «Если я не помню, значит, ничего не было. Время существует в нас, и если не помнить, значит, никакого времени не было», – говорит себе Глебов. Этот способ существования – в беспамятстве – спасителен не только для него – так пыталась жить целая страна. Но не спаслась.

В телепрограмме Светланы Сорокиной, посвященной Дому на набережной, Золотухин рассказал эпизод, когда он сам был поставлен перед выбором. В марте 1987 года на Западе было опубликовано письмо десяти диссидентов к советскому руководству – о том, что правление Горбачева не оправдывает надежд: не объявлена амнистия узникам совести, не осуждена судебная психиатрия, не выведены войска из Афганистана. Начинавшуюся гласность авторы расценивали лишь как способ улучшить имидж СССР за рубежом. «Если 70 лет воплощения идеологической доктрины привели к запустению одну из самых богатых стран на планете, то эта доктрина ошибочна. Г-н Горбачев признает: за все эти годы никому не удалось исправить ситуацию. Так, может быть, пришло время отказаться от самой системы?» – спрашивали авторы, среди которых был и Юрий Любимов.

– Мне звонит Егор Яковлев, говорит: «Михаил Сергеевич просит вас высказаться по поводу “Письма десяти”». Ответ должен быть опубликован, я должен осудить. Я пришел в ужасе домой. Спрашиваю жену: «Что делать?» А она говорит: «Сходи в бакалею». Я пошел, купил бутылку. Сходил за второй. Выпил и уснул. Утром проснулся – а Егор

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Яковлев улетел куда-то, и мой ответ не понадобился. Но я прочитал ответ Ульянова... А потом, спустя несколько лет, увидел его в кабинете Любимова...

Кроме Ульянова, осудить авторов «Письма десяти» не отказались Олег Ефремов, Михаил Шатров и даже Лен Карпинский, сам в свое время пострадавший от цензуры. И ведь это был уже 1987 год – перестройка и гласность. А Золотухина, как он сам говорил, «спасла бакалея». Для него этот эпизод не был поводом для гордости, он рассказывал это как подтверждение, что Глебова найти в себе может каждый, и надо быть к этому готовым, надо что-то сделать с Глебовым в себе – ну хотя бы залить его водкой.

Первоначально роль Глебова репетировал Вениамин Смехов. Но его работа не удовлетворяла Любимова.

– Я мечтал об этой роли, но у меня разлаживалось все. Этот спектакль пришелся на тот момент, когда у меня рвалась жизнь. Я уходил из семьи, – рассказывал мне Вениамин Смехов. – Это была романтическая любовь, которая обернулась 36 годами счастливой жизни. Но тогда вокруг никто ничего не знал. Я на репетиции бывал рассеян. Любимов меня ругает, я стараюсь, но что-то рвется, не получается, а дело уже идет к выпуску...

И вот однажды, когда на сцене репетировали отрывок без Смехова, а Смехов сидел в зале, к нему в темноте зала подсел Золотухин.

– Валерка подсаживается ко мне и шепотом говорит: «Венька, меня сейчас вызвал Любимов и говорит: “Давай, бери роль, входи и играй. У Вениамина чего-то не ладится”, – вспоминает Смехов.

Это было повторение истории 1976 года, когда Любимов, желая подстегнуть Высоцкого, грозил передать его Гамлета Золотухину, истории для Золотухина болезненной. Видимо, он долго думал над ней, потому что в случае с Глебовым уже знал, что делать.

– Я ему говорю: «Ну, ты сам хочешь?» Он: «Ну, такая роль. Но я хочу тебе сказать: если скажешь, чтобы я не играл, я запью или заболею», – рассказывает Смехов.

Вениамин Борисович напомнил Валерию Сергеевичу этот эпизод много лет спустя в программе «Таланты и поклонники», которую вел на телевидении. Золотухин тогда ахнул: «Надо же, ты помнишь!» (хотя – как такое забыть?). И тут же напомнил Смехову его ответ: «Валер, давай так: в жизни мы друзья. А на сцене мы актеры. И тут как в спорте – кто добежит быстрее, тот и чемпион!»

В результате первыми к финишу пришли оба.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– Любимов оказался мудрецом, – признает Смехов. – Потому что меня это только завело, я не мог бросить. По характеру я довольно мягкий и трусливый. А как актер... у меня совсем другие повадки. Вырабатывается фермент преодоления. Этот дар преодоления был свойствен Золотухину, но оказалось, что мы недаром с ним общаемся. Мы недаром делимся своим даром...

Театровед Элла Михалева писала о работах Смехова и Золотухина в «Доме на набережной»: «Вениамин Смехов играл Глебова, сломленного и изувеченного еще с детства комплексами: бедной жизнью, особенно остро ощущаемой на фоне богатой и внешне благополучной жизни обитателей Дома. Глебов Валерия Золотухина не комплексовал. Этот Глебов не испытывал мучительного стыда за залатанные локти своей куртки, дешевые баранки, которые покупала к чаю мать, за свой адрес: "Я сам живу среди шпаны – Дерюгинский переулок". Он все это люто ненавидел и еще в детстве поставил себе цель – вырваться из своего слишком простецкого мирка туда, за манящие стекла Дома, где в квартирах зеркала в человеческий рост и на стенах подлинный Айвазовский. Для этого нужно немногое – упорно добиваться своей цели и по возможности оставаться в тени, не подставляться, соблюдать осторожность. Попутно Глебов Золотухина мстит, мстит всем тем, кто живет лучше его, кому не нужно проходить такой же тернистый путь в жизни, всего добиваясь собственным горбом».

«Виноваты не люди – виноваты времена!» – этим пытается оправдаться Глебов. Его образ – это и обвинение, и покаяние. Всегда ли времена виноваты, и кто, как не люди, делают времена такими, что в них невозможно жить?

В апреле 1988 года, играя «Дом на набережной», Золотухин запишет: «Мне не дают покоя мандарины в детстве. Зимой, в бураны, в непроходимость и непроезжесть, мы обнаруживали под подушкой с братом мандарины и колбасу. Это было тогда таким естественным. Неестественным, чудовищным мне это обнаружилось только сейчас, когда мой 82-летний отец зарыт и не воскреснет. Дело в том, что мы были дети партийной номенклатуры, верхушки районной. Какая же это предусмотрительная партия была. Она своих членов – нет, не всех, власть на местах – снабжала продуктами, несмотря на тощий трудодень и вечный пост в других домах. Так партия ставила себя над народом, над толпой. И в духе этом росли и дети. Почему наша мать не рабо-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

тала? Она была начальникова жена, освобожденная» [5].

Спектакль этот при любом прочтении образа главного героя выйти не мог. Однако вышел. Юрий Любимов объяснял это чудо тем, что о книге Трифонова хорошо отозвался Михаил Андреевич Суслов, таинственная и могущественная фигура советского руководства. Хотя Суслов был идеологом брежневской «стабильности» (обернувшейся застоем и в конце концов крахом СССР), но к Сталину отношение у него было жесткое. «Эту книгу надо печатать. Мы все страдали, мы все подвергались нападкам Сталина, мы все прожили этот страшный период. Печатайте эту книгу», – будто бы именно так сказал Суслов. Когда чиновники крутили головами, Любимов ссылался на Суслова.

3.

В мае 1980 года, еще до премьеры «Дома на набережной», Таганка едет на гастроли в Польшу. Как всегда, привезли «Гамлета». Высоцкий должен приехать на спектакль из Парижа, но оказывается, что он в госпитале в предынфарктном состоянии. Любимов вызывает Золотухина и спрашивает, помнит ли он роль.

– Знаешь ты текст Гамлета?

– Ну и что? – отвечает ему Золотухин.

– Давай попробуем: ночью порепетируем, а завтра вечером сыграешь.

– Это самоубийство, Юрий Петрович, даже если я расскажу весь текст. Мы же не в Рязани, где я на худой конец если не Гамлет, то хоть «Хозяин тайги». А здесь Высоцкого ждут... – сказал Золотухин.

В конце мая Высоцкий приезжает и играет отлично. Потом он опять уезжает к Марине во Францию. 11 июня – день, когда они виделись в последний раз.

12 июня Высоцкий возвращается в Москву. Золотухин в этот день играет на Таганке премьеру «Дома на набережной».

Западная пресса назвала спектакль «ошеломляющим по смелости».

«Мораль спектакля, установленная не через скрупулезное исследование полного сталинского прошлого, а через поставленный вопрос – какова личная ответственность за все прошлые ошибки, ответственность каждого человека, неперенесение вины на других, “на времена”, может ли сегодняшнее советское общество найти отпущение гре-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

хов, самопрощение и новую жизнь», – говорилось в одной из рецензий.

4.

22 июня Высоцкому становится плохо на концерте в Калининграде.

1-3 июля по телевидению показывают «Маленькие трагедии», но Высоцкий так и не увидел себя Доном Гуаном – 3 июля у него было два концерта. 5 июля Падва сообщает ему, что по «ижевскому делу» подозрения сняты, но надо вернуть 2500 рублей государству. Это было еще мягко – Кондакова осудили на 10 лет, и он умер в колонии. Высоцкого спасли высокопоставленные поклонники.

В эти дни у его друзей появляется мысль увезти Высоцкого в тайгу, к Туманову, золотодобытчику, чтобы он запер его где-нибудь, где ни водки, ни наркотиков не достать, на период ломки. Он соглашается, но в назначенный день пропадает и возвращается уже «под кайфом».

10 июля умер актер Таганки Олег Колокольников, один из любимовских «кирпичей». 11 июля 1980 года Золотухин записывает в дневнике: «В театре плохо. Театр – могила. А там Высоцкий мечется в горячке, 24 часа в сутки орет диким голосом, за квартал слыхать. Так страшно, говорят очевидцы, не было еще у него. Врачи отказываются брать, а если брать – в психиатричку».

Высоцкий запил из-за смерти Колокольникова. При этом он работает. 13 июля он играет Гамлета. Алла Демидова записала в дневнике: «В 217-й раз играем “Гамлета”. Очень душно. И мы уже на излете сил – конец сезона, недавно прошли напряженные и ответственные для нас гастроли в Польше. Там тоже играли “Гамлета”. Володя плохо себя чувствует: выбегает со сцены, глотает лекарства... За кулисами дежурит врач “скорой помощи”. Во время спектакля Володя часто забывает слова. В нашей сцене после реплики: “Вам надо исповедаться” тихо спрашивает меня: “Как дальше, забыл...”».

17 июля – его последний концерт в Болшеве. 18 июля – его последний «Гамлет». Иногда пишут, что он едва его доиграл, но Демидова в своем дневнике отмечает, что на этот раз он слова не забывал, и после спектакля на ее шутку «А слабо сыграть еще раз?!» (соль состояла в том, что стояла неимоверная жара, а на актерах были костюмы из шерсти) ответил: «Не слабо!» [26].

19 июля в Москве началась Олимпиада. Окончания ее Высоцкий уже не увидит. В день начала

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Олимпиады он снова запил. 20 июля к нему пришел сын Аркадий, в то время абитуриент, от состояния отца он пришел в ужас. «Он прилег. Потом стал делать себе какие-то уколы – на коробках было написано что-то вроде “седуксена”... Он не мог попасть... Все это было ужасно... Ужасно. И настолько отец был тяжелый, что я стал звонить всем, чтобы хоть кто-то пришел! И я могу сказать, что я звонил практически всем. Всем, чьи фамилии я знал. Взял телефонную книжку и звонил. Не помню, что сказали Смехов и Золотухин, но приехать они отказались», – вспоминал Аркадий.

20 июля – его последнее стихотворение: «И снизу лед и сверху – маюсь между»...

23 июля ему стало совсем плохо. В квартире с ним в это время был Янклович. Когда кто-то позвонил ему и спросил, как Володя, Янклович ответил: «Сам не слышишь?» и отстранил трубку – в нее стало слышно, как Высоцкий кричит: «ААА! АААА! ААА!»

Вызвали врачей, те предлагали разное, в конце концов сошлись на том, что заберут его 25 июля. «Он был в очень тяжелом состоянии, но впечатления, что он умирает, не было», – вспоминал врач Леонид Сульповар, его друг.

24 июля Золотухин позвонил ему домой, трубку взял дежуривший при Высоцком врач, сказал «Володя спит».

– Как вы думаете, сколько он будет спать? – спросил Валерий. Врач ответил, что, наверное, целый день.

– Передайте ему, как он проснется, текст телефонограммы следующего примерно содержания: «Геннадий Полока и Валерий Золотухин просят его очень вспомнить молодость и, как встарь, под единое знамя соединиться в общей работе», – велел Валерий, имея в виду фильм «Наше призвание», в котором Полока снова предлагал сниматься им обоим.

– Хорошо, я ему это обязательно передам... – сказал доктор.

Когда утром 25 июля Золотухин пришел в театр, тут же, на входе, в кассе, ему сказали: «Высоцкий умер. Уже пишут ему некролог».

Высоцкий умер 25 июля в 4 часа утра. Во сне у него случился обширный инфаркт.

Спектакль, однако, не отменили. Когда публика села, на сцену вышел Любимов и сказал:

– У нас большое горе... Умер Высоцкий... Прошу почтить...

Зал встал.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Золотухин вышел с гармошкой, его первый зонг был со словами: «Не скулите вы по мне, ради Бога!» – он пел это сквозь слезы.

В этот же день над кассой театра повесили объявление – «Умер актер Владимир Высоцкий».

В этот же день из Парижа прилетела Марина Влади. Начались похоронные хлопоты. В театре составили список – кто за что отвечает. Золотухин оказался «ответственным за крышку гроба». Почему-то ему было важно это, он не раз потом в разных интервью подчеркивал – ответственный за крышку гроба...

26 июля художник Юрий Васильев снял с Высоцкого посмертную маску и сделал слепок левой руки. Всего есть три маски – одна у Марины Влади, другая в музее Высоцкого, а третья волею судьбы, спустя годы, оказалась у Золотухина. Юрий Васильев разводился, болел, у него была масса неприятностей, и он, считает Золотухин, подводил итоги жизни. Одним из таких итогов стало то, что Васильев передал авторский экземпляр маски Золотухину.

– Он не хотел, чтобы дорогие ему вещи доставались абы кому. Когда он мне ее отдавал, сказал: «Валерий, пожалуйста, не продавайте, не тиражируйте ее ни в коем случае. Потому что маска посмертная, она живая. Она может хмуриться, может улыбаться, вообще это не такая безобидная вещь, как кажется». И это действительно так, маска имеет свойство преображаться, – рассказывал Золотухин.

Золотухину выпало говорить прощальную речь от имени театра. Он готовил ее в эти траурные дни и потом переживал – это «испортило мне прощальные минуты с Володей».

Речь получилась от души, красивая, величественная:

«Ты был душой нашей, ты есть счастливая частица наших биографий, биографий всех тех людей, которые хоть на малое время сталкивались с тобой в работе. Ты стал биографией времени».

В то время не было нынешнего множества радиостанций и телеканалов. Радио было одно – «Маяк», телеканалов – два. По ним о смерти Высоцкого не сообщали. Только в «Московской правде» вышел некролог. Однако народ узнал и 28 июля, в день похорон, пошел к Таганке.

«Народу на Таганской площади и вокруг собралось несметное количество, говорят, таких похорон Москва не знала со времен Сталина. Вот так... Он доказал все-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

му миру, ЧТО он есть для народа такое, и народ ответил ему любовью. На Ваганьковское кладбище невозможно было проехать. Все «голоса» передают о нем живые передачи, а в наших газетах? Ни слова», – пишет Золотухин в письме Фомину от 2 августа 1980 года [10].

Писатель Юрий Трифонов, автор «Дома на набережной», глядя из окна Таганки на то, как проститься с Высоцким идут и идут люди, сказал: «Как же нам теперь умирать?»

Уже после в «Вечерней Москве» вышло крошечное сообщение о гражданской панихиде и похоронах.

Похоронили Высоцкого на Ваганьковском кладбище: «Место – лучше не придумаешь, недалеко от могилы Есенина», – записал Золотухин. Он не смог бросить горсть земли на могилу друга – вместе с другими, сцепившись локтями, сдерживал толпу.

1 августа Любимов собрал Боровского, Янкловича, Золотухина, Филатова, Смехова, Бортника, Антипова, Трофимова, Кучера, Погребничко, Глаголина и объявил, что «первоочередной задачей и обязанностью театра является создание спектакля по поэзии В. Высоцкого».

На Золотухина легли заботы по устройству Аркадия Высоцкого в вуз. Аркадий поступал на физико-математический в МГУ. Он и пришел к отцу 20 июля с тем, чтобы отец помог. Теперь вместо отца ему помогал Золотухин.

«Театр написал бумагу ректору МГУ, чтобы Аркадию дали возможность поступить в МГУ в связи и в память отца и пр. И меня с Галиной Васильевной с этой бумагой командировали...» – записал Золотухин. Выяснилось, что профессор, от которого все зависело, поклонник Золотухина, и в конце концов Аркадия приняли на специальность «высшая математика и кибернетика» с условием, что Золотухин будет ему куратором – то есть с него будут спрашивать за все грехи Аркадия. «В общем, Аркадий сдал и принят. И Люся мне благодарна, и я вроде бы как вместо отца ему – наставник», – записывает Валерий Сергеевич.

20 сентября Золотухин в Чечне, в Грозном. С Янкловичем они идут на местный базар, и по дороге Янклович рассказывает о том, о чем Золотухин до тех пор не знал, – о наркомании Высоцкого. «Боже мой, я даже не знал, какая страсть гибельная, болезнь, вернее, неизлечимая опутала его – наркомания... Вот оно что оказывается. К. – что это за девица? Любил он ее, оказывается, и два года жизни ей отдал... Ничего не знал... Ничего... Совершенно далек я ока-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

зался в последние годы от него...» – покаянно записывает он 20 сентября.

В октябре он узнал, что в Чехословакии какой-то журнал к некрологу Высоцкого поставил его, Золотухина, фотографию из «Единственной». Сестра Антонина написала, что по Междуреченску гуляет история, будто Золотухин с Высоцким сидели в ресторане, их хотели отравить, Высоцкий умер, а Золотухин выжил. «То, что касается черной рамочки, говорят, сто лет жить буду. Зачем?! Все равно не пишется...» – отмечает он.

Как водится, каждое воспоминание кажется значимым. Золотухин записывает все, что подсказывает ему память. 22 октября он записывает: «Еще один Володин ответ. “Какое событие стало бы для тебя трагедией?” – “Потеря голоса”. Голосу своему он верил и доверял, и тот не подвел его, не сфальшивил ни разу. Вот как жизнь прожить завидно».

В этот же день на Таганке худсовет по будущему спектаклю «Владимир Высоцкий».

Золотухин на этом худсовете говорит: «Обнаружилось, что я совсем не знаю его, не знал. Летом, когда пленки его слушал, все открылось в первый раз. <...> Мы устраиваем конкуренцию у гроба слишком торопливо. <...> Чем ближе мы были, тем меньше мы его знали. Мы должны быть осторожны. В каждом человеке есть какая-то тайна. Его тайны мы не знали».

Речь идет о том, каким должен быть спектакль. Одни говорят, что надо опереться на «Гамлета», другие, что интригой спектакля должна быть жизнь поэта. Стенограмма обсуждения кончается на словах Золотухина: «Он ушел вовремя. Когда он был еще для всех очень вкусен. Это важно: уйти, когда всем от тебя вкусно».

Дальше отметка «обрыв». Такое ощущение, что Золотухина тут же все принялись бить. В самом деле, мысль выражена не очень ловко. Золотухин рассказывал, что всем, кто на него принялся кричать, объяснял, что это всего лишь Ницше, «так говорил Заратустра». Потом не раз пояснял, что он имел в виду:

– Я присутствовал на похоронах актера Эраста Гарина. Пустой зал, попрощаться с ним пришло несколько человек. А ведь он входил в десятку лучших комиков мира! Его просто все забыли. Как говорят в народе, зажился. Или судьба Андрея Миронова – его, как и Высоцкого, хоронила вся Москва! Он и сейчас в нашем сознании – Андрюша Миронов, звонкий Моцарт, вечно молодой, талантливый, еще не сыгравший все роли. Иногда о себе самом думаю – так вот

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

заживешься, и забудут! – сказал он в интервью барнаульскому журналисту Владимиру Токмакову в 2009 году.

5.

В ноябре 1980 года Золотухин был в Барнауле. Эта поездка касалась переиздания на Алтае его книги «На Истокречушку, к детству моему». Воспоминаниями о том приезде поделился писатель Иван Кудинов.

Он и Виктор Ащеулов приехали к Золотухину в гостиницу с утра. Тот после самолета был усталый, поэтому решили дать ему отдохнуть и встретиться уже в пять вечера.

Вечером Золотухин был уже другой – «свежий, как огурчик». Они пошли домой к Кудинову. В Барнауле уже была настоящая зима, с сугробами, и Золотухин радовался морозной свежести: «Ну, братцы, наконец-то я дышу чистым сибирским воздухом! А в Москве сейчас оттепель и слякоть несусветная...»

Дома у Кудинова ужинали. Заговорили о Высоцком, но Золотухин сказал:

– Знаете, сейчас все еще слишком открыто, свежо... И толков, перетолков разных, ликований и негодований столько, что мне бы не хотелось вплескивать свою ложку дегтя... или бочку меда. Успею еще прокукарекать и я, – усмехнулся и тут же нахмурился. – Одно скажу: не надо только считать, как это иным кажется, что гибель Высоцкого впрямую связана с коварными происками скрытых и открытых его врагов, всей нашей системы, создавшей вокруг своего певца и поэта столь тягостную, невыносимую атмосферу, в которой он задохнулся...

– А разве это не так? – спросил Ащеулов.

– Так и не так. Он жил в той же атмосфере, в какой и мы живем, – и не больше. Разница лишь в том, что душа у него была шире и нерв тоньше, потому и мир он воспринимал иначе – не кожей, а сердцем... А бедным и несчастным, как это считают иные плакальщики и запоздалые жалельщики, Высоцкий никогда не был, уж мне-то поверьте, я это знаю из первых рук. И уверяю вас, – добавил тихо и твердо, – он был счастливым и богатым человеком – у него были театр и кино, отличные роли, он хотел сыграть и сыграл Гамлета, у него было много друзей, большая любовь к Марине Влади, и он мог почти в любое время сорваться и улететь к ней в Париж, потому что и невыездным Владимир Высоцкий не был, и загнанным тоже не был...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Ащеулов опять высказал сомнение:

– А как же «Охота на волков»? Обложили меня, обложили...

– Так это он не только о себе, но и о нас всех, – ответил Валерий. – А вот ему больше другое подходит: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...Умоляю вас вскачь не лететь!»

– «Но что-то кони мне попались привередливые, – подхватил Ащеулов, – и дожить не успел, мне допеть не успеть».

– Не успел, – тихо и как-то отстраненно, будто для себя, произнес Валерий. – Он и сам всю жизнь, как эти кони, летел вскачь, гнал себя... «Я коней своих нагайкою стегаю – погоняю, что-то воздуха мне мало, ветер пью...» Он сам себя загнал, сам себя сжег, потому что всю жизнь не шел, а мчался, летел «вдоль обрыва, по-над пропастью» и рухнул в эту пропасть, не допев... Он был певцом России. И это без преувеличения – большим певцом! А певцы в России чаще погибают... – задумчиво и печально добавил. И как-то неожиданно оборвал разговор и засобирался: пора, пора, завтра столько работы!..

Он подарил Кудинову свою книгу «На Исток-речушку, к детству моему», Кудинов и Ащеулов проводили его до гостиницы.

На следующий день, 25 ноября, была назначена встреча алтайских писателей со знаменитым земляком. «Ровно к двум часам дня просторная и единственная комната писательской организации была переполнена – литераторы наши выказали большой интерес к своему замечательному земляку, собрались, что называется, и стар и млад», – отмечает Кудинов.

Разговор вышел добрый, вопросов было много – о театре, кино, о Высоцком. И о литературе. В альманахе «Алтай» к тому времени уже были напечатаны два рассказа Золотухина. Кудинов предложил поведать о других, не напечатанных, но уже написанных, рассказать о том, как на глазах Золотухина родилась песня Высоцкого «Банька» (позже это воплотилось в рассказ «Как скажу, так и было, или Этюд о беглой гласной»). Золотухин снова пересказал эту историю, так, будто вся она в этот момент проходила перед глазами: про съемки в Выезжем Логу, почти заброшенный дом, лампу в пятьсот свечей и ту ночь, когда Высоцкий будил его, спрашивая про полок, а под утро снова разбудил и спел только что сочиненное: «Протопи ты мне баньку по-белому!»...

Кудинов запомнил печальную улыбку Золотухина.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В этот свой приезд Золотухин давал и концерты. «Заодно дал 23 концерта», – пишет он Фомину 3 декабря 1980 года.

В этот же приезд Золотухин встретился с Геннадием Папиным, тем самым энтузиастом самодеятельности, который привел его к Якову Полозову. Незадолго до этого в октябрьском номере журнала «Сельская молодежь» (№ 10 за 1980 год) вышел рассказ Золотухина «Клоун» (про историю с Яковом Полозовым), в котором Геннадий Папин был упомянут под своим именем и фамилией [12].

В письме Фомину от 3 декабря 1980 года Золотухин пишет: «Встречался я и с Г. Папиным, который, как я понял, обиделся на меня за мой рассказ “Клоуны”, напечатанный в “Сельской молодежи” № 10... может, сам-то и ничего, да люди ему в глаза тычут, они опять не понимают разницы между жизнью и литературой» [10].

После неудавшегося покорения Москвы Геннадий Папин осел в Барнауле, руководил театром при ДК, в 1971 году оказался втянут в историю с расхищенным домкультуровским добром, был осужден и даже сидел. Вот это все было и в жизни, и в рассказе.

Однако в рассказе Золотухин «закруглил» сюжет: написал, что Папин, выйдя на свободу, стал бакенщиком и одиноко коротает свои дни на какой-то пристани, к которой никто не пристает. Гена Папин бакенщиком не был – бакенщиком коротал свой век другой односельчанин Золотухина.

Папина такое домысливание его биографии расстроило. Позже в газете «Советская культура» об этом вышла статья красноярского писателя Николая Гайдука с говорящим названием «Осторожно: за вымыслом человек» [24]. После этого Золотухин поправил рассказ: героя назвал «Леня Панин», убрал яркий кусочек: «Рос в детдоме. На вопрос: “Ты чей?” – отвечал: “Папин”. Так и пошло – Папин, только уже с большой буквы».

Летом 1981 года в Барнауле Алтайское книжное издательство выпустило книгу Валерия Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему». Тираж 100 000 – невообразимый для сегодняшнего дня, а тогда большой, но не рекордный. Книга того же формата, что и московское издание, но с другим рисунком на обложке. На форзаце – фотография Золотухина: он сидит в кресле, за спиной на стене гитара. Лицо у него вполне лермонтовское. На фото он с усами – возможно, фото старое, еще тех лет, когда он носил усы. В книге – повести «На Исток-речушку», «Дребезги»

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и рассказ «Клоуны», в которых Гена Папин уже изменен на Леню Панина.

6.

В начале 1981 года Валерий Сергеевич снимается в трехсерийном телефильме «Наше призвание». Сейчас о нем на сайтах пишут «малоизвестный». Между тем, когда его показывали в середине 80-х, люди сбегали с работы пораньше, только чтобы ничего не пропустить. И это притом, что фильм о школе и об учителях. То есть не детектив.

Режиссером выступил Геннадий Полока. Один из самых первых его фильмов был «Республика ШКИД» (1966) – о школе имени Достоевского, о том, как из малолетних воришек и беспризорников усилиями учителей получались люди. В статье, написанной на смерть режиссера в декабре 2014 года философом и писателем Андреем Ашкеровым, замечено, что для Полоки, с одной стороны, была очень важна фигура учителя, а с другой – Полока считал, что в 20-е годы что-то пошло не так. «Наше призвание», как и «Республика ШКИД» – об учителях в 20-е годы. Фильм снят по книге «Дневник Кости Рябцева», написанной известным педагогом Михаилом Григорьевичем Розановым под именем «Н. Огнев».

Если «Республика ШКИД» – фильм именно о 20-х годах, то в «Нашем призвании» два временных слоя: один – 1978 год, другой – 1923-й. Так Полока преломляет время, придумывает возможность посмотреть на прошлое со стороны, направляет зрителя, как учитель направляет учеников. Возможно, в этом Полока учел опыт «Республики ШКИД», в которой рассказ о миссии учителя оказался заслонен эксцентричной жизнью этой необычной школы.

1978 год. Внештатную сотрудницу журнала Варвару Кулиш посылают на съезд учителей с заданием написать о ком-нибудь из делегатов. Она находит Николая Ивановича Гудкова (Павел Кадочников). У Гудкова есть дневники времен его школьной юности, и он читает их Варваре.

1923 год. Школа кипит – ученики не признают права учителей учить. Им невозможно что-либо объяснить, потому что они не хотят слушать. Настроениями ученического коллектива манипулирует юный демагог Гундобин, какая-то часть поддерживает его, каждый по своим причинам, большинство же – болото.

Детские мозги поражены общим безумием времени, с его «Весь мир насилья мы разрушим», категорично-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

стью, делением всех на «свой – чужой». Гудков относится к учителям так: «Они в старой школе ребят угнетали, а теперь мы можем вполне с ними бороться!» Молодежь не признает слово «учителя» как старорежимное – вместо этого «школьные работники», сокращенное до «шкрабы». Имена-отчества учителей также сокращены – практически до кличек: МихГав, Сервентум, Оляква. Ученики требуют отменить отметки, наказания и штрафной журнал.

В свою очередь учителя решают вести преподавание по системе «карпантер» – это педагогическая новация, при которой учитель дает ученику задание на месяц, тот изучает вопрос сам, а в конце месяца сдает зачет. В результате все вместе – ученики, учителя, школа, страна – и каждый в отдельности оказываются в пекле эксперимента.

Но в центре этого бушующего моря стоит Михаил Гаврилович Григорьев, МихГав, мягкий, интеллигентный. О нем Борис Кагарлицкий написал: «В этой школе, где все стараются переспорить друг друга или даже перекричать, он один пытается переубедить». Вот этого человека и играет Валерий Золотухин.

У Золотухина тут даже манера говорить другая – он не включает свой голос на всю громкость, разговаривает с учениками доверительно, тепло, проникновенно. Он вообще не так много говорит в этом фильме. Но одно его присутствие в кадре показывает его отношение к тем или иным событиям. МихГав в исполнении Золотухина – это учитель, который волнуется и за доверенное ему дело, и, что еще важнее, за доверенных и в какой-то степени все равно доверившихся ему учеников. Именно его герой направляет юное поколение на тот путь, который делает их людьми. Убеждая учеников включиться в работу по «карпантеру», МихГав говорит: «Главное в методе “карпантер” – это вера в ваш разум, в вашу совесть. Ученик – это костер, который мы только зажжём, а дальше он должен гореть сам».

Он объясняет детям необходимость уважения, уважения не почему-то, а просто так, необходимость слушать и слышать. «Постарайтесь понять нас, поверьте нам, разделите с нами все трудности, как мы их делим с вами», – увещевает он, и стая молодых хулиганов, на которых, казалось, не подействует ничего, кроме пулемета, вдруг начинает слушать его.

Золотухину же достается самый трудный эпизод – говорить с этими «детьми» о любви. «Любовь – это цветущий сад. А тот, кто занимается похабщиной, в этот сад гадит!»

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– говорит им МихГав. Мир, конечно, не переворачивается – он и не мог перевернуться в одночасье. Но важно то, что эти слова были произнесены и были услышаны, и не только персонажами фильма, но и миллионами зрителей. Кино говорило с людьми о том, о чем они сами друг с другом никогда бы не заговорили. В необычной, острой, заставляющей сопереживать форме Полока говорил необыкновенно важные вещи.

«Наше призвание» – тот самый фильм, о котором 24 июля 1980 года Золотухин говорил Высоцкому в своей «телефонограмме». Высоцкий умер, но Полока сделал сразу два посвящения ему. Одно – когда один из героев вдруг говорит: «Плевал я с Эйфелевой башни...» Это прямая цитата из песни «Письмо к другу, или Зарисовка о Париже».

Второе посвящение – сюжет с «Гамлетом». МихГав предложил ребятам поставить трагедию Шекспира. Золотухин читает финальный монолог Гамлета: «Дальше – ТИ...ШИ...НА», – разделяя каждый слог, шепотом говорит он. Вот где довелось ему прочитать монолог, который он выучил много лет назад.

Забавные детали: в сцене дуэли ученики начинают болеть, как на футболе, – часть зала за Лаэрта, часть – за Гамлета. А в конце, когда все умерли, вдруг входит красноармеец в буденовке и говорит: «Монархия свергнута», Фортинбрас оборачивается агитатором, и все – Гамлет, Лаэрт, Королева, Офелия, даже Призрак короля – поют «Вставай, проклятьем заклейменный». Сейчас это кажется насмешкой над эпохой, а тогда никакая цензура не придралась.

«Наше призвание» – фильм о смыслах: о смысле школе, учительства, о смысле и необходимости уважения, обо всем том, что очень важно. Завязка сюжета – когда старый учитель читает свой дневник – создает форму послания потомкам, завета.

Интересно, что на просторах Интернета этот фильм до сих пор обсуждают и довольно горячо: «Откопал в сети старый телефильм “Наше призвание”. Интересно, помнит ли сейчас о нем кто-нибудь? А тогда, в начале 80-х, он у нас в общаге произвел фурор. Телик был один на всех, возвращались мы поздно, многие на полсерии только успевали, и сидели, здоровые лбы, уперевшись в экран, как потом старые бабки в “Просто Марию”. Если кто чего не успел увидеть – подробно пересказывали, в лицах. И ведь не пацаны уже были. Такого энтузиазма больше не припомню.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

И что интересно – посмотрел, и он мне понравился так же, как тогда. Может, даже больше».

7.

В 1981 году идет работа над спектаклем «Владимир Высоцкий». Работа началась в мае. 22 мая Золотухин записал в дневнике: «Репетиция в кабинете. Читал стихи Володи Любимов». Торопились, надеясь успеть к 25 июля, к годовщине его смерти, работали быстро: уже 21 июля состоялся прогон для представителей управления культуры. Высшее начальство не пришло – прислали молодого, 28 лет, заместителя по фамилии Самойленко.

После спектакля он сказал, что поэт в спектакле показан однобоко, нет гражданского звучания, нет оптимизма (хотя – какой в таком спектакле оптимизм? – С.Т.). «Не рекомендуем...» – сказал Самойленко.

Понятно, что заместитель своего мнения иметь не мог, он шел с уже готовым решением, и все, что он сказал после спектакля, он мог бы сказать и до него.

В ответ сначала что-то сказал Любимов (Золотухин записал «шеф вел себя несдержанно и глупо, но в этом шеф, его характер, и все равно – он прав»), потом начали выступать актеры, из них Золотухин записал слова Губенко: «У меня отец погиб... мать повесили фашистско-румынские захватчики... Я вернулся в театр после смерти Владимира Высоцкого, чтоб причаститься к его делу... оставив самостоятельное дело на “Мосфильме”... Не топчите нашу веру в советского человека, в нашу демократию...».

Губенко тоже ведь наверняка понимал, что, если прислали заместителя, значит, все решено, но он, видимо, надеется, что хоть что-то же должно остаться в этих людях человеческого – отсюда и упоминание об отце и матери, о войне – может, хоть это проймет? Не проняло.

Комиссия, по замечанию Золотухина, ждала повода, для того чтобы обидеться и уйти. Повод нашелся – Филатов спросил Самойленко: «Так что же, по-вашему, гражданственность? Вы три раза, как попугай, повторили одно и то же...»

На «попугае» комиссия обиделась и ушла.

После «не рекомендуем» Самойленко еще сказал Любимову при всех: «Но вы заявили, что это дело вашей партийной совести, поэтому делайте, как вам подсказывает ваша партийная совесть, ваше должностное положение как главного режиссера». Это очевидный вызов, предложение совершить поступок с заведомо известными

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

последствиями. Любимов понимал, что это ловушка, но он был Любимов. Смерть Высоцкого что-то перевернула и в нем. Он начал вслушиваться в его песни и стихи и, видимо, понял, кто был рядом с ним. «После его смерти толчки произошли в душах у многих», – это сказано Любимовым еще 22 октября 1980 года, на заседании худсовета театра, когда обсуждалась сама идея спектакля. Говорили, что Высоцкого завтравили, – но Любимов не мог не понимать, что и он тоже, силой обстоятельств, принял в этом участие.

Он использовал свой последний ресурс – позвонил Юрию Андропову, тогда председателю КГБ СССР. В свое время Любимов отсоветовал детям Андропова идти в артисты, и тот был Любимову за это благодарен. Андропов разрешил сыграть спектакль «Владимир Высоцкий». И 25 июля состоялась премьера. Это был уникальный случай в истории советского театра – текст не был утвержден в ЛИТО (название советской цензуры), сам спектакль не был пропущен управлениями и министерством, и однако премьера состоялась!

Анатолий Смелянский, театральный критик, а в 1981 году заведущий литературной частью МХАТа, был одним из тех, кому в этот день удалось попасть в зал. «Здание театра оцепили по всем правилам военного искусства. Таганский дом был забит до отказа – это действительно была “вся Москва”. Белым полотнищем затягивались несколько рядов деревянных стульев на сцене. Эти стулья, напоминавшие убогий декор любого советского кинотеатра, как бы продолжали зал Таганки. Сквозь полотно виднелись решетки, подсвеченные снизу кровавым светом. Мука затравленности живого, ни на кого не похожего, объединяла сцену и зал. Это был спектакль о погибшем поэте, и это был спектакль о театре, который осуществлял свое право на память...» – написал критик в своей книге [25].

Премьера была первая, она же последняя. После этого спектакль нельзя было не то что играть – нельзя было даже репетировать. Однако 30 октября Любимов устроил репетицию, а 31 октября – прогон. Это обошлось ему и директору театра Николаю Дупаку в строгий выговор с предупреждением об освобождении от работы. Но прогон 31 октября остался для истории – Любимов разрешил его снимать, энтузиасты нашли камеры, пленку, свет. В 1995 году НТВ сделало на основе этих съемок фильм, его можно найти.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Говорят, что актер должен играть как в последний раз. Тут так и было – играли как в последний раз, потому что это и был последний раз.

Сцена с рядами кресел, накрытых белым полотном, словно покойник. Спутанная магнитофонная пленка, километры спутанной магнитофонной пленки. У актеров лица, будто Высоцкий умер вчера. Губенко читает стихи Высоцкого:

Я бодрствую, но вещий сон мне снится.
Пилюли пью – надеюсь, что усну.
Не привыкать глотать мне горькую слюну:
Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну...

Это очевидный вызов, с такими стихами нечего было и рассчитывать на разрешение играть спектакль. Известно, что из семидесяти страниц текста спектакля в управлении по культуре одобрили только семь. Ну да, у Высоцкого можно найти «безопасные» песни (например, «Здесь лапы у елей дрожат на ветру»), но сколько их, да и не Высоцкий это уже будет.

Золотухин в спектакле много поет и читает стихов. Нельзя сказать, что он здесь главный – перед смертью все равны. Но у Золотухина все же хоть немного, а особое положение: когда фонограммой Высоцкий поет «Баньку», то Золотухин подпевает ему один – потому что имеет право. И в момент проигрыша коротко, до следующего вступления, рассказывает, как была написана эта песня: про почти заброшенный дом, про три раскладушки, на одной из которых всегда лежала гитара, про лампочку в пятьсот свечей – такая лампочка в этот момент озаряет сцену.

И Золотухин же читает жуткое стихотворение «Меня опять ударило в озноб» – о том, как Высоцкий выдавливал из себя жлоба:

Меня опять ударило в озноб,
Грохочет сердце, словно в бочке камень:
Во мне живет мохнатый злобный жлоб
С мозолистыми цепкими руками.
<...>
Я оправданья вовсе не ищу –
Пусть жизнь проходит, ускользает, тает,
Но я себе мгновенья не прощу,
Когда меня он вдруг одолевает.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Но я собрал еще остаток сил,
Теперь его не вывезет кривая:
Я в глотку, в вены яд себе вгоняю –
Пусть жрет, пусть сдохнет – я перехитрил...

Зная от Янковича о последних годах жизни друга, с какими мыслями Валерий Сергеевич читал вот эти строчки?

В какой-то момент Любимову не понравилось, как Филатов читает стихотворение, он поднимается на сцену и начинает показывать и рассказывать – как должно быть.

«Ты читаешь стих. Просто читаешь, а надо открывать строчки, вы понимаете? – говорит он. – А если вы просто читаете стихи, тогда не надо так биться за спектакль, ну закрыли, будем следующий репетировать. Если теряется интонация, тогда...»

Он напоминает актерам последние строчки Высоцкого:

Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним...

– Как только вы теряете это – не получается! – говорит Любимов

О чем он? Художник не может быть атеистом. То, что делается только для людей, рано или поздно становится плохо – потому что людей легко обмануть. Художник работает для другого зрителя. Любимов со всей Таганкой делали этот спектакль не только для себя, для своих и Владимира Высоцкого друзей, а еще и для самой высокой «приемной комиссии». О ней Любимов и напоминал своим актерам.

У актеров на этой пленке удивительные лица. Когда поют, читают стихи и даже молчат, они смотрят в себя.

Актеры поднимают со сцены листки – это вопросы и ответы той самой знаменитой анкеты: какой вопрос вы бы хотели задать самому себе, ваш любимый актер, ваши отличительные черты. Золотухину достались музыкальные вопросы: ваша любимая песня – и в ответ звучат первые аккорды «Вставай, страна огромная», любимое музыкальное произведение – и в ответ начинает играть 12-й этюд Шопена. И ему же досталось главное. «Чего бы вы хотели больше всего?» – спрашивает Золотухин товарища. И отвечает: «Чтобы помнили. Чтобы везде пускали».

Хотя фраза «чтобы везде пускали» – бытовая, ее Высоцкий написал явно про рестораны и бары, в которые

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

тогда даже ему нелегко бывало попасть, тут она звучит иначе – тут Высоцкого не пускают на родную сцену.

Интересно, что вопроса, кто ваш друг, и ответа «Золотухин» нет. Зато, когда показывают портрет Высоцкого в фойе театра, оказывается, что портрет Золотухина тогда висел рядом.

Золотухин на следующий день, 1 ноября, записал в дневнике: «У меня вчера во время прогона и после было превосходное, легкое, деловое настроение и осознание трезвое и окончательное, что это можно играть. Вчера впервые действие наше мне увиделось спектаклем. Все прогоны до того носили поминальный знак. Вчера это было о здравии. Никто не заботился о себе, только о нем. Ощущение вины перед ним, личной, и делового очищения, искреннего, истошного, какое бывает у святых».

Гармония появилась внутри, но снаружи ее становилось все меньше. Начальство запрещало «Владимира Высоцкого», Любимов грозил не уволиться даже, а уехать из страны, «кирпичи» Таганки – актеры из самого первого состава – решили, если это произойдет, подать заявления об уходе. Золотухин пишет Фомину о ситуации вокруг Таганки в эти дни (17 ноября 1981 г.): «...и Таганка останется в легенде... Пишем все и поодиночке Л.И. Брежневу – спасите наши души. Знал бы ты, Степаныч, как это все мерзко, глупо... Они боятся его мертвого... даже мертвого-то, может, больше» [10].

Спектакль запрещают репетировать, и даже на 25 января, в день рождения Высоцкого, запрещают играть. Золотухин пишет в дневнике, что придется играть отрывки. Они сыграли, но именно в этот день умер Михаил Суслов – главный идеолог брежневского СССР – в верхах почему-то решено было, что Таганка спектаклем «Владимир Высоцкий» праздновала смерть Суслова, и Любимову досталось еще и за это.

В 1981 году было в жизни Золотухина еще одно событие – он крестился. Почему – он нигде не говорил, да и о том, как крестился, не рассказывал. Со слов Дениса Золотухина известно только, что отец, Сергей Илларионович, приехав после этого в Москву навестить сына и увидев на нем крест, «чуть батю не придушил этим же крестом».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

СМУТНОЕ ВРЕМЯ ТАГАНКИ

Глава седьмая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1.

В январе 1982 года Золотухину присвоили звание заслуженного артиста РСФСР. В советской табели об артистических рангах это было не так уж высоко: высшим званием было «Народный артист СССР». Но все равно было приятно, тем более звание по разным причинам не единожды откладывалось. «Поздравь и ты, дорогой, с запоздалым присвоением мне почетного звания заслуженного артиста РСФСР. Это все равно приятно, хотя бы из-за того, что этот факт доставил радость людям, хорошо ко мне относящимся», – пишет Золотухин Фомину в письме от 5 января 1982 года [10].

В 1982 году Любимов решил поставить «Бориса Годунова». Почему именно этот спектакль? С одной стороны, после всех передряг с «Высоцким» ему могло быть уже все равно. С другой, он мог надеяться, что сейчас, после запрета спектакля, ему что-нибудь разрешат – так бывало, и на этой волне «Борису Годунову» удастся проскочить.

Любой мастер, если он и правда мастер, идет по восходящей, каждый раз решая все более сложную задачу. «Борис Годунов» чаще всего ставили как оперу, и сам Любимов поставил ее в 1979 году в театре Ла Скала. Как драматический спектакль трагедия считалась «несценичной». Любимов решил доказать, что это не так, поднять вес, который не давался другим. Существует запись первой или одной из первых читок пьесы от 23 января 1982 года. Любимов говорит: «Утвердилось мнение, что “Годунов” – трагедия несценичная, только для чтения. Мне показалось, что я набрел на какой-то интересный ход. И теперь, по-моему, я могу ставить».

Ходов было несколько. Любимов решил привлечь к работе над спектаклем хор Дмитрия Покровского. Кроме того настроения, которое всегда дает музыка, масса хора становилась еще образом народа – того самого действующего лица, которого ни у кого прежде не было. Любимов заявил, что «декорации не важны, можно вообще скакать на куче тряпья», отказался от костюмности: играть должны были в «костюмах всех времен и народов». Он сказал, что спектакль должен быть быстрый, а актерская манера особая – «наивная, детская, легкая. Вера должна быть».

В записи есть интересная фраза: «Хорошо, что в этот трудный день мы занимались делом», – говорит Любимов в самом конце. Казалось бы, о чем это он? 21 или 22 января случился инсульт у Михаила Суслова, секретаря ЦК КПСС. Такие новости тогда становились мгновенно известны через «голоса» (так, по названию радиостанции «Голос Америки», назывались все западные станции, вещавшие в СССР, –

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

С.Т.). Люди делали прогнозы – станет ли от перемены слагаемых хуже, лучше? Суслов помог театру со спектаклем «Дом на набережной». С его смертью круг тех, на чью защиту могла уповать Таганка, сужался катастрофически.

Суслов умер 25 января. Любимов, однако, продолжил репетиции. На что можно рассчитывать с трагедией, главная идея которой «всякая власть – зло», в которой о правителях государства говорится как о сборище недалеких людей, ввергающих государство в большие беды? Но Любимову было, видимо, уже все равно.

Золотухину досталась роль Самозванца, одна из ключевых. Есть фильм 1988 года о первом приезде Любимова и возобновлении репетиций «Годунова», там видно, как был одет Золотухин, слышно его голос. «Самозванец в исполнении Золотухина – авантюрист, обладающий легкостью, куражом, “сатанинской наглостью” и жестокостью. Он не оставит ни одного шанса ни Годунову, ни его семье, ни народу», – говорится в одной из театроведческих работ.

Вместо исторических костюмов стражники царя были одеты в кожанки, напоминающие чекистские, Самозванец-Золотухин был в тельняшке, как революционный матрос.

Это был обычный для Таганки прием – у Любимова и в «Герое нашего времени» мало кто был в костюмах, приближенных к эпохе. Однако в «Борисе Годунове» диффузия истории и современности оказалась сильнее обычного. В финале фраза «Народ безмолвствует» была обращена в зал, обращена к залу. Возможно, это была одна из тех костей, которую предполагалось кинуть цензуре. Режиссеры в кино и театре в то время преднамеренно делали какие-то детали, которые цензура пропустить не могла никак, рассчитывая, что она этим удовлетворится, и все остальное удастся спасти. Но скорее Любимов просто пошел ва-банк. Он этого в общем-то и не скрывал – одному из чиновников сказал о спектакле: «Текст Пушкина, подтекст – наш».

2.

В 1982 году один за другим на экраны выходят пять фильмов с участием Валерия Золотухина: «Яблоко на ладони», «Мать Мария», «Остров сокровищ», «Детский мир», а 31 декабря – «Чародеи», который стал еще одним любимым новогодним фильмом для советских людей. Все это роли второго, а иногда даже третьего плана. Надежды Золотухина на то, что если уж не неслучившийся Яков Богомолов, то Моцарт выведет его к ролям другого порядка, не сбылись. Золотухин – актер без очевидного амплуа. Однако это проблема лишь до

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

тех пор, пока ты сам считаешь это проблемой. Сразу же после перемены угла зрения это становится преимуществом.

В «Острове сокровищ» он играет Бена Ганна, человека немного блаженного от полученного им страшного урока судьбы. Бен Ганн знал, что на острове спрятаны сокровища Флинта, и, проплывая на корабле мимо острова, предложил товарищам поискать их. Через шесть дней бесплодных поисков товарищи уплыли, оставив его в наказание на острове с лопатой, кое-какой провизией и напутствием искать дальше. Он нашел богатство – и что с того? И вот на острове появились люди – а Бен Ганн уже и не понимает, хорошо это?

Моряк, ставший для Даниэля Дефо прототипом Робинзона Крузо, за годы одиночества и от нужды так приноровился, что не убивал коз из лука, а просто ловил на бегу, словно гепард. Бен Ганн у Золотухина выглядит так, будто прожил такую же жизнь: он легкий, очень подвижный, шутя взбирается по отвесным склонам гор. Потом он, конечно, возвращается, оцивилизовывается, блаженное выражение лица исчезает – а жаль, в козьих шкурах Бен Ганн был интереснее, чем в камзоле и треуголке. Но, может, так и было придумано Золотухиным? Когда Бен Ганн был Робинзоном поневоле, он был ближе к животным, чем к людям; эта жизнь разбудила в нем все способности и инстинкты. Цивилизация вернулась, и все разбуженное заснуло за ненадобностью. Он и говорить стал иначе.

Фильм «Яблоко на ладони» вышел на экраны в апреле 1982 года. Поставил его Николай Рашеев, режиссер-постановщик «Бумбараша». Археолог Левашов ищет статую Афродиты с яблоком, а находит любовь, девушку Веру – это, если вкратце, сюжет. Золотухин играет отца Веры. Нескладный, в пальто на размер больше, дерматиновой или кожаной шляпе, которая кажется мятой, он горестно наблюдает за происходящим. Однажды собирается с духом и при встрече советует Левашову уехать, но как-то так, без особой надежды на то, что тот послушает. Тот и не слушает. Отец играет на их свадьбе на гармошке и с какого-то момента так уходит в музыку, что, похоже, утешается ею.

Кинокартина «Мать Мария» рассказывает о судьбе Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой. Она эмигрировала во Францию от советской власти. Во время немецкой оккупации Франции Кузьмина-Караваева, уже ставшая до этого монахиней, участвовала в Сопротивлении, попала в концлагерь и там пошла в газовую камеру вместо другой женщины, которая надеялась выжить и найти своих детей. В молодые годы Елизавета Кузьмина-Караваева дру-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

жила с Блоком – благодаря этому память о ней вернулась в СССР.

Золотухин играет одного из двоих пленных, которые пришли к матери Марии после побега из концлагеря, находившегося на территории Франции. Караваева принимает их у себя, и пленный, которого играет Валерий Сергеевич, спрашивает ее: «Вы в монахини-то как попали? По принуждению?» Это очень важный момент – он ведь советский человек, по виду лет тридцати, то есть его сознательная жизнь основывалась уже на государственном атеизме. А про веру ему говорили только то, что это опиум для народа или как-нибудь еще. Золотухин свой вопрос произносит с удивительной интонацией: в ней тот страх, с которым советский человек в советские годы заходил в церковь, и в то же время тяга к запретному, и некоторое сочувствие, как к убогому, потому что никем другим верующий для атеиста тогда быть не мог.

– Не по принуждению, а по убеждению, – отвечает мать Мария. – С родиной рассталась, горя было много, и тогда монашество показалось мне наилучшей формой служения людям. А теперь, при немцах, только это меня и спасает.

В общем-то, волею сценариста, мать Мария признала, что монашество для нее – костюм. Возможно, в таком виде фильм мог пройти.

– Трудновато нам все это понять... – говорит на это один пленный.

– А надо... – отвечает тот, которого играет Золотухин.

Когда он узнает, что муж ее служил у Врангеля, глаза у него делаются такие, будто вот сейчас своими руками он эту контру задушит.

Идеологического спора нет – тогда в фильме его и быть не могло. Максимум, что позволили себе авторы фильма – это фразу матери Марии: «От Родины отрезаны. Все мы наказаны». Мало? Но этой фразой беляки и эмигранты получали право на сочувствие. Для 1982 года это был переворот в сознании.

Потом эти ребята уходят с сыном матери Марии. Она вдруг говорит им: «Встретимся в Москве». И один начинает ей говорить: «Встретимся обязательно», а Золотухин опускает голову – он знает, что никто ни с кем не встретится, даже если все останутся живы. Золотухин в маленьком эпизоде сыграл большую историю, и внимательный зритель наверняка чувствовал полутона этой игры.

В «Чародеях» сотрудники института НУИНУ (научный универсальный институт необыкновенных услуг) работают

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

над созданием волшебной палочки. Кинорежиссеру Константину Бромбергу предложили снять развлекательное, но вместе с тем и воспитательное кино, которое кого-нибудь высмеивало бы. Бромберг решил высмеивать бюрократов.

В «Чародеях» Валерий Золотухин играет Киврина – заместителя по науке директора НУИНУ Шемаханской (актриса Екатерина Васильева). Как вспоминал Константин Бромберг, нужен был «эдакий вальяжный чародей, супермаг, всесильный и одновременно беззащитный». На роль пробовались Олег Басилашвили, Николай Гринько, Александр Попов. Но Золотухин выиграл, взяв режиссера взглядом: «Он словно обратил глаза зрачками внутрь и это состояние смог протянуть через всю роль!» – восхищается Бромберг.

Золотухин в этой роли опять не похож на себя, но похож на кого-то. У него большие очки, большой узел большого галстука. Иван Степанович Киврин влюблен в свою начальницу Шемаханскую и подает ей заявления, в которых просит выйти за него замуж. Шемаханская накладывает резолюции: «Согласна, как только будет время». Шемаханская – ведьма, а фильм – сказка, но Золотухин в этом довольно несерьезном фильме всерьез играет любовь. «Трудно любить ведьму?» – спрашивает его Шемаханская. «Трудно, когда тебя не любят», – горько отвечает Киврин, и эти слова, его интонация, взгляд будут к месту в любом другом фильме – хоть про сталеваров, хоть про французских революционеров.

Надо помнить, что в молодости, при начале актерской карьеры, Золотухин дает себе зарок – играть только главные роли! И вот сейчас у него есть имя, положение, слава – а роли одна меньше другой. Почему он соглашался на них? Ответов на этот вопрос несколько. Основной в том, что он со временем пришел к мысли о «необходимости смирять тщеславие». Поэтому и брался за то, чем многие актеры его класса пренебрегли бы. Режиссеры же звали его, зная безотказность.

Валерий Сергеевич никогда не упоминал в интервью эти свои фильмы – по крайней мере, в тех, которые мне во множестве довелось прочитать, он ничего о них не рассказывает. Когда в 2011 году компания НТВ решила снять фильм к 30-летию «Чародеев», Золотухин на просьбу рассказать о съемках этого фильма рассказал эпизод с Екатериной Васильевой – но из фильма «Бумбараш», а про «Чародеев» сказал, что не помнит ничего примечательного. В опубликованных дневниках не записано также ничего. Единственный фильм, след от которого остался в записях Золотухина за это время, – это «Детский мир». «В кино мало что интересного. Снимаюсь на “Мосфильме” в “Детском мире” с Баниони-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

сом», – написал Золотухин в письме Фомину 16 марта 1982 года [10].

В «Детском мире» у него в общем-то полтора эпизода. Он отметил его, видимо, из-за Донатаса Баниониса, который после роли советского разведчика Ладейникова в фильме «Мертвый сезон» (1968) – признанная звезда. «Вот с кем работаю – значит, и я не лыком шит...» – читается за строками письма. Герой Баниониса ювелир Михаил Петрович Распоркин ищет игрушку «Дорожные знаки», которую обещал сыну своей любимой женщины на Новый год. Игрушки нет. Но она нужна – мальчик верит, что в Новый год ее ему принесут гномы. И Распоркин ее ищет, для него это больше чем игрушка. Это фильм о том, что мечты должны сбываться, и о том, что в основе всякого волшебства – человек, который решил сделать доброе дело, – вот хотя бы найти на складе нужную игрушку. «Если желания не будут исполняться, люди разучатся мечтать», – говорит Банионис.

С такой завязкой нынче фильм кассы не сделает, однако тогда режиссеры это снимали, актеры играли, зрители смотрели, и все что-то в этом находили.

Персонаж Золотухина – человек из новогодней очереди в «Детском мире». Они знакомятся с главным героем и ведут разговор о детях, о жизни. У персонажа Золотухина дочь тоже верит в гномов, у него тоже проблемы в семье, но он относится ко всему легче. «Чего ты так суетишься, ребенок ведь не твой?» – легко говорит он ювелиру. И тот немного растерянно отвечает: «Правильно, не мой, но я все время об этом забываю»...

Эти два человека – как примеры двух отношений к жизни: один рефлексирует, другой нет, но кому из них легче жить – неизвестно. Оба по-своему несчастливы, и оба по-своему счастливы.

Герой Золотухина, при всех его семейных проблемах, безмятежен – Распоркин завидует его душевному равновесию. Смотреть на Золотухина в этой роли тем интереснее, если помнить контекст: репетиции спектакля «Владимир Высоцкий», угрозы снять Любимова, за уходом которого, как все думали, должно было последовать неминуемое разрушение театра. Есть роли, при которых такой груз даже кстати. У актеров есть понятие – «наполненность». Неспроста они, репетируя какого-либо персонажа, читают книги об эпохе, в которую он жил, придумывают себе подробную судьбу, если ее вдруг нет. Зритель должен чувствовать историю человека, даже если он еще ничего не сказал. Но тут надо было сделать так, чтобы зритель не чувствовал ничего – ни в интонаци-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ях, ни в глазах. Но если «зарядиться» непросто, то, скорее всего, «разрядиться» сложней – надо ведь оставить где-то за кадром все, чем ты живешь месяцы и годы, что наполняет тебя до краев.

Тогда же, в 1982-м, он снимается в фильме «Средь бела дня». В основу ленты положена реальная история, о которой в «Литературной газете» Аркадий Ваксберг написал очерк «Завтрак на траве». Ваксберг был и одним из авторов сценария.

В выходной у реки отдыхают несколько семей, работники завода с женами и детьми, в том числе Владимир Мухин. В это же время в кустах набирается спиртным компания молодых людей. Среди них лидер – Столяров, мачо 80-х. Дойдя до определенного состояния, они выходят на пляж, начинают приставать к отдыхающим. Между ними и компанией, в которую входит Мухин, завязывается драка. Взрослые мужики одолевают юную шпану, те убираются. Мухин с друзьями решают остаться и отдыхать дальше. Но Столяров говорит, что так оставлять нельзя. Шпана возвращается. В начавшемся побоище Мухин в конце концов хватает в руку полено и убивает Столярова.

Тема самообороны, ее допустимых пределов, и сейчас больная, а в 80-е годы тем более. Предполагалось, что все вокруг – люди и, как минимум, уважают друг друга, а для тех, кто не уважает, есть милиция. Показательно, что в советские времена не было слова «отморозки» – хулиганы тех лет, в общем-то, и правда признавали кое-какие правила. Однако вышло так, что слова не было, а отморозки уже были, и в фильме показаны не люди, а существа.

У Золотухина в фильме есть монолог. Уже в суде Мухин говорит судье: «Я хотел спросить... Я понимаю, это ужасно, конечно, был человек – и нет человека. И сделал это ты. Вот этими вот руками взял и сделал... Ужасно. Я понимаю. Но вот что я хотел спросить: а что должен делать человек, если ему плюют в душу?!»

И он спрашивает это так, что, когда дед из зала кричит: «Убивать! Убивать!», кажется, что другого ответа быть и не может.

Фильм снят очень сильно, и проблема была очень серьезной – после «Завтрака на траве» Ваксберг написал «Обед на песке», о другой такой же ситуации – инженер Георгий Трубкин также убил одного из напавших на его семью хулиганов.

Я как-то спросил Валерия Сергеевича о «Средь бела дня» – пророческое получилось кино?

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– Это тогда было нашумевшее дело. Прокурор на процессе отказался от обвинения – это реальный случай, наверное, единственный в истории. И если в фильме моего героя в конце концов оправдали, то в жизни этого человека осудили, дали восемь лет. На последнем слове он сказал: «Я извлек урок. Убивать будут – пройду мимо»... – ответил Золотухин.

Мне хотелось что-то выжать из него – рецепт, истину – и я спросил, почему люди проходят сейчас мимо таких вещей, мимо которых проходить нельзя?

– Это вопрос не ко мне. Человек сейчас (интервью 2011 года. – С.Т.) беззащитней, чем когда бы то ни было. Вот недавно порезали пять человек неподалеку от нас, на АЗС, и концов не нашли... – ответил Золотухин.

Я тогда заметил, что он не любил размышлений на тему «Что с нами происходит». Почему? Возможно, считал их бесплодными. Возможно, считал, что каждый должен заниматься своим делом. И если он будет играть, а милиционер ловить шпану, то шпана и не появится на пляже, и не придется ее убивать. Золотухин определенно не любил морализаторских разговоров. В 2005 году в эфире радиостанции «Эхо Москвы» его спросили о фильме «Средь бела дня», и ведущей Ксении Лариной ни слова не удалось выжать из него, кроме «Да, история реальная, был такой случай» – при том, что двумя минутами ранее он с удовольствием, с подробностями рассказывал, как была записана песня «Не одна ты во поле дороженька».

Возможно, он не любил разговоров об этой роли потому, что для нее пришлось впустить в себя зверя. Или – просто разбудить?

3.

В театре к ноябрю 1982 года был готов «Борис Годунов», назначена сдача министерству. Но 10 ноября умер Брежнев. Сдача все же состоялось, но это было что-то вроде боя «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой – мероприятие легендарное, но заведомо более обреченное, чем даже любая из попыток сдать «Живого».

Журналист Александр Минкин пишет: «Я помню, что я нахожусь в Ереване, всесоюзный фестиваль шекспировских спектаклей, и вдруг, бабах, умирает Брежнев. И даже на два дня останавливают спектакли, потому что надо траур носить и нельзя играть на сцене. А я понимаю, что вот послезавтра на Таганке сдача министерству. Я знаю наизусть, что там два боярина в самом начале между собой говорят,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Шуйский и Воротынский. Один говорит: “Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам внутри палач, возьмет венец и барму Мономаха”. А мы знаем, что венец и барму Мономаха сейчас возьмет Андропов. Брежнев умер, и следующий, кто произносил надгробную речь, – Андропов. И вот сейчас Андропов, шеф КГБ, заливший, извините, кровью Будапешт, и на сцене Таганки это говорят. И конечно, это будет запрещено. Я бросил фестиваль шекспировский, прилетел в Москву, примчался на Таганку на прогон. Я был на обсуждении, и люди, которые не смели сказать то, что они думают, потому что как они могут сказать: это что, вы намекаете на Андропова? У них все отвалится от страха. Поэтому они говорили: а что это значит, что у вас Гришка Отрепьев в бушлате матросском, в тельняшке? А почему это у сына Бориса Годунова не русское лицо? Они искали, к чему придраться. А почему это у вас народ безмолвствует? И зачем эта реплика обращена в партер? Это что, советский народ так безмолвствует? Это было безумное обсуждение, этот спектакль закрыли, запретили».

С тельняшкой Отрепьева-Золотухина вышла история такая: кто-то из начальников решил, что это может быть намек на Андропова, который в юности работал на речном флоте и потом учился в техникуме водного транспорта. То ли Самозванец – Андропов, то ли Андропов – Самозванец, в любом случае получалось совсем нехорошо. (Меньше, чем о тельняшке, известно о том, что Золотухин играл Самозванца в сапогах, в которых Высоцкий играл Керенского. «Меня спасают, помогают мне, сил придают Володины сапоги», – записал Золотухин в дневнике 9 июля 1982 года).

Дело, конечно, было не в кожанках и не в тельняшках. Таганка в 1964 году запрыгнула в последний вагон поезда свободы и удивительным образом ехала в нем через крепчавший застой, не замечая съездов КПСС, постановлений партии и правительства и помогая другим не замечать этого. Это был, конечно, непорядок, но в Таганке было всего 800 мест – это советская власть еще могла перетерпеть. Однако в начале 80-х, после «Живого» и его истории, после смерти Высоцкого, ирреальной даже для того времени истории спектакля о нем, после «Бориса Годунова», Таганка сделалась уже легендой не театральной, а гражданской, общественной. Театр стал больше чем театр.

Любимов позже говорил об этом так: «Две эти последние работы (“Владимир Высоцкий” и “Борис Годунов.” – С.Т.) как-то по-другому сплотили театр, слили. <...> Все

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

это перевело театр на другой уровень, на другую глубину, на другое понимание себя и своей миссии. И, видимо, это учуяли начальники, и повели уже борьбу насмерть, на уничтожение».

Об обрезании эпизодов речи не шло – «Борис Годунов» был закрыт весь, целиком и сразу. Даже прогонов, как с «Живым», на которые можно было бы попасть хоть за ордер на квартиру, не устраивалось.

Золотухин именно в эти дни задумывается о какой-то большой литературной работе. Возможно, это был способ внутренней эмиграции – уйти в себя, за стол, в лист бумаги, если уже нельзя ничего или почти ничего. В письме Фомину от 18 ноября он пишет о намерении создать повествование «отвлеченное», то есть «не касающееся непосредственно меня, моей жизни, моих дел и т. д.». Проще говоря, Золотухин решил историю не записать, а сочинить. У Фомина он хочет набрать материала. Так как тема его вопросов – революция, гражданская война, жизнь деревни в это время, то можно понять, что замысел так и не был осуществлен.

Отметим, письмо это написано в Одессе – на съемках «Острова сокровищ». Играть Бена Ганна и обдумывать роман о сибирской деревне – такие полюсы у Валерия Золотухина были всю его жизнь.

В 1982 году он снимается в фильме «Демидовы», который поставил Ярополк Лапшин, уже известный своими фильмами-эпопеями «Угрюм-река» и «Приваловские миллионы». Золотухин играет рудознатца и лозохода Пантелея, который приносит Никите Демидову уральскую руду и потом едет с Акинфием на Урал и там старинным способом, с лозой в руках, отыскивает руду. Когда проходит слух о том, что Пантелей нашел серебряную жилу, воевода похищает его и велит пытать, пока Пантелей не выдаст место. Так и не выпытав ничего, в конце концов его за ненадобностью оставляют на заводской плотине. Акинфий в надежде вылечить, решает везти его в острог, где есть лекари, вместе с караваном, который рекой везет пушки для царя Петра. На реке одна из барок с пушками терпит крушение, но Акинфий, не обращая внимания на то, что погибли люди, велит доставать пушки.

– Что ж ты творишь? Людей замучил на рудниках, на заводе, – говорит ему еле живой Пантелей. – Все тебе мало.

– А ты думал, железо святым духом делается? А что люди гибнут – ни в одном большом деле без этого не обходится, – отвечает ему Акинфий.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– Душегуб... Душегуб... – говорит ему Пантелей. – Я воеводе не сказал, где серебро, но и тебе не скажу...

После этого Пантелей умирает.

Этот образ напоминает зрителю о том, что у всего есть цена. Пантелей погиб, не пожелав сказать воеводе, где серебряная жила. Но это его жизнь, он сам ею так распорядился. Акинфий же распоряжается чужими жизнями. Именно этого не прощает ему Пантелей. Чтобы зритель поверил в этот образ, Ярополку Лапшину нужен был именно Золотухин. Он с жидкой бороденкой, волосы перехвачены веревочкой, но взгляд такой, что, зная историю Золотухина, вдруг думаешь – это все тот же отрок Варфоломей, только повзрослевший. Глаза у Пантелея такие, будто он видит перед собой не царя и не Демидовых, а – Ангела, для него и живет. Но другие-то живут не так, не тем, не для того. Какое-то время Пантелей рад был обманываться, закрывал глаза на жадность Акинфия к золоту, но гибель товарищей и близость своей смерти уже не позволяют ни врать, ни покупаться на вранье.

Пантелей напоминает и Акинфию, и зрителям, что главное – человек, им жертвовать ни для чего нельзя.

4.

25 января 1983 года Таганка снова сыграла «Владимира Высоцкого». Между частями спектакля выступали Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Юрий Карякин и Борис Можаев. Приехала Марина Влади. Мама Владимира Нина Максимовна сказала после спектакля: «Наши довольны очень. Как у вас всех сердца не разорвались?»

Любимову за это объявили выговор. Те, кто помнит советские времена, понимают, что выговор после строгого выговора с предупреждением – это, в общем-то, смешно. Власть признавала, что на Любимова у нее управы нет.

Высоцкий все это время с Золотухиным. Он смотрит его фотографии, носит подаренную им куртку, репетирует Самозванца в его сапогах. «Мне надо попытаться настичь его, но не удастся, по-видимому, потому что “Он ходил по лезвию ножа, А я в кустах сидел, дрожа”, – надпись на могиле В. Высоцкого; автор неизвестен», – записывает он в дневнике.

В ночь на 13 августа 1982 года ему приснилось, что в театре играют «Гамлета» и на сцене Высоцкий! Золотухин спросил его во сне: «А как же смерть?» «Это был алкогольный синдром», – ответил Высоцкий, худой и веселый, но со струйкой запекшейся крови у правого угла рта.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Золотухин во сне лихорадочно пытается вспомнить, что же он наговорил за все то время, пока они не виделись. «Боже мой! Какой стыд и ужас. Что делать, куда провалиться?!» – думает он во сне, стоя перед своим улыбающимся другом.

Этот сон, с некоторыми вариациями, будет приходить к Золотухину еще не раз.

В этой сцене так много чего-то знакомого, что я начал вспоминать – и вспомнил:

– Но ведь казни не было? – спрашивает Понтий Пилат.

– Ну, конечно, не было, тебе померещилось, – отвечает ему Иешуа. Этот диалог происходит в больном воображении Ивана Бездомного, которого в спектакле «Мастер и Маргарита» на Таганке должен был играть Золотухин.

Чувство вины и жажда прощения одолевают Золотухина: недолюбили, недоговорили, недоуважили. Высоцкий нужен ему живым – договорить, допеть. Но это невозможно.

Золотухин задумывается над книгой о Высоцком. О нем уже пишут многие. Алла Демидова еще в августе 1980 года написала статью «Таким запомнился», которая вышла в «Советской России» [26]. «Теперь началась конкуренция у гроба. Кто напишет скорее, кто вперед оправдается...» – записал тогда Золотухин.

Он с удивлением смотрит на Любимова, который вдруг стал «ссылаться через слово на Володю, что будто бы они обо всем этом давно и много говорили, и Володя, мудрец, все предвидел и часто говорил: “Юрий Петрович, ты увидишь...”, “Юрий Петрович, вот ты посмотришь...”». «Кажется, они не были в таких отношениях...» – записывает Золотухин – он-то помнит, как все было, как Любимов пытался через колено сломать Высоцкого и сталкивал лбами Валерия и Владимира из-за Гамлета.

Однако он в публичные дискуссии по поводу чужих воспоминаний не вступает.

Ему кажется, что книга о Высоцком должна быть коллективная: «Книга о Владимире Высоцком напишется купно. Какая-то главная часть ее уже написана. Опубликовано о нем много. И напечатано много, а главное – опубликовано, то есть стало достоянием публики в рукописных ли листках, в магнитофонном ли звучании или в чьих-то устных рассказах, кем-то запомненных и хранимых чьей-то памятью... И чем противоречивее к нему отношение, чем субъективнее оценки одного и того же дня, случая, роли, тем общая картина его подвига станет яснее», – записывает Золотухин в дневнике 2 февраля 1982 года.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

При этом он не хочет, чтобы это было похоже на конкуренцию у гроба, ему кажется, что книга должна быть объективна: если что-то было гениально – так и сказать, но если что-то не было гениально – то тоже так и сказать.

Для этой будущей книги Золотухин записывает в дневнике, что роль Лопахина не кажется ему удачной среди ролей Высоцкого: «Если брать подмостки “Таганки”, то в ряду его ролей для меня она станет на последнее место. Я смотрел на него с восхищением всегда, что бы он ни творил, но мой актерский эгоизм и подсознательная трезвость фиксировали фальшь и неискренность исполнения. А уж знаменитый монолог “Кто купил?.. Я купил...” и вовсе шел в каком-то неорганизованном крике и в нелепых, зажатых, отнюдь не напоминающих ни одного знакомого пьяного движения. Странно: пьяного он играть не умел. Его тело безбожно фальшивило, особенно выдавали его ноги... И уж кто был неровен в исполнении, так это Владимир в Лопахине, могу дать голову на заклание, ему не хватало Любимова, его узды и остроты предельной, а не беспомощного метания от портала к порталу...»

Приободрило Золотухина то, что такого же мнения об этой работе Высоцкого оказался Швейцер. «И я понял, что надо говорить. Иначе елеем зальем истину. Чем в книге будет больше разных мнений, тем она будет правдивее», – пишет Золотухин.

Для него важно было, чтобы Высоцкий и после жизни оставался таким, каким был при жизни: разным, иногда полярно разным, таким, что порой и представить невозможно, откуда брались в нем его песни. Тогда появляется глубина, а что еще важнее – тогда становится понятнее, чего стоили Высоцкому его высшие достижения – лучшие роли, лучшие песни, лучшие стихи, каким было его преодоление.

Весной 1983 года Золотухин снимается у Михаила Швейцера в пятисерийном фильме «Мертвые души». Это киношедевр того времени. Чичикова играл Александр Калягин, Манилова – Юрий Богатырев, Плюшкина – Иннокентий Смоктуновский. Золотухин играет почтмейстера Ивана Андреевича. Впервые Золотухин-почтмейстер предстает перед публикой в сцене, когда Калягин рассказывает чиновным обитателям города N о себе («много пострадал, в основном за правду» и т. п.). У почтмейстера вид отсутствующий, он задумчиво гладит себя по нижней губе – Чичиков должен бы спросить себя, слышал ли его Иван Андреевич?

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Но по всему видно, слышал: в сцене, когда Чичиков в городском собрании играет в карты и расспрашивает о помещиках, Иван Андреевич стоит у него за спиной и буквально ловит взгляд, жест. Когда Чичиков осведомляется, каково имение Манилова, Иван Андреевич поспешно начинает говорить – ему важно оказаться первым, услужить.

Роль почтмейстера невелика сама по себе, а в фильме Швейцера она одна из тех, которые создают атмосферу. Золотухин играет азартно, заводно, его появление дает настроение.

Иван Андреевич – из той породы обывателей, которые живут в мире придуманных ими же или услышанных сказок, и никакая правда жизни вывести их из этого мира не может. Восприятие у них детское, критическое мышление на нуле, да к тому же Иваны Андреевичи верят в замысловатые объяснения, тайные правительства, мировые заговоры. Весь он предстает в эпизоде, когда после разоблачения Чичикова рассказывает, что Чичиков на самом деле капитан Копейкин. Он верит в это сам, начинают верить и остальные, пока вдруг не спохватываются – да ведь у Копейкина нет руки и ноги, а у Чичикова все на месте! Но Ивана Андреевича этим не проймешь – он тут же рассказывает, что в Англии есть искусственные ноги, которые лучше настоящих. Он явно так и останется при своем убеждении. Думаешь, что Гоголь не без умысла дал этому персонажу имя и отчество известного баснописца Крылова.

В июле 1983 года Любимова неожиданно выпустили из страны в Англию – ставить спектакль «Преступление и наказание» в лондонском театре «Хаммерсмит».

У Золотухина в это время в журнале «Юность» готовится к публикации его рассказ «Земляки». 12 августа номер подписан в печать. «Земляки – это почти родня, если другой родни нет», – с этих слов начинается рассказ. В общем-то, это не рассказ – это эссе, размышление о связи человека и его родины. У Золотухина эта связь была, возможно, крепче, чем у многих. Это издавна было проблемой для директора Таганки: в «Земляках» описано, как однажды в январе Золотухина в театре позвали к телефону – оказалось, земляки! Шестнадцать человек! Школьники из села Повалиха вместе с учительницей. Хотят попасть в переполненную Таганку. Чудом их рассадили по разным закуткам, а после спектакля Золотухин, усадив детей в опустевшем зале, рассказывал им о театре. «Я пел им, выкатив рояль на середину, Северянина и Вертинского, из “Бумбараша” и Моцарта. Вспоминал, как жевал сургуч в “Пакете”, как

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

летал Бумбарашем на воздушном шаре в одних подштанниках... и шел снег...»

Зачем он это делал? Затем, что понимал: кто много отдает, тот много получает. Отпев и отговорив весь вечер перед детьми, которые на это и рассчитывать не могли, Золотухин пишет: «Как они обогрели меня и помогли духом собраться – мне тогда шибко не по себе было. Вовремя они оказались рядом».

5.

В ночь на 1 сентября 1983 года советский истребитель сбил южнокорейский «Боинг», по невыясненным причинам залетевший в советское воздушное пространство. 5 сентября лондонская газета «Таймс» опубликовала интервью Любимова, в котором он сказал: «Мне сейчас 65 лет, и у меня просто нет больше времени дожидаться, когда, наконец, правительственные функционеры начнут понимать культуру, которая достойна моей Родины. Я могу понять, что все, что я здесь сказал, не слишком понравится чиновникам, но я старый человек и думаю, что они должны вести со мной диалог. Меня приговаривали ко всем возможным наказаниям, никогда не вели со мной серьезного разговора, но всегда читали мне нотации. Может быть, они подобны Сократу, и я просто ещё не сумел проникнуть в глубину их мудрости. Я буду бороться за то, чтобы понять эту мудрость...» В сущности, он говорил о простом уважении – к нему как к Человеку и как к Мастеру. Однако советская власть основывалась на идее, что все равны, и не только материально, но и духовно, что незаменимых нет, а значит, нет и Мастеров, так что и уважать некого и не за что.

Чтобы объяснить эту мысль Любимову так, чтобы он понял, ему через посольство предложили вернуться в СССР, но он ответил, что у него контракт и обязательства. После этого наступила тишина. Можно было надеяться, что Любимову и это сойдет с рук. Любимов пишет письма, где ставит властям условия (!): он вернется, если разрешат спектакли «Владимир Высоцкий» и «Борис Годунов». Власти безмолвствуют... Однако имя Любимова остается на афишах театра, а его отсутствие оформлено как отпуск по болезни до 1 января 1984 года.

Театр еще пытался пробовать веревки на прочность. В январе 1984 года, когда Таганка собирается снова сыграть спектакль памяти Высоцкого, чиновники заявляют, что в любимовской концепции спектакль идти не может – «у вас получается не вечер памяти Высоцкого, а вечер памяти Любимова». 19 января Золотухин, Демидова и Губенко отвозят в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

управление по культуре письмо с просьбой разрешить играть «Владимира Высоцкого». 21 января театр дает телеграмму Андропову с уведомлением Золотухину. Ответа не было – да и вряд ли он мог быть – как уже довольно скоро выяснилось, Андропов был уже не в том состоянии, чтобы телеграммы с Таганки могли его интересовать.

30 января тринадцать человек, в том числе и Золотухин, попали на прием к Петру Демичеву, разговаривали два часа, просили разрешить репетиции «Бориса Годунова» и «Владимира Высоцкого». Однако тут Любимов дал еще одно интервью, в котором расширил и углубил тему давления власти на Таганку. По воспоминаниям, актеры слушали это интервью по «голосам» и понимали, что это уже точно конец.

9 февраля 1984 года умер Андропов. К власти пришел Константин Черненко.

6 марта труппе прочитали приказ о снятии Любимова с поста художественного руководителя театра «за долгий невыход на работу». В тот же день партсобрание исключило его из членов КПСС.

11 июля 1984 года Черненко лишает Любимова советского гражданства «за систематическое занятие деятельностью, враждебной Союзу ССР». Возможно, это был маневр – театр в это время в отпуске, актеры кто где, самые известные снимаются, так что возможность каких-то коллективных действий минимальна.

Золотухин в это время находится - на съемках фильма Геннадия Полоки «Три процента риска», которые проходили на озере Балхаш в Казахстане и на Западной Украине, в городке Коломыя. Он играет летчика-испытателя Иннокентия Капчинского. Это одна из его забытых или как минимум полузабытых массовым сознанием ролей.

По сюжету летчик Фетисов (Кирилл Лавров) собирается в отпуск, но тут сначала летчик Корбут (Иван Бортник) получает травмы, а потом разбивается Капчинский. Фетисов везет его на вертолете прямо в город, несмотря на все запреты, но все равно не спасает – Капчинский умер. Фетисов должен за него испытывать самолет.

Капчинский у Золотухина – повзрослевший мальчишка, который все так же мечтает о небе. В нескольких жестах и взгляде читается вся биография: наверное, мечтал о небе с детства и влюблен в свою профессию до сих пор. Для Капчинского это не работа – это романтика, чудо, сказка, и он в этой сказке – главное действующее лицо, что изумляет его. Садясь в самолет, Капчинский говорит: «Поехали!» – возможно, этим Золотухин дает понять, что его герой и

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

о других высотах мечтает. Когда его находят после падения, у него кровь из правого уголка рта – как у Высоцкого в его снах. Гримеры ли это, или сам он попросил так это нарисовать?

В фильме есть кадры похорон – с траурным маршем, с салютом, с фотографией – на ней задорный Капчинский-Золотухин на фоне своего самолета. Это один из немногих фильмов, где герой Золотухина умирает, – из ста лент таких было три-четыре.

6.

После снятия Любимова главным режиссером Таганки назначен Анатолий Эфрос. Он в свое время возродил театр имени Ленинского комсомола – публика ломала двери, чтобы прорваться на его спектакли. До Таганки он руководил Театром на Малой Бронной, который при нем пережил «золотой век» – тогда говорили «театр Эфроса», «актер Эфроса». Интересно, что в 1973 году в его телеспектакле «Всего несколько слов в честь господина де Мольера» по «Кабале святош» Михаила Булгакова сыграл Юрий Любимов, говоривший, что ему это понадобилось, чтобы вспомнить актерское ремесло и понять, прав ли он в своем методе работы с актерами. Эфрос поставил на Таганке в 1975 году «Вишневый сад» с Высоцким, который играл Лопахина, и Демидовой, которая играла Раневскую. То есть Эфрос не был человеком из другого мира – он был по всем статьям свой. Однако Таганка его не приняла. «Когда Эфроса представляли нам как нового режиссера Таганки, очень многие актеры ему в открытую говорили: мы не ваш театр, и вы – не наш режиссер, мы не сможем с вами работать», – вспоминала Татьяна Журавлева.

Часть труппы объявляет Эфросу настоящую войну, считая, что так они защищают Любимова. Эфрос, видимо, думает, что работа все поправит, и начинает репетировать «На дне». Золотухину досталась роль Васьки Пепла. Это родившийся в тюрьме вор 28 лет, которого хозяйка ночлежки подбивает убить ее мужа. Персонаж отпетый, такой Золотухину еще не доставался.

В ноябре 1984 года у Золотухина выходит новая книжка – «Печаль и смех моих крылечек». Он выпустил под одной обложкой повести «На Исток-речушку», «Дребезги», дополнив их рассказами «Клоуны», «Мой Лемешев», «Земляки» и «Прими привет, Расми Халидович!». Он пытается радоваться, но не выходит. Когда дарит книжку кому-то из земляков, ему говорят: «От тебя ждут другой книги». Золотухин и сам понимает – от него ждут книги о Высоцком.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«И когда найдется хоть один серьезный литератор или психолог, вед душ человеческих, который объяснит всем, что как раз от Золотухина и нельзя ждать такой книги, и более того – требовать с него такой книги... как нельзя сетовать на Данзаса, что он не посвятил остаток жизни своей жизнеописанию Пушкина...» – пишет Золотухин в дневнике 22 ноября 1984 года.

Ему, видимо, обидна эта требовательность. Получается, он теперь интересен, важен народу только как носитель памяти о Высоцком, а это еще меньше, чем прежде. «Зачем мне писать книгу о Высоцком, которого я очень плохо знаю, когда я хочу написать книгу о себе, которого знаю еще хуже, быть может, однако ж это я?» – это он пишет в дневнике, а значит, доказывает самому себе.

25 декабря 1984 года – премьера «На дне». Это первый спектакль, поставленный Эфросом на Таганке. Почти вся труппа настроена против, зрители предвзяты. Эфрос наверняка понимал это и наверняка переживал – незадолго до премьеры у него произошел инфаркт, он попал в больницу.

Спектакль оценивали по-разному. Одни злорадствовали, что это провал, другие говорили, что Эфросу работа удалась.

Золотухин-Васька Пепел в штанах-шароварах, по пояс голый. Худоба Золотухина оказывается очень кстати для ночлежки. «Пепел и вор, и ищет выход с этого дна, и страстно любит Наталью. Его стремление обновить жизнь – изнутри его существа, без всякого Луки, но оно неисполнимо», – пишет Николай Троицкий, отмечая, что Васька Пепел наряду с Бароном, Сатиным и Настей – самые сильные работы в спектакле.

Среди публики уже к премьере ходила частушка:

Солнце всходит и заходит,
А на дне у нас темно.
Не играли б там таганцы,
Наплевали б мы на дно...

Интересно, что, когда Таганка в 1987 году, уже после смерти Эфроса, поехала на гастроли в Париж и показывала там «На дне», спектакль привел публику в восхищение. Французы видели «На дне» просто, без контекста Таганки. «Французы потрясены “Дном” – об Эфросе говорят, как о Моцарте, в превосходных степенях», – записал Золотухин в дневнике 12 февраля 1987 года.

25 января 1985 года Таганка провела вечер памяти Высоцкого. Сделали именно вечер памяти – со множеством

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

приглашенных друзей, как театра, так и Высоцкого. Эфрос был полностью за, сказал, что во что бы то ни стало надо отмечать, это день рождения поэта. Золотухин заметил это, оценил, записал в дневник – а мы ведь знаем, что он записывал далеко не все, только то, что хотел помнить.

Золотухин своим выступлением открывал вечер:

– Ему сегодня исполнилось бы 47 лет. Хочу напомнить мысль Беллы Ахмадулиной: дней для скорби у нас в избытке, а праздники редки. Так вот, сегодня на нашей улице как раз праздник. <...> День рождения поэта и актера, который вошел в наше сознание, в сознание и сердца миллионов как художественный и человечески-объединяющий пароль, от произнесения имени которого (и каждый из присутствующих тому многократный свидетель), от одного произнесения имени которого самые циничные и праздные лица становятся строже и осмысленнее, – день рождения такого поэта, безусловно, есть праздник...

10 марта 1985 года умер Константин Черненко, генеральный секретарь ЦК КПСС. Это была последняя смерть из череды «гонок на лафете», начало конца целой эпохи, но тогда никто еще об этом не знал – казалось, дальше будет только хуже.

Генеральным секретарем ЦК КПСС (высшая должность в СССР де-факто) стал Михаил Горбачев. Он был моложе других претендентов, предполагалось, что он прогрессивнее.

7.

Золотухин за всеми этими событиями не перестает писать. Ему хочется написать что-то, что не опиралось бы на его собственный опыт. Так получилась маленькая повесть о войне «Комдив четырнадцатый».

В основе повести – эпизод фронтовой биографии Александра Филипповича Близнюка. Он жил в Москве. Мария Петровна Опенышева (та самая, которая ездила на Таганку к семи утра и спрашивала у ночевавших в телефонных будках парней, кто последний за билетами) с мужем Николаем Владимировичем, которому Александр Филиппович приходился отчимом, рассказали мне, как это было.

– Женщина в Театр на Таганке прислала письмо: мол, много песен и произведений о разных родах войск, а про тех, кто воевал на «Катюшах», никто не пишет. И Золотухин решил написать повесть. Обратился в военкомат Москвы, и ему дали нашего деда телефон и адрес.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Он приехал, и познакомились. И выяснили, что еще и земляки! – рассказывают Опенышевы.

Николай Владимирович Опенышев из Быстрого Истока. В общем, всем было о чем поговорить, и Золотухин стал частым гостем в доме Опенышевых.

– Валерий Сергеевич приезжал с магнитофоном, они с дедом нашим разговаривали. Нашли общий язык. Разница в возрасте не чувствовалась. Мы не мешали. Они сидели вдвоем. Магнитофон работал, что-то дедушка наш отвечал. Они друг другу очень понравились... – рассказывают Опенышевы.

Александр Филиппович Близнюк был командиром дивизиона реактивных минометов, которые в войну назывались «Катюшами». При освобождении Белоруссии немцы внезапно напали на дивизион. Близнюк велел всем уходить, а сам остался прикрывать отход. Он попал в плен, немцы рвали плоскогубцами ему ногти на пальцах ног, потом, не добившись от него ничего, стали плоскогубцами рвать из него мясо по старым ранам, после того спустили на него собак, но он чудом спасся, отбил свои машины и на них вернулся к своим.

Когда они с Золотухиным познакомились, Близнюк уже с трудом ходил, ботинки ему надевала жена, но в остальном был полон сил.

– Александр Филиппович начинал про войну рассказывать и начинал плакать. Когда с друзьями фронтовыми собирались, за весь вечер, может, один раз вспомнят про войну, а вообще о войне старались много не говорить. И с Золотухиным также – начнет, заплачет, снова начнет... Рассказывал, что в плен взяли, как собаки его рвали, как его освободили... – рассказывают Опенышевы.

Я видел фотографии Александра Филипповича Близнюка – это и в старости здоровенный мужик. Под пытками не выдавилось у него ни слезы – а после войны отпустило, вдруг поняли мужики, что довелось им пережить, и плакали, не стесняясь своих слез. Однако плакать плакали, а говорили мало.

В 80-е годы воспоминания о войне легендировались, забронзовели, многие ветераны считали, что перенесенное лично ими неважно – никому их правда не нужна. Золотухин явно пытался добыть из Близнюка окопную правду. Удалось ли? «Комдив четырнадцатый» – сильное произведение, похоже, Золотухин все же разговорил старика.

Тогда же Валерий Сергеевич снимается в фильме «Человек с аккордеоном» (режиссер Николай Досталь). Это тоже

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

фильм о войне – о том, как она ломает судьбу человека, хоть и оставляет его в живых.

Дмитрий Громцев возвращается с войны домой в Москву. Как жить, он не знает. До войны собирался стать артистом – закончил ГИТИС, в Московском театре оперетты была назначена премьера – на 23 июня 1941 года... Но премьера не состоялась – он ушел на фронт. А теперь, после войны, он уже не может быть артистом оперетты – в груди сидят два осколка, полученные в бою за Вену, за город его любимых композиторов. Была любимая девушка, Леля Глан. Письма от нее перестали приходить в октябре 1941-го. Только вернувшись домой, он узнал, что она в ноябре уехала в эвакуацию – в Сталинград, казавшийся тогда, осенью 41-го, глубоким тылом. Жить ему не для чего, а жить надо – если остался жив в такой войне, жизнью не разбрасываются.

Для фильма нужен был актер, который одинаково достоверен будет и 25-летним, и 60-летним. Кроме того, он должен сам играть на аккордеоне, причем играть отлично, да еще и петь. Поиски почти сразу привели к Золотухину.

Думаю, Золотухину очень нравились начальные титры в этом фильме. На черном появлялись большие буквы «ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН», потом «В ФИЛЬМЕ» и дальше «ЧЕЛОВЕК С АККОРДЕОНОМ». Так, «по-голливудски», в советском кино делали очень редко.

Это и правда была большая роль. Золотухин сыграл расставание с мечтой. Он сыграл себя – если бы у него ничего не получилось. Как удержаться от ассоциаций, если Громцев, как и Золотухин, учился в ГИТИСе, больше того – на том же отделении оперетты. Можно предположить – ни в интервью, ни в дневниках у него ничего про это нет – что Валерий Сергеевич не без ужаса думал: а что, если бы все было именно так? Ведь судьба могла сделать такой поворот и без осколков в груди. Громцеву помешали выйти на сцену два осколка в груди, но у Золотухина больная нога. И если бы не Ирина Анисимова-Вульф и театр им. Моссовета, то пришлось бы идти по распределению в оперетту – а на сколько его хватило бы там?

Громцев, поняв, что для оперетты у него нет здоровья, решает найти себе «спокойную заурядную работу», поступает учиться банковскому делу, аккордеон, который подарили ему однополчане, прячет на шкаф. Но однажды, на свадьбе однокурсницы, оказывается, что нет музыки. Свадьба невеселая – невеста беременна, а жених не больно-то хотел жениться, заставили его решением комсомольского собрания, а без музыки так вообще. Громцев привозит свой аккордеон

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

и начинает петь. Удивительным образом настроение свадьбы меняется – и вот уже молодые целуются вполне искренне, а все остальные танцуют и радуются жизни. Власть музыки – она всегда власть!

Громцев становится свадебным гармонистом. Правда, таким, что у него все расписано на месяц вперед по две свадьбы в день. Возможно, будь он артистом оперетты, у него не было бы такой народной любви. Громцев умом понимает, что жаловаться ему грех, но душа тоскует по судьбе большого артиста, которым он мог бы быть. Он горько зовет себя «дворовый артист республики», но его «импресарио» (заведующий клубом, который устраивает все эти выступления) отвечает: «Вы зря иронизируете. Не у каждого даже артиста со званием есть такая слава. На той неделе в Марьиной Роще пять свадеб. Думаете, у них нет музыки? Навалом. На пластинках. А им подавай Дмитрия Громцева с аккордеоном, и все тут!» (Тут есть что-то от комплекса Высоцкого, которому важно было официальное признание поэтов и композиторов, хотя однажды, когда он с Мариной Влади шел по какому-то городку, жители, узнав, что это Высоцкий, стали врубать его песни и выставлять колонки в окна – и вся улица заполнилась его голосом).

На одной из свадеб он видит Лелю (Ирина Алферова)! Он уже идет к ней, но тут она снимает пальто, оказывается в белом платье, и он понимает, что это она невеста!

Глаза Золотухина полны тоски. Он в этом фильме вообще играет почти одними глазами – и действительно меняется, взрослеет от 25 до 60 лет. До войны это беззаботный франт в белых брюках, после войны его Митя Громцев словно прислушивается к себе, к тем двум осколкам, которые поломали его жизнь, и от которых эта жизнь зависит. Золотухин играет человека, который никак не может вернуться к людям в полной мере, который потерял все, чем жил, и живет просто потому, что не умирает. На такие темы тогда не принято было говорить, выражение «война отняла у него самое дорогое» было ходячим штампом, из множества фильмов разве что «Человек с аккордеоном» показывал, каково это, когда и правда отнято все самое дорогое.

В повести Митя Громцев, прожив долгую жизнь, умирал в парке после празднования Дня Победы. Хоронить его пришел весь завод, на котором он работал. И на вопрос, кого же так хоронят, один из рабочих отвечал: «Артиста!». Это правильнее подытоживало всю историю: война, разрушившая мир Громцева, настигала его. Но, видимо, решено

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

было, что в год 40-летия Победы фильм должен кончаться оптимистично.

В конце фильма действие переносится в 80-е, Громцев уже серьезно в годах, зрителю дают понять, что у него все есть – семья, сын, внук, жена в санатории. В стране 9 Мая, и он снимает с антресолей давно отправленный туда аккордеон, идет на площадь, где вся Москва празднует День Победы, и на одной из площадок, где для ветеранов играют музыкальную программу из песен 80-х, просит выступить. Ему разрешают, он выходит, начинает петь по куплету из песен военных лет, ветераны начинают петь вместе с ним, и в конце весь зал аплодирует ему стоя. Громцев кланяется публике, и вид у него совершенно счастливый. После этого на экране грохочут залпы салюта. У зрителя, если минорное настроение и создавалось, тут же улетучивалось.

Премьера фильма состоялась 26 августа 1985 года – вполне возможно, что финальные кадры празднующей День Победы столицы снимали 9 мая 1985 года. Ветеранам было тогда по 60-70 лет, их было много, очень много. Золотухин кажется одним из них, разве что чуть более подтянутым – притом, что его не старили или почти не старили специально, только сделали седину. Как так? А у него в этих кадрах глаза старика. Он словно смотрит внутрь себя, проверяя – а не зря ли все было? Правильно ли он прожил жизнь? Какой он дает себе ответ, мы не знаем. Он хотел петь для людей – он и пел для них. Он дарил людям радость.

Фильм замечательный. Но отношение к нему у публики неровное, особенно у ветеранов. В дневнике Золотухина за май 1986 года есть запись: «Письма ветеранов, советующих мне “куражиться в “Бумбараше”, а не за свое дело не браться». Не все ветераны хотят плакать. Не всем по душе разговор о цене, заплаченной за победу.

12 августа, немного раньше «Человека с аккордеоном», вышла на экраны картина «Три процента риска». Летчики приняли фильм намного теплее. Фильм время от времени показывают по разным каналам, и до сих пор на форумах летчиков можно прочитать много теплых слов: «Давно не видел этот фильм. Приятно и больно до слез. Как будто домой вернулся...» – пишет кто-то под ником «Авиатехник».

Сам Золотухин в 1985 году уже снимается в новом фильме – это «Чичерин», где он играет матроса Панкина, у которого, как это не так уж часто случалось с Золотухиным, имелся реальный прототип – матрос Маркин, участник революции 1917 года. Когда Лев Троцкий некоторое время занимал пост комиссара иностранных дел,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Маркин был помощником, а по мнению историков, и самим министром, так как Троцкому было некогда заниматься этой работой. (При СССР Троцкого вымарали из истории, так что Чичерин считался первым советским министром иностранных дел.)

Золотухин здесь в морской форме, в бескозырке, в нем откуда-то взялась подтянутость и молодцеватость. При первом появлении он подает руку представителю британского правительства таким жестом, будто честь отдает.

Фильм снимал Александр Зархи – создатель советской киноклассики «Депутат Балтики» (1936), «Член правительства» (1939), «Анна Каренина» (1967). С Зархи Золотухин знаком давно. Зархи еще в 1968 году читал «Дребезги» в рукописи. «Говорит, получилось искренне, понравилось Тарковскому. Прочитал мои “Дребезги”.

– Надо поговорить... Мне кажется, вы хотите это очень дешево продать... Начало даже поразило меня: что это новый жанр, подумал я... – Это стоит гораздо больше, гораздо глубже, чем просто грустная, сентиментальная новелла, в общем, поговорим», – записал 26 ноября 1968 года Золотухин слова Зархи. И вот, 17 лет спустя, он снимается у него в фильме.

Эта картина – о первых годах советской власти (при том, что снимается в годы, которые станут для нее последними). Возможно, Зархи хотел понять, что же тогда, в 1917-1918 годах, пошло не так. А возможно, эпоха привлекала его сама по себе. В кино много персонажей исторического масштаба – английский премьер-министр Ллойд-Джордж, итальянский король Виктор-Эммануил III, поэт Габриэле Д’Аннунцио. Интересно, что одно из действующих лиц – полковник Скопин. Прототип его – царский генерал Владимир Скалон. Он пошел на службу к большевикам, но при переговорах по Брестскому миру застрелился, не имея сил участвовать в этом позоре. Этот эпизод, сильнейший, есть и в фильме. Дальний предок Владимира Скалона, погибший в 1812 году в Смоленской битве генерал-майор Антон Скалон, был родом из Бийска! Так Золотухин встретил земляка, хотя почти наверняка этого не узнал.

Одно из первых дел, которое приходится решать Чичерину, – заключение мира с немцами. В фильме есть сцена – обсуждение немецких условий мира, проходящее в цирке. Что этим хотел подчеркнуть Зархи? По рядам ходят маленькие беспризорники, просят хлеба, какой-то матрос дает им горбушку, девчонка хватает хлеб и бросается бежать, а мальчишка гонится за ней с пистолетом – достать пистолет тогда было проще, чем достать хлеб. Тут обсуждение заканчивается и на-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

чинается цирковое представление. Советская власть – цирк власти и власть цирка, слишком прозрачная метафора, даже удивительно, как она прошла цензоров.

Золотухин-Панкин в министерстве иностранных дел кто-то вроде завхоза. Среди трагических событий фильма его персонаж давал зрителям возможность улыбнуться. Вот он, обсуждая меню для приема иностранных послов, говорит, что достанет для обеда мясо. «Какое мясо?» – спрашивает повар и начинает перечислять, какое бывает мясо. Панкину от перечисления становится плохо. И он говорит: «Мясо!» с силой, которая должна бы сказать повару, сколько ему, Панкину, придется предпринять усилий, чтобы достать мясо вообще, а уж вырезка это будет, шейка или что еще – какая разница?! Маркин погиб в 1918 году в боях на реке Каме. Панкин волею сценариста живет дольше – он участвует в Генуэзской конференции. На приемах бывший моряк привык к костюму, но когда Чичерин однажды стучится к нему в номер среди ночи, Золотухин-Панкин выходит в тельняшке и босиком. В другой раз Чичерин будит Панкина ночью, и тот, вскакивая, выхватывает из-под подушки револьвер, с которым спит и в Италии. Золотухин играет революционный типаж, такого много было в советских фильмах, но его матрос Панкин все же получается интеллигентнее своих собратьев, именно потому, что опирается на природу Золотухина.

Чичерина играет Филатов. Так как Панкин – помощник Чичерина, то у Золотухина и Филатова есть общие сцены. Они, впрочем, тогда еще в приятельских отношениях – Золотухин бывает дома у Филатовых, навещает сына, есть фотографии, где все они веселые и молодые.

Фильм вышел на экраны 17 февраля 1986 года, но фурора не произвел.

В этом же году Валерий Сергеевич снимается в фильме «Трава зелена». Это еще одна его работа с режиссером Владимиром Назаровым. Фильм о деревне и ее людях. Золотухин играет сельского да Винчи – его Николай чинит всей деревне антенны, мастерит свой вездеход, рисует портреты. Не приходится сомневаться, что за основу взят Фомин. Николай радуется всему, все толкует в лучшую сторону. Он не боится казаться глупым, говорит: «Пусть, человеку приятнее видеть кого-то глупее себя, человек улыбнется, и в космосе появится еще одна улыбка».

У него жена Анна и дочь Анастасия. Все под одной крышей, но Николаю интереснее с другими самоделкиными,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

у Анастасии выпускные экзамены и любовь, в результате выходит, что каждый сам по себе.

Но неожиданно сельская проблема сплачивает семью. Анна работает дояркой, коров на ее ферме правление постановило перевести в новый молочный комплекс, но там ничего не работает – ни автопоилки, ни кормораздатчики. Ремонтники – наглые, городские требуют за работу деньги, которые колхозное начальство платить не готово. Тогда Анна угоняет стадо и прячет его на займище. Семья, как может, помогает ей в этом. В селе появляется местный милиционер, начинает искать коров, находит, но Анна отказывается гнать их на ферму, где так ничего и не починили. Милиционер тоже человек – соглашается, пусть остаются тут. Но вдруг на деревню обрушиваются дожди, потоки воды отрезают займище от мира, и только на самодельном вездеходе Николая удается пробиться к займищу.

Если кому-то по пересказу показалось, что в фильме сюжет слабоват – да, так и есть. Зато есть пейзажи, небо, дождь. Есть настроение, песни, красивые люди. Фильмом можно дышать, как кислородом. Он неспешный – сейчас так никто фильмы не монтирует, сейчас все должно мельтешить. Но когда мельтешит – настроение не создается.

Премьера картины состоялась 26 февраля 1987 года по телевидению.

8.

В театре все шло наперекосяк. Прежняя схема, когда режиссер – царь и Бог, а актеры – как крепостные, ловят взгляд барина, стараются отличиться, перестала существовать. Эфрос оказался другим. Казалось бы, почему бы и нет? Однако труппа не принимала Эфроса. Он старался найти с актерами общий язык, но большинство не делало ни шагу навстречу. Так бывает – десятилетия любимовского давления даром не прошли, накопившемуся негативу надо было куда-то деться, на Эфроса вываливалось то, что по справедливости должно было вывалиться на Любимова. Публика также приняла Эфроса в штыки.

Золотухин стал одним из немногих, кто пытался просто работать. Он в 1985 году стал репетировать в «Мизантропе», которого ставил Эфрос, Альцеста, главную роль. По поводу того, как играть, у них с Эфросом идут споры. Золотухину кажется, что Эфрос слишком много хотел бы достать у него, Золотухина, изнутри. Он же к такому не привык, ему не хочется, это ведь довольно мучительно – искать в себе что-то, а

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

потом тянуть из себя эти актерские жилы, и не раз, а каждый раз. Золотухин предлагает Эфросу тут подсветить, тут дать музыку, а в каком-нибудь месте пустить пантомиму: «Да я и сам покувыркаюсь, почудю».

Это привычка к любимовскому поиску содержания через форму, при котором, скорее всего, только форма и оставалась, в надежде, что зритель сам все как-нибудь растолкует, а если нет – так критики объяснят.

Эфрос разгадал Золотухина. «Ты, Валера, боишься, трусишь, не доверяешь себе. Ты человек, думающий серьезно, пишущий серьезно – а на сцене часто придуриваешься, прячешься. В роли Пепла я на многое закрыл глаза. Пусть, думаю, раз ему так легче. В Пепле у тебя отрыжка не лучшей Таганки. А в “Мизантропе” надо войти на сцену через другую дверь, отомкнуть образ другим методом...» – убеждает его Эфрос. Золотухину наверняка досадно все это слушать. Но с другой стороны – это новая высота. Он старается уйти в работу с головой. Развешивает тексты пьесы по квартире. Жена Тамара говорит знакомым, что у него в голове один Мольер. Он прячется в актерство, как в раковину, надеясь так переждать тяжелые времена. Тут проявилась главная черта Валерия Сергеевича – несмотря ни на что, работать, выходить на сцену. Он хотел быть только актером – не агитатором, горланом и главарем, а только актером. «Что вы хотите, я ведь только артист!» – записывает он в январе 1986-го. С этим Золотухин пытался жить всю жизнь, но чем дальше, тем труднее это было.

Золотухин еще и потому так хватается за Альцеста, что у него очень больна Тамара, – это та болезнь, которая закончится очень серьезной операцией. У нее большие проблемы с желудком. «Ей надо питаться особо приготовленной пищей, по режиму, но она готовить не умеет, учиться этому не хочет. Каша – долго и невкусно. <...> Соки выжимать, но ведь морковку надо чистить, мыть, резать, а потом соковыжималку мыть, сушить. Да ... оно все! Картошки наварила, банку болгарского наподобие “завтрака туриста”, чем рыбу травят, вскрыла, на сковородку бросила, и обед готов. А не доглядишь, и коньяку стакан хлобыстнет... и корчится сутками, и плачет, и мы с Сережей с ней заодно, так и живем. <...> Другие мужики плюнут на все и делают свои дела, а у меня совесть не позволяет, хочется как-то бабе жизнь скрасить, ведь и люблю я ее...» – горестно пишет он Фомину 21 марта 1985 года [10].

Работа над «Мизантропом» тяжела, но тем и хороша она для Золотухина, что требует его всего, а значит – позволя-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ет отвлечься от того, что дома. «Я хватаюсь за Альцеста как за наркотик, что перебивает на время боль и даже приносит счастье», – записывает он.

Однако ему не удается оглушить себя работой так, чтобы ни до чего больше не было дела. Он получает язвительные письма ветеранов по поводу «Человека с аккордеоном», болеет Тамара, а тут еще из театра ушли Вениамин Смехов, Виталий Шаповалов, Леонид Филатов, Леонид Ярмольник. Если Ярмольник сыграл только в трех спектаклях, да и то на замену, то остальные были столпы, киты, на которых держалась Таганка. Все это ломает и двужильного Золотухина – 7 мая 1986 года он подал заявление об уходе. Так далеко в этом направлении он не заходил ни до, ни после.

«Я написал заявление об уходе. И уже в дверях встретился с Эфросом. Сказал: “Я ухожу из театра навсегда”... Но мы простояли в “тамбуре” почти час, Анатолий Васильевич выслушал меня и напоследок посоветовал: “Лучшее твое решение – это вернуться в театр, поостыть и через полчаса выйти на сцену”. И он оказался прав...» – вспоминал потом Золотухин. Надо знать, что Эфрос в этот момент возвращался из больницы – у него умирал отец. И вот он останавливается в дверях театра с Золотухиным и убеждает его не уходить...

В дневнике Золотухин объясняет себе, что подал заявление от недовольства тем, какой получается Альцест – все было не так! После разговора с Эфросом он порвал заявление – и в этот день репетиция была хорошей. «Что же мне, каждый день делать какие-нибудь заявления?» – вздыхает Золотухин. Но, видимо, встряска дала себя знать – 12 мая Эфрос говорит Золотухину: «Роль села на тебя, как костюм!» Золотухин явно счастлив.

Позже он признается себе в дневнике, что боялся роли – даже сильнее, чем боялся других ролей. Дело в том, что прежде он никогда не был премьером – «то есть лицом, от которого всецело зависит успех предприятия». «Кузькин» и «Борис Годунов» не увидели большого зрителя, а все остальное за 20 лет Таганки было иного масштаба.

Эфрос ставит спектакль ради искусства, ради мысли, заложенной в спектакле. Эпатаж и разные «фиги в кармане» – не для него, они ему не интересны, вернее, уже не интересны.

У Золотухина с Эфросом об этом состоялся как-то раз разговор. Золотухин доказывал, что так, без фиг, скучно. Эфрос отвечал, что Таганка, да и Бронная, которой он прежде руководил, развратили зрителя: «Публика стала хо-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

дить в театр, чтобы ее чем-то ошарашивали, возбуждали, дразнили. А если публика этого не получала, то уходила неудовлетворенная и брюзжала: Таганка стала не та и т. д. Таганка начинала: был “Добрый человек...” Слова “сочетание острейшей формы с острейшим содержанием” имели смысл. Но довольно скоро Таганка поняла, что надо публике: чтобы было против начальства да позадиристей. А начальство – это власть, любая власть. И пошло – от политики к политиканству».

Эфрос пришел на Таганку в 60 лет. Возможно, это было время переосмысления им того, каким должен быть театр. «Острейшая форма» и правда часто заслоняет содержание настолько, что зритель ничего, кроме формы, и не замечает. Эфрос считает, что искусство должно быть на первом месте. «В зале всегда найдутся три, пять, двадцать пять человек, которым это интересно», – говорит он Золотухину. «Он хотел вернуть театру несуетную тишину и углубленность. <...> Эфрос считал, что скучно может быть только неразвитой душе. Тарковского скучно смотреть с точки зрения массового зрителя, кассы. А развитой душе не скучно – она работает...» – писал об Эфросе Золотухин.

Спор этот, в общем-то, чисто эстетический и его можно вести в любом театре. Но Таганка – театр особый, она привыкла к самой себе и не хочет видеть себя другой. Эфрос с Таганкой не совпали по времени осмысления творчества. Впрочем, будь у них время, они бы могли друг другу все объяснить.

Леонид Броневой, работавший с Эфросом в Театре на Малой Бронной, сказал Золотухину (они вместе снимались в фильме «Чичерин»): «Как я завидую вашему театру. Помяните мое слово, через три года у вас будет интереснейший театр. Потому что он чувствует эпоху. Цвет времени. Не временную ситуацию, а Время».

Актеры решают просить Эфроса о восстановлении спектакля «Дом на набережной».

– Эфрос был поклонником «Дома на набережной», он сказал его восстановить. И когда восстановили, Эфрос на премьере сидел, весь спектакль плакал... – вспоминал Валерий Золотухин.

9.

С середины мая 1986 года Золотухин в Минске – снимается в фильме Геннадия Полоки «Я вожатый форпоста», в которой расширены истории героев ленты «Наше призвание». Слова «мидквел» тогда никто не знал, но это был имен-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

но мидквел – фильм, который развивает события ранее вышедшего фильма.

Повествование снова «завернуто» в воспоминания Николая Гудкова, да и начиналось опять с собрания – правда, по поводу ухода Гудкова на пенсию.

МихГава-Золотухина в фильме больше, но сам фильм мельче – в нем нет взрывов, огнедышащего противостояния двух мировоззрений, хотя бы и в пределах одной школы. В школе кипят страсти, но по поводу общественного питания и раскрепощения женщины. Девчонки не хотят питаться в школьной столовой, им домашний борщ вкуснее, Гудков их за это воспитывает – это даже не конфликт хорошего с лучшим, на котором по большей мере держался советский кинематограф, это вообще не конфликт.

Форпост, вынесенный в название, – один из первых пионерских отрядов, что-то вроде продленки, форма «общественного воспитания» для младших классов, которую берет на себя Гудков. Фильм наполнен шумом и гамом, но все не так густо, как было в «Нашем призвании» – как это бывает почти всегда, продолжение оказалось слабее. Роль МихГава пунктирная, он отступает на второй план, выпуская вперед Гудкова.

2 июля состоялась сдача «Мизантропа». «Если верить словам и слухам – произошло нечто грандиозное», – записывает Золотухин. Его похвалила Шацкая, к тому времени уже бывшая жена, и билетерша: «Интеллигентная женщина, критикующая все, что было сделано Эфросом, а тут! Меня целовала, победа, удача, вот это Таганка!»

4 июля – премьера. Перед спектаклем Золотухин идет в церковь и ставит свечку – Жану-Батисту Мольеру, хоть он и не православный. Тамара, хотя и была после операции, пришла на спектакль. Когда отыграли, Золотухина обидело, что все цветы достались Ольге Яковлевой (любимая актриса Эфроса). Эфрос надписал Золотухину афишу: «Валера! Отношусь к тебе с нежностью, хотя ты, конечно, орешек. Играешь ты замечательно, чем-то веет старым в хорошем смысле этого слова. Старое для меня – это Добронравов, Хмелев, Москвин... и пр. Эфрос». (Эта афиша сейчас находится в Барнауле в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая).

Золотухин не знает, хорошо или плохо то, что получилось. Он слушает одних, других и не верит никому – ни тем, кто говорит, что спектакль провалился, ни тем, кто говорит, что все получилось.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Впрочем, на любой или почти на любой спектакль всегда найдутся полярные точки зрения. Тут важно другое – «Мизантроп» дал Золотухину силы, чтобы поверить в себя. Период самоуничижения кончился раньше, чем мог перейти в самоуничтожение. Золотухин почувствовал себя первым актером Таганки.

«Альцест стал главным смыслом моего нынешнего существования. В нем я как будто отыгрываюсь за моего несыгранного Кузькина, Гамлета, Гришку Отрепьева, и пр. И тут вот не встать бы в позу, не стать бы счастливым, потому что главное в нем – грустные глаза», – это запись из его дневника от 30 сентября 1986 года.

10.

Золотухин мог бы считать, что все налаживается – вышел новый спектакль, а в июле журнал «Огонек» опубликовал «Этюд о беглой гласной», не так давно снятый в «Литературной газете» уже из сверстанной полосы [13]. Эта публикация значила много – с ней Высоцкий восстанавливался в правах во всей своей творческой полноте, официализировалась та часть его искусства, которая до тех пор была под запретом. «Банька по-белому» ведь песня во многом политическая – брата героя «два красивых охранника повели из Сибири в Сибирь», да и у самого героя на груди профиль Сталина, что означало – антисоветская 58-я статья.

В «Огоньке» эссе Золотухина чуть короче, чем при последующих публикациях, – например, опущен абзац о том, как Золотухин обдумывал, не брать ли ему за показ Высоцкого самогоном? Это, видимо, по причине антиалкогольной кампании.

Здесь впервые опубликовано то, что потом Золотухин говорил довольно часто: «Да, я завидую Владимиру Высоцкому, но только не чистой, а самой черной завистью, какая только бывает. Я, может быть, так только здесь, уважаемые зрители, ради бога, поймите меня верно, я, может быть, так самому Александру Сергеевичу Пушкину не завидую, как Высоцкому, да потому, что имел честь и несчастье быть современником последнего».

Честь и несчастье – вот как у Золотухина сложилось.

Летом 1986 года Золотухин отдал свои дневники Ольге Ширяевой, чтобы она выбрала из них все, что относится к Высоцкому. Ольга Ширяева со школьных лет фотографировала на Таганке любимые спектакли и любимых актеров и потом дарила им эти фотографии. Скоро Высоцкий, Золотухин и многие другие таганцы знали ее. «Много-много

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

лет назад, играя в спектаклях Театра на Таганке, мы, артисты, заприметили в зале очкарика, девочку с фотоаппаратом, которая каким-то образом умудрялась проникать чуть ли не на все наши спектакли. Иногда мы получали от нее пакеты с любительскими снимками, радовались их несовершенству, потому что они были как бы из жизни. Но потом, тем не менее, зачастую их теряли, не подозревая, каким документом, какой ценностью они окажутся лет через 15-20. И все благодаря ему, нашему коллеге, оказавшемуся вскоре многими любимым поэтом Владимиром Высоцким. Кроме того, очкарик, как теперь выяснилось, записывала и наши спектакли на магнитофон, особенно там, где звучал голос Владимира Высоцкого, и вела дневники», – написал Валерий Сергеевич в 1987 году в предисловии к публикации дневников Ольги Ширяевой в газете «Советская Россия» [54].

Валерий все же решил сделать книгу. Наверное, он думал о форме художественного повествования, но остановился на отрывках из дневников разных лет –по ярости реакции читателей понимал уже, что слишком близко к кумиру становиться не стоит, публику это злит. Дневник, как ни крути, – документ. С одной стороны, в этой форме много недосказанности, с другой – она же делает возможной почти последнюю откровенность.

В августе Ольга Ширяева закончила работу и сделанные выписки прислала Золотухину. Он по-прежнему сомневается, публиковать ли ему это. «Да, там больше о себе, чем о нем, то есть все то же пресловутое – я и Высоцкий, я и Шекспир, я и эпоха, и пр. Но Высоцкий принадлежит вечности, и если этой вечности после Чернобыля и атомной перетряски суждено быть, то она разберется и отсеет...» – он явно старается сам себя убедить.

Летом 1986 года Таганка ездит с гастролями по Волге, и в Куйбышеве Золотухин попадает в квартиру, в которой Всеволод Ханчин, работник «Станкозавода», яхтсмен, сдружившийся с Высоцким во время его приездов на Волгу, сделал музей Высоцкого. «Там дух Володи. Вот что может сделать истинно любящее сердце из одного-двух приездов поэта в Куйбышев», – пишет Золотухин. В этой дневниковой записи от 16 сентября много того, что помогает понять Золотухина, хоть она и о Высоцком. «Он был здесь с Т. Иваненко, а ни одной фотографии ее нигде нет – это может не понравиться Нине Максимовне (нет, Иваненки в К. не было), чей приезд они ждут – не чают, и поныне ненавистно Марине, там ведь дитё Володино. А по мне, зря они это делают, слова из песни

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

не выкинешь», – так он относился и к своей жизни, еще не прозревая ее крутых виражей.

«Человек должен дожить до срока, когда он может выбрать себе место для могилы» - записывает он. Странная фраза, непонятная. Возможно, в ней говорится о внутреннем принятии неотвратимости смерти – только при таком душевном состоянии можно спокойно размышлять о месте для могилы. Золотухину 45 – не рано ли он задумался об этом? С другой стороны – Высоцкого нет уже шесть лет на свете. Его пример показывал – никто не знает, сколько отмерено!

Готовый экземпляр рукописи дневниковых выдержек он, как всегда, раздает для чтения – жене Тамаре, Наталье Крымовой, жене Эфроса. Тамара на своем экземпляре пишет: «Очень хорошо! До слез...» В то же время Галина Волина, знакомая Золотухину со времени ее работы в журнале «Сельская молодежь», написала ему довольно жесткий отзыв: «Ты оглоушил меня, заменив “тьмой низких истин” “нас возвышающий обман”». Волина напомнила ему, что Пушкин сжег свои дневники, а Вяземскому, жалевшему, что Байрон сжег свои записки, написал: «Он исповедался в своих стихах. <...> Мы знаем Байрона довольно. <...> Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы. Врете, подлецы: он мал и мерзок – не так, как вы – иначе».

«Наше время до жути иное, и Высоцкий – не Байрон. Но нация у нас все же осталась, жив еще русский дух, и есть в этом измордованном духе тоска по высокому, по святости, единению. Высоцкий, как никто, пожалуй, в нашу расколотую эпоху сумел объединить русских людей и живым, хриплым словом своим, и даже смертью», – пишет Волина, считавшая, что Золотухину лучше написать повесть на основе дневников, «не перекашивая лика Истины» [10].

Золотухин размышлял над всем этим. Вряд ли ему когда-нибудь вообще хотелось уничтожить свои дневники. Думаю, ему ближе было понимание «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Тогда становилась понятнее вся мера совершенного Высоцким подвига.

11.

27 сентября 1986 года, на «Мизантропа», первый спектакль в сезоне, пришел Михаил Сергеевич Горбачев с

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Раисой Максимовной, и после спектакля довольно долго разговаривал с Эфросом. «Я такого счастливого Эфроса никогда не видел», – записал Золотухин, сам тоже явно обрадованный тем, что Горбачевы его знают. «Только о Золотухине и говорили... об Алтае... Что знали тебя по кино, в театре первый раз», – пересказал Золотухину разговор Николай Дупак. Горбачевым слово «Алтай» не чужое – Раиса Максимовна, первая леди СССР, родом из села Веселоярск недалеко от города Рубцовска. Театральные критики приуныли – как теперь ругать спектакль, от которого первые люди страны явно получили удовольствие?!

Золотухин по-прежнему рад похвалам, но некоторые, вполне в традициях театральной общественности, таковы, что лучше бы их не было. Виктор Розов сказал, что артисты при Эфросе заиграли, что Эфрос из Золотухина сделал артиста. Валерий Сергеевич «такой комплимент» принять не готов – он и раньше был знаменит.

Отдельно его изводят фразы о том, что Золотухин – неожиданный выбор режиссера для роли Альцеста. Золотухин понимает: его готовы принять в качестве Бумбараша, красного комиссара, учителя двадцатых годов и даже летчика-испытателя. Но дворянин в камзоле и кружевах – увольте! Это ведь вторая – после Моцарта – подобная роль. Только вторая – за 25 лет на сцене.

Так или иначе, а творческая сторона его жизни явно на подъеме. Вот только в семье тяжело: «Тамарка худеет, жена моя до ручки доходит, кажется; просто страшно. Посмотришь – и сердце сжимается. Господи! Пощади ее. Вчера между двумя Сережами загадал и перевернулся, только бы она была здорова, больше мне ничего не надо, всё тлен», – записывает он 3 ноября.

18 ноября в театре впервые показывают восстановленный «Дом на набережной».

«Бог с нами! Вот так бы жить всю жизнь, как вчерашний день! Такого приема я не слышал за всю свою жизнь. Публика скандировала, и мы выходили без счету много раз! Это была манифестация, это был гимн Любимову-Трифонову и старой “Таганке”!» – записывает Золотухин.

Эфрос жалуется, что у него болит сердце. Это Золотухин записывает 21 ноября 1986 года.

В театре надеются, что Горбачев разрешит Любимову вернуться. Подписывают коллективное письмо – подписывает и Эфрос. Как всегда бывает, одни говорят, что он вернется вот-вот, другие – что не бывать этому никогда.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Обнаружилось, что в театре уже есть те, кому и с Эфросом хорошо. Золотухин же оказался посредине. Он хочет оставаться только актером и не очень понимает, почему всем нужно, чтобы он кому-то из них двоих присягнул в верности. Золотухин, видимо, где-то внутри не так уж и рад Любимову – в конце концов при нем он премьером не был. С Эфросом, так или иначе, сработался, а как вернется Любимов со всеми своими манерами?

12 декабря Золотухин по просьбе театра разговаривал с Эфросом о восстановлении спектакля «Мастер и Маргарита».

– Эфрос сказал, что к «Мастеру» он равнодушен, он ему по искусству не нравится, но если люди хотят – пусть восстанавливают, – вспоминал он.

14 декабря Золотухин снимается у Эльдара Рязанова для его программы, которая выйдет в эфир в 1987 году под названием «Четыре встречи с Высоцким» и которая будет стоить Золотухину нескольких бочек крови. Но Золотухин об этом, понятно, еще не знает и в дневнике пишет: «Говорят, было интересно, посмотрим».

На дворе тем временем перестройка. Из Горького возвращается ссыльный академик Андрей Сахаров, реабилитировали его жену Елену Боннер. «Во события!» – отмечает Золотухин и тут же записывает услышанную частушку:

У меня миленок в койке – недоразумение:
Я хотела перестройки, а он – ускорения!

8 января 1987 года запись – «Эфрос». В этот день Эфрос попал в больницу. 13 января он умер.

Свою речь на гражданской панихиде Золотухин начал со слов: «Хочется обратиться к Всевышнему: за что, за какие грехи “Таганке” такие потери?!» Он просил прощения у Анатолия Эфроса и за себя, и за своих товарищей – пусть не всех, но какой-то их части. «Эфрос пришел на Таганку в горький для театра час... час, полный лжи, фальши и до сих пор не проясненный. Эфрос в буквальном смысле спас театр, и в первую очередь от гибели нравственной, потому что за гибелью нравственной тотчас последовала бы гибель творческая. Он спас театр своей работой. Работал он много. Он часто говорил нам: “Ребята! Я пришел к вам работать!!!” И результаты этой работы незамедлительно сказались: через год с небольшим в Югославии мы взяли все призы. Мы, которые успели с ним поработать, за эти трудные годы узнали его как выдающегося режиссера, но,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

кроме того, мы поняли и оценили его благородство человеческое, с каким он относился к тому, что было сделано театром до него, – к старому репертуару, с какой деликатностью удивительной относился он к нам, старым кадрам театра. Мы будем играть Ваши спектакли, мы будем помнить и любить Вас таким, каким знали Вас Ваши самые близкие друзья и ученики. Прощайте, мастер! Вечная память!!!» – сказал Золотухин.

Позже он написал об Эфросе очерк «В границах нежности» [14]. В очерке есть что-то покаянное – многие вокруг считали, что Таганка убила режиссера, а Золотухин понимает, что и он тоже Таганка, и с ним у Эфроса были проблемы, хоть, может, и меньше, чем с кем бы то ни было. «Эфросу органически, физически стала противна всякая шумиха, театральщина, показуха на сцене, так называемая острота форм. Он через это давно прошел и оставил позади. Ему стоило огромных усилий и здоровья в том числе, чтобы удержать нас в “Мизантропе” от поисков внешних эффектов и приспособлений. Все внимание Анатолий Васильевич сосредоточил на актере, на виртуозности диалога, на фантастических амплитудах монолога. И – никаких ошарашиваний зрителя... <...> Эфрос всем своим творческим подвигом искал твердую почву в стране Неясности, которая – и он это знал! – есть царство зыбкости», – написал Валерий Сергеевич. Он корил себя за то, что избегал Эфроса, когда тому хотелось общения.

Любимов на Западе отказался комментировать смерть Эфроса. Любимов ждал, что Таганка без него рассыплется, но она устояла, и понятно, что в этом заслуга именно Эфроса. Точно так же через много лет Любимов откажется ехать на похороны Золотухина. Тогда произошла такая же история: Любимов полагал, что Таганка с его уходом рассыплется, но она опять устояла, только уже благодаря Золотухину.

12.

В феврале 1987 года театр едет на гастроли в Париж. Ситуация странная: они играют спектакли Эфроса, а спрашивают их только о Любимове.

Золотухин чувствует себя за границей нервознее, чем обычно. Кто-то из посольских спрашивает, записал ли он свои впечатления от первого на гастролях спектакля в дневник? Золотухин, узнав, что про его привычку рассказал Бортник, устраивает ему сцену: «Ваня, ты знаешь, что

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

за границей нельзя вести никакие записи? Что же ты накапал на меня?»

В один из дней ему говорят, что на спектакле будет Любимов, и Золотухин вдруг... пугается, а потом злится на себя за этот испуг. Он предвидит, что придется раздавать интервью, и в голове отвечает и отвечает на вопросы неведомых корреспондентов. Он сам не может сосчитать, между скольких огней находится: советская сторона, эмиграция, Любимов, Таганка с ее разными течениями, группками и группировками, да еще и сам на себя он смотрит на стороны.

Любимов признает за ним лидерство в труппе – однажды вечером у них состоялся телефонный разговор. Любимов зол – он читал восторги французской прессы, ему обидно, что это адресовано спектаклям Эфроса.

«Почему вы не поставили вопрос, чтобы поехал восстановленный вами “Дом на набережной”? Сейчас вы поедете в Милан, и снова без единого нашего спектакля...» «Наши» спектакли для него – те, которые сделаны при нем. То, что без него, – не Таганка.

«Меня выгнали, как собаку, с малым дитём, и хотят, чтоб я приполз к ним на брюхе. Они объявили меня врагом народа. Пусть отмываются, пусть сперва восстановят мое честное имя...» – тут Любимова можно понять. Коммунисты репрессировали его родителей, теперь у него есть возможность хоть плюнуть им в лицо, и он занимается этим азартно.

Для Золотухина несомненно важны слова Любимова: «Я зла на тебя не держу, всего тебе доброго и хорошего...»

В марте главным режиссером Таганки становится Николай Губенко. В соответствии с требованием времени выбрали его голосованием. «Проголосовали единогласно, вряд ли это единодушие, но деваться людям некуда. Так радостно Эфроса Таганка не встречала. Боже! Какая подлая несправедливость!» – записывает в дневнике Золотухин 3 марта.

Золотухин настроен пессимистично: «На душе у меня от всего этого тоска смертная, хотя я сам этот шалман закручивал и в действие приводил рычаги возможные и невозможные. Но уж больно в последние шесть лет театру не везет, хотя со стороны все прекрасно – гастроли заграничные без конца, пресса хвалебная, популярность. Но все главное – давно сгнило и рассеялось...» (Там же).

Возможно, Валерия Сергеевича вгоняет в депрессию личная жизнь – Тамара болеет и болеет, то одно, то другое.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Каждый ее стон, вздох отзывается во мне нервной дрожью, и привыкнуть к этому невозможно», – жалуется он Фомину.

Золотухин тоскует по Эфросу, как не тосковал по Любимову. «Эфрос мне помогал. Он любил сидеть в темном зале один и наблюдать, как ставят декорацию, как подвешивают фонари... О чем он думал? И теперь уже никто не скажет: “Валерочка, ты знаешь, что я подумал...”» – записывает он 15 марта.

Губенко поставил стол для Любимова, повесил над ним его портрет и цитату: «Как ни парадоксально, но я верю в свое возвращение. Не может же это продолжаться до бесконечности. Ю. Любимов». В интервью Губенко говорит о возрождении былой славы и былых спектаклей Таганки.

На каждой творческой встрече Золотухину приходят записки с вопросом, участвовал ли он в травле Эфроса. Спрашивают также, вернется ли в труппу костяк.

«Оказывается, трое, которые ушли в “Современник”, являли собой “костяк Таганки”, а вовсе не были той чернью, что оскорбляла Эфроса. А мы и не подозревали, что существуем без костяка», – саркастически пишет Золотухин.

Он играет «Мизантропа», словно идет в бой, – за себя и за Эфроса. Он не понимает несправедливости, а главное, того, что эта несправедливость обрастает новыми несправедливостями. Театру нужен был режиссер, а режиссеру – театр, что же в этом плохого? И почему теперь надо делать вид, что Эфроса не было?

13.

В 1986-м и 1987-м Золотухин много снимается в кино – в ролях больших, маленьких и совсем крошечных. В августе 1987 года на экраны выходит фильм «Апелляция» режиссера Валерия Гурьянова. Это один из фильмов о поиске правды. Сюжет в чем-то типовой, как хрущевские пятиэтажки, но в чем-то и глубинный.

Секретарь райкома Пастухов (Всеволод Шиловский) приказывает молодому агроному Борису Холмовому (Владимир Конкин) сеять ячмень, хотя поле было подготовлено под картошку. Но райкому для отчета нужен объем засеянных зерновыми площадей – а там хоть трава не расти во всех смыслах. А когда район проваливает план – уже по картошке – во все виноватым оказывается Холмовой, которого исключают из партии.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Фильм сделан с явным знанием темы: первый секретарь Пастухов временами просто гениален в своей демагогии, умении подменять теплое мокрым, имея при этом вид, будто разговор идет об одном и том же.

История – о столкновении разных мировоззрений: одни живут для цифирек на бумаге, другие – для хлеба в закромах. Это кризис советской системы управления. То, что в СССР называлось «демократический централизм», оказалось неэффективно: верхи, может, и рады бы услышать что-то от низов, но низы, даже в лице директоров совхозов, настолько запуганы, что безмолвствуют. Золотухин играет одного из тех, кто безмолвствует: он Николай Рыбченко, пять месяцев как директор совхоза, а до этого был зоотехником. Секретарь обкома Плотников (Вячеслав Тихонов) видит на ферме тощих коров-первотелок и строго спрашивает, кто же их довел до такого состояния?

– Я, – печально отвечает Рыбченко. – Специально этим занимаюсь. Правда, не без вашего благословения.

– Как это?! – потрясен Плотников.

– Требуете расширять дойное стадо. А кормить его чем? Я бы лучше сократил дойное стадо, но каждую корову выкармливал.

У Рыбченко готовы на бумаге его предложения по содержанию коров, но Плотникову некогда, он говорит: «Пришлите в обком». В ответ на это Рыбченко, в котором что-то зажглось, тут же гаснет – местное начальство не одобрит такого обращения через голову... И по тому, как Золотухин прячет глаза, понятно, что никуда он ничего не пошлет...

Примечательно, что фильм не имеет оптимистического конца: в гостях у Ивана Степановича Миронова, директора совхоза, Героя Социалистического Труда, Плотников пытается вразумить Пастухова, которого давно знает, но тот заявляет, что будет биться «не на жизнь, а на смерть», и уходит, пригрозив повоевать на бюро обкома. Понятно, что если в обкоме найдутся такие же демагоги – а они ведь найдутся, что уж тут сомневаться – то и секретарю обкома может не поздоровиться.

Миронов говорит: «Вся драка-то еще впереди...» – это последние слова фильма. Это в 1987 году – слова, что и говорить, вышли пророческие. Сценарий писал Эдуард Володарский, у которого такого рода производственные драмы были крайне редки. Но это было такое время – у людей болела душа за страну, и это находило место в литературе и в кино.

Золотухин не раз описывал и рассказывал интересный эпизод:

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«Золотухин, – как-то говорит мне Высоцкий, – а если он обращался ко мне по фамилии, это всегда означало, что разговор будет не в бровь, а в глаз. – У вас на Алтае норма – 16 центнеров пшеницы с гектара. Вы же в лучшем случае на круг собираете по 12. А план перевыполняете. Вы где остальное берете?

Я оцепенел, я долго не мог "въехать" в его вопрос, в его заботы. А когда "въехал", озверел: «Да какое тебе дело до нашего хлеба?! И откуда ты про все про это знаешь? ". Высоцкий невозмутимо ответил: "Из «Правды". Он, оказывается, читал ту "Правду", на которой было восемь страниц одних цифр, и которую мы сразу использовали "по назначению". А он ее читал с карандашом в руках, и у него цифры не сходились! Потому что у него болело. У меня, человека с Алтая, не болело. А если и болело, то временами и по чуть-чуть. А у него болело на разрыв».

Наверняка этот разговор с Высоцким Валерий Сергеевич припомнил, работая над этой крошечной ролью. И своего отца припомнил – его, здоровенного мужика, система тоже ломала через колено так, что он молчал, когда надо было бы говорить. Выходило – не отмолчишься.

1987 год – 70-летие Октябрьской революции, которая в то время называлась не иначе, как «Великий Октябрь». К этому юбилею устанавливались трудовые рекорды, снимались фильмы. Таганка не могла выпадать из железного потока – записали на пленку спектакль «Десять дней, которые потрясли мир», он был показан по телевидению 24 октября, в самый канун празднеств.

Это совершенно бесценный документ. В начале фильма звучат «Вихри враждебные», а камера скользит по стене театра, на которой красный флаг – это само по себе зрелище, вспоминается атмосфера тех дней, в которой все же было немало и искренности.

Золотухин уже не выходит на улицу в бескозырке и с гармошкой – это делают другие. В фойе – красные транспаранты, портреты Ленина, актеры поют частушки:

Как в 17-м году
Революция была,
Моя милка с перепугу
Поросенка родила...

Из спектакля сделали фильм в двух сериях. Спектакль вполне правоверный: буржуи, Временное правительство, все, кто нужно, выставлены клоунами, Ленин,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

рабочие, матросы – надежда и будущее. Почему советская власть не любила этот спектакль о себе? Видимо, потому, что он был слишком живой. Он будил в человеке душу и мысли. Иногда и сочувствие: вот один из буржуев говорит, что он в синематографе три сеанса смотрел «Молчи, грусть, молчи», и ты понимаешь, что человек пытался спрятаться в мире киноиллюзий от своей жизни. Приходило ли это в голову зрителям тогда, в 1987-м? Впрочем, были бомбы куда более мощные: «На повестке дня главный вопрос – о введении единомыслия в России!» Тут уж советская власть явно узнавала себя.

Золотухина впервые видно в сцене «Логово контрреволюции» (это та самая сцена, которая начинается с песни Высоцкого «В куски разлетелася корона»). Сцена с ходоками, одного из которых играет Золотухин, уже ближе к концу. Сцена многослойная: ходоки ищут управу на Совет, который, в общем-то, сами и выбрали. «Мы этот Совет выбрали, а они нам – скидавай штаны, всем по сто плетей, зачем вы землю отымали?!»

Матрос–часовой в недоумении: «Совет ваш? Вы его сами выбирали? Так, небось, лучшие, справедливейшие люди?» «Так-то оно так, да...» – говорит Золотухин. И тут выясняется, каким был «критерий отбора» для тех, кого выбрали: «Им в тюрьмах-то сидеть дело привычное – потому и выбирали!» То есть крестьяне предположили, что новую власть все равно скоро пересажают, и выбрали в нее тех, кого не жаль. А те, кого не жаль, во власти прижились!

«Они конокрады больше, а мы хозяева. Нам работать надо», – говорит один из ходоков.

– Вам бы Ленина надо послушать. Ленин про народную власть хорошо понимает. Послушаешь его и человеком себя чувствуешь! – вздыхает матрос.

– А! Это вроде бы как наш поп Пантелей! – догадывается один из ходоков (Юрий Смирнов).

– Глупая твоя башка! Чернозем! Одна у тебя извилина, и та на хуторе осталась! – ругается на него матрос.

– Ты, матросик, не лайся. Мы ведь эту... которую нигде не найдешь-то... Правду ишшем! – говорит Золотухин, и взгляд у него становится таким чистым и таким верующим, каким он бывал только у него. Есть разные амплуа актеров, нужны в театре и такие, кто будет говорить о правде так, чтобы зритель ему верил. Вот Золотухин был на этих ролях.

Спектакль заканчивается патетически: на сцене красные флаги, в зал сыплются листовки, над всем звучит голос

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Ленина, все актеры высыпают на авансцену, кричат «ура» и машут зрителям руками. Золотухин в обличье ходока в первом ряду – он кажется молодым, будто это один из самых первых его спектаклей на Таганке.

Интересно, что, если сейчас в справочниках как сценарист указывается Юрий Любимов, то в фильме в титрах Любимова нет – и это тоже примета времени: спектакль без творца.

К этой же дате снят фильм «Песнь о великом походе» – это поэма Сергея Есенина, которую читает Золотухин, то, что сейчас называется «моноспектакль». Написанная Есениным в 1924 году «Песнь» рассказывает о Гражданской войне в стиле «Слова о полку Игореве» – уже поэтому она должна была быть особо близка Золотухину.

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая.
Русь нечесаная,
Русь немытая!
Вы послушайте
Новый вольный сказ.
Новый вольный сказ
Про житье у нас.

В СССР это произведение Есенина было почти неизвестно. И сам Есенин долгие годы был «литературно-репрессированным», да еще в поэме упоминался Зиновьев, один из организаторов революции, погибший в 1937 году вместе со всеми теми, в ком Сталин подозревал противников своей тоталитарной власти.

Поэма начинается с Петра Первого – почему-то Есенин к нему как к царю вопросов не имел, наоборот – Петр у него явно проходит по категории революционеров, а с его смертью совсем не стало народу житья. Но через 200 лет, «в снеговой октябрь», народ отвел душу:

Утром встал народ –
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Золотухин из этих страшных строк делает проходной момент – это время. Тогда в буржуях и прочих контрреволюционных элементах людей не видели. Интересно, что строки про Зиновьева из моноспектакля выпущены:

Но при всякой беде
Веет новью вал.
Кто ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева?
<...>
А Зиновьев всем
Вел такую речь:
«Братья, лучше нам
Здесь костьми полечь,
Чем отдать врагу
Вольный Питер-град
И идти опять
В кабалу назад».

Бывшего вождя восстания и через пятьдесят лет после расстрела не восстановили в правах. Вылетел из поэмы и Троцкий – коммунисты умели чистить свою же историю.

Изобразительно спектакль поставлен скупо: Золотухин в обычном костюме (рубашка, пиджак, брюки) стоит на фоне задника с тенями колоколов, иногда в кадре появляется кресло.

Золотухин читает гениально, балансируя на грани между театральностью и жизненностью, что удается далеко не каждому. Он рассказывает историю, не мешая зрительскому восприятию, в то время как чтецы, бывает, увлекаются демонстрацией своих чтецких способностей. Видно, что коммунарская правда ему ближе – это ведь и правда его отца, какая бы она ни была. Да и ведь это еще только 1987-й год – вера в то, что идея была правильная и жертвы не зря, была еще крепка.

Даты, когда этот фильм был показан по телевидению, установить не удалось – может, и не выпустили его никогда, вполне могло быть.

В 1987 году Золотухин снимается в двухсерийной ленте «Сын» (режиссер Николай Субботин). Он играет сельского жителя Матвея Погорелова, чьего сына Ваню за исключительные способности в рисовании пригласили учиться в Москву. Взаимоотношения отца и сына становятся понятны после первой же сцены с появлением Золотухина. Он

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

едет на тракторе, видит идущего из школы сына и останавливается.

– Привет, сын! Что нос повесил? Двойку, что ли, схлопотал?

– Нет.

– А что?

– Просто у меня, пап, черный период начался.

– Это как понять?

– Ну, у художников периоды разные бывают – голубой, розовый. А у меня черный.

– Хм... – говорит Золотухин. – Уважаю!

Он произносит это так, что ты понимаешь: отец и правда уважает право сына на такие вот периоды, и не только это, но еще и право на слово «художник», которое сын произносит о себе легко, без сомнений.

Матвей Погорелов и сам стихи пишет – они искренние, но немного смешные. Он грустно говорит сыну: «Знаешь, я какой талантливый был? Но жизнь отрубила выдающиеся места» и ночами чертит чертежи неведомого механизма, выводя из себя жену расходом денег на электричество.

Однако механизм неожиданно оказался нужным – Матвея приглашают в Москву на выставку. Он думает, что с этого начнется и его взлет – внедрение рацпредложения во всех отраслях, но ему просто дали медальку, и все. «Вот и весь ренессанс. А ты говоришь – мы не тараканы... Ты верь, Ванюш, а у меня видишь – осечка...» – горько говорит Матвей сыну. И сын, мальчишка лет двенадцати, совершает поступок – он бросает свою московскую художественную школу и уезжает в деревню, чтобы поддержать отца. Потрясенному Матвею он говорит: «Я там нужнее, пап, я точно знаю».

В каких-то поворотах этой пронзительной истории Валерий Сергеевич наверняка угадывал близость с историей его взаимоотношений с отцом. Фильм о том, что дети иногда бывают мудрее своих отцов, – но ведь именно таким иногда чувствовал себя Валерий в Москве.

«Сына» впервые показали по телевидению 1 мая 1988 года. Золотухин в этот день записал: «Сегодня по телевизору еще эта муть субботинская. Говорю “муть”, а сам думаю, вдруг Тамара скажет “ничего!” – и я буду счастлив. Нет, Тамара сказала: “Плохой фильм, ужасный сценарий. Ни одного живого слова, все правильные. Ты должен быть дальновиднее...” Но зато звонил Гоша, звонил Броднев, еще звонили – им понравился».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Интересно, что на видеохостинге YouTube, где можно найти это фильм, у первой серии 600 тысяч (!) просмотров. У второй меньше, но все равно – более ста тысяч. И ведь это просто история об отце и сыне, не сдобренная для легкости потребления ни детективным, ни любовным сюжетом. Что-то трогает людей в этом повествовании – может, тоска по времени, когда проблемы были такими, может, кто-то узнает себя в сыне, а кто-то – в отце...

Кстати, Золотухин столько переиграл сельских жителей, что его персонажами из этого ряда, думаю, можно было бы заселить небольшую деревеньку, и ведь интереснейший и душевный был бы народ! И каждый – особенный...

14.

В июле 1988 года умирает Сергей Илларионович. «15 июля вернулся из Междуреченска – схоронили мы отца нашего, Сергея Илларионовича, на 81-м году жизни ушел он в мир иной, ушел тихо, спокойно, по-солдатски, никого особенно не беспокоя, лег, уснул, и через два часа жизненная сила покинула его...» – написал Валерий Сергеевич в письме Фомину 25 июля 1987 года [10]. «Я вспомнил его лоб, мертвое лицо, тело в пиджаке, покрытое простыней. Потом на простынях волокли мы его, тяжелого, в другую комнату для положения в гроб. Колыхали и трясли его, безжизненного, – это все глазам было ново, таким отца я не видел никогда. <...> Мы ведь с отцом никогда не понимали друг друга. Мы были натянуты, как чужие... Его больше интересовали Брежнев или Хрущев, не говоря о Сталине, чем собственный сын», – записал Валерий Золотухин в дневнике 6 августа 1988 года.

В это время начинают осложняться отношения Золотухина с Филатовым. Золотухин узнал о нелицеприятном высказывании Филатова об Эфросе и не смог ему этого простить. 17 октября перед спектаклем он говорит Филатову, что не хотел бы выходить с ним на сцену: «Мне совесть, память перед Анатолием Васильевичем не позволяют этого делать...»

У Золотухина, видимо, снова кризис, снова зреют мысли об уходе из театра. Но в этот раз идея «запасного аэродрома», который раньше он видел как писательство, принимает совсем причудливые очертания: он затевает небольшой «бизнес» – пельменную!

Это довольно-таки малоизвестная страница его биографии, трагикомическая интермедия. Я однажды узнал о ней и попросил его рассказать.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– Любимов уехал ставить спектакли у капиталистов. Эфрос умер. В Союз писателей меня не взяли – сказали, что я «хвост кометы Шукшина». (У него много лет тянется эпопея с вступлением в Союз писателей – С.Т.) И тут началось кооперативное движение. Мои друзья говорят: «Давай что-нибудь откроем»... – начал он.

Идея родилась в конце 1987 года – первая запись о ней в дневнике от 10 декабря: «Что мне делать с моим кооперативом? Да по такой жизни разве можно что-то сообразить?»

– Вопрос стоял о помещении. Кому идти? Мне. Прихожу в один райисполком: «Конечно дадим!» Время проходит – нет. Пошел во второй, третий райисполком... – рассказывал Золотухин.

В феврале 1987 года помещение дали: «Убил меня внешний вид моего заведения, похожего на длинный зеленый вагончик, да и место среди огромных зданий гостиницы и сугробов. <...> Все почему-то считают, что помещение мне нужно, чтобы там эстраду какую-нибудь запустить. Я пельмени делать хочу!» [5].

К счастью, еще до оформления документов Золотухин выясняет, что в помещении крысы, оно пожароопасно, да еще и закрыто санэпидемстанцией! В марте ему выделяют еще одно помещение, в Чертанове: «600 квадратных метров. Нет там ничего, кроме метров, ни туалета, ни хрена... Все надо делать самим», – записывает Золотухин [5]. У Золотухина есть некий Федоров, говоря нынешним языком, бизнес-консультант, он советует ему искать другое помещение, а то, что в Чертанове, пустить под цех полуфабрикатов. Думаю, от этих разговоров в голове у Валерия Сергеевича все начинало путаться, тем более это был период достаточно серьезных проблем в театре.

– Мне говорят: «Валерий, ты никогда не откроешь пельменную, пока не найдешь себе молодого умного еврея», – рассказывал Золотухин.

Причем «молодому умному еврею» следовало платить 700 рублей из своего кармана. Золотухин из тех людей, которые все истории доигрывают до конца, даже если с самого начала чувствуют, что кончится плохо, и он говорит: «Ладно, ищите!»

Интересно, что кооператив свой Золотухин назвал «Алтай». Вокруг Золотухина собирается кое-какой народ, он проводит собрания. Районное руководство говорит Золотухину, что пельменная в микрорайоне не нужна, открыл бы он

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

лучше литературный салон! «Я ему про пельменную, он мне про Пугачеву и разный взгляд на перестройку», – записывает Золотухин впечатления от встречи с районным начальником.

Чтобы представлять ситуацию, надо знать, что в начале декабря 1987 года Борис Можаев, почуяв перемену ветров, стал требовать от руководившего тогда Театром на Таганке Николая Губенко восстановить спектакль. Губенко предложил Золотухину заняться восстановлением «Живого»: «Ты гениально играл. Партитура вся у тебя в голове». Золотухин записывает в дневнике: «Какая партитура? Я же все время на сцене!» – похоже, он вне себя от того, что на него пытаются взвалить огромный груз восстановления такого спектакля.

Актерская профессия трудна еще и тем, что раз за разом надо делать одно и то же: снова и снова доставать из себя нужную эмоцию, переживание. Эмоции же из ниоткуда не берутся – их надо пробудить в себе! Это работа на износ. Золотухин без сил. Первая запись в дневнике за 1988 год – от 6 января: «Помирать скоро, а как-то неохота, потому что не сделано ничего. А что и сделано, только позорит и без того бездарную, ложную жизнь, подражательную погоню за двумя дамами – славой и юбкой».

В марте 1988 года Театр на Таганке был с гастролями в Мадриде, куда из Иерусалима прилетел Любимов. При встрече с Золотухиным он сказал: «Здравствуй, Федор!» «Если правда, что он репетировал встречу с каждым персонально, то фразу эту он заготовил для меня в Тель-Авиве», – записывает Золотухин в дневнике. Любимов дает знак: ничто не забыто, готовься!

И вот на нем пельменная, «Живой»... А вдобавок наваливается «народный гнев»: по телевидению показали программу Эльдара Рязанова о Высоцком.

Рязанову, видимо, хотелось представить взаимоотношения Высоцкого и Золотухина как взаимоотношения Моцарта и Сальери. Золотухин, с его привычкой к чрезмерной искренности, давал для этого большие возможности. Он в программе Рязанова «Четыре встречи с Владимиром Высоцким» рассказал о ситуации с «Гамлетом».

Это второй фильм о работе Высоцкого в театре. Рязанов спрашивает, правда ли, что в последние годы у Высоцкого были проблемы в театре. Золотухин отвечает, что Высоцкий хотел сесть за стол и писать, сделать что-то вечное. Рязанов спрашивает: «Только это? Или какие-то человеческие конфликты?» Золотухин отвечает: «В театре всегда человеческие конфликты, они неизбежны». Рязанов:

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

«А вы не наводите глянец на прошлое?» Золотухин признает: «Вполне возможно». О ситуации вокруг «Гамлета» Валерий Сергеевич говорит, что приказ о его назначении на роль был «актом дисциплинарного воздействия» на Высоцкого. Золотухин не умалчивает о реакции Высоцкого: «Если ты сыграешь Гамлета, я уйду из театра!»

— Он мне говорил: «Я вообще больше всего в жизни ценю друзей», — рассказывает Золотухин.

— Ну, вы это знали? — спрашивает Рязанов.

— Знал.

- А чего ж вы не отказались тогда? — спрашивает Рязанов.

— Это вопрос сложный...

Золотухин, в общем-то, топит себя сам. Он говорит, что Высоцкому был предложен Кузькин, и тот в какой-то форме увернулся от этой роли. «Мне бы не посмели такое предложить, зная мою позицию в таких делах. Но ты живешь по-другому — видишь приказ и его выполняешь. Я твою позицию уважаю, но я так жить не могу», — так слова Высоцкого передает в фильме Золотухин.

Ну вот, в общем-то, и все.

Фильм показали в январе 1988 года, ко дню рождения Высоцкого. Реакция зрителей обескуражила Золотухина: «История с Гамлетом, рассказанная мной в рязановском фильме, вызвала бурную реакцию у зрителей. Они склонны меня осуждать», — пишет он. И еще в феврале: «Я получаю угрожающие письма, что я поставлен на ножи, что квартира моя сгорит вместе с моими щенками, что сдохну я от ножа, и пр. За Высоцкого — смерть!»

Интересно, что он не досадует на себя: зачем я все это сказал, надо было промолчать. Такой вариант им даже не рассматривается.

«И вправду стало страшно жить. Ведь дураков-то сколько, сунут финку в спину или трахнут по башке молотком...» — пишет Золотухин, и никакой иронии за этим не чувствуется.

Золотухин говорит, что драматургии добавил монтаж Рязанова. Рассказ Золотухина о «Гамлете» и правда предваряется рассказом Вениамина Смехова о том, насколько значима была для Высоцкого эта роль, и о том, что актера, который взялся репетировать ее вместо Владимира, «Высоцкий не простил никогда». Что и говорить, настроение было задано!

От всего этого Золотухину еще пуще хочется спрятаться хоть куда-нибудь — в ту же свою пельменную, где, как он мечтал, будет у него свой кабинет, в котором он будет думать и писать, писать и думать...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Как раз в это время Золотухину нашли молодого умного еврея.

– Звали его Иосиф. Следующий поход был у нас в Ждановский исполком. Он говорит: «Сидите здесь, я пошел на переговоры». Минут через сорок появляется: «Всё! Договорился. Но нужна сумма риска». Я говорю: «Это что?» Он говорит: «Это три тысячи рублей». Это теми деньгами, настоящими, которыми «Запорожец» стоил пять тысяч. Я говорю: «Иосиф, это же взятка!» Он плечами так пожимает: «Вот когда вы научитесь правильно терминологически формулировать вашу речь, тогда мы сможем что-то сделать. Это сумма риска. Человек, который дает вам помещение, рискует: вы в этом помещении размещаете пельменную. Вы же хотите получить доход. И вы не хотите этим будущим доходом поделиться?» Я говорю: «У меня нету». Он говорит: «Займите». Но пока я думал, у кого занять, напротив моего дома сожгли ларек. А в другой раз я услышал под окном выстрелы. Да еще кто-то мне сказал: «Валера, ты от рэкета не отобьешься!» А Любимов, узнав про мой кооператив, сказал: «Знаешь, где твоя пельменная? Из той кулисы в другую. Что ты дурака валяешь?» И на этом моя пельменная закончилась... – с умешкой рассказывал мне Валерий Сергеевич.

Репетиции «Годунова» начались 22 февраля 1988 года. В этот же день Золотухин объявляет сам себе «марафон трезвости» – ни капли спиртного, пока не будет выпущен «Годунов». 27 апреля состоялся прогон – на этот раз без чиновников из Министерства культуры. «Голос порвал и ногу потянул. В сцене у фонтана задохнулся, но физически вытяну я и эту роль», – записывает Золотухин в дневнике. Бортник, видимо, искушает его наплевать на зарок, но Золотухин тверд. Напряжение таково, что Любимов Золотухину снится, и Золотухин во сне обижается на Любимова за то, что тот сказал ему «Здравствуйте!», а не «Здравствуй!». Золотухин во сне думает: «А вот брошу “Годунова”, зачем мне калечиться?!»

9 мая Любимов приезжает в Москву! Это событие: Таганка по этому поводу даже искала белого коня, но не нашла. Однако Любимов есть Любимов – уже через неделю от восторга Золотухина не осталось и следа. «Скорее бы уж он уезжал. Ничего хорошего не произошло, сплошной “спектакль в спектакле”», – записывает Валерий Сергеевич в сердцах.

Но своеобразный – насмешливый, едкий, саркастичный – Любимов все равно аккумулирует в актерах, и в том числе в Золотухине, ту энергию, которая нужна им для спектакля. «Прихожу с репетиций от общения с гением Любимова совершенно опустошенный и как бы несчастный. Но с затаен-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ной внутри бомбой медленного разрушения», – записывает Золотухин.

18 мая еще один прогон, и он прошел так хорошо, что Золотухин счастлив: «Теперь говорят: Золотухин первым номером, Любимов очень доволен им». Ему сказали, что он играл гениально, и он переживает – как бы не растратить это, как бы повторить в день премьеры.

19 мая Любимов улетел. На прощание он сказал Золотухину: «Ну, восстанавливайся. В смысле Кузькина».

«Живой» повис на сцене, как ружье у Чехова. Он должен выстрелить. Но Золотухин опасается, что выстрел может быть и холостым. Любимов раздает интервью, то и дело поминая «Живого», – для него спектакль, как белый конь, на котором он намерен вернуться в театр. Золотухин читает эти интервью с тоской: «Какие же векселя оплачивать скоро придется...» Он же знает, что весь этот воз везти ему. Скорее всего, он не раз спрашивал себя: а может, пусть бы «Живой» так и оставался легендой? Ну да, был рекорд. Но сколько времени прошло... Никто ведь не требует от спортсменов-ветеранов повторить те рекорды, которые они установили в молодости. А тут речь шла именно об этом. Все ждали материализации легенды, без скидок на время и возраст.

23 мая состоялась премьера «Бориса Годунова». В дневнике Золотухин записывает лестные отзывы: «Вы звезда первой величины...», «Вы интересней всех...», «Вы лучше всех...». Он победил, что и говорить. 28 мая он записывает: «Благодать какая-то в моей душе. Во всем, конечно, виноват “Годунов”». На 12 июня назначена еще одна премьера. Золотухин не находит себе места, изводит сам себя и в конце концов спрашивает сына Сережу: «Сынок, как я буду играть?» Тот туманно отвечает: «Как репетицию “На дне”». «Это хорошо или плохо?» – уточняет отец. «Хорошо», – отвечает сын. 12 июня Золотухин перед спектаклем идет в храм, ставит свечки, молится за всех. А потом – спектакль. Все получилось, и он от восторга не спит всю ночь, поет «Ой, да растворите вы мне темную темницу!»

Критики объявляют «Годунова» лучшим спектаклем сезона. 12 июля сезон заканчивается – «страшный и, может быть, благословенный сезон».

15.

Летом 1988 года у Валерия Сергеевича закручивается еще один роман – с журналисткой из Уфы Людмилой Алексеевной Ефимовой. «Северное море отравлено, гибнет, тюлени выбрасываются на сушу и умирают стадами от воспаления

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

легких... а я думаю о тебе. <...> Меня страшит в этом только то, что я больше никогда не увижу тебя и кричу во всю сорванную “Годуновым” глотку: “Ах ты, милая моя, ах ты, моя милая!”»

Это та самая Ирбис, много где им упоминавшаяся. Свой роман с ней Золотухин пытался сделать сюжетом романа «21-й километр», который так и не закончил.

В июне Людмила Ефимова приехала в Москву на курсы повышения квалификации для специалистов перевода. Ее соседкой по гостиничному номеру оказалась некая Наташа (так в романе), женщина, знавшая Золотухина (себя он вывел в романе под именем Владимира Шелепова). Они позвонили, договорились о встрече. Шел Золотухин к одной, а пришел к другой. Он приглашал Наташу в театр. Зная, что она в номере не одна, и понимая, что раз Наташа прячет соседку, значит, есть что прятать, Золотухин однажды разглядел Людмилу со сцены. И загорелся. В книге слова другие, но мы скажем так: загорелся. Наташа на выходных уезжала к родственникам, и в субботу он заехал за Людмилой и... повез ее в Загорск, к Сергию Радонежскому, поклониться мощам. (В дневнике поездка в Троице-Сергиеву лавру помечена 19 июня.) Смешивать мирское и небесное – в этом Валерий Сергеевич был мастер, что и говорить. По пути умело козырял знакомством с Высоцким – в общем, продавал и подавал себя как мог, а он мог...

В то время Тамара с Сергеем отдыхали на юге, папарацци тогда не было, так что при некотором желании можно было удержать роман в тайне. Но у Валерия Сергеевича, видимо, как раз не было этого желания – держать в тайне: свой дневник с записями о Людмиле он оставил открытым на его обычном месте, словно хотел, чтобы Тамара прочла.

По некоторым намекам можно понять, что Золотухин без особой конспирации завез Людмилу к себе. Что там было – это за кадром, но в результате они разбили торшер, и Золотухину стеклом порезало плечо. Тамаре он этот порез как-то объяснил, но ей хотелось знать, что же было на самом деле, и она решила прочитать дневник.

– Он же писал все, откровенно писал. А я читала. Лежит дневник на столе открытый, он никуда не прятал. Сидит и пишет человек, тут уходит ненадолго... – рассказывала она мне.

То, что было дальше, по-настоящему больно читать. Тамаре Владимировне нельзя не посочувствовать. Золотухин читал ей лекции, воспитывал. Ужас происхо-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

дящего действует и на него – в дневниковой записи Золотухин говорит о себе в третьем лице: «Он осторожно вставлял вопросы ей, зная, что прямого ответа не получит. <...> Она нарушала клятву, данную кровью, – никогда в дневники В.С. не лазить!» Он приводил ей аргументы о тайне переписки – мол, чужих писем не читают. Ну, так дневник и не письмо...

«Влезли ко мне в душу, точат ее», – жалуется себе Золотухин.

Он перестал с ней разговаривать, и Тамара написала ему письмо: «Ужасно унизительно и бесконечно больно быть обманутой и нелюбимой. Я не знаю, как мне быть, как мне жить. Поступай, как хочешь. Но поверь мне, я не буду тебе мешать, приставать, говорить, заглядывать в глаза, ждать твоих ласк, плакать, смеяться и т. д. Это безнадежно. Разлюбил одну, полюбил другую... Что же здесь поделаешь? Прости меня, мой милый, прости. Я люблю ж тебя, кто же виноват, что так получается в жизни?» [5].

Доводы у Золотухина были простые.

– Он говорил: «Это моя жизнь. Так я живу». Такое существовало объяснение. Ему нужны были новые впечатления, новые эмоции, подпитка энергией. Ему нужно было влюблять в себя, влюбляться самому. Быть все время в движении эмоциональном... – так Тамара Владимировна объясняла мне поведение мужа.

«Она временами выходила на веранду плакать. Но я ведь тоже плачу, оттого что не могу без Ирбис жить. Но я не могу и без Тамары жить!» – размышляет Золотухин. Есть тут и соображения материального плана: у него квартира, машина, дача, сын. Он уже ломал все один раз и отлично помнит, каково это – строить все сначала. Он не может собраться с духом для второго раза.

Этих размышлений Тамара Владимировна уже не читала.

– Для самосохранения, инстинктивно, когда жизнь от тебя уходит, ты что-то делаешь, чтобы ее сохранить. Поэтому я бросила читать его дневники и больше никогда в жизни я не заглядывала в них. И в уже напечатанные тоже. И не буду. Мне все равно. Я не могу разбирать его оставшиеся бумаги – мне просто это тяжело и очень нехорошо... – говорила она мне в 2015 году.

Лето 1988 года Золотухин живет этим романом. Или делает вид, что живет? Влюблен он или хочет быть влюблен? Это едва ли не первое лето, когда у него нет съемок. «Кино, кажется, прочно и бесповоротно забыло про меня. Три сце-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

нария, от которых я отказался, – один хуже другого. Неужели я сделал все, что мог?» – записывает он 20 мая 1988 года. И в июле: «Не снимают...»

«Когда я прихожу на пруд, ловлю на себе любопытные взгляды-вопросы. Почему он здесь, в разгар съемочной страды, его что, больше не снимают, он что, вышел в тираж? И признаться, мне неловко делается, потому что все это может быть похоже на очень большую правду...» – позже записывает он.

В семейной жизни трагедия перекипела, получается неизвестно что. «Тамара насобирает горсть земляники и несет мне: тебе надо, кушай, кушай, у тебя молодая девушка. Какую-то форму идиотизма все это принимает или приняло», – пишет Золотухин.

Он назвал ее Ирбис – снежный барс. Она не поняла, в чем смысл. Смысл же, видимо, в том, что это – пугающая красота. Он восхищается ею и боится ее. Или хочет бояться. «Признаюсь, настиг меня любовный роман ошеломительный и крутит меня уже два года почти... и башка, и душа разрываются. Но в нем, в романе этом несчастном, большую радостную муку нахожу», – пишет он Фомину 28 февраля 1990 года [10].

Он называет ее «ладьевидная», придумывает для нее эдакие слова. Он возил ее к себе на родину, там мог ни от кого, в общем-то, не прятаться, мать-то в Междуреченске, а односельчане, может, и осудят, но спишут на столичные чудачества. Фотографии Ирбис времен их романа есть в его музее в Быстром Истоке, уж не знаю, выставят ли их в основной экспозиции. Да, красивая. Но Золотухину 47 лет, он уже понимает, что красота – форма. А жить – с содержанием...

В глубине души он должен понимать, что Ирбис просто перемелет его. Тамара позволяла ему быть главным, а с Ирбис еще неизвестно, что получилось бы. Она жила по-своему – и сразу дала это понять Золотухину, признавшись, что у нее есть муж, дочь и любовник-серб. Золотухин должен был бы спросить себя, поменяется ли конфигурация, если мужем станет он? И должен был ответить: вряд ли. Он, видимо, и спрашивал, и отвечал. Да и опять же материализм: Золотухин понимал, что вряд ли тут ему снова дадут квартиру, времена не те.

Через несколько лет он напишет о Тамаре в дневнике: «Лучшей не надо мне жены. Может быть, и есть лучше жены, но применительно к моей индивидуальности, характеру, уродству – не надо. Она верная, терпеливая и, как всякая истинно русская баба, прощающая. А что мне надо? Всегда свежее выстиранное белье, ухоженный дом – Зоя все востор-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

галась: “Какая же у вас чистая ванная, какая у вас чистота!” – накормленный и ухоженный Сережа» (запись в дневнике 12 марта 1995 года). Это тот случай, когда семейная лодка не разбилась о быт – она именно благодаря быту устояла.

В марте 1989 года Ирбис пишет ему письмо, в котором есть слова: «Неужели ты так бессердечен, лицемерен и лжив, что держишь меня, заранее зная, что никогда у нас ничего с тобой не будет?» Явно речь о разводе с Тамарой с последующей женитьбой на ней, Ирбис.

– Она звонила все время, говорила страшные, ужасные вещи. Вплоть до того, зачем я вообще живу. Я ей говорила: «Когда ты его заберешь?» Как-то на Новый год она позвонила, а Валера уже был пьян, и я ей говорю: «Приезжай и забирай его!» Она приехала и забрала. Да, она была дома у нас... (Речь идет о 1990 годе. – С.Т.).

– Когда Валера умер, она позвонила мне и говорит: «Ты победила!» А я думала, что это Ирина. Говорю: «Ирочка, ты?» – «Нет, это не Ира, это Людмила. Нам надо встретиться». Мы назначили место, но потом я ей позвонила, сказала, что нечего нам встречаться. Она подумала и говорит: «Да, наверное, незачем». И мы не встретились... – рассказывала Тамара Владимировна.

16.

Летом 1988 года Золотухин с театром побывал в Венгрии, где у него, кроме спектаклей, имелось еще одно дело – доехать до могилы солдата Ивана Зыбкина.

Еще в марте 1982 года ему с Центрального телевидения переслали письмо от женщины, писавшей, что она по радио услышала голос родного брата – артист с голосом брата пел в фильме «Пакет» песню «Любезная хозяюшка», которая в семье Зыбкиных считалась родовой. «Откуда ему знать нашу песню, если он нам не родня?» – спрашивала Нина Ивановна Щеголева (Зыбкина). Золотухин в то время был увлечен идеями реинкарнации, трансмиграции и прочих вопросов «существования человека после его физической смерти». Понятно, что от такого письма мороз пошел у него по коже. Однако поверить в, например, переселение душ, мешала математика: Зыбкин погиб 3 февраля 1945 года, когда Валерий уже пел свои первые песни.

Он написал Нине Ивановне в ответ, они стали переписываться и выяснили, что кровного родства между ними нет. Однако Золотухин решил отыскать могилу Ивана Зыбкина. В 1984 году через Общество Красного Креста и Красного Полумесяца Нина Ивановна выяснила, где похоронен брат, – в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Венгрии, в селе Шерегейеш области Фейер, вместе с еще 160 советскими солдатами. С этого и начался рассказ. О войне в нем почти ничего нет – есть о деревенской жизни. Понятно, что основой стало то, что рассказала ему Нина Ивановна, да и сам он знал, как жила тогда деревня. Всей детской радости – как подарила мать трех деревянных лебедей.

Весной 1942-го Ваня Зыбкин ушел на войну, хотя вряд ли подлежал призыву даже по самым жестоким законам – после разорвавшейся петарды на левой руке у него оставались только большой палец и мизинец, а на правой не было мизинца и безымянного. При этом как раз перед уходом в армию напала на него куриная слепота. Сестра хотела рассказать всем и тем спасти брата, но он велел молчать. Золотухина роднило с этим образом то, что Ваня Зыбкин в какой-то степени тоже был артист – играл на балалайке, пел, смешил односельчан байками. Иван Зыбкин воевал на «Катюшах». Золотухин заинтересовался другими гвардейцами-реактивщиками, так состоялось знакомство с Близнюком.

Рассказ «Похоронен в селе» был написан в 1986 году, а в 1987 году опубликован в майском номере журнала «Юность», ко Дню Победы [15].

В июле 1988 года Золотухин попал в Венгрию. Съездил в Шерегейеш, побывал на могиле того, кто стал ему таким удивительным образом близок. На кладбище поменяли памятник, и новый оставил Золотухина равнодушным: «Как будто обманули меня в чем-то».

«Слез или нахлынувших чувств я не испытал при этом, как-то неловко. <...> Ждешь от себя какого-то волнения, страдания, а его нет – так, формальное, деловое обрядовое посещение, для галочки в графу “благородство, чуткость, памятливость, совесть”. И у коллег не вызвало это ни малейшей заинтересованности – куда поехал Золотухин, на какую могилу, что он там написал про это? Горько. Разговоры только о шмотках и о магазинах», – записал он в дневнике 2 августа 1988 года. В переиздания рассказа он эту свою поездку не вписывал. Возможно, не хотел нарушать медитативную интонацию рассказа. Беседовал с читателем возвышенно о возвышенном и не хотел ломать построенное тем, что и памятник оказался не такой, и настроения не было, да и всем вокруг было уже все равно...

17.

С 1988 года в его дневниках записи все чаще начинаются со слов: «Молитва, зарядка, мед, вода, лимон». Он, что назы-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

вается, занялся собой. Сначала – чтобы Ирбис с ним было хорошо, а потом – просто для себя. Чтобы жить.

За здоровьем сколько-нибудь следить он начал с сорока лет.

– Вот были студентами. Выпивали. А у меня вокал начинался в восемь утра. А еще доехать надо! Но проблем, которые мешали бы репетировать, не было. Долгое время – до 30-35 лет – организм все переваривал. А потом я стал замечать, что так быстро не проходит. И когда мне исполнилось сорок... Я прочитал, что после сорока мужикам мясо не рекомендовано. Мужская сила не в мясе, а в сочетании витаминов. И с сорока лет мяса не ем никакого, только рыбу. Утром – мед. С водой. Это от отца. Еще без лука и без чеснока не могу... – говорил он.

Он тщательно следил за весом.

– Я взвешиваюсь утром и вечером. Но на бумаге фиксирую утренний вес. И если он больше 64 килограммов – настроение плохое. Если 64 и 300 или 64 и 200 – значит, день в приеме пищи ограничен. И если мне за 46 лет работы в театре на Таганке ни разу не перешили брюки, тут уже появляется фанатизм. Точно такой же, как в писательстве – вот если я не напишу две страницы утром... Или если не постою семь минут на голове... – рассказывал он мне.

Для больной ноги у него был специальный резиновый чулок. Он становился на голову и начинал читать утренние молитвы – совмещал заботу о теле с заботой о духе.

Эта привычка – стоять на голове – появилась у него еще раньше, чем он повернулся к здоровому образу жизни. Пишут, что это было его подражание Махатме Ганди, но это не так. Стоять на голове Золотухин начал сам по себе: в одном из интервью он говорил, что постоянно стоять на голове начал лет с тридцати пяти, и это осталось у него от занятий биомеханикой, которые на Таганке первое время были обязательны, как зарядка в спортшколе. «В десять была биомеханика. Мы кувыркались, делали упражнения на энергетику, и я втянулся. Мы сперва стояли у стенки, а потом я понял, что могу и так стоять, знаю, что для кровообращения это полезно. А потом это становится как наркотик – каждый день надо постоять...» – рассказывал Золотухин.

Однако и индийский лидер повлиял на это, но не Ганди, а Джавахарлал Неру. В дневниковой записи от 3 мая 1993 года Золотухин цитирует Любимова, который сообщает, что Неру стоял на голове по 20 минут. Чувствуется, что Золотухин завелся: «Услышав это, я к своей двухминутной норме прибавил еще 100 единиц» [5]. Он читал молитвы и считал до трех-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

сот – в результате получалось семь минут стояния на голове, эту норму он сохранял и в семьдесят лет.

Из тех, кто его знал, многие считали, что именно эта его привычка так или иначе убавила ему жизни. Одни говорят, что опухоль и возникла от постоянного скапливания в мозгу крови. Другие – что Золотухин привык к неприятным ощущениям при стоянии на голове, и боль в голове, которая непременно должна была быть и при опухоли, видимо, объяснял этим.

Но до этого еще далеко. Он время от времени записывает в дневнике: «Молитва. Мед. Вода. Лимон», «Молитва. Мед. Вода. Лимон»...

18.

7 сентября 1988 года Золотухин на гастролях в Бобруйске, его в театре подзывают к телефону – Москва! Он пугается – с его жизнью мало ли с чем могут звонить! Но тут радость – ему присвоено звание народного артиста РСФСР! Его поздравляют из разных концов СССР – Расул Гамзатов, с Алтая начальник управления по культуре Анатолий Ломакин прислал телеграмму.

Это известие для Золотухина, как луч света в известно каком царстве. Таганку в это время болтает, как лодку в шторм. Буря, начавшаяся еще при Эфросе, все никак не уляжется. Губенко рассказывает журналистам, что влюблен в профессию кинематографиста. В этом читается, что театр тяготит его. От Губенко ждут спектакля, но он не ставит ничего. Возможно, он понимает, что любая его работа обречена. Золотухин понял это, и на одной из пресс-конференций заявил, что все выдающиеся режиссеры начинали с неудачи, а с другой стороны, Губенко как худрук может вообще ничего не ставить – вот Михаил Ульянов худрук в театре им. Вахтангова, а не ставит ничего. «Я дал Николаю разрешение на провал и вообще отпускную от постановки. Это Николай четко оценил, заметил, во всяком случае», – записывает Валерий Сергеевич в декабре 1988 года.

Таганка побывала с гастролями в Новосибирске – получается не провал, но что-то неприятное. У Золотухина в театре – шторм, в личной жизни – шторм, единственный закуток, в котором он отдыхает, – «Кузькин». Он весь сосредотачивается на нем, даже в дневниках пишет кому-то «дайте мне добежать эту дистанцию». После Альцеста это его вторая премьерская роль. Проблема еще в том, что Кузькин – легенда. Соответствовать легенде нелегко, если

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

вообще возможно. Золотухин это понимает, но понимает также, что тут ему деваться некуда – надо сыграть.

Работу над ним Золотухин начал с осени 1988-го, с текста, с самого начала, будто и не играл роль. В феврале 1989 года идут репетиции на сцене. Можаев смотрит и хвалит Золотухина. «Да не хвали ты его!» – говорит Можаеву Любимов. Золотухин находится в состоянии, близком к паническому. Это ведь не возрождение материальной стороны спектакля – надо вернуть его энергетически. Золотухину надо вернуться к себе на двадцать лет назад, сбросить груз, накопившийся с 1969 года. Легко ли это? Возможно ли? Он сам себе психотерапевт, говорит: «А чего я боюсь? Ну даже в том качестве, которое присутствует в “Живом”, – уже хвалят». И сам себе отвечает: «Не будет страдания и боли – не будет и роли».

По его дневникам видно, что он каждый раз – не перед каждой ролью, а перед каждым спектаклем – доводит себя до пограничного состояния. «Как-то надо не думать об этом, чтобы коленки не дрожали...» – записывает он в ноябре 1987 года перед съемкой спектакля «Мизантроп». «Я боюсь спектакля», – признается он в мае 1988 года перед «Борисом Годуновым». Скорее всего, он боится успокоиться. Страх перед сценой нужен ему – тогда нервные окончания оголены, эмоции искренние, реакции подпитаны настоящим переживанием.

«Вот кончится “Кузькин” – поживу на даче, буду писать роман», – мечтает он в феврале 1989 года. Это запись от 17 февраля, а премьера восстановленного «Кузькина» назначена на 23 февраля. 20 февраля прогон – Золотухин без голоса, хрипел, выбился из сил. 21 февраля прогон – «земля и небо по сравнению со вчерашним прогоном», даже Любимов ему сказал: «Хорошо ведешь, не снижать».

Станет ли 23 февраля «для русской кисти первым днем»? – спрашивает себя Золотухин, а 22 февраля записывает в дневнике: «Завтра день, для которого, быть может, и родила меня Матрена Федосеевна. Отстою завтра в церкви всю службу, и с Богом!»

О том, как это было, Золотухин в дневнике не рассказывает – следующая запись в дневнике только за 27 февраля, о премьере мельком. Но, к счастью, есть опубликованная 27 февраля рецензия в «Известиях»: «...на бедной пустой сцене именно и стоит какое-то бедняцкое, нищее пугало. Пиджачишко накинут на дощечку с надписью: “Прудки”. Кепка, рваное кашне. Стоит пугало, есть не просит. Но вот уселась публика. Свет затих. Балалаечный перебор

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

слышится. И выходит из-за кулис Золотухин, идет боевым шагом вдоль задней стены театра, затем к центру, к пугалу. В руках у него синенькая книжка “Нового мира”. Начинает сказывать нам сказ про Федора Кузькина. Снимает с пугала кашне, кепку, штаны напяливает, а сам в “Новый мир” заглядывает, под балалаечный перебор листает быстренько, вводит нас в курс.

И спектакль начинается. Под плясовую музычку выплывают важно на сцену деревенские персонажи с тоненькими шестами-березками в руках. Втыкают каждый свою березку в заготовленный паз подмостков – и лес готов. На вершинах березок – домики, далее потом зажгутся огоньки, бурной ночью закачается пустой лес. Все готово к действию. И эти березки художника Давида Боровского, и достоверность типов, показываемых артистами, и балалаечный разнобой (диссонансы-то есть) композитора Эдисона Денисова, и в центре наш герой, бывший солдат Отечественной, ныне колхозник, которому не плачено за трудодни. А детей у него пятеро, мал мала меньше...

Спектакль подвижный, легкий, невесомый. А толкует о неподъемном: о проблеме деревни, о горе, о нужде, о нелепостях темноты жизни беспаспортных колхозников, о хамском идиотизме целой иерархии начальничков, сидящих на шее народной. Почему же мы тогда, люди добрые, хохочем? Над чем смеемся? Ну, конечно же, над собой и смеемся, как заметил еще Гоголь. А вот почему, это вопрос эстетический. Кузькин в исполнении Золотухина очень похож и на Теркина, и на Иванушку-дурачка: терпелив, правдолюбив, вынослив и непобедим в своей шутливой и серьезной позиции. Смеемся, ибо режиссер нафантазировал лихую, великолепную стилистику, очень для театра необычную и изящную – нечто вроде театрального лубка. Но без ярмарки ярких красок – бесцветный такой лубок, глухая деревенская жизнь. Тут ненавидят люто, пьют наповал, бранятся, дерутся, частушки поют наотмашь».

Золотухин опустошен. Счастливо опустошен. Легенда оправдала себя. История с «Живым» была одним из главных событий жизни Золотухина, и даже не сама постановка, а ее возрождение. Золотухин почти не говорил об этом, но это чудо возрождения носил в себе всю жизнь, как доказательство – я могу! «Я не ожидал такого успеха “Живого”, он меня оглушил и ослепил. И я потерял ориентацию. Но все же устоял на ногах, хоть и с радикулитом», – пишет он весной 1989-го.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Однако театральная судьба «Живого» после восстановления оказалась недолгой. Валерий Золотухин рассказывал мне:

– Этот спектакль практически в одночасье стал историческим. Зрительный зал не понимал, что такое «трудодень», «колхоз». Время сменилось...

Когда мы говорили с ним о «Живом», меня удивило, что воспоминания явно доставляли ему удовольствие. Я удивился – ведь такой спектакль погиб! А потом понял: для Золотухина было главным то, что он победил. А спектакли все умирают. Это театр.

19.

В это же время Любимов репетирует в театре «Маленькие трагедии», Золотухин назначен на роль Дон Гуана, это роль Высоцкого из фильма Швейцера. Вдобавок Любимов хочет использовать музыку из фильма. Золотухина нервируют неизбежные аллюзии. Тем более шум после рязановского фильма не утих, Валерия Сергеевича донимают записками на концертах, а в газете «Неделя» (приложение к «Известиям») написали, что Высоцкий репетировал Самозванца в «Борисе Годунове». Читалось – вот и тут Золотухин другу дорогу перебежал! Валерий Сергеевич пишет в газету письмо, напоминая, что «Бориса Годунова» репетировать начали в 1981 году, когда Высоцкий уже умер.

25 марта Золотухин впервые увидел на большом экране «Интервенцию» – фильм наконец разрешили. «Порадовался. Нет, что-то в жизни сделано, кроме детей», – записывает он.

В апреле Николай Губенко заявляет, что вынужден оставить театр из-за саботажа ведущих артистов – Бортника, Демидовой и Золотухина. За Золотухина вступается даже Любимов, который, наверное, ни за кого не вступался: «Он ведет репертуар и работает, как лошадь». «У меня такое впечатление, что он снова решил с театром завязать», – записывает Золотухин в дневнике о Губенко.

Так начались события, результатом которых стал раскол труппы, раздел театра и нынешнее существование Таганки в виде сиамских близнецов, каждый из которых старается жить своей жизнью, при том что система жизнеобеспечения у них общая (система отопления на оба театра одна).

В июле 1989 года в издательстве «Современник» вышла новая книга Валерия Золотухина «Печаль и смех моих крылечек».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В отличие от «современниковского» же издания 1984 года, в «Крылечках» добавилось одиннадцать рассказов и очерков, в том числе «Этюд о беглой гласной» о Высоцком, «Комдив четырнадцатый» о Близнюке, «В границах нежности» об Эфросе, «Рассказы бабки Катерины» – семейные предания, давно тревожившие Валерия Сергеевича.

Он рад – и не рад. «Издана потрясающе, но что за тексты, как они придутся? Читаю один раз – отвращение, читаю второй – нравится. Один и тот же текст по-разному», – записывает он.

В сентябре Леонид Филатов попал с пневмонией в больницу. Золотухин, которого незадолго до этого, несмотря на весь его здоровый образ жизни и стояние на голове, хватил радикулит, записывает: «Разваливаются организмы вместе с театром».

«В театре полный развал. Я такого не помню даже в самые худшие времена...» – записывает он 28 января 1990 года. Любимов уехал, актеры запивают, заболевают. Золотухин потрясенно смотрит на происходящее в театре, и еще более потрясенно – на то, что происходит за его стенами: в Европе рушатся коммунистические режимы, Чаушеску с женой расстрелян, Тодор Живков, который когда-то приезжал приветствовать Таганку, под арестом, Эрик Хонеккер, лидер ГДР, под судом.

Он в это время готовит к изданию в издательстве «Современник» книгу «Дребезги». В ней почти те же рассказы и повести, что и в «Крылечках», – явно для объема, но, кроме того, под заголовком «Все в жертву памяти твоей» в книге впервые собраны дневниковые записи о Высоцком. Золотухин понимает, что это должна быть бомба на всю страну: Высоцкий на тот момент – самая читаемая тема в СССР. Но он понимает, что это и внутритеатральная бомба – там и о Любимове столько правды-матки, что не понять, как Золотухин собирался после этого работать в театре. «Ну и что будет, когда они выйдут? – спрашивает себя Золотухин. И отвечает: Ничего не произойдет». И тут же добавляет: «Нет, что-то должно произойти. Что-то будет». По своей привычке он дает читать дневниковые отрывки о Высоцком знакомым и друзьям. Филатов отзывается резко: «Дерьмо, а не литература!»

Однако в «Современнике» «Дребезги» не выйдут – только весной 1991 года их издаст новосозданный Центр творческих встреч Всероссийского общества «Союзтеатр» [4].

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В театре Валерий Сергеевич репетирует «Самоубийцу» Николая Эрдмана и опять, по своей методе, рвет сам себе душу внутренними монологами: «Я – тоже самоубийца. Я убил свой талант, пропил, проспал – самоубийца». Выбор спектакля Любимовым, что и говорить, знаковый: как раз в это время Таганка занимается самоубийством – ругается, выясняет отношения сама с собой. Золотухин вспоминает расколовшиеся театры – МХАТ, Ермоловский...

13 января 1991 года в Вильнюсе советское руководство, стремясь сохранить Прибалтику, пускает в ход армию. Войска пытаются штурмовать здание Верховного Совета, народ заслоняет здание собой, и танки задавливают пятнадцать человек. Золотухин записывает в дневнике 14 января 1991 года: «Что нас ждет? Война с Литвой? Все опять против нас: Европа, Америка. Горбатый не ведает, что творит».

Таганка в это время на гастролях – и не где-нибудь, а в Праге! Ассоциации с 1968 годом, возможно, возникают, но Золотухин о них не пишет. Любимов составил заявление, осуждающее действие советского руководства в Литве, и предлагает всем, кто желает, подписать. Золотухин подписывает. 17 января становится известно, что войска введены и в Ригу. «Спектакль вчера начался с минуты молчания по убитым в Литве. В общем, полный п... Надо бы в это время быть дома», – записывает Золотухин 17 января.

Ситуация такая, что в театре обсуждают возможность остаться в Чехословакии.

В это же время США проводят в Ираке свою операцию «Буря в пустыне». Поначалу казалось, что иракская армия будет биться до конца.

Золотухину, видимо, кажется, что мир вокруг сошел с ума. Неизвестно, какие апокалипсисы ему чудятся, но он решает, что Таганка заканчивается: «Она заканчивается вместе с вводом танков в Вильнюс и Ригу» [5]. Возможно, он думает – как же после этого можно играть спектакли?

28 января гастроли в Чехословакии заканчиваются, театр едет назад, никто не эмигрировал, только Любимов поехал в Мюнхен.

В феврале отбирают спектакли на Государственную премию. Вместо «Живого» комиссия смотрит «Бориса Годунова». Золотухин расстроен: «Так я могу и пролететь!» Премия и правда проходит мимо. Золотухин в дневнике

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

признается, что ужасно завидовал Олегу Янковскому, когда тот получал Госпремию (в 1987-м): «Я хочу, чтобы этот день в моей жизни состоялся!»

И словно для вразумления самого себя он в конце этой записи ставит фразу: «Моя корысть в этом простая: потратить остатки жизни своей на возрождение храма».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ХРАМ

Глава восьмая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1.

Фраза о том, чтобы потратить остатки жизни на возрождение храма взята в кавычки, будто она чья-то – но это мысль самого Золотухина, только он пока боится сам себе в этом признаваться. Он понимает: такими вещами не шутят, такие слова назад не возьмешь, даже если их никто, кроме тебя, не слышал.

Он еще какое-то время прислушивается к себе, а 10 марта 1991 года записывает в дневнике уже от себя: «Я хочу заложить храм в Быстром Истоке!» Это написано после поездки в Тверь, где на полиграфическом комбинате готовятся к печати «Дребезги» – новая книга, подготовленная «Союзтеатром». Возможно, этим Золотухин пытается доказать себе и всем, что не ради денег он публикует эти дневники, а возможно, от всей этой жизни он и правда решил дать сигнал небесам – может, вмешаются и поправят хоть что-нибудь?

19 марта с гастролей театра в Испании пишет письмо Рудольфу Фурману, старому своему другу, устраивавшему много гастролей Золотухина по городам СССР: «Мой Рудичка, дедулька мой любимый (Золотухин звал Фурмана “дедушка”, а свои письма к нему подписывал “Ванька Жуков” – С.Т.). Крещение – самое важное событие в жизни человека. Я получил от тебя письмо, из которого узнал, что тебя крестили в пять лет и обрекли Владимиром. Ты знаешь, что я крестился поздно, в 1981 году, когда Сережке исполнилось два года. И это крещение для меня было самым большим праздником. Это второе рождение – рождение во Христе. Мы стали христианами, мы вступили в новую жизнь, жизнь с Богом, требующую от человека постоянной духовной работы над собой, жизни в любви, доброте и покаянии. Так говорил нам священник, и мы соглашались с ним. Крещение наше совпало с праздником Боголюбской иконы Божией Матери – 1 июля по новому стилю 1981 года. С тех прошло 10 лет, слава Богу, жив. А как прожил эти десять лет – с Богом или без – лучше не спрашивать. Каждое поколение начинает с того, что исправляет ошибки предшествующего. Я, как ты знаешь, конкретно хочу попробовать исправить одну из ошибок моего отца, принимавшего с другими отцами активное участие в борьбе с религией, верой в Бога у нас на Алтае, разрушая храмы, преследуя верующих, сбрасывая кресты и колокола, сжигая и топча иконы, разворовывая церковную утварь. Я хочу построить церковь в Быстром Истоке. Я написал письмо об этом митрополиту <...>. В общем, приеду, там свободные дни, и давай с тобой по стране зарабатывать деньги. И что можем, направим на храм в Быстрый Исток. Я знаю, если на счету твоего театра что-то есть,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ты направишь на счет, который я тебе пришлю, и к 600-летию Сергия Радонежского в 1992 году, может, и удастся приурочить закладку храма. И храму дать имя святого заступника Руси. Я послал письмо в газету на Алтай на имя главного редактора Владимира Мефодьевича. Любя эту газету, я написал им, чтобы быть услышанным, а там как Бог рассудит. Будь здоров. С приветом, вечно твой внук Ванька, он же Валерий твой Золотухин. 19.03.91. Испания, гастроли Таганки».

В этот же день он в дневнике записал, как хотел бы встретить старость: «Мне чудится, что живу я в Быстром Истоке, в лачуге или временном доме, при строительстве церкви. Я вижу себя на обжиге кирпича, советуюсь со специалистами, слежу за температурой в печи, считаю штуки. Вижу себя читающим Библию, изучающим Святое Писание, разучивающим церковное пение» [5]. Он, правда, оговаривается, что это не затворничество – «на монашеский подвиг я не гожусь», но «подобие жизни смиренной, богоугодной я бы решился попробовать».

Чего тут больше? Желания отдать отцовский долг, построив то, что им разрушено, или желание уйти, отгородиться от мира, от происходящего вокруг? Золотухин помнит, как коммунисты держались за свое, по рассказам отца, родни, по проработкам Таганки в прежние годы – он явно не ожидает, что у этого колосса глиняные ноги. Да и никто тогда этого не ожидал.

Кризис в стране, кризис в театре, да еще и внутри Золотухина кризис – все это давит на него. Возможно, он думает, что все это ему для вразумления. Он ведь и сам понимает, что романом с Ирбис нарушает заповеди, корит себя. Храм – искупление, и не только за грехи отца, а и за свои. «Я напишу, напишу. Я все расскажу про мою нелепую жизнь, а может и лепую... кто знает? Ведь со стороны я как будто абсолютный отличник, а что король голый, так этого ж никто не видит до поры, а в первую очередь он сам» [5]. Так уничижительно, как в этот год, он не писал о себе никогда ни до, ни после. И это после «Живого», после «Бориса Годунова»!

30 марта 1991 года, ровно за 12 лет до смерти, он отправляет в Быстрый Исток своей любимой учительнице Елене Ивановне Коковихиной письмо с вопросом: «Как вы думаете, нужна ли церковь поселку?» Потом он присылал ей для отчета все списки: кто сколько денег дал, до копейки отчитывался...

Золотухин снова задумывается об уходе – ему нравится идея уйти из театра 21 июня, в день своего 50-летия. Уйти из профессии вообще, уехать в Быстрый Исток, продавать книги, обжигать кирпичи для храма.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

2.

В апреле его дневники о Владимире Высоцком «Все в жертву памяти твоей» выходят в журнале «Литературное обозрение». Золотухин со страхом ждет отзывов. Однако те люди, отзывы которых ему важны, восхищены. Людмила Абрамова, первая жена Высоцкого, говорит: «Неужели, думала я, никто не скажет правды? Все, что о нем написано за это время, вместе сложить, не стоит одной страницы твоих дневников. Какая ты умница, что вел дневники. Я не могу без слез читать... Я иду по тем дням...» [5].

После этого Золотухин снова уходит в заботы о храме. Он узнал, что небольшая православная община имелась в селе с восьмидесятых годов, ее создала Валентина Григорьевна Моховикова. В августе открыт счет, Золотухин перевел на него 10 тысяч рублей. «Буду, как Иван Калита, в кожаный мешок собирать червонцы для храма Покрова Богородицы».

19 августа – путч, ГКЧП! «Пока только хочется плакать. <...> Ельцина они арестуют, а вместе с ним и Бумбараша», – думает Золотухин [5]. Золотухин размышляет: прятаться или нет? В конце концов дает интервью чехословацкому телевидению: «Я должен был это сделать, иначе презирал бы себя!» [5]. В интервью он напомнил, что 20 августа – годовщина ввода войск в Чехословакию. ГКЧП рассыпалось, Ельцин победил, Золотухин корит себя за то, что не пошел к Белому дому. Таганка гудит: Николай Губенко, министр культуры СССР, подал в отставку. Оказалось, он дружил с одним из заговорщиков – министром финансов Павловым.

В сентябре ему звонят из Быстрого Истока: место определено и освящено, на счету 23 тысячи рублей, а надо полмиллиона. Он понимает: надо зарабатывать. В жизни появляется смысл, рефлексировать некогда. И это ведь самый перелом эпох! В октябре 1991 года он записывает: «Может быть, от голода-то и вправду придется на Алтай убегать?»

Голод – это, скорее всего, громко сказано. Но, видимо, той осенью Москва начала жить так, как до этого жила вся страна. После путча ГКЧП союзные республики дружно объявили о независимости, экономические связи, и так не очень прочные, лопнули. В стране и без того существовала карточная система. Снабжение Москвы сильно осложнилось.

– Помню, пришел наш товарищ и говорит: «Сейчас кризис, надо покупать, пока деньги не стали фантиками. Если есть деньги на машину, купите машину, нет – хотя бы холодильник». Мы купили второй холодильник – это

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

хорошо, потому что старый скоро сломался. Этот товарищ говорит мне: «Купи сливочного масла много-много, перетопи его, потому что оно так хорошо хранится». Я это сделала. Потом, через сколько-то лет, я это масло нашла. Эти банки... И выбросила. Масло позеленело. Это был психоз. Крупу тоже купили – а зачем? Я потом ее выбрасывала. Мы раз в месяц, может быть, из крупы что-то делали... – вспоминает Тамара Золотухина.

В театре Любимов договаривается о гуманитарке, ее мгновенно расхватывают, едва привезли. Артисты работают уже не за деньги, а за еду.

– Звонит мне как-то Нонна Викторовна Мордюкова, Царствие ей Небесное. «Валера, поедешь работать за синенькие?» Я говорю: «Это что?» Она поясняет: «Битые цыплята, не знаешь что ли?» А тогда же было шаром покати, в магазинах только мусор, называемый чаем. Она говорит: «Еще картошки дадут». Я говорю: «Поеду». А она: «А баре наши отказались». «Что за баре?» – спрашиваю. А это Державин с Ширвиндтом. И мы поехали! Кроме того, что насыпали картошки, мне еще костей нарубили! А я же еще ездил в Финляндию, в общество советско-финской дружбы. Продавал свои книги, покупал сосиски, колбасу, еще напивался, и на границе волокла все это милиция! Помню, в Новосибирске был с театром на гастролях, а купить ничего нельзя – все по карточкам. Я хотел поехать в Быстрый Исток и не мог же с пустыми руками. И кто-то дал мне талоны на масло – от себя ведь человек оторвал... – рассказывал мне Валерий Сергеевич.

Он тогда сильно рассчитывал на свою славу, думал: будет книжки продавать на улице, так и протянет тяжелые времена. Как раз вышла новая книга «Дребезги».

– Планировали тираж в 150 тысяч, а вышло 75 тысяч. Да и те издательство уже не могло продать. Привезли мне целый КамАЗ книг в Театр на Таганке. Я его с сыновьями разгрузил, рассовал книги в театре по всем щелям. До сих пор иногда эти тайники нахожу. Я думал тогда: пойду на улицу, продам... – рассказывал мне Валерий Сергеевич историю своего книготоргового бизнеса.

– Он говорит мне: «Купи мне столик и стульчик». Брезентовый, раскладной. Он хотел у метро все это поставить и с пачками книжек там сидеть... – вспоминает Тамара Золотухина.

– Около метро «Академическая» поставил стол, стул, выложил свои «Дребезги» и жду, когда ко мне народ бросится.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

А люди бегут мимо зачумленные. Я кричал: «Золотухин продает свою книгу!» Ну и что? Как побитая собака я собрал свои стол-стул и пришел домой. Жена надо мной посмеялась, я сходил в бакалею, взял водки и залил это горе... – посмеивался Золотухин в нашей с ним беседе много лет спустя, когда все это было уже смешно.

В октябре 1991 года он решает продавать книги в книжном магазине на улице Профсоюзной. И с удивлением узнает, что в 1973 году здесь торговал книжками сам Василий Макарович Шукшин! Вышло так: в магазин завезли 600 экземпляров романа «Любавины», их почему-то не покупали. Руководство магазина решило устроить то, что сейчас называется «автограф-сессия»: пригласили автора, он продавал книги, ставил автографы. Все ушло за день. Так судьба еще раз свела земляков.

Время наступало непонятное. Вдобавок ко всем проблемам народ вдруг перестал ходить в театр!

– Нам казалось, что билеты проданы на 10 лет вперед, и вдруг на спектакль «Борис Годунов» – треть зала. Но по телевизору зрелище было тогда интереснее, чем в театре... – немного изумленно рассказывал мне Золотухин.

3.

1992 год начался с войны в театре. Мэрия Москвы решила заключить контракт с руководителем театра. В коллективе слово «контракт» многих напугало, на этом решили сыграть Губенко и Филатов. Еще одно страшное слово – «реорганизация». Часть коллектива пугает сама себя разными страшными историями о том, что Любимов всех выгонит, а завезет в театр иностранных актеров. Предводительствуемые Филатовым и Губенко, они решают принять свой устав общественного объединения «Таганка», который, по мысли, застрахует их перед Любимовым. 9 января проходит собрание коллектива. Любимов приходит на него, что-то довольно пренебрежительно говорит. Губенко высказывает ему свои обиды, распаляется, говорит: «Мы вас любим, но прошлого, а нынешнего мы вас ненавидим, я лично ненавижу, потому что вы лжец». Если бы Любимов дал себе труд что-то объяснить людям, возможно, ему удалось бы изменить настроение большинства. Но Любимов никогда ничего не объяснял: он считал, что ему надо верить. В конце концов Любимов уходит. Собравшиеся голосуют за создание общественного объединения «Таганка». Золотухин на этом собрании не был – части труппы, той, на которую Любимов мог положиться, он не рекомендовал ходить на это собрание. «Что

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

поразительно – те же люди травили Эфроса!» – записывает Золотухин.

24 января к нему приходит Яков Полозов, его клоун – он узнал о намерении Золотухина строить церковь. Тогда-то Золотухин и узнал, кто отец Якова Полозова, чей он крестник. Золотухин потрясен – вот какие пируэты выписывает судьба!

В феврале ему вдруг предлагают роль – Леонид Хейфец предлагает ему играть Павла Первого в театре Советской Армии! Это персонаж значительный, история уникальная, роль из тех, о которых Валерий Сергеевич мечтал много лет. Павла с большим успехом играл Олег Борисов, но он тяжело болен. Театр начал искать ему замену, и когда вспомнили о Золотухине, все решили, что лучшего кандидата не будет. «Господь посылает мне шанс. Будет грех великий, если я не использую его», – пишет Золотухин 13 февраля 1992 года в дневнике.

Для него, должно быть, радостной была сама возможность находиться вне стен Таганки. Кризис в стране множился на кризис в театре, но теперь хотя бы в самом Золотухине не было кризиса: у него есть Роль, у него есть Храм. Оказалось, это немало – если есть на что опереться в самом себе.

Если для какой-то роли внутреннюю наполненность надо где-то взять, то тут эту самую наполненность Золотухину впору было отливать на сторону. Драма раскола Таганки наполняла его настоящим ощущением трагизма. Да еще и параллели: Таганка была полна заговорщиками, как Михайловский дворец Павла Первого. Император не знал, на кого можно положиться, не предаст ли завтра тот, кто верен ему сегодня? Точно так же и в Театре на Таганке невозможно было понять, кто еще друг, а кто уже враг.

Напряжение огромное, Золотухин, как всегда, подходит к роли как в первый раз, и поначалу чувствует себя бессильным и ничтожным, однажды даже начинает плакать во время репетиции. Впрочем, возможно, это сказалась усталость от такой жизни в целом.

Еще очень важно было, чтобы его принял новый театр. Известный ныне художник Александр Трифонов тогда служил в театре Советской Армии срочную, работал художником-постановщиком и заодно выходил в массовке. Золотухин вспоминал, что глаза юного Трифонова поддерживали его.

– Есть там одна сцена, когда княгиня говорит Павлу: «Бунт, бунт (против вас организован бунт)!» Павел прибегает на площадь, там выстроились его солдаты. И он проходит так мимо них и спрашивает их: «Правда ли, вы верны мне?» А я

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

был введен на исполнение этой роли после гениального, говорят, исполнения Борисова, и для меня каждые глаза партнеров – они были очень важны, как поддержка... Я приходил на спектакль и чувствовал какую-то неуверенность в себе... И когда я искал вот этого самого спасения, я всегда натыкался на прекрасные глаза Саши Трифонова, которые смотрели на меня... я потом уже узнал, что это были его глаза. И я обретал уверенность в себе. Он вселял в меня какую-то надежду. Он был так верен мне, Павлу Первому, что мне было уже не страшно ничего потом играть, – рассказывал Валерий Сергеевич на одной из встреч Александра Трифонова с почитателями его таланта.

В марте идут генеральные репетиции и сдачи. Хейфец говорит ему: «Должен сказать тебе с полной откровенностью – ты победил! Ты выиграл по всем показателям, на все сто процентов. Ты победил партнеров – они стали твоими союзниками».

Золотухин записывает в дневнике, что билетеры в восторге от его Павла Первого и говорят, что эта роль лучше всех его таганских.

15 апреля он играет премьеру «Павла Первого». Все получилось. Владимир Зельдин, старейший актер театра Советской Армии, звезда кинематографа еще 30-х годов, сказал Валерию Сергеевичу: «Молодец! Другой театр, большая площадка... Герой... После Борисова... Героический акт во всех смыслах».

Он играет Павла по средам – это на Таганке выходной день (в дневниках он всякую среду отмечает: «Мой день»). «Я царствую по средам», – пишет он. Роль эта так на него действует, что он с тех пор, если приводит дорога ехать мимо Михайловского замка, испытывает «странное чувство страха»: «Где-то там, в глубине его, в темноте его, меня убили, когда я был Павлом Первым».

4.

В июне он в Быстром Истоке проводит большой праздник, собирает деньги на храм. Люди пожертвовали 11 600 рублей. Это 1992 год – не такие уж большие деньги. Но глава администрации Быстроистокского района Валентин Кузьмич Тищенко поклялся, что не уйдет в отпуск, пока не заложит фундамент.

Дела с храмом идут тяжело, и его одолевает отчаяние. Однако в Быстром Истоке в то время АО «Алтайпродуктхлеб» строило элеватор. Золотухин подумал: «Предприятие большое, денежное, авось помогут?!» Просить – так, чтобы по

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Дейлу Карнеги – он не умел. Поэтому решил действовать без экивоков и обиняков.

– Зная, что приедут начальники, я стал их поджидать в здании администрации. Они прибыли прямо с объекта, и тут я падаю им прямо в ноги, в перемазанные глиной сапоги: «Товарищи, помогите построить храм!» Когда поднялся, первое, что услышал, было изумленное: «Бумбараш!» Эффект был просчитан – и он сработал. Мужики обалдели, потом засмеялись: «Валерий Сергеевич, да что это вы?!» Да вот, говорю, у меня безвыходное положение. Нужен фундамент... – рассказывал он в одном из интервью.

На самом деле он ужасно стеснялся просить. Но у него было перед собой оправдание – он сам делал для храма все, что мог. И просил только когда уже иначе было нельзя. В интервью 2006 года он сказал мне:

– Когда только просишь, а свои деньги не вкладываешь, тебе никто не даст. Это странно, но так. Когда ты платишь сам, уже не стыдно просить у других. И такая в просьбе сила появляется – стены прошибает...

АО «Алтайпродуктхлеб» берется к зиме закончить нулевой цикл. Работы должны обойтись в 4,5 млн рублей – такие уже ходят по России деньги. На улице сентябрь. Но строители не подвели – нулевой цикл был сделан!

В октябре в театре проходит «референдум» о разделе Таганки. Любимов уехал, а те, кто остался верен ему, и Золотухин в том числе, опаздывают с инициативами. Золотухин чувствует, что его сторона проигрывает.

5.

31 октября, в родительскую субботу, ему звонит Денис, старший сын, и ошарашивает новостью: он решил стать священником! И ему уже даже ищут жену, потому что неженатый священником быть не может. Золотухин дает ему родительское благословение и радуется: сын – священник! Однако и здесь не все вышло просто: Денис стал священником намного позже, а тогда, в октябре 1992-го, все только начиналось.

Религия влекла Дениса с детства, и даже из атеистических уроков он извлекал совсем не тот смысл, для которого атеизм был придуман. Рассказывал, например, что увидел однажды в детстве по телевизору «Божественную комедию» (кукольный спектакль театра Сергея Образцова, довольно насмешливо излагавший историю сотворения мира, изгнание Адама и Евы из рая, другие основные

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

сюжеты Библии – С.Т.) и «все смеялись, а я своим детским умом вдруг почувствовал, что – да, это Бог создал наш мир...»

После этого, еще в детстве, он захотел прочитать Библию. Но ее в советское время просто купить в книжном магазине и даже в храме было невозможно. Библия появилась в доме только в конце восьмидесятых – кто-то подарил ее Шацкой.

– Я служил в армии и иногда бывал дома, иногда приезжал домой и читал Библию своей бабуле (матери Нины Шацкой – С.Т.) вслух. Мы так всю ее вслух и прочитали. А после армии нам дали 100 рублей. 1990 год, май, это были еще большие деньги. Я пошел к нам в Каретниковский (Калитниковский) храм, купил икону Спасителя, молитвослов. Меня тянуло к этому. Но по всем данным я не должен был стать священником... – рассказывал Денис Валерьевич автору этой книги.

После армии он начинает регулярно ходить в храм, поет на клиросе. В семье об этом не говорит. Леонид Филатов, не имевший своих детей и относившийся к Денису как к родному сыну, мечтал, чтобы он стал режиссером. Денис подчинился – поступил во ВГИК. Но уже на первом курсе он решил уйти в монахи.

– Я рассказал это маме и Лене Филатову, и Леня Филатов мне очень быстро морально хребет перебил, сказал: «Сначала стань человеком, а потом...», очень разумные по-мирскому слова, я сам такие же слова говорю своим детям. И я понял, что если буду много болтать, то ничего не получится... – говорит отец Дионисий.

«Они его скрутили... – записывает Валерий Сергеевич о сыне в дневнике. – Мать: “Филатов тратит на тебя деньги, а ты, неблагодарный...”» [5].

Денис уступает, но сам начинает молиться – восстанавливает «хребет».

Золотухин, который строит храм, наверняка увидел в желании сына служить Церкви какой-то знак. Осенью 1992-го он то и дело записывает о «свалившихся» деньгах – люди жертвуют на храм. Он чувствует, что ему открылась какая-то дверь – прежде неведомая – и он вошел туда, где ему хорошо и где можно оставаться собой.

6.

В театре оставаться собой все трудней: в декабре Таганку сотрясают конвульсии раздела. Часть труппы, предводительствуемая Филатовым и Губенко, добилась в Моссовете решения о разделе театра. Любимов посыла-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ет телеграмму Ельцину. «Дни идут в борьбе за “нераздел” театра», – записывает Золотухин 23 декабря 1992 года [5]. И 31 декабря: «С шефом надо идти до конца».

Любимов же решает ставить «Доктора Живаго»! Роман Пастернака о Гражданской войне – в театре, где как раз и идет Гражданская война! Собственно, это театр в театре, возможно, Любимов так это и видел. Он задумывает спектакль как музыкальную притчу – возможно, потому, что как драму он это не перенесет. Музыку пишет Альфред Шнитке.

Роль Юрия Живаго Любимов отдает Золотухину. Надо прямо сказать, что выбор-то у Любимова невелик. Возможно, Золотухин думает об этом – не оказался бы Филатов в другом лагере, и что? А может, не думает. В это время они близки как никогда – Любимов ведет с ним доверительные беседы, при отъездах оставляет за себя. Тогда же он называет Золотухина Домовым Таганки – этим прозвищем Валерий Сергеевич очень дорожил.

Золотухин рад роли – это ведь то, что почти никогда не доставалось ему – и нервно читает намеки прессы о своем возрасте, о том, что он крестьянский сын и Бумбараш.

Читает роман Пастернака, а еще больше – вокруг романа. Он наполняет «копилку образа» всем, что считает подходящим. Узнал, что еще жива Ольга Ивинская, подруга Пастернака, прообраз Лары, и тут же решает найти ее.

В феврале уже идут прогоны. Вокруг рушится прежний мир – Таганку делят, пока на бумаге, но все идет к тому, что скоро начнут делить и ломать въявь – и Любимов репетирует спектакль о крушении прежнего мира.

Золотухин, в виде последнего упования, пишет письмо в канцелярию Ельцина о том, что Бог с ним, пусть делится труппа, но делить здание нельзя. Пусть новая труппа идет на новое место. В качестве примера он приводит историю со своим уходом от Шацкой: вот, ушел, оставив ей квартиру, а можно было замок в одну комнату врезать и жили бы, как в коммуналке. Это насмешка, но не понять, над кем. Впрочем, смеяться можно и просто так – чтобы не сойти с ума.

Ельцину не до театра – он в это время борется с Верховным Советом. Таганка предоставлена сама себе. В марте Съезд народных депутатов пытается отстранить Ельцина от власти, но 30 марта для объявления ему импичмента не хватило 60 голосов.

7.

И у Золотухина в этот день радость – его утвердили на роль в кино. С 1987 года до 1990-го у него не было ролей вовсе,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в 1990-м эпизоды в двух фильмах («Захочу – полюблю» режиссера Василия Панина и «Уроки в конце весны» Олега Кавуна). Тогда же он снялся в фильме-концерте «Солдатушки-бравы ребятушки», спел солдатские песни разных лет, в том числе песню Высоцкого «Полчаса до атаки». Это почти неизвестная его работа – она не внесена в справочники, и в Интернете ее не найти. (Интересно, что снимавший это Геннадий Полока укрылся за псевдонимом Любовь Омельченко.) В 1991-м у Золотухина крошечная роль ветеринара Ивана Мишуткина в комедии «Говорящая обезьяна» (режиссер Георгий Овчаренко), и только в 1992-м в фильме «Как живете, караси?» он играет больше, чем эпизод.

Это фильм из разряда перестроечных, на невозможную прежде тему: бывший полковник КГБ Иннокентий Картошкин решает собрать своих секретных сотрудников, одного из которых и играет Золотухин. Фильм поставил Михаил Швейцер, режиссер «Маленьких трагедий», «Мертвых душ» и «Крейцеровой сонаты». Зачем Швейцеру нужны были «Караси...»? Возможно, он просто хотел что-то снять – до этого фильма четыре года ничего не снимал. Швейцер понимал, что за окном творится история, и его фильм при всем гротеске – документ эпохи. Отсюда кадры, в которых его герой, Иннокентий Картошкин, бывший полковник КГБ СССР, идет по улицам Москвы, мимо самодельных прилавков, на которых не продукты – а газеты и журналы, бесчисленное количество газет и журналов! Это примета времени: сначала были газеты, еда появилась позже.

Новорожденная мафия подозревает за Картошкиным несметные богатства, но в его подвале находят только гигантскую картотеку на бесчисленных секретных сотрудников, которых Картошкин зовет «карасями». Однако глава мафии по кличке Человечек (модное в то время слово) не расстроен. «Да из этого золотой фонтан забьет!» – радуется он.

Человечка играет... Александр Калягин! В одной из сцен он говорит: «Мы получили идею “Мертвых душ” на современном этапе!» В начале второй серии за кадром звучит голос: «А почем у вас нынче мертвые души?» С одним из тех, кого он шантажирует, Человечек играет на доносы партию в бильярд: так Чичиков играл с Ноздревым на мертвые души. Очевидно, что фильм – эксперимент Швейцера, решившего посмотреть, что получилось бы из Чичикова в лихие девяностые.

Один из «карасей» – Дмитрий Тищенко, которого играет Золотухин. В первых, черно-белых, стилизованных под кино шестидесятых кадрах Золотухин молодой, утонченный, с сигаретой между длинных пальцев – московская бо-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

гема. Дальше он – седой, с напряженными испуганными глазами. Тищенко делал для Картошкина «литературные экспертизы». Себе он говорил, что это просто отзывы на писательские опыты, но по этим отзывам людей сажали, а один в лагерях погиб. Тищенко говорит Картошкину: «Но ведь посадили его вы». Картошкин отвечает: «Положим, не мы, а суд». Это интересный диалог, он о том, что каждый делает свою маленькую подлость, которая в отдельности и правда весит немного, но все вместе они раздавливают человека. У Тищенко запутанная жизнь: он был женат на дочери Картошкина, собирался с ней развестись, но она при родах умерла, завещав, чтобы ему не показывали его дочь. На этом те, кто закручивали сюжет, не остановились: сын Тищенко от другого брака (его играет юный Евгений Миронов) крутит роман с внучкой Картошкина, а это ведь его сестра!

«Мы без конца ругаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить – кто написал четыре миллиона доносов?» – говорил Сергей Довлатов. На первых перестроечных порах было острое желание разобраться с этим вопросом. Не наказать этих людей, а просто посмотреть на них, попытаться понять. Юрий Щекочихин однажды обратился через газету к бывшим «стукачам»: предложил прийти и рассказать, снять камень с души, если он давит. И к нему пошли люди! Исповеди стали потом книгой «Рабы ГБ». Доносы и доносчики – вот о чем снимал кино Швейцер. Тема нешуточная, может быть, самая серьезная из всех, за которые брался Швейцер. Через Человечка-Калягина он преломляет не только Гоголя, но и Толстого с его «Мне отмщение, и аз воздам». «Было бы безнравственно и жестоко с нашей стороны лишать возможности миллионы людей права удовлетворения их страсти доносить властям друг на друга», – говорит Дмитрию Тищенко кагэбэшник образца девяностого года. «Интересная концепция...» – саркастически замечает Тищенко.

Герой Золотухина носит в себе страх разоблачения, ужас плещется в его глазах. Он не знает о проблемах Картошкина, считает, что тот будет его шантажировать, собирает таких же, как он, «карасей», и они едут на дачу Картошкина, чтобы уничтожить картотеку. Он не знает, что на даче Человечек со своими людьми, а вдобавок у них – сын и дочь Тищенко. Разгорается перестрелка, однако Тищенко не до нее – он пробирается в подвал с припасенной канистрой бензина, заливает все горючим, но поджигает ли – неясно: кадр останавливается на горящей спичке. Видимо, Швейцеру хотелось подчеркнуть, что ничего не кончается, – даже если архив сгорел, найдутся еще бумаги.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Интересно, что фильм снимается зимой и весной 1991 года – как раз когда Золотухин готовит публикацию своих дневников о Высоцком, а потом с трепетом ждет реакции на них. Выходило, что и у него есть своя картотека.

Фильм вышел на экраны в ноябре 1992 года, когда до кино уже никому не было дела, в том числе и Золотухину – он играл Павла, собирал деньги на храм, пытался сохранить в целости театр.

И вот, через год после «Карасей» – новая роль, в фильме «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Роман-анекдот Владимира Войновича лишь незадолго до этого (1988-1989) опубликовали в СССР – а уже и самого СССР нет! Фильм ставит чешский режиссер Иржи Менцель. Золотухин утвержден на роль парторга Килина. У него семь съемочных дней, но платить обещают по 300 долларов за день, и он рад.

А пока в мае Любимов вывозит тех, кто остался с ним, в Вену на фестиваль, и там они играют премьерные спектали «Живаго (Доктор)». Золотухин два часа на сцене, танцует, поет, все время в движении. А ему, между прочим, пятьдесят два. «Публика немногочисленная», – пишет Золотухин. Однако играют они как для полного зала. В конце концов, Золотухину это нужно и самому – почувствовать радость от новой работы, оттого, что вот – он может! Любимов прочитал роман по-своему, но никто или почти никто этого не понял, потому что, усмехается Золотухин, «роман мало кто дочитал до конца».

В июне «Живаго (Доктор)» сыгран в Москве. Театралы в восторге. Маленькая заметка в «Московском комсомольце» позволяет понять те дни: «Наконец-то сыгран “Доктор Живаго” Бориса Пастернака в Театре на Таганке. Любимовская премьера состоялась в Вене на Всемирном фестивале и получила высокую оценку публики и мировой прессы. Что и говорить – это был гвоздь программы фестиваля. Потом с не меньшим успехом театр Любимова играл премьеру в Люксембурге. Генеральная репетиция в родном театре окончилась бесконечными вызовами – актеры устали кланяться. Вчера московская премьера собрала весь столичный бомонд. Удовольствие видеть работу прекрасных актеров: в роли доктора Живаго – Валерий Золотухин, Лара – Анна Агапова. Прекрасные хоры с музыкой Альфреда Шнитке. Само слово великого поэта Бориса Пастернака музыкально. Актеры со сцены ушли в цветах. Юрий Петрович шутит:

– Цветов столько, хоть выноси на продажу. Актеры получают небольшие деньги, а тут хватило бы на приличный обед.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Все это праздник, если бы не подспудное предощущение непоправимого, – 29 июня обещан арбитражный суд по поводу предполагаемого раздела театра.

– Если театр разделят, – сурово говорит Любимов, – уеду из страны навсегда» [46].

Заметка называется показательно: «У Любимова – премьера. Неужели в Москве – последняя?» Арбитражный суд принял решение в пользу Театра на Таганке, в пользу Любимова.

Ободренный этим, в июле Золотухин едет в Чехословакию на съемки. Для парторга Килина он извлек из своей копилки-памяти отцовские зеркальце и часы. В одной из сцен фильма Килин смотрит на себя в зеркальце и так этим поглощен, что ему явно не до войны и не до забот о судьбе Родины – он что-то на своем лице изучает, высматривает. А часы Килин носит на цепочке в нагрудном кармане, так, что цепочка свешивается, и поглядывает на них, вроде куда-то постоянно торопится, боится опоздать. Это то, что артисты называют «красочки» – ими образ отделяется от других.

У Золотухина в фильме настоящее парткомовское лицо: черты заострились, загрубели – с таким лицом вести людей в бой. Однако такое лицо у Килина только пока война далеко, а как засопела она у него над ухом, как призвали Килина в армию, так лицо у него мгновенно стало другим – стариковским, грустным, жалостливым.

Кино, которое они снимают, не очень радует Золотухина. Роман Войновича не зря называется еще и анекдотом – это очень язвительное повествование о советской власти на местах, Красной армии и советском народе. 22 июня, война, народ собрался у сельсовета, ждет, что ему скажет власть, а Килин звонит в район – без указаний сверху он не знает, что говорить. «Что нам скажут русские люди? Над собой можно и нужно смеяться, но не до такого же маразма», – записывает Золотухин в дневнике 25 июля 1993 года.

Быт не роскошный, кормят их одной яичницей – по возвращении домой Золотухин расколол на сковородку два десятка яиц, поджарил, заехал на верхний, шестнадцатый, этаж дома и оттуда сбросил эту глазунью вниз прямо с дорогой сковородой!

В Чехословакии он думает о театре, о детях, о храме. Перед отъездом в Чехословакию он отправил на Алтай Сергея с грузом книг. Позвал Дениса проводить Сергея – он хочет сблизить братьев, а еще «утрамбовать в их сознании и душах родину отцов и дедов».

Становится известно, что Губенко захватил театр. «Губенко ворвался в театр и занял его», – записывает он

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

17 июля. «Все входы и выходы на новую сцену перекрыты. На служебном стоит ОМОН, и Жукова показывает, кого пускать, кого не пускать. Для наших открыт боковой вход». [10]. Потом это стало называться «рейдерский захват», и само это название давало окраску. Тогда этого термина еще не было. Его беспокоит, что там, в театре – как в целом, так и в частности. У него в театре книги, и он боится разгрома. Он размышляет о Губенко: «Ему надо идти до конца, и это страшно. Он не остановится ни перед чем». Таганка ему даже снится – он во сне выпиливает замки, а кто-то рядом поет «Возьмемся за руки, друзья!»

Тягостные мысли о театре нагружают его, он и об остальном начинает думать пессимистически: «Если так мы будем строить церковь, я не услышу при жизни звон ее колоколов. Год целый фундамент закладываем. Мало хожу, мало прошу».

8.

Вернувшись со съемок, он узнает, что Денис, который, казалось, бросил свое намерение уйти в священники, на самом деле просто таился и вот сейчас, сдав сессию во ВГИКе, поехал поступать в семинарию!

Оказалось, Леонид Филатов своими аргументами не смог выбить из Дениса желание служить Богу, он смог только это поглубже затолкать. Весной 1993 года Денис задумался об этом снова.

– Я учился во ВГИКе и в то же время пел на клиросе. Парень, который пел вместе со мной, сказал, что собирается поступать в семинарию. Я говорю: «Я тоже хочу!» При этом я во ВГИКе второй курс оканчиваю. Обычно уходят оттуда, где не нравится, туда, где нравится. А тут был так: ВГИК – это то, что я очень люблю, хотел бы этим заниматься, но это одно, а семинария и церковь – совершенно другое. Причем другое не на одной плоскости, а вообще это вещи несравнимые... – рассказывал мне отец Дионисий.

Он стал молиться – чтобы Господь укрепил. И спустя два месяца ощутил в себе силу, понял, что никто его с пути уже не собьет. Разве что он сам.

Сомнения имелись – шаг слишком серьезный, Денис понимал, что, решаясь на это, он отрезает для себя огромную часть возможностей. Бог словно испытывал его – давал возможность передумать.

– У меня началось черное время. Потому что мне не хотелось уходить из института, а я понимал, что я ухожу. Меня оттуда никто не гнал. Чтобы не сказали, что я двоечник, ис-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

пугался экзаменов, я сдал сессию. Может, не только из-за этого – а вдруг бы я не поступил? Так или иначе, я сессию сдал. Но чернота жуткая в душе была. А особенно было тяжело, когда я поехал в семинарию на электричке. День был кошмарный. Жара. В этой электричке народу было невероятное количество, я полтора часа стоял в тамбуре. Как назло, первый экзамен я сдал на пять. Это было изложение. Я помню тему: «Нестор-летописец». Нам прочитали два раза некий текст, мы должны были это написать. Я написал, как говорится, левой пяткой, быстро, не задумываясь. Думал только: «Сейчас напишу, мне поставят законную двойку...» Не получилось и не получилось, никто не виноват. Я написал самый первый и не потому, что самый умный, а потому, что не старался и не хотел стараться. Я думал, что провалюсь, но... как назло... Ночь я спал ужасно. Звон колокольный через каждые пятнадцать минут меня раздражал. Окна были открыты, было холодно – в общем, ощущения кошмарные. Но на следующий день приехал папа. Если бы не он, я, может быть, оттуда бы слинял. Был праздник Преображения Господня, 19 августа. Отец меня укрепил капитально. Он умел так хлопнуть по плечу... Прижать... Потрепать и сказать: «Дени, держись! Раз уж пришел... Я с тобой. Я тебя на это благословляю». Он еще так челюсть выдвигал (Денис начинает говорить немного другим голосом – С.Т.): «Я тебя на это благословляю...» Может, он деда изображал. Но, во всяком случае, благодаря именно его поддержке я остался. Мне было трудно, но батя не дал мне сломаться. В том месте, где должно было сломаться, он перевязал очень крепко... – вспоминает Денис Золотухин.

Валерию Сергеевичу его подбадривание дается нелегко: «Всю ночь плакал о Денисе, оставив его за решеткой ворот Лавры. Уходя, два-три раза оглянулся – Денис махал мне рукой», – записывает он в дневнике.

В этой же записи есть и о том, как он ходил в театр. Шацкая стояла «на часах» и кричала охраннику: «Не пускать!» Явь оказывалась страшнее всяких снов. Он сказал, что хотел бы кое-что забрать из гримерки, его пропустили, но с «понятыми» – Шацкая, Габец и одна из уборщиц. Он взял из гримерки афиши с просьбой помочь храму. «Понятые» составили протокол.

«Жду, когда Шацкая спросит о Денисе. Ничего подобного. Какие-то глупые реплики, но очень деловые. Паноптикум», – записывает он 17 августа 1993 года. Он ушел, Шацкая так и не спросила его о сыне. «Во что может превратиться мама!» – пишет он, и в этой фразе сквозит ужас и... удивление.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Ему проще писать, чем говорить, и он пишет Денису письмо: о том, что прежние пути, которыми он шел, были ему навязаны, а Церковь – тот путь, который он выбрал сам, и это хорошо, потому что «только так и тогда человек начинает относиться к себе с уважением, и люди начинают его уважать. Не слушай никого, кроме своего сердца, и терпи. Россия, как это ни громко будет сказано, нуждается нынче более в хороших священниках, чем в артистах и режиссерах» [10].

9.

Золотухина самого кто бы в это время поддержал – ему кажется, что Таганка кончилась. «Театр ушел в легенду», – записывает он. Раскол театра обсуждает вся Москва, как, при всей любви, не обсуждала спектакли. Золотухин пришел в стоматологическую поликлинику, там медсестры в регистратуре начали ему рассказывать, что Губенко – патриот, а Любимов... Золотухин потрясен гейзерами ненависти, которые вдруг фонтанируют откуда не ждешь. «Все это с такой злорадной улыбкой и крысиным прищуром глаз. Вот тебе и общественное мнение!» – записывает он [5].

Противостояние Ельцина и Верховного Совета в сентябре достигает точки кипения. 21 сентября Ельцин издает Указ о роспуске Верховного Совета. Депутаты под предводительством председателя Совета Руслана Хасбулатова и вице-президента Александра Руцкого отказываются самораспуститься и заявляют, что полномочия Ельцина как президента РФ прекращены. «Я молю Бога в защиту Ельцина!» – пишет в этот день Золотухин.

Ельцин оказался мудрее своих противников: он ждет, предоставляя им возможность первыми совершить глупость. 23 сентября сторонники Верховного Совета делают больше, чем глупость – совершают преступление: нападают на штаб Объединенных сил СНГ, а потом штурмуют Останкино. В бою погибло около пятидесяти человек. После этого Ельцин отдал приказ стрелять по Верховному Совету. Сидевшие в нем большей частью разбежались, лидеры мятежа Руцкой и Хасбулатов сдались.

Золотухин считает, что если победит Ельцин – победят и они в своей схватке за Таганку. Но в России уже идет параллельная жизнь, когда каждый за себя. Золотухин пишет письмо начальнику УВД Москвы, напоминая о решении аритражного суда, просит вмешаться в ситуацию. Из милиции приходят, что-то говорят, потом снова суды, собрания, совещания – очевидно, что никто не хочет решать проблему, одним не до

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

нее, другие надеются, что все утрясется как-нибудь само собой.

В январе 1994 года Любимов с теми, кто остался с ним, летит в Париж. Играют «Бориса Годунова». Французы спрашивают их о расколе театра. Золотухину задают вопрос: «Как давно вы пребываете в тирании Любимова?» «30 лет!» – отвечает Золотухин и объясняет, что это «тирания авторитета».

В феврале часть труппы, ушедшая с Губенко, дает на завоеванной сцене премьеру – чеховскую «Чайку». Этим Губенко показывает, что он тоже намерен делать театр, а не просто, как его обвиняли, сдавать сцену в аренду. «Губенко в дамках», – угрюмо записывает Золотухин. Проблема в том, что Любимов то и дело уезжает: у него контракты, да, возможно, ему и тяжело, ведь режиссеру уже 76 лет... Но армия без главнокомандующего не победит.

Удивительным образом ненависть не охватывает Золотухина. Какой был у него рецепт для этого, неизвестно. Но в те моменты, когда, кажется, думать надо только о топоре, он думал о другом. «Думал о священниках, убитых в Быстром Истоке. Об иконах, что, рискуя жизнью, уберегли, упрятали мои односельчане, может быть, от моего отца. Кто помнит этих несчастных? Кто может поведать трагедию храма Покрова? Трагедию Быстрого Истока и всея Руси?» [5].

То, что происходит сейчас с Таганкой, видится ему как продолжение той трагедии: исковерканные люди не ведают, что творят. Ему снится Филатов, и во сне он предлагает ему помириться. Он устал носить в душе груз. Чтобы победить, надо ненавидеть, а он не хочет. 31 марта 1994 года он записывает: «Молился за Леньку». У Филатова в 1993 году был инсульт, он начал болеть. Золотухину становится его жаль. Он молится за него, ставит свечки в храме, переживает, когда вдруг прошел слух, что у Филатова опухоль мозга (наверное, он впервые услышал тогда диагноз, от которого умер сам).

Денис Золотухин рассказывает:

– К чести папиной надо сказать, что он, в конце концов, даже достаточно рано, перестал внутренне сутяжничать с Леней и с мамой. Он внутренне с ними примирился. А они нет. И мне стало проще. Потому что не надо было выслушивать что-то плохое от него, не надо было становиться в позицию ежа. Отец меня от этого избавил. Думаю, ему было это не так просто. Более того, он даже пытался несколько раз через меня просить прощения, но его не принимали...

В июне 1994 года в «любимовскую» Таганку берут целиком курс из Щукинского училища. На вручении дипломов Золотухин дарит каждому книжечку с молитвами оптинских

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

старцев. Он рассказывал мне, что всем новеньким велел взвеситься, обмерить талии – «через пять лет проверим!»

– И как? – спросил я его.

– Ну, никто этого не сделал...

10.

В июле из Быстрого Истока ему звонят, что новый священник, отец Борис, отказывается заниматься стройкой. Золотухин тут же летит на родину. Выясняется, что вдобавок куда-то пропал и проект. Золотухин опасается, как бы прежний священник, отец Евгений, его не сжег. Золотухин говорит о церкви с главой администрации Алтайского края Львом Коршуновым, обещает ему не пить, не курить и мяса не есть, пока не зазвонят колокола храма над Быстрым Истоком.

Это год, когда один за другим умирают те, из кого состоял тот актерский мир: Олег Борисов, Евгений Леонов, Евгений Евстигнеев, Евгений Симонов, Иннокентий Смоктуновский. Смерть Смоктуновского особенно поразила его. Он задумывается о том, для чего человек приходит на землю: «Неужели ты, Валерий Сергеевич, родился, чтобы написать дневники о Высоцком, засвидетельствовать мгновения чужой жизни?» [5].

В октябре на «Бориса Годунова» пришел Александр Смирнов, посол России в Португалии. Оказалось, его жена Елена – из Быстрого Истока. Смирнов пожертвовал на храм 500 долларов. Пятьсот долларов по невообразимому сегодня курсу начала 1990-х – это 1 400 000 тысяч рублей.

23 сентября Дениса рукоположили – теперь он священник. Однако РПЦ (Русская православная церковь) ему претит – он монархист, хочет уйти в РПЦЗ (Русскую православную церковь за рубежом). Он так в конце концов и сделает, и это создаст ему немало проблем.

В 1994 году произошло знакомство Золотухина с Виталием Кирьяновым, тем человеком, который много сделал для строительства храма в Быстром Истоке.

Кирьянов, человек в те годы политически активный (один из 200 на всю страну доверенных лиц президента Ельцина на выборах 1996 года, а потом на общественных началах советник при полпреде президента в Алтайском крае), в 1994 году учился в Академии управления при Президенте РФ в Москве.

– В это время Сергей Локтев (на момент написания книги первый вице-губернатор – С.Т.) и Николай Нечаев проходили курсы подготовки федеральных чиновников. Я узнал, что Локтев с Нечаевым строят в Научном городке часовню. Я ду-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

мал, как бы Золотухину помочь с его стройкой церкви, разговорились на эту тему, и они мне говорят: «Сделайте так – ты на Алтае, а он в Москве».

Кирьянов приехал к Золотухину, который его как земляка знал, в театр. Они обсудили идею, придумали создать какой-нибудь фонд. Кирьянов сказал, что надо «готовить почву» в крае.

– Его же на Алтае тогда знали меньше, чем в Кемерове. Он тогда приезжал в Быстрый Исток, в Белокуриху. Побудет – уедет. И как не было... – говорит Кирьянов.

Видимо, Золотухин не больно-то поверил в то, что эта схема сработает, – в опубликованных дневниках этого времени его встреча с Кирьяновым не описана.

На Таганке Валерий Сергеевич не играет – нет возможности. Играет «Павла Первого» в Центральном академическом театре Советской Армии, но, судя по дневникам, аншлагов нет. К тому же в декабре 1994 года из театра уходит режиссер спектакля Леонид Хейфец: «Театр для меня опустел, похолодел», – записывает Золотухин; он надеялся на этот театр как на запасной аэродром, но теперь понимает – не сбылось.

Зато, отмечает Золотухин, церкви полны.

Он видит, что его друзья-актеры почти бедствуют, и с удивлением смотрит на себя: «Я сегодня открыл валютный счет, и у меня жена не считает денег, когда покупает отборную еду. А сын носит дорогие куртки. А я подумываю о замене машины. Но я свои афиши таскаю, я своим горлом звуки издаю пока, я свои книжки продаю. Нет, мне есть за что уважать себя!» [5].

Он уже в то время кормит семью – Тамару и Сергея, помогает Денису с его женой Аллой и недавно родившейся дочкой Оленькой.

– Он мужик в этом смысле. Во всех смыслах он мужик. Но в этом особенно. Добытчик. Не зная, что будет завтра, он старался все делать с запасом. У нас ведь и сгорали деньги. Мы куда-то вложили деньги, доллары, и потеряли деньги. Потом нам прислали бумагу, что куда-то надо пойти и что-то могли отдать... Но мы не пошли... – вспоминает Тамара Золотухина.

Растет Сергей. Он музыкант, ему нравится жесткая, грохочущая, звенящая музыка, то, что тогда называлось «металл». Ему 15 лет – «вся комната похожа на гигантскую стальную музыкальную табакерку, все заставлено барабанами и барабанчиками, никелированными стойками, медными тарелками. Он так хотел купить все это и иметь, что, когда купил и расставил, ночь плакал», – записывает Золотухин.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Сын тревожит его. «С Сережей будет непросто», – записал он в 1993 году, когда сын рассказал ему, что, будучи в Быстром Истоке, ночами, во сне, вставал с постели, ходил, разговаривал. Золотухин не может понять – откуда это? Тогда он решил, что от Тамары – натуры «нервной, очень тонкой, неординарной». Возможно, он думал, что все перемелется, – ведь он сам со своим увлечением сценой должен был казаться своему отцу странным.

Но вот уже 1995 год, а Сергей становится только дальше. «С Сережкой беда. Когда он разговаривает – через губу, отвратительную какую-то манеру усвоил. Никакого уважения к родителям» [5].

В 1995 году Любимов начинает на Таганке ставить «Медею», деньги на постановку дают греки. Этой пьесе Эврипида почти две с половиной тысячи лет. Медея влюбилась в аргонавта Ясона и ради этой любви не жалеет ничего и никого. Когда аргонавтам надо бежать с золотым руном, она убивает своего брата и разбрасывает куски его тела, рассчитывая выиграть время, пока родные будут собирать останки. Ясон с Медеей и сыновьями укрывается в Коринфе, где Ясон влюбляется в дочь царя Креонта и хочет жениться на ней. Медея, узнав об этом, посылает сопернице яд, и убивает своих детей от Ясона. Золотухину достается роль Креонта. Он в мыслях видел себя Ясоном, но потом радуется или пытается радоваться, что он не Ясон, потому что не очень верит в успех спектакля, впрочем, как почти всегда.

Премьера «Медеи» состоялась 22 мая 1995 года. «В Москве “Медея” была воспринята как одна из самых ярких и значительных театральных работ последнего времени и как радостное свидетельство того, что всемирно известный Театр на Таганке полностью восстановил форму после обрушившихся на него ударов судьбы...» – написано в одной из рецензий. О Креонте в ней не сказано ничего.

11.

Золотухин все пишет свой «21-й километр», пошучивает над собой, что это – для Нобелевской премии. Но произведение получается громоздкое – Золотухин сам так и пишет «эта неуклюжая громоздкая повесть», хотя при публикации это названо «главы из романа».

Роман начинается с того, что в Москву приезжает Ирбис с подругой Натальей, которая знает Золотухина и рассчитывает на приключение. Приключение случается, но в конечном счете Золотухин выбирает Ирбис. И дальше он глушит ее, как динамитом, своей жизнью: Таганка, Высоцкий,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

потом к этому добавляется и трагедия раздела театра. Тут есть уловка – встреча с Ирбис состоялась раньше, чем театр начал ломаться, как тонущий «Титаник». Но Золотухин почему-то решил не только совместить это – в его романе он встречает Ирбис уже после почти всего, после писем Филатова к нему и своих ответов Филатову.

Почему он не написал о том, что и было настоящей драмой в этой истории – о себе и Тамаре? Возможно, ему было стыдно, возможно, ему было больно – получается, даже о разделе театра было легче писать.

Он мог думать, что если писать о Тамаре, то получится обычная «бытовуха». Но история, как ломали Таганку, тоже ведь не античная трагедия. И еще вопрос, интересна ли людям такая Таганка? Роман – это путешествие по душе человека, автор, как Вергилий, берет читателя, и они идут. Но Золотухин явно никого не хочет впускать к себе в душу. Ну да, можно сказать, что есть дневники. Но в опубликованном больше фиксации, а переосмысления – намного меньше.

Великие романы построены на многофигурности и многослойности. Читатель следит за разными персонажами, читает их мысли, в ком-то узнает себя, в ком-то – друзей, в ком-то врагов. В «21-м километре» все, кроме Шелепова, пунктирны, лишь Ирбис выписана объемнее прочих, а в Шелепове читателю узнать себя трудно – Золотухин такой один.

Остальные персонажи живут, лишь когда главный герой разговаривает с ними. В этом есть что-то от Павла Первого, который говорил, что в России велик только тот, с кем он разговаривает, и только в то время, пока он с ним разговаривает. Если это ход, то не слишком удачный. Но это не ход. Золотухина в его романе с Ирбис интересовал больше он сам, с его эмоциями, чем Ирбис. Ирбис для него – приз, которым можно гордиться. Кто-то любит для другого, Золотухин любил для себя – как раз это из романа видно. В романе он эгоцентричнее, чем в любом другом своем произведении.

Роман откровенный. Золотухин, однако, уже далеко не первый на этой тропе, и он колеблется: «Как бы в самом деле уберечься от пошлости в этом странном повествовании – о себе, узнаваемом, и в каких выражениях? Что-то подпахивает Лимоновым!» [5].

Еще одна проблема – язык: он здесь сложнее, метафоричнее, чем в «Дребезгах» и «На Исток-речушку», Золотухин кружит читателя по винтовым лестницам своих образов и ассоциаций. Он заставляет читателя все время следить за повествованием, мысленно держать в голове словарик «Кто есть

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

кто на Таганке», кто и как зафирован в в том или ином абзаце. Возможно, тем, кто о необходимости словарика и не догадывается, читать проще – но тут вопрос, зачем тогда им это все читать?

Золотухин пытается писать роман в той интонации, в которой он писал до сих пор, отказываться от нее он не желает – не хочет писать «как все». Но этой интонацией не каждую историю расскажешь. Текст великоват, держать темп и тональность трудно, надо, как при записи «Не одна ты во поле дороженька» время от времени выверять себя камертоном – а что тут может быть камертоном?

Главное же, чем дольше писался роман, тем страннее становились отношения с Ирбис, тем меньше становилось той любви, о которой хотелось бы петь в прозе. «Жизнь у меня ужасная, позорная, крысиная, тараканья, испуганная и безнравственная до предела. Что меня удерживает шагнуть с подоконника от позора, в который ввергла меня Ирбис, от которой у меня нет сил избавиться?» – записывает он в дневнике 6 сентября 1996 года.

Правда, уже 13 сентября он пишет: «Вспоминал я, перебирая катаклизмы, путч, расстрел Белого дома, штурм Останкина... Она сказала:

– Благодари Бога, что у тебя все это время была любовь.

– Да, у меня была любовь и Павел Первый» [5].

Но потом снова вспоминает о ней тягостное – она позвонила ему, спросила: «Женишься ты на мне или нет?» — «Думаю, что не женюсь». Она бросила трубку...

«Четыре последних года она имитировала любовь. Хорошую имитацию, хорошую игру я принимал за настоящее чувство, за судьбу даже», – пишет он.

То, что было ему нужно от нее, он взял, то, что ей было нужно от него, он отдавать не хотел. Возможно, по мере работы он начал понимать ущербность этой истории и то, что она недостойна романа. Или – достойна, но такого, где он не хотел бы быть главным действующим лицом даже под псевдонимом.

Он пытался написать этот роман десять лет, до 2002 года. Но «21-й километр» так и остался незавершенным.

12.

8 декабря 1995 года он записывает: «Безумие вокруг театра давно кончилось, но только теперь оно откликнулось на зрительном зале – нету интереса у зрителей к нам, даже по инерции. Фирма лопнула. Как ни странно, беспокойство мое прошло, я встретил это спокойно.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Все наши легендарные спектакли – история, не более того» [5]. Он снова, в который раз, приучает себя к мысли о тихой старости. Работает же лицом – в стране выборы, те самые, которые «Голосуй или проиграешь», и он ездит с митинга на митинг: за 500 тысяч рублей выступает у республиканцев, за 500 долларов – на митинге движения «Наш дом – Россия». Пенсионеры строго спрашивают его: «Вы голосуете за Гайдара?» Егор Гайдар – пугало, лакмусова бумага для тех, кто не привык думать сам. Золотухин отвечает: «Моя позиция – чтобы не прошли коммунисты и жириновцы!» Молиться за тех и за других у него после 1993 года не получается.

Он живет заботами о храме – ищет деньги, раз за разом падая в ноги в самом прямом смысле.

Иван Стариков в 1995 году был заместителем министра экономики РФ. Валерий Сергеевич, узнав, что Стариков почти земляк (из Новосибирской области), пошел просить. Стариков в своей статье на смерть Золотухина вспоминал:

«В кабинет заглянула обескураженная секретарь:

– Иван Валентинович, в приемной – Золотухин!

– Кто? – удивился я.

– Валерий Золотухин – киноактер!

– Пусть заходит.

Двери открылись, на пороге появился Валерий Золотухин. В следующее мгновение он заорал благим матом: “Барин! Барин!”, после чего рухнул на колени и, воздев руки, пополз ко мне, шаркая по министерскому паркету. “Не дай пропасть, Барин! Помоги построить храм!”»

Стариков пишет, что чем мог, помог, и потом еще не раз бывал в Быстром Истоке. Однако темпы стройки были далеки от стахановских – деньги постоянно подъедала инфляция.

Некоторые предлагали помощь бартером. В Норильске Золотухину отдали КамАЗ – «продашь, а деньги на храм!», но он так и не смог его оттуда вывезти. Был предприниматель, который предложил цистерну спирта. «И что я с ней буду делать?» – спросил Золотухин. «Если вы не знаете, что делать с цистерной спирта, то вы ничего не построите», – ответил ему предприниматель. Но дал деньгами.

– Мальчик из Быстрого Истока принес на почту рубль: «Тетя, положите на счет церкви!» И этот рубль был для меня дороже миллиона. Однажды мне передали 500 рублей, на которых было написано: «От коллектива уборщиц НИИ». Я взамен этих купюр с автографом положил на счет свои 500 рублей, а их оставил для музея храма... – рассказывал Золотухин.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Ему было важно, чтобы человек что-то прочувствовал. Поэтому, когда Алла Демидова принесла ему деньги для храма, он отправил ее в сберкассу: «Постой в длинной очереди, а уже с квитком придешь ко мне».

3 марта 1996 года умер Борис Можаев. «С ним прошла вся моя жизнь, лучшие годы творчества, молодости, дерзаний, мечтаний, надежд. Мне было легче жить, я знал – где-то есть Можаев, можно позвонить, разыскать... Он помогал мне <...> как ориентир русской силы, творческого могущества, душевной крепости и духовной обороны», – записывает Золотухин [5].

15 мая 1996 года Любимов на репетиции «Бориса Годунова», глядя на кувыркающегося Валерия Золотухина, вдруг спрашивает, сколько тому лет, и, узнав, что пятьдесят пять, говорит: «Молодец!». Золотухин в ответ: «На кого равняемся! У меня в запасе еще семь лет!» Он имеет в виду, что у Любимова в 62 года родился сын.

Именно в это время Ирина Линдт сдает выпускные экзамены в Щукинском училище – осенью она придет в Театр на Таганке.

13.

В мае 1996 года он снимается в фильме Валерия Чикова «Не валяй дурака» вместе с Михаилом Евдокимовым, своим земляком.

Когда-то, за 15 лет до этого, Евдокимов, приехавший покорять Москву, пришел к Золотухину, сказал, что хочет работать на эстраде. Золотухин на это ответил, что он к эстраде, к пародии, отношения не имеет.

– Да и потом, этому надо долго учиться... – согласно легенде сказал Валерий Сергеевич.

– Мне учиться не надо. Я так все умею... – также согласно легенде ответил Евдокимов.

Золотухин решил, что паренек самонадеян, но отвел его к жившему в соседнем подъезде Роману Карцеву, знаменитейшему артисту эстрады. Перед уходом Евдокимов сказал: «Вот увидите – я стану знаменитым!» И вот прошло 15 лет – и Евдокимов правда знаменит, и они снимаются в одном фильме.

История «Не валяй дурака» в какой-то мере похожа на историю Чонкина: там и тут главным движущим механизмом сюжета является странноватая российская действительность. Фильм построен на стереотипах: стереотипны американцы, стереотипны деревенские персонажи, и в завязке сюжета еще один стереотип: выловили из речки бочку спирта и ну пить всей деревней! Но недаром говорят, что великий артист и те-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

лефонный справочник прочитает так, что зал, если надо, заплачет, если надо – засмеется. Михаил Евдокимов, Валерий Золотухин, Лев Дуров, Ольга Остроумова, Татьяна Кравченко – в фильме было кому «читать телефонный справочник»!

Американцы вызнали, что неподалеку от архангельской деревни Красный Серп находятся залежи алмазов. Им надо взять пробы. Для этого посылают подводную лодку, а чтобы отвлечь жителей, пускают по реке 200-литровую бочку спирта. Ее выловил кузнец Филимон (Михаил Евдокимов)...

Персонаж Золотухина Иван Таратайкин – еще один сельский «Самоделкин», как Николай в фильме «Трава зелена», только мастерит уже не сухопутный транспорт, а, бери выше во всех смыслах, – вертолет! Правда, после того как Филимон откупорил бочку, Таратайкину становится не до геликоптера – его привлекают в качестве гармониста для увеселения компании. Гулянка развивается, как история – по спирали, и вскоре превращается в общедеревенский праздник. Интересно, что Золотухин на своей гармошке играет европейские мелодии – из «Крестного отца», например, явно намекая этим на какое-то особое прошлое своего героя, которое, впрочем, остается непроясненным. Таратайкин играет на гармошке, имея при этом вид человека отрешенного, погруженного в свои мысли – он, гармонист, привык, что праздник проходит мимо, что жена танцует с другим. Не говоря ни слова, Золотухин привносит в картину тревожащую нотку печали, одним видом своим рассказывая всю таратайкинскую нескладеху-жизнь. Интересно, что играет он на гармошке Фомина, о чем и пишет ему 29 июня 1996 года: «Снимаюсь в большом фильме с твоей гармошкой, большие деньги получаю и тешу съемочную группу. Так что – Фомин и его гармошка и теперь мне помогают жить. Ничего не проходит даром, всякое добро дает когда-нибудь свои плоды. Спасибо!!!» [10]. На гармошке имелась надпись «Золотухину от Фомина», на время съемок ее «загримировали».

В послесловии фильма говорится, что Иван Таратайкин погиб при испытании своего вертолета, «и был похоронен на кладбище возле церкви». От таких вещей сейчас становится не по себе. По сценарию ли было про церковь или это Золотухин предложил, давно нося в себе этот образ, – неизвестно.

Был на съемках еще один знак Золотухину, повеселее: Татьяна Кравченко, которая играет жену Таратайкина, долго объясняла Валерию Сергеевичу, что нехорошо старикам брать в жены молодых. Разговор начался с Олега Табакова, который женился на своей студентке. «Ну вот был бы он простой мужик – пошла бы она за него?!» – вопрошает Кравченко. Зо-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

лотухин ей говорит: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку».

Фильм вышел на экраны в 1997 году. Его время от времени показывают. Впечатление такое, будто все его актеры поют грустную, но величественную песню. Россия в образе деревеньки Красный Серп пьет, поет, плачет, любит, митингует – и все это под гармошку Ивана Таратайкина, словно предчувствующего, что его тяга к небесам добром не кончится, и все же не прячущегося от своей судьбы.

14.

Осенью 1996 года в Театр на Таганке поступает Ирина Линдт. Она рассказывает, что фамилию Золотухина слышала, но, как говорят, не идентифицировала.

– Нам с сестрой в детстве из-за плохого зрения не разрешали много смотреть телевизор. Студенткой театрального вуза я ловила себя на том, что все всех узнают, а я половину народа не узнаю. Но таких артистов, как Валерий Сергеевич, которые не сходили с экрана, невозможно было не видеть и не слышать. Фамилия была на слуху. Придя в театр, я знала, что он работает тут. Но я не помнила, как он выглядит. И долго очень принимала за Золотухина Дальвина Щербакова, с которым мы репетировали в спектакле «Подросток». Мне говорили, что роль Версилова играет Золотухин. А со мной репетировал эту роль Щербаков, и я по логике считала, что репетирует Золотухин. Но репетировал не основной состав... – рассказывала Ирина мне в интервью.

Первый раз она увидела его таким, что о любви не приходилось и думать. Золотухин, как говорят, был «не в форме».

– Он был выпивши, я столкнулась с ним в проходе в зрительское фойе, и вот тут у меня картинка совпала с фамилией. Я поняла, что Золотухин – это вот он. У меня было чудовищное разочарование. Думаю: «Один известный артист на весь театр – и такой!» Он был маленький, пьяный и не мог на ступеньку ногой попасть... В воображении начинающих артистов такие звезды – красавцы! А тут такой потрепанный... Я не поверила бы, что вот так судьба сложится... – признается Ирина.

Интересно, что он ее не разглядел – а расслышал! Одни говорят, что Ирина пела на сцене и Золотухин услышал ее то ли стоя за кулисами, то ли по трансляции. Сам Золотухин говорил, что услышал, как чей-то голос во время репетиции спектакля «Братья Карамазовы» говорит: «Нежите вы меня, милая барышня, а я, может, и вовсе не стою ласки вашей». Интонации, с которыми это было произнесено, поразили его.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Ирина Линдт считает, что это Золотухин придумал. Может, и так.

Что произошло дальше?

– Я начала работать, видела его каждый день. Играли вместе в «Борисе Годунове», потом спектакль «Марат и маркиз де Сад». Работаешь вместе – начинаешь привыкать. Он, естественно, заигрывал. Какие-то знаки внимания оказывал. Но всерьез это не принималось.

– Вы воспринимали его как дедушку? – спрашиваю я.

– Конечно. Я так и думала. Когда он дергал за косички, я так и думала: «Куда ты лезешь, дедушка?!» Про себя я так и говорила. Мне это даже непонятно было.

15 сентября 1996-го он подарил ей «Дребезги» – «это был первый шаг». Он это знал, но она-то пока нет.

Золотухин постоянно подрабатывал – ездил с программами. Одному быть «весь вечер на арене» тяжело, и он постоянно сколачивал небольшие бригады – с ним ездили Валерий Черняев с женой Любой. Узнав, что Ирина Линдт играет на гитаре, Валерий Сергеевич предложил и ей концертировать. Она согласилась.

– Это длилось довольно долго – почти два года, прежде чем... За эти два года я его узнала как человека. К нему всегда все шли за советами. Он помогал, подсказывал. Ну и, наверное, я привыкла к его облику, который мне поначалу совсем не нравился. Перестаешь замечать внешность, возраст и общаешься уже с тем, что внутри. Происходит открытие каких-то качеств – его бесконечная человечность, доброта, мудрость. Наверное, это повлияло на меня. И в какой-то момент, когда он уехал на гастроли, я с ужасом поняла, что мне его не хватает. Я думаю – что такое? И поняла, что жду, когда он вернется. Потом я долго пыталась избежать встреч, чтобы не допустить какой-то такой ситуации. Но сложилось так, как сложилось.

– А как вышло? Кто кому сказал: «Я тебя люблю»? Вы не пошли к нему признаваться?

– Нет, конечно. Я очень гордая была. Он все делал первым. У него и опыта больше и наглости. Я долго сопротивлялась. Но все произошло, как произошло... – говорит Ирина Линдт.

15.

В августе 1997 года он в Быстром Истоке – местные власти решили передать родительский дом обществу рыболовов и охотников. Село в упадке: река повернула, обмелела, суда не ходят по ней, о былой славе «третьего портового города» не напоминает ничего. Фундамент храма стоит, и дальше здание пока не растет. Односельчане колют ему глаза: «Храм этот мы

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

не построим, видимо, никогда». Золотухин в дневнике негодует: «Строители разорили, а сделать не сделали», но явно не знает, как быть. Впрочем, знает – снова зарабатывать и снова вкладывать.

В 1998 году Золотухин репетирует сразу два спектакля – «Марат и маркиз де Сад» о временах Великой Французской революции и «Шарашка» по роману Александра Солженицына. Год начинается с «Марата» по пьесе Петера Вайса «Преследование и убийство Жана Поля Марата, разыгранное обитателями сумасшедшего дома в Шарантоне под руководством маркиза де Сада». Золотухин играет маркиза де Сада. Ирина Линдт играет Шарлотту Корде, убийцу Марата, эта роль не для слабых женщин – Любимов видел за Ириной Линдт характер.

В марте 1998 года Таганка едет с гастролями в Израиль. Это та самая поездка, из которой они с Ириной вернулись уже не только коллегами.

Они жили на берегу моря и днем загорали. Однажды к Ирине подъехал на коне какой-то израильский ковбой и предложил прокатить. Она оглянулась на лежавшего рядом Золотухина. Парень спросил: Is he your daddy? (Это твой отец?) Ирина сказала: Yes. Кататься она отказалась, а когда рассказала Золотухину, о чем был разговор, тот сказал: «Ну, раз я твой дэдди, тогда ты – беби». Так они с тех пор друг друга и звали – дэдди, беби.

Ирина Линдт говорит, что не так уж была рада такому развитию событий:

– Я сознательно хотела, чтобы это как можно скорее прекратилось, потому что для меня это было мучение. Сама ситуация, эта пресса, эти взгляды... Когда ты молодой и неискушенный, не защищенный от цинизма человеческого, от желания укусить... Это сейчас я понимаю: чтобы ты ни делал, все равно будут говорить то, что захотят. Кто захочет думать плохо, тот будет думать о тебе плохо. А кто думает о тебе хорошо, тот тоже будет думать о тебе хорошо, что бы ни было.

Из родни Золотухин сказал об Ирине Денису.

– Я однажды пришел к нему в театр. Отец говорит: «Секундочку», вышел из гримерки, позвал: «Ирина!» Она вошла. И он говорит: «Познакомься, это моя жена!» Прямым текстом. Она тут же выбежала. Я не понять в каком положении! Но в этом весь батя. Он предпочитал все делать прямо. Жизнь его научила, что если скрывать, то потом это оборачивается большими проблемами. Насколько я понимаю, это был их первый год. Ей тогда было совсем ничего, за двадцать. Как отнесся? Узнал и узнал. У меня внутренних диссонансов

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

по этому поводу не было. Для меня жизнь бати священна, в какую бы сторону она ни шла... – говорил мне Денис Золотухин.

Сыну Сергею он про Линдт ничего не говорит. Но старается сблизиться с ним. Сергей в это время берет уроки игры на ударных у Владимира Ермакова из хардроковой группы «E.S.T.» В группе никто не знает, чей сын Сергей, но как-то он, проезжая мимо Таганки, говорит, что здесь работает его отец. Узнав, что его отец – Бумбараш, рокеры знакомятся с ним и предлагают ему спеть с ними! Золотухин соглашается! Может, он как обычно, не отказывается ни от чего нового. Но возможно, что, войдя в мир сына, он пытается найти с ним общий язык.

В результате они записывают диск «Терапия для души», на котором Золотухин вместе с «E.S.T.» поет как свои песни («Ходят кони», «Наплевать»), так и их, хардроковские.

Золотухин шутил, что у него тут своя корысть: поднять свою увядшую популярность за счет какого-нибудь молодежного скандального хита.

28 ноября 1998 года состоялась премьера «Марата и маркиза де Сада».

Основное в пьесе – столкновение взглядов на революцию маркиза де Сада и Марата. Первый разочарован в революции, второй верит в нее. «Еще год назад эта политическая драма одного из адептов брехтовского эпического театра оказалась бы обречена на совершенный неуспех у зрителя. «Я не интересуюсь политикой», – вяло отгородился бы от этого спектакля почти каждый. Нынче политика, кажется, снова начинает интересоваться нами, и зритель неохотно начинает вслушиваться в разговоры о революции и ее последствиях. <...> Слишком уж все похоже: и народ (экзальтированные пациентки-кликуши), радостно выкликающий имя Марата, и упоминание про воров, которые взлетают на волне революции, и разговоры про 93-й год (не наш 93-й, а их, французский, 93-й), и наследующий всякой революции Наполеон, который в спектакле выведен в виде малоостроумной пародии на генерала Лебедя», – говорится в рецензии «Независимой газеты». В целом критики отдельно отмечали гимнастическую подготовку, потребовавшуюся некоторым актерам, в том числе Ирине Линдт, которую некоторые журналисты с тех пор всерьез считали цирковой эквилибристкой.

Спектакль признали успехом театра. «Юрий Любимов поставил свой лучший за последние годы, самый живой и энергичный спектакль постопальной Таганки», – написал Роман Должанский [27].

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Да, это снова был тот самый Любимов. Именно тот самый – когда он один и был театр. И Таганка была та самая – неспроста в рецензиях на «Марата» об исполнителях ролей не говорится ничего, разве что упоминаются фамилии. Это был режиссерский спектакль – Любимов показал себя, а все остальные ему просто в этом помогли.

1 февраля на спектакле побывали Тамара и Сергей. Они в восторге. Тамара согласилась, что это лучший спектакль Любимова за последние десять лет. «Молодец, Валера, – сказала мне моя жена. – Ты мне больше всех понравился. Линдт твоя гениальная».

Что значит это «Линдт твоя» из уст Тамары? Догадывалась ли она о чем-то?

«Беби уехала надутая. Она почти не разговаривала и в сторону смотрела...» записывает Золотухин, но тут же говорит себе, что по сравнению с Ирбис, которая запрещала приводить Тамару в театр, появляться с ней в общественных местах и говорить слово «жена» – «это, можно сказать, рай».

К этому времени Золотухин уже нашел совместную работу для себя и Ирины – это пьеса о Моцарте и Сальери, где Моцарта сыграет женщина! Спектакль о Моцарте и Сальери с Золотухиным задумал Андрей Максимов, писатель, журналист и режиссер. Он рассказывал в интервью: «Я долго говорил Золотухину: “Валер, нам надо с тобой поставить “Моцарт и Сальери”. Моцарта ты уже играл, теперь должен сыграть Сальери”. В какой-то момент он мне сказал: “Мы сделаем это при условии, что Ира Линдт будет играть Моцарта”. В итоге, ничего не переделав в пьесе Пушкина и только добавив туда четыре строчки из “Пира во время чумы”, мы поставили спектакль про Сальери, который до такой степени зациклился на Моцарте, что когда к нему приходила любимая женщина, она представлялась ему Моцартом».

Они ищут площадку, и тут оказывается, что спектакль готовы принять в музее Высоцкого. «Этого было достаточно, чтобы знакомая труба внутри меня запела победным – нет, боевым – звуком, сигналом к работе, к бою, с самим собой, со своей судьбой», – записывает Золотухин в дневнике 16 марта 1999 года. Первая репетиция спектакля состоялась 6 апреля.

На одной из репетиций Ирина рассказывает, что ее могло бы и не быть на этом свете: мать собиралась сделать аборт и уже пошла в больницу, но на дверях кабинета гинеколога, видимо, для таких, как она, было прикреплено стихотворение, из которого Ирина помнила строчку «Послушай, а вдруг он будет гений – этот мальчик?» Оказалось, Золотухин знает это стихотворение советского поэта Дмитрия Кедрина, напи-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

санное в 1937 году под названием «Беседа». В нем есть такие строки:

Послушай, а что ты скажешь, если он будет Моцарт,
Этот не живший мальчик, вытравленный тобой?..

Золотухин, по воспоминаниям Линдт, сказал даже, что это стихотворение он читал при поступлении в ГИТИС. Мы можем позволить себе усомниться – нигде ранее он про Кедрина не упоминал. Но Линдт была потрясена. (Интересно, что ее любимый поэт – Лермонтов.)

В мае выходит книга «На плахе Таганки» – это дневники с 1987 по 1998 год [5]. До этого из всех своих дневников Золотухин опубликовал только выдержки о Высоцком, здесь же обо всем и обо всех: Любимов и коллеги по театру, Ирбис, раздел Таганки, Тамара, путчи, перевороты, крушение СССР. Золотухин читает книгу и думает, кто и что скажет. «Сжечь тираж?» – спрашивает он себя.

Сдача спектакля-эксперимента все ближе, Золотухина все сильнее трясет. Однако его поддерживает то, что спектакль даже в черновом варианте нравится Никите Высоцкому, а увидевший прогон Черняев говорит: «Сергеич, мы тебя таким не знали, хочется на колени встать».

Премьера 4 июня, накануне дня рождения Пушкина. Спектакль начинается с того, что Линдт и Золотухин лежат в одной постели.

– Этот спектакль и очень ругали, и очень хвалили. Больше всего шокировало, что все начинается с того, что женщина и мужчина лежат в кровати. Как же так – «Моцарт и Сальери» Пушкина начинается с постельной сцены! Но я исходил из того, что Пушкин написал не просто про то, как один дяденька позавидовал другому и его убил. Вообще мне кажется, что Пушкин был человек веселый. Это был маленький уродливый негритенок, который писал великие стихи. Был гением. Был очень сомневающимся, сложным человеком, но не был занудой. И спектакль по Пушкину не может быть занудным... – говорил Андрей Максимов.

5 июня для Золотухина на спектакле своя драматургия, думаю, он ею наслаждался – он знает, что на спектакль собралась прийти Тамара с Сергеем, но не говорит Ирине, чтобы не расстраивать ее перед спектаклем, потом – другое дело. Думаю, в глубине души он считал, что взвинченность не повредит образу Моцарта.

Они играют, публика принимает спектакль на ура, Сергей дарит отцу цветы, он передает их Ирине, Ирина убегает

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

в машину плакать, но Максимов возвращает ее на банкет. Ирина оказалась рядом с Тамарой. «Я боялся этого соседства, что вот-вот – и она станет хлестать ее по лицу», – запишет он. Правда, тут непонятно, кто кого будет хлестать, но скорее всего Ирина Тамару. Однако «водка спасла, смягчила». Линдт в конце концов плачет на плече Тамары, которая потом спрашивала у Золотухина: «Она так переволновалась, да?»

О спектакле в целом отзываются в превосходных степенях. «Это была отнюдь не копия экранной роли другого несравненного мастера. Золотухин-Сальери, совсем не шумный, не таганковский, мучимый сомнениями злодей, открыл такие глубины человеческих страстей, что, как я слышал потом в фойе в разговоре театральных критиков, переиграл самого себя. И может быть, даже своего Павла Первого...

И получилось так ярко и убедительно еще и потому, что Моцарт (Ирина Линдт), словно светлый лучик, царил на тревожной сцене, наслаждаясь молодостью, жизнью и талантом. И тем, который дарили автор и постановщик, и тем, где актриса шла к Моцарту от себя. И тогда, когда в конце первой части взяла в руки скрипку и подарила нам четвертую часть 40-й симфонии (фрагмент выбрала и предложила сама) и когда в финале своим драматическим сопрано живьем “повела” фонограммный хор с “Ля кримозой”, реквиемом прощаясь со своим героем» [39]. Это рецензия «Учительской газеты», Золотухин читал ее и радовался в дневнике, что вместе с этой рецензией напечатаны стихи Ирины.

В ноябре 1999 года Золотухин удивленно отмечает: «Что-то случилось – народ повалил в театр», у входа опять спекулируют билетами, как в шестидесятые. Золотухин с веселым цинизмом записывает: «Народ проявляет любопытство – взглянуть на эту девочку, с которой Золотухина связывают не только партнерские отношения».

В январе 2000 года Линдт срывается с конструкций на репетиции спектакля «Хроники» и падает с трехметровой высоты. «Я знал, что когда-нибудь она сорвется с этой конструкции. Я видел ее корчащейся на полу. Из головы шла кровь. Она стонала и прозносила одно и то же: “Ёё-ё-ё-ё-ё”, и наконец сказала: “Твою мать”», – пишет Золотухин. Он поехал с ней в больницу. «Дэдди, ты не бросишь меня?» – шептала она ему, лежа под капельницей.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава девятая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1.

Летом 2001 года ему исполняется 60 лет. Непостроенный храм камнем лежит на его душе. С начала эпопеи от него – только законсервированный фундамент. Золотухин решает, что надо идти в «последний и решительный бой». Он придумывает то, чего никогда не делал, – едет с концертами на Алтай.

До этого на Шукшинских чтениях состоялось его знакомство с директором барнаульского Театра юного зрителя Татьяной Федоровной Козицыной. У нее был свой интерес: как у Золотухина непостроенный храм, так у нее – отданное под театр в девяностые и с тех пор не реконструированное здание Дома культуры Барнаульского меланжевого комбината. Козицына подумала, что они помогут Золотухину, а потом Золотухин поможет им. ТЮЗ занялся организацией концертов Золотухина. На концерты он взял с собой Ирину Линдт. Золотухин и Линдт дали двенадцать концертов по городам и селам края. Это программа, которой он дал название «Тяни лямку, пока не выроют ямку». В ней актер пел песни из фильмов, частушки из «Живого», рассказывал о Высоцком. С Ириной Линдт они разыгрывали отрывки из спектаклей, она также пела под гитару романсы.

Золотухин договорился с главой администрации Алтайского края Александром Суриковым, что концерты будут «гарантийные»: вне зависимости от того, сколько на них публики, бюджет платил за них Золотухину 96 000 рублей. Однако краю разоряться не пришлось – народ пришел, Золотухин заработал. Он добавил еще четыре тысячи и получившиеся сто тысяч передал Кирьянову – закупать стройматериалы. А когда пошел благодарить Сурикова за помощь, тот выделил еще 150 000 рублей. Золотухин был очень тронут: на выборах он поддержал Льва Коршунова, соперника, и поэтому ждал, что его вообще не пустят к Сурикову. Но оказалось, что выборы одно, а храм – другое.

Аман Тулеев, губернатор Кемеровской области, дал Золотухину пять вагонов угля. Уголь не спирт, с этим бартером Валерий Сергеевич справился: уголь отдали краю, за что край выделил денег.

Золотухин отказался от идеи каменного храма, решил строить деревянный. Но кто его спроектирует, не знал. Тут опять помог Суриков. Как раз в то время барнаульский архитектор Петр Анисифоров проектировал храм для российской станции в Антарктиде. Об этом много писали: еще бы, алтайский храм будет на самом краю света!

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– И меня однажды вызвали к Сурикову. Он говорит: «Ты вот проектируешь церковь, а в Быстром Истоке слабо сделать?» Я говорю: «Да какие проблемы?» Суриков направил меня к Виталию Кирьянову. Говорим с Кирьяновым, и он набирает номер на телефоне: «На, Золотухин!...» Валерий Сергеевич спрашивает меня: «Ну, и как ваше мнение?» Отвечаю: «Да как – надо построить!» Пауза, и он говорит: «Ну вот, еще один шустрый на Алтае нашелся...» С такой досадой... Ему не раз уже обещали. Но мы начали работать. И он в какой-то момент поверил, что построим... – рассказывал Петр Анисифоров.

– Народ поначалу хохотал, мол, ничего не получится! А мы начали возить брус, складывать, сушить. С брусом помог Иван Иванович Пустогачев из Турочака, Царствие ему Небесное... – вспоминает Виталий Кирьянов.

Первые венцы храма были заложены 11 июня 2002 года. К осени здание подняли до крыши. Грозили дожди, надо было накрыть церковь, но на это уже не было средств.

– А в это время меня пригласили в телепередачу «Без протокола», а в конце нее дали одну минуту для обращения к телезрителям. И я сказал: «Если кто-то ко мне относится хорошо, помогите, пожалуйста: приближается зима, крыши у храма нет, а надо на завершение 300 тысяч рублей». На следующий день звонок: «Валерий Сергеевич? Это из развлекательного центра. Приезжайте – сумма вам приготовлена!» Такое было в моей жизни впервые – обратился и сразу получил! Я упал перед своими иконами дома на колени, заплакал... Оказалось, два брата Камальдиновы, интеллигентные люди. «Мы иноверцы, но мы знаем, что такое храм, пожалуйста, возьмите!» После этого и другие стали приносить деньги в театр, давали стройматериалы. У меня огромный список всех, кто жертвовал, начиная с того самого мальчика с рублем... – рассказывал Валерий Сергеевич.

–Когда дали вот эти 300 тысяч рублей, я сказал: «Ну все, тогда построим!» Это большие деньги были в то время. Мы и своих очень много вложили – за свет, вся техника, зарплата, снабжение, все наше было. Он однажды сказал: «Ничего не пойму – деньги должны кончиться, а они все есть. И стройка идет...» Многие шли навстречу. Барнаульский лесхоз нам все за полцены продал. Золотухин даже не спел там. Просто под его имя пошли нам навстречу. «Газель» наша пришла – и они прямо из сушилки нагрузили. Иван Карпушкин (мэр Бийска – С.Т.) нам здорово помог. Кран дал с тридцатиметровой стрелой – таких денег у нас не было. Александр Никитин, хозяин «Аникса», 40 000 рублей дал, а мы уже на

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

последнем издыхании были... – вспоминает Виталий Кирьянов.

2.

Следующим этапом в возвращении на родину стала сыгранная Валерием Золотухиным в Молодежном театре Алтая (так теперь стали называть барнаульский ТЮЗ) роль. Режиссер Минусинского театра Алексей Песегов, незадолго до того получивший «Золотую маску», поставил «На дне». Когда-то Золотухин играл в этой пьесе Пепла, теперь же он сыграл Луку.

Премьера в апреле 2003 года прошла без Золотухина. Он прилетел в мае и после четырех репетиций с приехавшим для этого Песеговым сыграл в спектаклях 15 и 16 мая.

– Спектакль Песегова для меня героический, потому что обратиться к такому некассовому, некоммерческому произведению, не навертывая зрелищных приманок, которые привлекали бы зрителя, – настоящее геройство. Это рассказ о борьбе за человека, борьбе за справедливость, о поединке добра и зла. Хочется, чтобы молодежь вернулась к пьесе, перечитала ее. Горький перефразирует Евангелие. Только там говорится: «Каждому по вере его». А Горький утверждает: «Во что веришь, то и есть». Такой Лука мне очень близок. И хорошо, что удалось его показать таким, как задумано.

Моя цель была влиться в труппу, не разрушить стиль. Было нелегко: спринтерская ситуация, когда нужна предельная концентрация энергии. И страшно: как все получится, какое впечатление о себе оставишь? У земляков ведь завышенные требования. Я суеверен, и я боялся... – признавался позже Валерий Сергеевич.

Пресса и публика отмечала, что Лука у Золотухина получился более циничный, приземленный и жесткий, чем у первого исполнителя Валерия Лагутина, который играл его мудрым, отрешенным, почти святым.

Тем временем на стройплощадке будущего храма вовсю идет работа. Люди подобрались удивительные, не случайные. Яков, Алексей и Павел Курбатовы, делавшие купол, маковку и крест храма, – внуки Якова Курбатова, старосты той самой церкви, которая была закрыта в марте 1939 года и после этого разобрана (документы об этом нашли в архиве составители книги по истории района Николай и Александр Дунец). Братьев Курбатовых собрал Виталий Кирьянов, женатый на их сестре Марии.

По словам Кирьянова, стержнем, вокруг которого крутились остальные, был Николай Кузьмич Клепиков – по-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

томственному плотнику, чей отец когда-то также строил храмы, в то время шел семьдесят шестой год.

Петр Анисифоров говорил о строителях:

– Никто из них раньше церквей не строил, но понимали нас с полуслова, а если некоторые узлы и детали не имели чертежей, то делали их по наитию и всегда попадали в точку! Соборное строительство получилось!

В августе на звонницу храма подняли колокола. Анатолий Шевернев, алтарник, чей прадед пешком ходил в Иерусалим, чуть ли не с первого раза заиграл на колоколах так, будто всю жизнь только этим и занимался. Только, выяснилось потом, руки стер в кровь – о перчатках не подумал. 2 августа в Быстрый Исток приехал Золотухин, забрался на верхотуру и ударил в колокол. О чем он тогда подумал? Поверил ли глазам и рукам, что вот оно – свершилось?!

Видимо, в тот приезд Золотухина произошел эпизод, о котором рассказал Виталий Кирьянов:

– Стоим мы возле храма, он смотрел-смотрел и говорит: «А ты где меня будешь хоронить?» Я приокостенел. Но говорю: «Пошли». Тут тополь стоял старый. Тень была. Говорю: «Нравится тебе тут?» Он говорит: «Да, нравится». И потом, когда приезжал, он всегда приходил на это место. Я ему говорил, зачем тебе надо, чтобы хоронили в Быстром Истоке? Знаешь, сколько волокиты – везти, хоронить... Он говорит: «Да ты не расстраивайся, привезут, похоронят». – «А кто ухаживать будет?» – «Ты же тут...»

Освящение назначили на 13 октября 2003 года, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы, в честь которой возводился храм. Золотухин приехал в село 12 октября с Никитой Высоцким. Вечером провели читательскую конференцию, на которой Никита Высоцкий читал стихи своего отца.

В этот же день прибыл епископ Максим. Увидев церковь впервые, он сказал: «Не думал, что это такая красота!» Освящение было назначено на восемь утра.

Валерий Сергеевич Золотухин рассказывал:

– Я почти не спал, поднялся рано. В половине восьмого вдарил колокол, и по деревне понесся благовест. Отовсюду стал подходить народ. Был Крестный ход, я шел впереди с иконой. Говорят, у меня было очень счастливое выражение лица...

А вечером в сельском клубе театр играл «На дне», в котором Золотухин вышел в роли Луки. Это был уже не тот клуб, который построили из бревен храма, не тот, где Валерий,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

превозмогая боль, плясал «Яблочко», но все равно это был Быстрый Исток, родина, односельчане!

К спектаклю пришло несметное количество народу. Золотухин велел запускать всех – зрители сидели на подоконниках, на полу в проходах, у самой сцены. Открыли окна – люди стояли на улице и просто слушали спектакль. Играли без театрального света и звука, но спектакль, по воспоминаниям, получился удивительный. В финале плакала и публика, и актеры.

Владыка Максим вручил Золотухину орден Русской православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского третьей степени и грамоту. А весной 2004 года по результатам интернет-голосования ему было присвоено звание «Сибиряк года – 2003» за то, что построил храм и взвалил на себя театр.

В эти годы он вдруг увидел в одном доме книгу «Отцы и дети», которую не читал уже около тридцати лет.

– Я замер, как тургеневская собака в стойке, и какой-то соблазн, риск – взять или не надо? Я снял ее с полки, у меня руки дрожали, я три года не пью, но руки у меня дрожали. Открыл вот так, взмахом – бах, навскидку, и на той самой странице: входит Анна Сергеевна, он говорит, что попал под колесо... я заплакал, – рассказывал Золотухин.

Он не пояснил, почему заплакал. Он очистился, соскреб нагар с души, снова чувствовал мир, как ребенок, радовался и плакал, не стесняясь – может, поэтому.

Вскоре после этого он принял предложение стать художественным руководителем Молодежного театра. Думаю, он видел в этом миссию для себя. Он уже вернулся на родину храмом, а теперь ему предоставлялась возможность вернуться еще и искусством. Судьба получалась удивительная, и Золотухин не тот был человек, чтобы от этой судьбы бежать.

3.

18 ноября 2004 года у него и Ирины Линдт родился сын. Это был желанный, долгожданный ребенок. Ирина Линдт рассказывала мне:

– Валерий бросил пить, года три не пил. Мы были в Санкт-Петербурге с антрепризой, на корабле банкет, выпивка. Я ему: «Шампанского?» Он: «Нет». Я говорю: «Когда ты уже выпьешь, мне интересно?» А он: «А вот отгадай!» Я говорю: «Кажется, я знаю». И мы решили: он напишет на салфетке свое, а я свое, и сравним. Взяли салфетки, написали, и обменялись. И когда прочитали, у нас глаза на лоб полезли, потому что там было одно и то же слово, причем мы

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

его оба, не сговариваясь, придумали в тот момент. Он меня звал после беби, а я его дэдди. И на салфетках было написано «бебиденок». И он это придумал, и я. Эти салфеточки у меня до сих пор хранятся. Это было в феврале, а в ноябре родился Ванька...

О том, что он снова будет отцом, Золотухин сказал брату Владимиру и сыну Денису весной, когда все вместе они были в Быстром Истоке, в доме Виталия Кирьянова.

– Батя нас с дядькой Владимиром Сергеевичем отвел в сторону и сказал, что скоро у него будет ребенок. Ну, будет и будет. Я, по-моему, ответил: «Хорошо, молодец». Каких-то оригинальных слов не сказал... – вспоминает Денис.

Денис рассказывал также, что Золотухин, задумав сделаться отцом, пошел к врачам и обследовался. Доктор, мнению которого Валерий Сергеевич очень доверял, сказал, что организм в порядке, и у Золотухина есть еще как минимум двадцать лет. Это его, конечно же, приободрило. Он уже не вспоминает Лермонтова и пророчества гадалок про 2014 год – он собирается жить, долго жить.

Золотухин хотел дочку, но когда родился сын, был очень рад. Увидев его впервые в роддоме, он запел: «Счастье вдруг в тишине постучалось в двери... Неужель ты ко мне – верю и не верю...» Золотухин в восторге и от сына, и от себя, в интервью той поры советует: «Мужики, рожайте в шестьдесят!»

Интересно, что в сыне он узнает не себя – отца!

– Недавно слышу, Ваня кричит: «Па-па, паа-пааа!» Звонко, басовито... Я думаю: «Где я это слышал?» И вспомнил. Мой отец вернулся с фронта через год после окончания войны, он гулял где-то в Бессарабии. И у него была одна песня: «На зеленом ковре мы сидели, целовала Наташа меня...». Он на людях ее не пел, только в одиночестве, но так громко, раскатисто, что все слышали. И теперь Ванька орет совершенно с дедовскими интонациями... – рассказывал он в 2006 году, когда Ване было два года.

В 2007 году на вопрос о Ване рассказал:

–Сегодня он мне сказал по телефону: «Я очень тебя люблю». Первый раз. И никто его не учил. Представляете, такое услышать? А позавчера он сказал: «Я был в Пушкинском музее». Мы там с Ириной репетируем «Сказку о рыбаке и рыбке», и вот его сводили в музей...

Спустя время у Валерия Сергеевича появилась идея – ему хотелось собрать всех если не под одной крышей и насовсем, то хотя бы на время, но вместе. Это была модель мироустройства его отца, который всех своих детей привел в дом к Матрене Федосеевне. Тут, правда, не очень было понятно,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

кого к кому приводить. Но желание объединения у Золотухина имелось сильное.

Я спросил у Дениса, в чем была суть этой идеи? Чтобы все сдружились и простили друг другу всё?

– Дело было не в прощении. Никто ни на кого не был зол. Папа звал на день рождения Вани всех – нас, Тамару Владимировну. В этой ситуации я чувствовал себя ужасно неловко. Точно так же, как когда мы в одном самолете летели на Алтай. Мне все время хотелось отойти. Этот момент был для меня тяжелый, и я его при жизни бати так и не преодолел. То ли это внутренняя жестокость сыновняя, то ли ревность... Сказать, что мне была неприятна связь эта, я не могу. Батя развелся с мамой, она была свободна, он ей не изменял. Но я не хотел участвовать, быть рядом в те моменты, когда тут находились Ирина и Ваня. Больше, наверное, Ирина. Хотя тут трудно сейчас... Либо я и батя, либо батя и Ирина. Он человек взрослый, и это его дело, с кем он, но мне не хотелось быть вместе... – говорит Денис.

4.

В 2002 году кино, с которым он уже простился, вдруг вспомнило про него – его пригласили в картину «Театральный роман» по Булгакову. С этого началась его кинослава двухтысячных, удивившая и обрадовавшая его.

Золотухин играет Ксаверия Борисовича Ильчина, режиссера учебной сцены. Прообразом стал Борис Вершилов, ученик Евгения Вахтангова. Потом и сам Вершилов стал учителем – он с 30-х годов преподавал в Школе-студии МХАТ, его любимым был выпуск 1956 года, на котором учились Татьяна Доронина, Евгений Евстигнеев, Олег Басилашвили, Михаил Козаков, Виктор Сергачев.

Именно Вершилов предложил Булгакову сделать из романа «Дни Турбиных» пьесу «Белая гвардия», которая потом с успехом шла во МХАТе.

Нельзя сказать, что это в полной мере кино – скорее, фильм-спектакль. Закадровый голос читает роман, а герои время от времени вступают, разыгрывают сцену и снова отступают на общий план, пережидая массив текста.

Золотухин в клетчатой кепке, в тонкооправных очках. Эстетские всплески рук, жест, взгляд – таким Золотухин нигде до той поры не был. Он расписывает Максудову театр так, будто предлагает его купить, соблазняет Максудова театром, как женщиной, искушает его театром, будто предлагает плод с Древа познания Добра и Зла, – а так оно, в сущности, и есть. Появление Золотухина корот-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

кое, однако он создает настроение – отношение к театру как к святости.

В том же году он снимается в сериале «Участок». Золотухин наверняка видел схожесть «Участка» с его «Хозяином тайги»: так же по деревне ходит милиционер, расследует дело, и все глубже погружается в деревенский мир. Только теперь он был не милиционер, а дед Хали-Гали.

Золотухин рассказывал, что как-то, уже в гриме, ходил неподалеку от съемочной площадки.

– Идет навстречу мне спившийся, несчастный старичок, тоже вроде Хали-Гали, и говорит, обращаясь ко мне: «Старичок, ты за грибами ходил?» Я говорю: «Ходил». – «Ну, набрал чего-нибудь?» – «Набрал». – «А куды дел?» – «Хозяйке отдал». Он меня принял за своего, и я внутренне поставил себе и гримеру, конечно, плюс. Облик был найден точно.

Однако Владимир Фомин выговаривал Золотухину: деда играешь, а глаза молодые! Золотухин на это только смеялся: «А какими же им быть, если я до сих пор на юбки оглядываюсь!»

Хали-Гали снова сделал его знаменитым. Однажды он приехал на какое-то мероприятие, зал был полон детей, ведущий, объявляя его, сказал: «Вы его все, конечно, знаете, и сейчас, когда увидите, хором скажите: Бум....» Золотухин вышел, и дети вместо Бумбараша закричали: «Хали-Гали!»

Это нисколько не огорчало Золотухина, думаю, это его радовало. Получалось, у каждого поколения свой образ Золотухина. Получалось еще, что и в шестьдесят с лишним лет он нужен! Для Золотухина, не раз с затаенным страхом размышлявшего в дневниках, когда исчерпается его актерский век, это наверняка было огромной радостью.

Одновременно с «Участком» на экраны выходит 12-серийная лента «Спас под березами».

Даже при привычке Золотухина к совпадениям, к чувству, что кто-то ведет его по его удивительной судьбе, приглашение в этот фильм наверняка поразило его – ведь эта картина о том, как люди восстанавливают храм! В фильме по спонсорам в поисках денег ходит другой персонаж – отец Георгий (Юрий Беляев). Но тем лучше – Золотухин мог посмотреть на это со стороны, в чем-то узнать себя. Спонсоры, правда, в кино не те, какие попадались Золотухину. Впрочем, мы же не про всех знаем – только про тех, кто помог.

Персонаж Золотухина появляется в седьмой серии – новелле «Чудотворная». Толян Жмухин – слесарь-сантехник. В храм он зашел по работе – чинить кран. Кран не сделал, иконку из лавки стащил – характер и повадки видны

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

по первым двум кадрам. Жмухин идет в пивную, где ему уже не наливают в долг, и пытается там продать икону, уверяя, что «коллекционеры за такие тыщи дают! Четвертый век! До нашей эры! А тебе за пятьсот...» Из бара его вышвыривают примерно как Паниковского из кабинета председателя исполкома города Арбатова. По дороге домой он от участкового узнает, что сыну грозит срок за драку. Дома ему достается от матери сковородкой по голове. Очнувшись, он уходит из дома, неведомо где находит поллитру и вот сидит в темноте под деревом, пьет водку и случайно вынимает из кармана так и не проданную иконку Богоматери. Он один, и он начинает говорить с Богородицей.

– Чего пялишься? Ну, смотри, смотри, запоминай... Вот такой он, Толян Жмухин...

Он говорит с ней и вдруг начинает плакать и просить спасти сына.

Этот разговор с иконой – удивительная сцена. Вдруг понимаешь, что это исповедь. Жмухин впервые смотрит на себя чужими глазами – и это глаза Богородицы. У него просыпается совесть, грызет его, говорит с ним, гонит его просить прощения и за себя, и за сына, который натворил дел, заступаясь за отца. Наступает утро, он идет по клиентам, трудится в поте лица – переделывает свою же плохую работу. Идет в храм – сделать тот кран, с которого все началось. Заодно тихонько возвращает на место иконку. На этот раз он работает на совесть, и настоятель храма кроме денег дает ему пакет с продуктами. Дома, разбирая пакет, он вдруг находит на дне ту самую иконку, которую стащил и вернул, – она снова пришла к нему.

Да, это немного слащаво и предсказуемо, но тут дело не в том, как покруче завернуть спираль сюжета, а в чувстве, которое Золотухину удается разбудить в зрителе. Порадуется человек за его героя – и уже минута отвоевана у зла. Золотухин начинал актерский путь с манифестов. Здесь у него не проповедь, но и не манифест уже. В этом фильме у него беседа: тихая, непростая. Золотухин – как лампада: вроде неярок огонек, а озаряет.

Интересно, что следующей ролью стал вампир в «Ночном дозоре» (2004) режиссера Тимура Бекмамбетова – роль, из-за которой Валерию Сергеевичу доставалось больше, чем из-за любой другой.

Я и сам однажды спросил его – хорошо ли это, вампиров играть?

–Мой герой не пьет ни у кого кровь. Это фэнтези, это жанр. Может, и «Фауста» Гете запретить? Мне Коля Бурляев

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

звонил, говорит: «Не по-христиански это, вампиров играть». А когда я чертей, леших играл, Вия? Люди Гитлера играют... Такие разговоры – ханжество. Вампиры – дети по сравнению с теми злодеями, которых артисту приходится играть. Хотя для нашего поколения такая эстетика непривычна... На премьере я смотрел и думал: «Куда я попал?!» Но потом я посмотрел «Ночной дозор» трижды, чтобы разобраться. Стремление разобраться и понять должно быть сильнее стремления запретить... – ответил он.

«Ночной дозор» стал поводом для разговора о границах дозволенного в искусстве.

– Когда была цензура, было ли общество нравственнее? Наверное, общество должно было пережить то, что происходит сейчас, и само создать какие-то ограничения, не дядя Ваня из Кремля должен нам сверху все спустить... – такова была позиция Валерия Сергеевича.

Самым главным для Валерия Сергеевича было то, что он вернулся как киноактер.

– После «Участка» я понял, что живу в Советском Союзе. Приезжаем на Украину, а меня там узнают. После «Дозоров» я стал дико популярен у новейшего поколения – ребят 12-13 лет. Я уж и забыл, что я известный артист, а тут вспомнил, как это бывает... – с видимым удовольствием рассказывал он мне.

После этого кино о нем уже не забывало. Доходило до того, что в 2005 году вышло на экраны сразу двенадцать (!) фильмов с его участием. Значимость персонажей разная: в «Брежневе» он егерь в охотхозяйстве Завидово, в «Мастере и Маргарите» – Никанор Босой, в «Адъютантах любви» – Суворов, а в фильмах «Рождественские истории» и «Ночной базар», пародии на «Дозоры», даже имена его персонажей не указаны. По страсти к работе с ним мало кто сравнится не то что в России – в мире. В Америке есть Кристофер Уокен, который не отказывается ни от одного предложения – почти так же, как не отказывался Валерий Сергеевич. «Тяни лямку, пока не выроют ямку...» – посмеивался он, когда его спрашивали, почему он так много работает.

Тамара Золотухина рассказывает:

– У него потрясающая работоспособность. Он все время должен работать. Меня спрашивали: «И никогда не отдыхает??!» Он не понимал, как это можно приехать куда-нибудь в одно место и каждое утро ходить на пляж. Для него это было как сумасшедший дом. Так он это воспринимает. Воспринимал...

То же говорит Ирина Линдт:

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– Я не могла понять – как он не устает?! Но он не уставал. Более того, если у него образовывалась какая-то пауза, и ему нечем было заняться, у него просто паника начиналась. Со стороны смотришь и понимаешь, что у человека паника. Он тогда либо брал что-то писать, либо читать. У него внутри был мотор...

5.

В 2006 году Алтайская государственная академия культуры и искусств (АлтГАКИ, с 2015 г. Алтайский государственный институт культуры) объявила набор на курс по специальности «актер театра и кино», художественным руководителем которого будет Валерий Золотухин. Идея состояла в том, чтобы воспитать молодое поколение для Молодежного театра. Несмотря на то, что Золотухин довольно активно участвовал в жизни театра, среди тех, кому эти вопросы были интересны, говорили, что знаменитый актер вряд ли будет заниматься еще и студентами – мало разве у него и без этого дел?

На специальность был конкурс – восемь-девять человек. Большинство из этих семнадцатилетних мальчишек и девчонок довольно смутно представляли, кто такой Золотухин, разве что знали, что это «кто-то из “Дозоров”».

Золотухин не делал деревянного лица, смотрел на претендентов по-разному: иногда внимательно, иногда на его лице явственно читалось «чего пришел?». Можно было прочитать, интересен ты ему или нет. Впрочем, вряд ли абитуриенты от волнения видели хоть что-нибудь.

Когда стало известно, кто зачислен, он поговорил с каждым из них наедине. Спрашивал простые вещи: кто, откуда, про родителей, почему выбрал театр.

Терминов «удаленный доступ», «дистанционное обучение» тогда еще не знали, иначе бы он наверняка освоил и такую форму подготовки студентов. Я спросил как-то у Золотухина, хорошо ли, что его студенты в Барнауле воспитываются в отсутствие мастера? Он ответил:

– 70-80 процентов успеха зависит от педагогов. А из меня педагог никакой. Это другой талант. Большие артисты – прошу прощения, что себя к ним причислю, – были не очень хорошими педагогами. Я захочу, чтобы сделали, как я. А это неверно. У каждого своя индивидуальность, педагог должен ее рассмотреть и терпеливо придать самородку какую-то грань. Я не учитель. Я «второй» по своей натуре, я ведомый, исполнитель. Потому и спектаклей никогда не ставил, хотя еще Любимов мне предлагал. Моя бы цель заключалась в

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

том, чтобы каждый из них мог бы выйти на площадь в Барнауле, положить шляпу и сделать что-то, чтобы народ ему заплатил. Чтобы ремесло в любом случае могло кормить...

Тут он, конечно, скромничал. Он был педагог. Просто у него была метода: «Делай как я». А чтобы ясно было, что такое «как я», он играл с этими ребятами на одной сцене при любой возможности, то и дело летая в Барнаул из Москвы. Каждый спектакль, который он играл со своими студентами, был и уроком, и экзаменом. Причем экзаменовать их сценой Золотухин начал почти сразу. В 2007 году в МТА решили ставить «Ревизора».

Мы же помним, что еще с юности Золотухин хотел сыграть Хлестакова. Как выяснилось, его близость к этому образу замечал и Любимов.

– Когда я пришел в Театр на Таганке, Любимов, посмотрев на меня, сказал: «Хорошо бы с тобой поставить "Ревизор", ты бы сыграл Хлестакова. Но я видел спектакль Мейерхольда»... Тогда я не сыграл, а теперь уж по годам не подхожу... – говорил мне Валерий Сергеевич.

Без него театр, должно быть, никогда не взялся бы за эту комедию Гоголя.

– Тот, кто берется за "Ревизора", должен обладать наглостью великой. Набоков сказал, что это лучшая пьеса, написанная на русском языке. Пять огромных актов, огромнейший пласт философии – справиться с этим сложно. Первое, что спросил Любимов, когда узнал о Городничем: "Ты что, выучил весь текст?!" Зато насколько там все про нас! При советской власти пьеса не так звучала. А сейчас ведь даже губернаторы и городничие вернулись. В Калуге после премьеры на каком-то банкете мэр мне говорит: "Вот когда артисты играли про взятки, аплодисментов не было, а когда про мост – аплодисменты были". Это он хотел похвастаться, что взятки они изжили. А про мост у меня там такие слова: "Кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и дерева написал на 20 тысяч, когда его и на 100 рублей не было? Я помог тебе. Ты позабыл это, козлиная борода?!" И после этого зал начинает хохотать и аплодировать. Видно, с приписками пока недоработка... – рассказывал Золотухин.

Премьерные спектакли сыграли 10 и 11 апреля 2007 года. Скептики ожидали, что выйдет нечто вроде антрепризного спектакля, где одна звезда существует для привлечения зрителя, а другие – так, массовка. Но если звезда настоящая, от ее огня зажигаются другие. А тут «зажигал» не только Золотухин, но и игравший Хлестакова Эдуард Коржов, актер удивительной пластики и темперамента. Да и не он один:

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Георгий Асатиани (Осип), Светлана Лепихина (Марья Антоновна) и все остальные. Золотухин умел играть в ансамбле, он не давил классом – он вдохновлял.

Театр в это время занимал часть помещений городского Дворца пионеров. Здание уже давно требовало ремонта, а его все не было. Старые кресла, потрепанный зрительный зал, обветшавшая сцена без изысков (кажется, там даже не было круга). Поставленный в будто разбомбленном здании Дома пионеров, спектакль отлично вписался в эти стены: знаковые гоголевские шинели напоминают лохмотья последних людей, переживших крушение мира и построивших на его руинах свой нелепый миропорядок.

Золотухин-Городничий, в рубахе, перетянутой на груди крест-накрест подтяжками, на ногах – странные войлочные валенки, но при этом штаны – с гусарскими узорами. Он явно знал лучшие времена, но опростился в этом городе, среди Бобчинских и Добчинских. Он немного шамкал и говорил «гхе» – эдкий собирательный образ вождей-генсеков. Старшее поколение зрителей улыбалось ностальгически.

Произнося свои речи, Городничий взгромождался на шаткие трибунки: поначалу – метра в полтора высотой, а потом, когда уже «примерил» и генеральский чин, и «кавалерию» – на пьедестал высотой чуть не под театральный потолок. И с этой-то высоты – оземь!

Сейчас вдруг думаешь: «Ревизор» – это ведь об обманутых надеждах. Причем Городничий обманул себя сам, всей своей жизнью обманул, но сам он у себя не виноват – ему виноват весь мир вокруг, а пуще всего «щелкоперы и бумагомараки».

6.

В начале 2007 года он снимается в фильме «1612». Это фильм Владимира Хотиненко о Смутном времени. Золотухин играет столпника – монаха, который обитает на столпе (столбе): живет, молится, не слезая на землю.

– Образ был списан с монаха Иренарха, который в Борисо-Глебском монастыре приковал себя цепями, спал по четыре часа, все время молился за Русь – 30 лет так прожил. Иностранцы его за зверя принимали, а у него брал благословение на битву с поляками князь Пожарский. Роль небольшая, но для меня какая-то вещая. Меня позвали к одному депутату денег просить. Едем мы куда-то на машине, я на заднем сиденье спал. Вылезаю: монастырь. Настоятель нас ведет, я слушаю вполуха, и тут он говорит: «Вот здесь преподобный Иренарх провел в затворе 30 лет». И меня начало ко-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

лотить. Не может быть такого. Говорю настоятелю: «Я только вчера его играл!» И настоятель отвечает: «Вот как вас Господь привел, чтоб вы знали»... – рассказывал мне Золотухин в марте 2007 года.

В фильме он и говорит не так, как всю жизнь, – степенно, внушительно, с низким отзвоном в голосе. Он шел к этой роли всю жизнь: театр, храм – все сплелось, и вот он – столпник, который взошел на столп в начале Смутного времени, сказав, что спустится только когда Смута кончится. У Золотухина в этой роли очень мало слов, все лицо закрывает борода – остаются лишь глаза, взгляд. Он у него такой, будто он видит все – и вокруг, и в себе. Золотухину уже 66 лет, с его жизнью он и сам имеет право на такой взгляд. Но вот приходит к нему папский нунций, столпник дает ему советы, как правильно вести себя на Руси, и уже вслед ему чуть насмешливо говорит: «А может, и зря ты к индейцам не подался?!» Нунций ошеломлен – он ведь не говорил столпнику, что его должны были отправить миссионерствовать в Америку. А мы понимаем: это из столпника выглянул он сам, но прежний – насмешливый, веселый, мирской, тот, кем он был до того, как однажды принял на себя груз материальный и духовный и пошел дорогой молитвы.

У него в этом фильме огромная белая борода. Он снова как с картины Нестерова, но теперь он уже не отрок Варфоломей, а инок.

Премьера фильма состоялась 1 ноября 2007 года, когда Золотухину было уже не до него.

7.

2 июля 2007 года Сергей Золотухин покончил с собой. Его, висящего в петле на косяке межкомнатного проема, обнаружила Екатерина Рягудова, его девушка. Валерий Сергеевич незадолго до этого, в июне, сломал левую ногу (на него накатилась его же машина), сам вести машину не мог, поэтому, узнав о страшном, позвонил Валерию Черняеву.

– Валерию позвонили в шесть утра, и в пять минут седьмого он звонит мне: «Приезжай!» Я актер, ложусь в три-четыре часа ночи. А тут в шесть с небольшим звонок. Я спрашиваю: «Что такое, Сергеич?» Он: «Приезжай, я сказал!» и трубку бросил. Я приехал, звоню: «Я здесь, внизу». Он: «Сейчас спускаюсь». И в машине сказал, что Сергей повесился на дверном проеме в своей комнате. Вбил крюк, и все. Мы едем, и Сергеич говорит: «Это должно было случиться. Я знал. Я знал»...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Я разговаривал с Валерием Сергеевичем о Сергее. Задавая вопрос, я не очень-то рассчитывал на ответ, и меня поразило, что он не стал уклоняться от разговора. Он говорил так, словно освобождался от тяжести.

– Я могу только констатировать факты, которые были на протяжении его жизни. Если брать 2 июля 2007 года, день его смерти... он был трезвый, никаких примесей в крови. Абсолютно сознательный уход. Перед этим он говорил, что уйти из жизни так же просто, как прогулять урок. У него тема суицида пошла с детских лет. Потом нумерология подключилась. Он долго выпытывал у меня и у матери час своего рождения. Он всему своему ансамблю «Мертвые дельфины» все высчитал и себе хотел. Мы не могли сказать точно, до минут. Он поехал в роддом. Оказалось, архивы 1979 года хранятся в подвале, а подвал был затоплен горячей водой. Так он и не узнал точное время.

В детстве он увлекался химией. Он знал формулы всех ядов. Он знал, что сочетание такого-то препарата с кока-колой дает такой-то эффект. И он таким образом получил эффект – мать вошла утром, а он в бессознательном состоянии. Тогда его спасли.

– Смерть тянула его? – спросил я.

– Да, да, да! У него была заготовлена веревка, петля. Его девочка ее выбросила. Он сделал другую. Я говорю: «Вот машина, давай тебе отдам». Нет. Он не покупал себе новых вещей. Он не обременял себя. Он к этому готовился. Но это только потом понимаешь.

Вот он идет в ГУМ. Видит дорогой парфюм. Кладет его в карман и идет через рамку. Его, естественно, ловят. Видят в документах: Золотухин, Валерьевич. «Твой отец Золотухин?» – «Да». – «Зачем ты своровал?» – «Хочу сесть в тюрьму!» Его посылают.

Он испытывал себя. Он серьезно хотел быть барменом. Собрал книжки, но передумал. Все время барабанил. Когда он стал увлекаться тяжелым роком – а они тесно общались с Денисом – Денис увидел все эти погремушки, черепа и сказал: «Папа, это добром не кончится!» Но мало ли кто чем на заре юности увлекается? Я ни в коем разе не пытаюсь оправдать себя – наверное, я что-то упустил. Но я и другое знаю: он родился с неприятием жизни, с отторжением ее. Три попытки самоубийства – это только те, о которых мы знаем...

В сентябре 2007 года Золотухин вдруг оказывается на «Фабрике звезд – 7». Он дает участникам несколько уроков художественного чтения. Большинство зрителей не очень-то понимает Золотухина. Однако когда журналисты

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

спрашивают, почему он согласился, Золотухин отвечает: «Я шел к молодым людям, чтобы дать правильные нравственные ориентиры в жизни».

Он читает им Евангелие, Нобелевскую речь Бродского, дарит свои книжки дневников о Высоцком. Он поет с Анастасией Приходько.

— Это мое отчаяние вот так вырвалось наружу... — говорит он. Когда он вышел с «Фабрики» и сел в машину, с ним случилась истерика — отчаяние вышло еще и так.

Но Валентин Гафт позвонил ему после эфира и сказал: «Это колоссально! Ты пришел в этот дом терпимости и читал им Бродского!»

8.

В 2009 году началась реконструкция нового дома Молодежного театра.

В самом центре Барнаула, на площади Октября, стоит здание Дома культуры меланжевого комбината (ДК БМК). Оно построено в 1937 году как кинотеатр одновременно с комбинатом, который был одним из основных объектов Второй пятилетки. Интересно, что свой первый театральный сезон Театр юного зрителя (Молодежный театр Алтая) открыл именно здесь: 21 ноября 1958 года сыграли драму «Именем революции». Театр оставался здесь до 1964 года. Потом в ДК поселили театр музыкальной комедии, а ТЮЗ переехал в Дом пионеров, поближе к юным зрителям.

После того как для театра музыкальной комедии нашлось отдельное здание, в ДК работали кружки, ансамбли, клубы по интересам, проходили собрания, отчетные концерты.

Глава администрации Александр Александрович Суриков 20 августа 1999 года подписал Постановление администрации Алтайского края № 599 «О передаче здания Дворца культуры меланжевого комбината краевому государственному учреждению «Алтайский государственный театр для детей и молодежи».

В ТЮЗе на радостях собирались переезжать в ДК БМК со всем скарбом, под музыку и в костюмах — по главной улице с оркестром! Однако при внимательном осмотре обнаружилось, что здание для театра — для театра в полном смысле слова — не годилось. Фанерные сиденья, сцена, за задником которой сразу была стена. Никакого театрального обрудования не имелось. Стало ясно, что зданию нужна реконструкция. Однако денег не было. Следовало ждать.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Здание между тем ветшало. Чтобы облупившийся фасад не наводил тоску, его завесили огромным покрывалом с нарисованным фасадом. Покрывало это довольно скоро стало грязным, так что впечатление лучше не стало.

Осенью 2005 года губернатором края стал Александр Карлин. 16 января 2008 года губернатор по приглашению Валерия Сергеевича пришел в МТА на «Ревизора», в котором играл Золотухин. После спектакля они встретились, и губернатор пообещал, что реконструкция ДК БМК будет сделана. Работы начались в 2009 году в рамках губернаторской программы «75 на 75»: 75 построенных и реконструированных объектов к 75-летию края.

Работы были грандиозные. Заднюю стену театра полностью разломали: здесь все надо было сделать заново. Требовалось возвести надстройку, куда поднимались бы театральные занавесы. Требовалось полностью переделать зрительный зал, галереи, построить гримерные, театральные цеха, установить театральную машинерию, смонтировать свет и звук... Проект реконструкции получил потом серебряный диплом смотра-конкурса «Золотая капитель – 2012».

Долгое время работы велись под тем самым занавесом, которым было накрыто здание. 18 октября 2010 года занавес сняли – и Барнаул ахнул! Люди не могли наглядеться на здание. Даже те, кто помнили его в 80-е, не видели его таким – оно и тогда было потертое. Однако отремонтировать снаружи – это было полработы. Надо было еще сделать театр внутри.

Валерий Золотухин впервые зашел в обновленное здание в мае.

– Я подумал – жаль, что мне не пятьдесят или не шестьдесят лет! В этом здании хочется работать. И там можно многое сделать... – сказал он мне потом.

Открытие театра назначено было на 21 июня 2011 года – к 70-летию Валерия Сергеевича. Был солнечный теплый день. Валерий Сергеевич приехал с Тамарой. Вместе с губернатором Александром Карлиным и председателем Алтайского краевого Законодательного Собрания Иваном Лоором Валерий Сергеевич разрезал красную ленточку на крыльце. Лицо у него было счастливое.

Он с Тамарой сидел в ложе с правой стороны от сцены. Когда отгремели поздравительные речи, и слово дали ему, худруку театра, Золотухин перекинул ногу через барьер ложи и просто спрыгнул вниз. Я накануне разговаривал с ним, в том числе и о больной ноге, и, увидев этот мальчишеский прыжок, подумал: «Как он не боится, с его-то ногой?!»

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

А Золотухин взбежал на сцену, оказался среди своей молодежи, взял микрофон и запел: «Ничего! Ничего! Ничего! Сабля, пуля, штыки – все равно!»

Был в этот день и еще один подарок мэтру к 70-летнему юбилею: подготовлено первое собрание сочинений Валерия Золотухина в двух томах [10]. В него впервые вошли ранние дневники периода учебы в ГИТИСе, избранные письма и публицистика Золотухина.

В 2012 году при театре было открыто общежитие для актеров – для этого реконструировали находившееся рядом здание бывшего детского сада. В общежитии специально для Валерия Сергеевича сделали квартиру, в которой он и останавливался всегда в свои приезды, – теперь ему в Барнауле гостиница была не нужна.

9.

Открытие нового здания было радостью. Но вряд ли Валерий Сергеевич успел насладиться ее послевкусием – 24 июня в находившемся на гастролях Театре на Таганке разгорелся скандал: актеры потребовали от Любимова выплаты денег. Это произошло прямо на репетиции «Доброго человека из Сезуана», на которую пришли учиться мастерству студенты и преподаватели чешских театральных вузов. Урок, если и был, то какой-то другой.

Любимов отдал актерам деньги, провел репетицию и после этого сказал, что больше работать с ними не намерен. Он написал заявление об уходе по собственному желанию и был уволен.

Это именно тот случай, в котором уместно написать «и тогда все взоры обратились...» Именно так: тогда все взоры обратились к Золотухину. Если в трудный момент люди надеются только на тебя, значит, ты не зря прожил жизнь, ведь так?

Когда-то он уже не дал утонуть Таганке. Теперь надо совершить геройский подвиг еще раз. Но ему ведь уже даже не сорок лет. Он долго отнекивался. Но 18 июля стало известно, что Валерий Золотухин направил в департамент культуры Москвы заявление с просьбой назначить его врио руководителя Театра на Таганке – директор с совмещением должности худрука. Приказ был тут же подписан – его назначили до 15 октября, но он оставался на этой должности почти до самой своей смерти, до 5 марта 2013 года.

Тамара Золотухина вспоминает:

– Когда он стал директором, он почернел от этого. Так ему этого не хотелось. И ему это было не нужно, конечно. Он

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

настолько не административный человек. С такой тяжестью утром брал портфель, шел на работу... Говорил: «Пойду работать директором...» И такая была у него тоска! Это же бумажки надо подписывать.

За те два года, пока он был директором, Таганка поставила несколько спектаклей – одни говорят шесть, другие – семь. Так или иначе, немало. Золотухин подыскивал пьесы, которые позволили бы занять как можно больше актеров.

– Было полсотни молодых актеров, которые еще не научились играть, но уже не играют. А Валера делал так, чтобы все играли. И при нем они выросли в профессии... – говорит Тамара Золотухина.

При этом Золотухину еще и самому хотелось играть, выходить на сцену. В 70 лет он не наигрался еще и откликался на каждое предложение. Он в то время ездил с антрепризой «Собачье сердце», в которой играл профессора Преображенского. Есть запись спектакля, сыгранного 27 марта 2011 года в Симферополе. Преображенский у Золотухина жесткий, резкий, у него нет и тени вальяжности Евстигнеева в этой роли. Когда он говорит: «Наука еще не знает способа превращать зверей в людей», то это уже за пределами роли, сказано не Преображенским, а Золотухиным, и не Швондеру, а всем в зале. В конце записи, после аплодисментов, цветов и поклонов, Золотухин с чувством говорит публике: «Спасибо за теплый прием! Для артиста в день праздника его, день театра, нет большего счастья, спасибо вам, храни вас Бог!»

10.

18 марта 2012 года состоялась премьера спектакля «Король умирает», который в Театре на Таганке поставил знаменитый режиссер Кшиштоф Занусси.

На сайте Театра на Таганке есть размышления Валерия Сергеевича об этом спектакле: «Моя роль – король Беранже первый. О чем играть? Играть именно об этом – о жизни и смерти. Играть вот о чем: разве мы думаем о смерти, когда живем? А думать надо – вначале пять минут в день, потом десять, потом по часу, по году.... Согласен я с этим? Природа и Всевышний согласия моего не спрашивают. Почему начинаешь ценить жизнь, когда она уже остается... на кончике ножа? Самая моя любимая реплика в этом спектакле: “Она стелет постели. В них ложатся, засыпают, пробуждаются. Заметила ли ты, что просыпаешься каждый день? Какое блаженство просыпаться ежедневно! Каждое утро рождаться вновь”. Вот это – замечаешь ли ты каждое утро, что дышишь? Ты никогда не дума-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ешь о том, что дышишь. А ведь это чудо. Когда ты не можешь дышать, оказывается, что это – чудо». Золотухин размышлял о жизни и смерти, жить ему оставался год с небольшим.

Король знает, что умирает, и пытается примириться с неизбежным. Рядом с ним две его жены (!) – бывшая и нынешняя. Это сюжет пьесы. И по этому сюжету скоро пойдет жизнь самого Золотухина.

Золотухин настороженно относился к ролям, в которых надо умирать, у него их не так много – я уже говорил, что из ста фильмов только четыре картины кончаются смертью его персонажей. Он рассказывал мне, что Людмила Гурченко с Сергеем Шакуровым прислали ему как-то раз пьесу, предлагая сыграть в ней вместе:

– Я прочитал и испугался – там надо было умереть.

Тут он не боится. Потому что он не играет это как спектакль о смерти. Он полон сил так, что известный театральный критик Роман Должанский отказывается считать «Король умирает» спектаклем о смерти: «Он вовсе не стремится разжалобить зрителя, он не боится быть неприятным и резким, он пытается быть слабым, но в то же время он настолько переполнен энергией, что из спектакля сама собой исчезает тема смерти» [37].

Весной 2012-го он бодр, полон сил и поражает работоспособностью молодых коллег на съемочной площадке фильма «Вий 3D», экранизации повести Николая Гоголя. Получив предложение на эти съемки, он попросил час подумать. Пошел по улице, зашел в книжный магазин и вдруг увидел свою книгу рядом с книгой «Вий». Так все и решилось.

Он сыграл казака Явтуха. Съемки шли в Чехии. Работалось тяжело: Золотухин летел в Прагу, снимался там день, а назавтра летел в Москву, вечером играл спектакль, а на следующий день снова летел в Прагу. Самолет в этот период стал для него как такси.

Вислые усы, оселедец на бритом черепе – таким Валерий Сергеевич еще не был.

Продюсер фильма Алексей Петрухин рассказывал: «Валерий Сергеевич работал так: до того как режиссер командовал “Начали!”, смеялась вся площадка, затем Золотухин моментально входил в образ и блестяще отыгрывал все, что от него требовалось. Все остальные продолжали “колоться” и смеяться, а Золотухин как бы и ни при чем – он же свою работу выполняет. Режиссера это иногда начинало раздражать. Но это была одна из фишек Валерия Сергеевича – подбадривать группу на 16-м часу смены». Никаких болезней за

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ним не замечали. Золотухин собирался позже поехать в тур для “раскрутки” фильма.

Съемки кончились в апреле 2012-го. На экраны фильм вышел в 2014 году, уже после смерти актера...

11.

Так вышло, что его последний спектакль состоялся в Барнауле, на сцене Молодежного театра Алтая, на том самом месте, где в 1957 году он вел концерт и видел, как солнце просвечивает сквозь марлевые платья девчонок.

В МТА ставили «С любимыми не расставайтесь» по пьесе Александра Володина, про жен и мужей, которые приходят в суд разводиться. В 1979 году по пьесе был снят фильм. Однако с тех пор прошло много времени, и режиссер Дмитрий Егоров решил показать, как это бывает сегодня.

Пьеса о том, что бывает, когда любовь умерла. Действующие лица приходят к судье разводиться. Судью и играл Золотухин. Также эту роль репетировал Анатолий Кошкарев.

Репетиции начались в октябре. Валерий Сергеевич нашел «окно» в своем расписании – он ведь тогда уже был директором Театра на Таганке.

Появившись на репетиции первый раз, он извинился и сказал, что у него будет включен телефон. На второй день репетиций телефон зазвонил. Он взял трубку, выслушал и сказал, побледнев: «Любимов в коме!» Несколько минут понадобилось ему, чтобы задавить это в себе. Потом он снова был готов к работе.

Хотя у постановщика были опасения, что Золотухиным, как достаточно своевольным артистом, будет трудно управлять, оказалось, что Валерий Сергеевич уважал субординацию, для него режиссер всегда был режиссером.

Единственной небольшой проблемой было то, что Золотухин «врубал» свой знаменитый голос. Его просили играть без пафоса – Золотухин старался.

В спектакле была задействована вся молодежь, от первого до четвертого курса театрального отделения АлтГАКИ. Видно было, что Золотухин рад работать с молодыми актерами.

Первый репетиционный период прошел хорошо, Золотухин уехал, сказав, что вернется перед премьерой.

Премьера была назначена на 24 октября. Он прилетел за день или два до премьеры. Начали работать, и вдруг все увидели, что это какой-то другой Золотухин. Все наработанное в первый приезд пропало, не было того задора, с которым Золотухин репетировал в первый приезд. Он хуже запоми-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

нал текст, путал порядок сцен – в день премьеры Анатолий Кошкарев дежурил за кулисами и подказывал ему, кого он сейчас разводит, какая логика сцены, что играть.

Если в первый приезд он занимался делами – Театра на Таганке, МТА – то в этот раз по окончании репетиций он сразу шел к себе отдыхать.

В театре подумали, что Золотухин простыл. Однако 24-го ему стало легче – это все сразу поняли, потому что, войдя в театр, он запел: он всегда пел, входя в МТА, – ему явно нравилось, как резонирует голос в огромном, отделанном мрамором фойе.

На сдаче, которая прошла 24 ноября днем, Золотухин вдруг стал декламировать текст. Декламация выбивалась из общей картины, вдобавок спектакль в таком виде оказался на десять минут длиннее. Режиссер объяснил Золотухину, что и как надо делать. Валерий Сергеевич выслушал, покивал головой. Премьеру он, однако, отыграл в нужном режиссеру темпе.

Я был на том спектакле. Меня удивил голос Золотухина – он говорил почти тихо. Это не было похоже на него. Мне он показался немного странным, но я решил, что это такая трактовка образа: судья поражен, с каким равнодушием относятся молодые люди к разводу, он не может их понять.

Спектакль переосмысливал пьесу. К семидесятым было добавлено вроде совсем немного двухтысячных – гаджеты, корпоратив в обычном пошловатом стиле, но вдруг стало видно, как они меняют жизнь: молодые не торопятся жить – они ленятся жить, считают, что гаджеты, социальные сети, конкурсы на корпоративах – это и есть жизнь. Только судья пытается объяснить им, что жизнь больше компьютерного монитора и объемнее, чем любой 5D.

В газете «Алтайская правда» с рецензией на этот спектакль есть фотография Валерия Сергеевича. Он в образе, улыбается. Кажется, что он немного другой, и улыбка будто бы не его. Впрочем, сейчас много чего будет казаться...

12.

На следующий день он улетел в Москву. В его комнате в театральном общежитии нашли много пустых упаковок от болеутоляющего.

Но он никому ничего не говорил.

После Нового года он должен был ехать выступать, но не поехал, сорвал выступление – впервые за сорок лет.

– Мне гонорар привезли, я получила, расписалась. А он не полетел. Я говорю: «Валера, ты хоть телефон человека

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

этого скажи, чтобы я позвонила, чтобы деньги вернуть»... Он уже болел, но мы про это не знали... – рассказывает Тамара Золотухина.

После этого он вместе с актером Юрием Смирновым, собратом по Таганке, поехал на Украину, где снимался в сериале «Ефросинья».

Валерий Черняев со слов Юрия Смирнова рассказывал мне, что в Киеве, готовясь к съемкам, Золотухин вдруг начал звать: «Ваня! Ваня!» Смирнов, который знал, что Золотухин приехал один, все же переспросил: «Валера, ты чего – с Ванькой приехал?» Золотухин ответил: «Ну, конечно. Ваня!» Когда пошли на репетицию, оказалось, что Золотухин не может запомнить текст. Золотухин, который запоминал все!

Ирина Линдт рассказывает:

– Он стал мне звонить из Киева. Мне казалось, что он пьяный. Я связалась со Смирновым, сказала, чтобы его отправляли домой. Встретила его, забрала домой. Договорилась с врачами, думали, что он в запое. Хотели пролечить, промыть. Но дело, как выяснилось, было не в этом. А это уже начало проявляться. У него путалось сознание. Он стал говорить странные вещи.

– Он лежит дома на кровати – и вдруг бабах и падает. Или в ванную пошел, и так его шарахнуло – он виском о шкаф, весь в крови. Мы вызвали врача, знакомый врач, из той клиники, где мне делали операцию. Она была моей реанимационной сестрой, а с тех пор стала врачом. И она сказала: «Тамара, мы его проколем, но вообще мы, наверное, его госпитализируем». Госпитализировали, сделали томограмму и обнаружили... Эту опухоль невозможно было оперировать. Потом человека не будет – только овощ. Ирина отправляла снимки в Германию, Израиль... Нигде ничем помочь не могли... – говорит Тамара Владимировна.

21 января все СМИ русскоязычного мира сообщили о том, что Золотухин попал в Научный центр рентгенорадиологии в Москве на «плановое обследование». Это был год 75-летия Владимира Высоцкого, Валерий Сергеевич должен был вести церемонию вручения премии «Своя колея», и он бредил ею.

– Я каждый вечер звонила ему, когда он был в больнице, а тут он весь вечер не отвечал. Уже поздно вечером я ему дозвонилась, говорю: «Почему не отвечаешь?», а он мне: «У меня была репетиция с Лепсом». Я так и села. Это все случилось в декабре, как раз должна была быть съемка программы «Своя колея» – премия Высоцкого. Линдт и Валерка ее вели обычно. И у него в памяти сохранилось, что он должен

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ехать на репетицию или на съемку к Никите... – рассказывает Тамара Золотухина.

У него в мозгу оказалась огромная опухоль. Врачи сказали, что до таких размеров она должна была расти год.

– Голова должна была болеть. Но врачи сказали, что Валерий придавил нервные окончания своим стоянием на голове... – говорит Валерий Черняев.

Золотухина выписали из больницы, как потом оказалось, ненадолго.

– Каждый раз, когда его выписывали, он надеялся, что выздоравливает... – говорит Валерий Черняев.

Потом его снова положили в больницу.

О диагнозе – опухоль головного мозга – ему никто так и не сказал.

– Я не знаю, говорили ему или нет, что с ним. Он не сознавал. Да это и невозможно, наверное, осознавать. Он понимал – и не понимал. Если он еще собирался на репетицию... – говорит Тамара Золотухина.

– Он не знал, что он умрет. Не верил. Он был уверен, что выкарабкается. Он говорил: «Ира, держись!» Он подозвал ее и сказал: «Я сегодня разговаривал с Богом. Он ко мне приходил. Он сказал: «Все будет хорошо!» И передай Ваньке, чтобы он меня не подвел!» Это было последнее здравое от него... – говорит Валерий Черняев.

– Я до сих пор себя корю за малодушие, что не сказал ему... – признался Денис Золотухин. – По-христиански человек должен знать. Чтобы приготовиться, не иметь ложных надежд. А Ирина меня уговорила, чтобы я не говорил отцу. И я смалодушествовал, не сказал. Мне бы и без нее было очень сложно ему сказать. Христианин должен знать – чтобы успеть покаяться. А отец все-таки был верующий человек. Вы знаете, как он молился! Это было видно. Когда он уже стал слепнуть, он рукой искал крест и так жарко его целовал... Это было до слез трогательно. Я ему сказал: «Бать, тебе бы надо священника позвать, исповедаться, причаститься». Он говорит: «Зачем мне священник – ты же у меня есть?» Я отвечаю: «Я не имею права. Я мог бы исповедовать и причастить только в одном случае – если бы в этом мире осталось только два человека – ты и я». Неэтично сыну исповедовать своего отца. Слава Богу, Ирина вызвала ему священника, когда он был у нее дома. Священник ходил два дня. И, по свидетельству Ирины, он от отца вышел очень радостный, сказал, что хорошая исповедь. Слава Богу. Он его исповедовал, причастил. Батя умер человеком верующим, примиренным...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

5 марта стало известно, что Валерий Сергеевич в реанимации. Тогда же он подал заявление об освобождении с должности руководителя Таганки. С поста художественного руководителя МТА он так и не ушел...

– Он еще месяц в реанимации лежал – сердце было здоровое и билось. Но человека уже не было. Так прошел месяц. Он умер 30.03.13. Одни тройки. Может, это что-то значит? – спрашивает меня Тамара Золотухина.

13.

Его могучее сердце перестало биться 30 марта 2013 года. В Театре на Таганке в этот день отменили спектакли. «Надо умирать, пока ты вкусный», – сказал он однажды. Его пугало, что на его похороны придут только несколько состарившихся друзей. Зря пугало: 2 апреля проститься с актером, который отдал сцене почти 50 лет, к Театру на Таганке пришли тысячи людей.

3 апреля в Елоховском соборе столицы прошло отпевание. После этого гроб с телом был самолетом доставлен на Алтай. 4 апреля с ним прощался Барнаул. Гроб с телом великого нашего земляка был установлен на сцене Молодежного театра Алтая – жизненный круг замкнулся.

Люди – молодые и старые, женщины и мужчины, юноши и девушки – шли беспрерывным потоком с 10 утра. Цветов было так много, что время от времени часть из них уносили со сцены, иначе вся сцена оказалась бы завалена розами, гвоздиками и хризантемами. На экране беззвучно шли кадры из фильмов, сменяли друг друга фотографии Валерия Золотухина – вот он Бумбараш, а вот – «хозяин тайги», а вот – просто Валерий Золотухин.

У гроба сидели самые близкие, среди которых – все три главные женщины Валерия Золотухина: Нина Шацкая, Тамара Золотухина, Ирина Линдт. Ваню тоже привезли, но от тягостного зрелища уже берегли.

Во время гражданской панихиды зачитали телеграмму от президента Владимира Путина: «Это – невосполнимая утрата для всех нас, для русской культуры. Валерий Золотухин был настоящим народным самородком, человеком удивительного таланта и обаяния, широты души и творческой щедрости».

Губернатор края Александр Карлин, прощаясь с Валерием Сергеевичем, сказал:

– За годы моего с ним общения он обращался ко мне много раз по огромному числу вопросов. Но он никогда, даже в самой малости, ничего не просил для себя... Я сего-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

дня хочу сказать о том, что Валерий Сергеевич был уникален и глубок в одной очень важной для нас грани своего таланта – это его сыновняя способность любить и почитать свою родину, малую родину, Алтай. Мы еще будем осмысливать и осознавать все, что он для нас сделал. И из этого источника любви мы будем, если будем рачительны и совестливы, долго получать живительные капли, которые очищают наши души...

Вечером Валерия Сергеевича повезли в Быстрый Исток.

А в маленьком кинотеатре «Премьера» 4 и 5 апреля сеанс за сеансом показывали фильмы – его и о нем: документальный «Дорога памяти нашей», о санатории в Чемале и лежавших в одной палате с Золотухиным детишках из блокадного Ленинграда; «Пакет», документальный фильм «Исток» и ту же «Интервенцию».

В родное село гроб с телом Валерия Сергеевича привезли вечером 4 апреля. Поставили в церкви. Односельчане шли прощаться весь вечер и даже ночью. С утра 5 апреля площадь перед церковью заполнилась народом. Пришли те, кто помнил Валерия Сергеевича еще мальчишкой.

Я был в Быстром Истоке в этот день, разговаривал с людьми. Как-то так выходило, что у каждого, с кем я заговаривал, имелась своя история о Валерии Сергеевиче.

– На подготовке к районному конкурсу художественной самодеятельности я вдруг услышала удивительной чистоты голос... – рассказывала мне Раиса Ефимовна Казанцева. – Оглянулась – стоит мальчишка на костылях и поет! Он пел так, как потом пел Робертино Лоретти. А песня называлась «Родина»: «Вижу чудное раздолье, слышу трели соловья...» Никогда не забуду этого. А потом он избавился от костылей. И однажды я увидела, как он играл в волейбол, и так за него обрадовалась. На смотре художественной самодеятельности он с ребятами так отплясывал матросский танец!.. Недавно, на его 70-летии, я ему напомнила про это, а он мне говорит: «А вы знаете, как мне было тогда больно?» Он жил через боль...

– Когда приезжал, то все в селе старались с ним сфотографироваться, ну и я тоже как-то раз... – Нина Александровна Шмонина, учительница, показывала мне старую, черно-белую еще фотографию, где Валерий Золотухин, молодой, с модной прической и усами, стоит в окружении односельчан. – А не так давно он приезжал со своими учениками, привозил спектакль «На дне», и я водила наших школьников на него. Такой талантливый человек! Нашу деревню он никогда не покидал. А теперь и не покинет...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

– Он сам вышел в люди, вот что важно... – сказал Николай Иванович Андреев, житель Быстрого Истока. – У него же не было ни связей, ни заступников. А куда взобрался! Когда церковь начал строить, это большое впечатление произвело. У меня слеги были – я их отдал на купол. Но это так, мелочи, надо значит надо...

– Был однажды случай: он выступал в селе Смоленском на Соболевских чтениях. А это было его, Валерия Сергеевича, 50-летие... – говорила Людмила Андреевна Тырышкина, создательница музея «Алтай литературный» в Белокурихе. – Мы ему говорим: «Хотим посвятить вам песню». И мы всем залом запели: «Деревня моя, деревянная дальняя»... Он закрыл лицо руками – заплакал...

Земляк – это слово было главным как для Шукшина, так и для Золотухина. Вспоминает Ольга Степановна Овчинникова:

– Мы были знакомы через Виктора Ащеулова, друга Валерия Сергеевича. И когда он узнал, что я приехала в Москву учиться в институте, то сам мне позвонил и позвал в Театр на Таганке. Играли «Что делать?» по Чернышевскому. Валерий Сергеевич играет роль и вдруг говорит: «Непрошеный гость хуже Ащеулова!» Мы замерли, думаем: что же будет? Но никто ничего не понял. Вот так Валерий Сергеевич передал нам привет со сцены...

– В небольшой церкви поместились только самые близкие и, конечно, пресса. Литию служили епископ Максим и отец Дионисий, сын.

– Духовный путь Валерия Сергеевича Золотухина был явлен только Богу, но этот путь был к высокому духовному званию – раб Божий! Нашим именитым землякам свойственно стремиться на родину, но Валерий Сергеевич и не покидал Алтай. Пожалуй, главным делом его жизни было строительство храма. Его побудило к этому не только внутреннее покаяние за сделанное предками по плоти, это было покаяние за поруганную веру предков. Как много людей, имеющих возможность и желание построить храм, не могут этого сделать. Валерию Сергеевичу Господь позволил сделать такое большое дело, и в этом – главное послание и благость Божия... – сказал владыка Максим.

Приехал на похороны и губернатор края Александр Карлин. Поддержал близких, отстоял службу в церкви, бросил горсть земли на могилу.

По обычаю гроб с телом обнесли вокруг церкви под колокольный звон. Также по обычаю провожали Валерия Сергеевича под аплодисменты – как всегда провожают актеров...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Когда гроб стали опускать в землю, хлопьями пошел крупный мокрый снег.

Валерий Черняев рассказывал мне, что сын Иван, первым бросивший горсть земли на могилу отца, сказал: «Папа, я тебя не подведу!»

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ЭПИЛОГ

Однажды мне позвонил мой старый товарищ, бывший журналист «Алтайской правды» Александр Чухрай, и рассказал удивительную историю.

Выйдя на пенсию, он работал в Молодежном театре Алтая вахтером. Иногда на крыльце пыхтел своей трубкой. Порой покурить к нему выходил Валерий Сергеевич.

В последний свой приезд, в ноябре 2012 года, Золотухин попросил у Чухрая покурить трубку.

– Я курил на крыльце. Он прошел в здание, а потом вернулся и говорит: «У тебя, Филиппыч, свежая трубка есть?» А «свежая трубка» – это грамотное выражение, сразу показывает, что человек понимает. Одну и ту же трубку постоянно курить нельзя, она должна отдыхать два-три дня. Я ему дал трубку «Автограф» мастера Ахилла Савинелли. Золотухин говорит: «Ого! Я такую еще не видел». И спрашивает: «А табак у тебя какой?» У меня был табак «333. Воронцов». Он говорит: «Дай попробовать!»» – рассказывает Александр Чухрай.

Спустя время Золотухин вернул ему трубку – вычищенную.

– Когда трубку отдавал, говорит: «Слушай, я смотрю, у тебя хорошие трубки. Мне не сегодня-завтра может пригодиться калабаш. Мне нужен оригинальный. Найдешь?» – вспоминает Александр Чухрай.

Калабаш, о котором спросил Валерий Сергеевич, – трубка из африканской тыквы, которая выскребается изнутри, особым образом сушится. Мундштук классического калабаша – из янтаря. Калабаш стал известен в Европе в XIX веке. У него есть художественная биография: калабаш был одной из самых любимых трубок знаменитого писателя Марка Твена. Фанаты Шерлока Холмса считают, что знаменитый сыщик также курил трубку из африканской тыквы. Это очень картинная трубка, кино любит ее – Квентин Тарантино дал калабаш одному из героев своего фильма «Бесславные ублюдки». И Валерий Золотухин явно имел на эту трубку какие-то свои творческие виды.

– Ценность калабаша еще и в том, что он лучше других трубок передает вкус табака, – говорит Александр Чухрай. – У калабаша самый чистый дым. И, что еще важно, калабаш можно курить постоянно, без перерывов.

Чухрай сказал, что попробует найти калабаш, но это потребует времени. В ноябре 2012 года никто еще

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

не знал, что времени у Золотухина осталось не так уж много.

Чухрай связался со своим товарищем в Германии, Константином Шейкиным, и попросил поискать калабаш на блошиных рынках.

30 марта 2013 года Валерий Сергеевич умер. А спустя какое-то время Константин позвонил Чухраю – нашел калабаш! Он привез его в Барнаул. Чухрай решил, что у меня больше возможностей передать редкостную трубку семье и позвонил мне.

Отправляясь в Москву в декабре 2015 года, я взял калабаш с собой и отдал его Тамаре Золотухиной. Я спросил, не помнит ли она о каких-то его планах, в которых ему нужен был бы калабаш? Увы, она не знала. Одно было совершенно ясно: он не собирался умирать! Он собирался жить...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ПОСЛЕСЛОВИЕ

21 мая 2013 года губернатором края Александром Богдановичем Карлиным был утвержден План мероприятий по увековечению памяти народного артиста РСФСР В.С. Золотухина. В рамках этого плана в 2013 году и до настоящего времени в крае последовательно воплощаются те или иные мероприятия, направленные на сохранение памяти о народном артисте и художественном руководителе Молодежного театра Алтая.

30 мая 2013 года Молодежному театру Алтая присвоили имя Валерия Золотухина. 10 октября 2013 года учрежден Всероссийский молодежный театральный фестиваль имени Валерия Сергеевича Золотухина – он впервые состоялся уже в 2014 году. Учреждена и вручается губернаторская премия имени В.С. Золотухина в области театрального искусства – она присуждается за наиболее яркие театральные роли, творческую деятельность, проекты в области театрального искусства, получившие общественное признание и внесшие вклад в развитие культуры Алтайского края.

С начала 2014 года в театре новый директор – Ирина Лысковец. Основательно обновилась и омолодилась труппа, обновился и репертуар. В театре из «золотухинцев» работает Александр Савин – тот, который сыграл «Бумбараша», и которому Валерий Сергеевич за это подарил часы с надписью «От Бумбараша-2 – Бумбарашу-3».

В Быстром Истоке в октябре 2015 года прошел I краевой фестиваль детского театрального творчества имени Валерия Золотухина «Исток». Именно такой – детский фестиваль, по словами Виталия Кирьянова, Валерий Сергеевич хотел учредить на своей малой родине. В нем приняли участие 20 коллективов. Они показывали постановки по произведениям Валерия Золотухина, Василия Шукшина, Александра Твардовского, Евгения Евтушенко, Евгения Шварца, Виктора Драгунского и других. В представленных учебным театром-студией «de”Л”arte» при Ломоносовской школе (Москва) отрывках из спектакля «Ромео и Джульетта» одну из ролей исполнял Иван Золотухин, сын Валерия Сергеевича.

К 75-летию Валерия Сергеевича в Быстром Истоке построен мемориальный комплекс, включающий в себя районный Дом культуры и мемориальный музей В.С. Золотухина.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Отдельные произведения В. С. Золотухина

1. Золотухин В. С. На Исток-речушку, к детству моему: повести. – Москва : Молодая гвардия, 1978. – 176 с. – (Компас).

2. Золотухин В.С. На Исток-речушку, к детству моему: повести, рассказ / Валерий Золотухин ; [предисл. В. Распутина]. – Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1981. – 232 с.: илл.

3. Золотухин В. С. Печаль и смех моих крылечек: повести и рассказы / В. С. Золотухин ; предисл. Б. А. Можаева. – 2-е изд., доп. – Москва : Современник, 1989. –

303 с. – (Новинки ««Современника»»).

4. Золотухин В. С. Дребезги / В. С. Золотухин ; предисл. Л. И. Лавлинского. – Москва : Центр творческих встреч «Союзтеатр», 1991. – 384 с., [8] л. илл.: портр.

5. Золотухин В. С. На плахе Таганки: дневник русского человека / В. С. Золотухин. – Москва : Алгоритм, 1999. – 541 с., [16] л. илл. – (О времени и о себе).

6. Золотухин В. С. Пляши, брат, где-нибудь играют... / В. С. Золотухин. – Нижний Новгород : Нижполиграф, 2003. – 464 с., [24] л. илл.

7. Золотухин В.С. Таганский дневник: роман: [в 2 кн.] / Валерий Золотухин. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2003-2004.

Кн. 1. – 2003. – 414 с., [8] л. илл.

Кн. 2. – 2004. – 447 с., [8] л. илл.

8. Золотухин В. С. ««Все в жертву памяти твоей...» «: дневники, 1966-1985 : Валерий Золотухин о Владимире Высоцком / В. С. Золотухин ; [вступ. ст. Л. В. Абрамовой]. – Москва: Авангард, 2005. – 143 с.: илл.

9. Золотухин В. С. Знаю только я / Валерий Золотухин ; [сост., примеч. В. Краснопольского]. – Москва : Вагриус, 2007. – 523 с., [12] л. фот., портр. – (Мой XX век / Мой 20 век).

10. Золотухин В.С. Сочинения: в 2 т. / Валерий Золотухин ; [сост., вступ. ст., подгот. текста, примеч. Д. В. Марьина ; илл. В. А. Раменского]. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2011.

Т. 1 : Повести. Рассказы. Очерки. – 471 с. : илл., портр.

Т. 2 : Дневниковая проза. Письма. Публицистика. – 511 с. : илл., портр. – Алф. указ. произведений: с. 509-510.

Публикации в журналах произведений В. С. Золотухина

11. Золотухин В. Дребезги: повесть / В. Золотухин // Юность. – 1978. – № 11. – С. 42-59 ; № 12. – С. 36-52.

12. Золотухин В. Клоун: рассказ // Сельская молодежь. – 1980. – № 10. – С. 14-19.

13. Золотухин В. Как скажу, так и было, или Этюд о беглой гласной / Валерий Золотухин // Огонек. – 1986. – № 28. – С. 21.

14. Золотухин В. В границах нежности / Валерий Золотухин // Театральная жизнь. – 1987. – № 18. – С. 24-27: илл.

15. Золотухин В. «Похоронен в селе...»: рассказ / Валерий Золотухин // Юность. – 1987. – № 5. – С. 45-51: портр.

16. Золотухин В. «Все в жертву памяти твоей...»: повесть в дневниках / Валерий Золотухин // Литературное обозрение. – 1991. – № 3. – С. 77-87 ; № 4. – С. 80-89.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

О жизни и творчестве В. С. Золотухина

17. Демидова А. С. Бегущая строка памяти: автобиографическая проза / А. С. Демидова. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с.

18. Дунец, А. Н. Быстрый Исток: история села и его роль в освоении Верхнего Приобья: монография / А. Н. Дунец, Н. И. Дунец; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования ««Алт. гос. техн. ун-т

им. И. И. Ползунова»». – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2015. – 276 с.: илл. – Библиогр.:

с. 256-260.

19. Кагарлицкий Б. Ю. Валерий Золотухин : буклет / Б. Ю. Кагарлицкий. – Москва : Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства, 1987. – 64 с. : илл.

20. Марьин Д. В. Комментарий к литературным произведениям В. С. Золотухина / Дмитрий Марьин. – Saarbrucken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 247 с. – Библиогр.: с. 245-247.

21. Смелянский А. Предлагаемые обстоятельства: из жизни русского театра второй половины XX века / Анатолий Смелянский. – Москва: Артист. Режиссер. Театр, 1999. – 351 с.

22. Строева М. Н. Чехов и другие / М. Н. Строева. – Москва : Прогресс-Традиция, 2009. – 496 с.

Публикации в периодических изданиях

23. Андроникова Е. Две точки зрения [на повесть В. Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему...»] / Е. Андроникова // Юность. – 1974. – № 1. – С. 72-73.

24. Гайдук Н. Осторожно: за вымыслом человек / Н. Гайдук // Советская культура. – 1981. – 13 марта.

25. Гордеева А. Спасибо, что живой / А. Гордеева // Московские новости. – 2012. –

20 марта (№ 47). – С. 11.

26. Демидова А. Таким запомнился / Алла Демидова // Советская Россия. – 1980. – 31 авг.

27. Должанский Р. Эстетика Таганки выпала в осадок: Юрий Любимов поставил «Марата-Сада» / Роман Должанский // Коммерсант. – 1998. – 26 нояб. – С. 10.

28. Живая жизнь: штрихи к биографии Владимира Высоцкого: [/ Интервью и лит. запись Валерия Перевозчикова. – Москва : Московский рабочий, 1988. – 320 с.: фото.

29. Золотухин В. Жизнь не закончилась. Я сына Ваньку в первый класс записал /

В. С. Золотухин ; интервьюер С. Тепляков // Известия. – 2011. – 21 июня. – С. 7: фото.

30. Золотухин В. Из всех моих женщин только одна вспоминает меня без обиды / Валерий Золотухин ; беседовала Елена Михайлова // Караван историй. – 2009. – Февраль. –

С. 176-189: фото цв.

31. Золотухин В. Нас любить начинают только мертвых / В. Золотухин ; интервьюер

С. Тепляков // Алтайская правда. – 2006. – 27 июня: портр.

32. Золотухин В. Повесть в письмах 1958 – 2003 гг.: (письма родным – отцу, матери, брату и В. С. Фомину 14.08.1958 – 6.04.2003) / Вале-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

рий Золотухин // Наша улица. – Режим доступа: http://kuvaldn-nu.narod.ru/2011/07/zolotuhin-povest-v-pismah.html

33. Золотухин В. Соперников у меня нет: [интервью В. С. Золотухина газете в связи с

70-летием со дня рождения ; брала А. Нуждина] / // Телесемь. – 25 июня – -3 июля. –

С. 20-21: фото.

34. Золотухин В. У Бумбараша чувства страха нет / В. С. Золотухин; интервьюер

С. Тепляков // Алтайская правда. – 2011. – 17 июня. – С. 1, 3: фото цв.

35. Золотухин, В. С. Эполеты для губернатора / В. С. Золотухин ; интервьюер В. Токмаков // Автограф. – Барнаул, 2009/2010. – № 12/1. – С. 38-41: фото цв.

36. Золотухин В. Я был ужален «“словом»” [Электронный ресурс] / Валерий Золотухин ; беседовал Юрий Кувалдин // Наша улица. – 2004. – № 4. – Режим доступа: http://kuvaldn-nu.narod.ru/zolotuhin/zolotuhin-valeriy.html

37. Иваницкий С. Валерий Золотухин: «Я Володе Высоцкому Марину Влади не «отдавал»... Да она мне даже не нужна была! » [Электронный ресурс] / С. Иваницкий // Факты и комментарии. – 2009. – 5 июня. – Режим доступа: http://fakty.ua/19447-valerij-zolotuhin-ya-volode-vysockomu-marinu-vladi-ne-otdaval-da-ona-mne-dazhe-ne-nuzhna-byla

38. Карякин Ю. Дневник русского читателя / Ю. Карякин // Знамя. – 2009. – № 4. –

С. 112-153.

39. Ковешников Ю. У Высоцкого гостят Моцарт и Сальери [Электронный ресурс] / Юрий Ковешников. – Режим доступа: http://www.ug.ru/old/99.23/t24.htm

40. Комсомольская правда. – 1973. – № 4.

41. Комсомольская правда. – 2014. – 5 окт.

42. Куняев Ст. Что нам поют?: полем. заметки о модном в культуре / Станислав Куняев // Наш современник. – 1984. – № 7. – С. 171-182.

43. Литвин Б. М. Первая ласточка постмейерхольдовской весны: ««Добрый человек из Сезуана»» Брехта-Любимова и рождение Театра на Таганке / Б. М. Литвин // Вестник РГГУ. Серия: Культурология. Искусствоведение. Музеология. – 2009. – № 15 (09). –

С. 243-252.

44. Лосото А. Таганка осиротела. Ушел Валерий Золотухин / А. Лосото // Вечерняя Москва. – 2013. – 31 марта. – С. 1.

45. Марьямов А. С Арбата на Таганку: [об участии актеров, в т. ч. В. Золотухина, в спектаклях Ю. Любимова в театре на Таганке] / А. Марьямов // Юность. – 1965. – № 7. – С. 91-93.

46. Московский комсомолец. – 1993. – 17 июня.

47. Озабоченность и надежда: обзор чит. откликов на статью Ст. Куняева «Что нам поют?» // Наш современник. – 1984. – № 12. – С. 168-173.

48. Ситковский Г. Музыка революции: «Марат-Сад» Петера Вайса в постановке Юрия Любимова / Глеб Ситковский // Независимая газета. – 1998. – 2 дек. – С. 7.

49. Скульская Е. ««... Но к сентябрю меня уже не будет»» / Е. Скульская // Знамя. – 2014. – № 2. – С. 164-176. – (Свидетельство).

50. Советская культура. – 1967. – 30 мая.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

51. Стишова Е. Предварительные итоги: [об актере Валерии Золотухине] / Е. Стишова // Советский экран. – 1976. – № 6. – С. 4-5.

52. Хализева М. ««Моцарт и Сальери»» А. С. Пушкина [Электронный ресурс]: рецензия на спектакль Государственного культурного Центра-Музея В. С. Высоцкого, [июнь 1999 г.] / М. Хализева, А. Сергеева. – Режим доступа: http://www.theatre.ru/review/vysocky.html

53. Шацкая Н. Скрывать свои интрижки на стороне Золотухин так и не научился / Нина Шацкая ; записала Мария Черницына // Караван историй. – 2012. – Июнь. – С. 194-208: фото.

54. Ширяева О. Безгранично верю: (из личного дневника Ольги Ширяевой) / Ольга Ширяева ; подгот. Л. Ершова ; предисл. В. Золотухина // Советская Россия. – 1987. – 11 янв.

55. Экспресс-газета. – 2009. – 13 мая.

56. Эпштейн М. Роман в письмах // Петербургский театральный журнал. – 2008. – № 51.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

57. Журавлева Т. Н. От двадцатых до двухтысячных: воспоминания / Татьяна Журавлева ; лит. запись С. Ивановой. – Санкт-Петербург: ИНА-ПРЕСС, 2004. – 352 с.: илл.

58. Карапетян, Д. Владимир Высоцкий: между словом и славой : воспоминания / Давид Карапетян. – Москва : Изд. Захаров, 2002. – 278 с., [8] л. илл.

59. Мф 7:9-10.

60. Раззаков, Ф. Владимир Высоцкий: Я, конечно, вернусь.../ Федор Раззаков. – Москва : Изд. Litres, 2015. – 1090 с.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Валерий Золотухин в те годы,
когда все еще начиналось

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Сергей Илларионович и
Матрена Федосеевна Золотухины, родители

Дом в Быстром Истоке на бывшей улице Больничной,
ныне Героя Советского Союза Савельева,
где жили Золотухины после войны

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Валерий Золотухин с отцом, матерью,
сестрой Антониной и братьями Иваном и Владимиром

Владимир Фомин (с баяном), без которого
Валерий Золотухин не стал бы тем, кем стал

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Дом, куда семья Золотухиных переехала после его возвращения из Чемала. Ныне – мемориальный музей

Обстановка дома Золотухиных восстановлена по воспоминаниям брата Владимира

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Директор музея Ирина Дудникова показывает скатерть, вышитую матерью Валерия Золотухина Матреной Федосеевной

Полевая сумка, с которой Сергей Илларионович пришел с войны и потом работал председателем

Матросский костюм Валерия Золотухина

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

На занятиях в ГИТИСе

В юном студенте уже не узнать деревенского парня

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Валерий Золотухин и Нина Шацкая
в «Добром человеке из Сезуана»

Валерий Золотухин и Николай Губенко в спектакле
«Герой нашего времени». Никто не знает своего будущего...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Петя Трофимов в фильме «Пакет» –
первая роль Валерия Золотухина в кино

Проба Золотухина на роль Бумбараша

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Таганка начиналась не с вешалки — с площади.
Перед спектаклем «Десять дней, которые потрясли мир»

«Послушайте!» — Золотухин — один из Маяковских

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Валерий Золотухин и Владимир Высоцкий в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир»

Что поют Валерий и Владимир? Можно предположить, что они затянули «Баньку»…

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Федор Кузькин в спектакле «Живой» –
главная роль Золотухина на Таганке

«По искусству и по роли это состоялось, и я чувствовал и понимал свое положение первого артиста. Кузькин «надолго задержал меня в Театре на Таганке», –
говорил Валерий Золотухин

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Нина Шацкая и Денис

Валерий Золотухин,
Нина Шацкая, ее мать
Матрена Кузьминична
и Денис Золотухин

Семья: Сергей, Тамара, Валерий, Иван, Денис Золотухины

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Золотухин и Ирбис в Быстром Истоке

Валерий Золотухин, Ирина Линдт и Иван

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Свою первую большую роль в фильме «Хозяин тайги» Валерий Золотухин сначала расценивал как провал и только после зрительской реакции понял, что это успех

В фильме «Человек с аккордеоном» Валерий Золотухин сыграл целую жизнь своего героя Мити Громцева, которому война не дала стать артистом

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

О своей роли Вампира в фильме «Ночной дозор» Валерий Золотухин говорил: «Для нашего поколения такая эстетика непривычна… На премьере я смотрел и думал: «Куда я попал?!» Но потом я посмотрел «Ночной дозор» трижды, чтобы разобраться. Стремление разобраться и понять должно быть сильнее стремления запретить…»

Казак Явтух в фильме «Вий 3D» стал последней ролью Валерия Золотухина. Фильм вышел на экраны уже после его смерти

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Лука в спектакле «На дне» Молодежного театра Алтая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Валерий Золотухин 21 июня 2011 года на открытии нового здания Молодежного театра Алтая

«Жаль, что мне не пятьдесят или не шестьдесят лет! В этом здании хочется работать. И там можно многое сделать...» – говорил Валерий Золотухин

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Интересно, что впервые на эту сцену Валерий Золотухин вышел еще в конце 50-х годов. Такой вот круг дала жизнь...

«Золотухинский» курс Алтайской академии культуры и искусств – ребята, которым Валерий Золотухин помог выбрать дорогу в жизни

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Храм в своем родном селе Валерий Золотухин восстанавливал более десяти лет. Храм освящен 13 октября 2003 года. «Был Крестный ход, я шел впереди с иконой. Говорят, у меня было очень счастливое выражение лица...» – вспоминал Валерий Сергеевич

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Валерий Золотухин
21.06.1941 - 30.03.2013

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора 5
Глава первая. Дом 7
Глава вторая. Москва. Начало 35
Глава третья. Таганка 53
Глава четвертая. Гамлет 111
Глава пятая. Дребезги 159
Глава шестая. «Ответственный за крышку гроба» 181
Глава седьмая. Смутное время Таганки 205
Глава восьмая. Храм 269
Глава девятая. Возвращение 303
Эпилог 332
Послесловие 334
Список литературы 335

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Историко-биографическая серия

Тепляков Сергей Александрович
ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН

В книге использованы фотографии Андрея Каспришина, фотоматериалы из фонда Государственного музея истории литературы, культуры и искусства Алтая, из фонда Мемориального дома-музея Валерия Золотухина в Быстром Истоке, из личных архивов В.С. Золотухина и из свободного доступа Интернет.

Редактор: Д.В. Марьин
Дизайн: Ю.В. Раменская
Корректор: Е.В. Болтнева
Верстка: ОАО «ИПП«Алтай»

Подписано в печать 17.05.2016г.
Формат 84х108/32. Тираж 2500. Заказ № 374

Отпечатано в типографии ОАО «ИПП«Алтай»
656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru